

II-10.
D-148.

ОП

РЕПЕРТУАРЪ

И

ШАНТЕОНЪ.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

В. МЕЖЕВИЧЕМЪ.

7007
5567

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

1845.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,
въ типографіи Карла Кларна.

1845.

КАРАКЛАРН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧЕНСКАГО
ТЕАТР ДРАМЫ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 30 Сентяб. 1845 года.

Ценсоръ *Мехлицъ*.

РЕПЕРТУАРЪ ПАНТЕОНЪ.

1845.

КНИЖКА ДЕСЯТАЯ.

(19 $\frac{3}{4}$ листовъ).

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. Городъ. Стихотвореніе <i>А. А. Григорьева</i>	3
II. Искусство и художники. Глюкъ. (Жизнь его. — Произведе- нія. — Красоты и недостатки музыки	5
III. Новая школа мужей. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ сти- хахъ. Соч. <i>Р. М. Зотова</i>	26
IV. Изъ Габри Блаза. Стихотворенія <i>А. Плещеева</i>	143
V. Женяхъ въ мѣшкѣ, а невѣста въ корзинѣ. Шутка-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. <i>II. С. Оедорова</i>	144
VI. Печальную, не шумную... Стихотв. г-па <i>Рудыковскаго</i>	179
VII. Львица. Разсказъ <i>Фредрика Сульб</i>	181
VIII. Звукъ. (<i>А. Е. Варламову.</i>) Стихотв. <i>А. А. Григорьева</i>	236
IX. Юмористика. Забѣтки Петербургскаго Зѣваки. § 13. <i>Малень- кія непріятности петербургской жизни.</i> (Теорія преобладанія въ мірѣ безконечно-малаго. — Страсть человечества къ великому и историческій ходъ этой страсти. — Теорія развитія наукъ изъ изслѣдо- ванія частныхъ и мелкихъ причинъ. — Лейбницъ и Эренбертъ. — <i>Les petites misères de la vie humaine.</i> — Непріятности отъ физической при- роды Петербурга. — Непріятности погоды. — Вѣтеръ. — Мелкія физи- ческія непріятности. — Кикимора въ XIX столѣтіи — Непріятности отъ жителей Петербурга. — Живыя непріятности. — Тираннія слабыхъ. — Тираннія купцовъ. — Тираннія лакеевъ. — Тираннія дворниковъ. — Тиран- нія работниковъ. — Тираннія извозчиковъ.	237
X. Смѣсь. Ренетиція на станціи, или доброму служить, сердце лежитъ. (Аналогическій водевиль). — Некрологія <i>Н. И. Хмель- ницкаго.</i> — Страшная исторія. — Таинственная драма. Похищеніе генерала Томъ-Пуса. — Какимъ образомъ одинъ буфетчикъ въ Вѣнѣ подалъ добрый совѣтъ Бетховену. — Об- щество гримасниковъ. — Анекдоты и мелочи	

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

СЕНТЯБРЬ.

РУССКІЕ ТЕАТРЫ. *Петербургскіе.* Александринскій театръ. (Зимнее и лѣтнее закрытіе театра. — Спектакли послѣ поста. — Новые дебюты. — Г-жа Лилъева. — Г-жа Горина. — Беневисъ г. Толченова — Г. Александровъ. — Г-жа Колосова. — Беневисъ г. Шемаева. — Балеты и оперы. — Ольга, опера г. Бернарда). — Михайловскій. (Дебюты г-жи Мюрá. — *Jeanne et Jeaneton.* — *La belle et la bête.* — *Mlle Inès.* — *Aineé et Cadette.* — *M. Oudinot.* — Г-жа Матильда. Нѣмецкіе спектакли). — *Провинціальныя.* Харьковскій театръ. — Разныя извѣстія.

ВЪ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

ПОДЪ ФИРМОЮ

„АЛЕКСАНДРЪ СМИРДИНЪ,“

на Невскомъ проспектъ, у Казанскаго моста, въ
доль Ангельгардта,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ КНИГИ:

ТРЕТИЙ ТОМЪ

СТА РУССКИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ,

изданный А. Ф. Смирдинымъ, съ 10-ю портретами и съ 10-ю картинами,
гравированными на стали въ Лондонѣ. С. Петерб., 1845 года. (б. 8 л. л.)
7 руб. 15 к. вѣс. за 4 ф. —

Тоже Томъ 1 и 2-й: цѣна за каждый Томъ 7 руб. 15 к. вѣс. за 4 ф. —

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Н. УСТРЯЛОВА.

Изданіе третье, въ двухъ томахъ, заключающихъ въ себѣ всѣ пять томовъ
второго изданія, съ дополненіемъ 36 плановъ замѣчательныхъ сраженій,
отъ битвы подъ Нарвою до покоренія Парижа, и съ указаніемъ источниковъ.

С. Петербургъ, 1845 года. (б. 8-ми л. л.) 5 руб. вѣс. за 4 ф. —

НАЧЕРТАНІЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ, ДЛЯ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Соч. Н. УСТРЯЛОВА.

Изданіе пятое. С. Петерб. 1845 г. (12 л. л.) 1 р., вѣс. за 1 ф. —

РУКОВОДСТВО КЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНОМУ ИЗУЧЕНІЮ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Соч. Н. УСТРЯЛОВА,

признанное Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія учебною книгою для
уѣздныхъ училищъ, съ историческимъ атласомъ. Изданіе третье. С. Пе-
терб. 1845 г. (36) 35 коп., вѣс. за 1 ф. —

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ,

Литературный Сборникъ, составленный Гр. В. А. Соллогубомъ. Из-
данный Александромъ Смирдинымъ. Книжка первая. С. Петерб.
1845 г. (8.) 1 руб. 50 к. вѣс. за 2 ф. — Тоже, книжка вторая, поступила
въ печать и выйдетъ въ непродолжительномъ времени.

ГОРОДЪ.

Да, я люблю его — громадный, гордый градъ,
Но не за то, за что другіе:
Не зданія его, не пышный блескъ палатъ
И не граниты вѣковые
Я въ немъ люблю, — о нѣтъ! Скорбящею душой
Я прозираю въ немъ иное:
Его страданіе подъ ледяной корою,
Его страданіе больное.

* * *

Пусть почву щаткую онъ заковалъ въ гранитъ
И защитилъ ее отъ моря,
И пусть сурово онъ въ самомъ себѣ хранитъ
Волненъе робости и горя;
И пусть его рѣка къ стопамъ его несетъ
И роскоши, и нѣги данн, —
На нихъ отпечатленъ тяжелый слѣдъ заботъ,
Людскаго пота и страданій.

* * *

И пусть горять свѣтло огни его палатъ,
Пусть слышны въ нихъ веселья звуки, —
Обманъ, одинъ обманъ.... Они не заглушатъ
Безумно-страшныхъ стоновъ муки.
Страданіе одно привыкъ я подмѣчать
Въ окнѣ-ль съ богатою гардиной,
Нль въ темномъ уголку, — вездѣ его печать, —
Страданье — уровень единой.

* * *

И въ тѣ часы, когда на городъ гордый мой
 Ложится ночь безъ тьмы и тѣни,
 Когда прозрачно все, мелькаетъ предо мной
 Рядъ отвратительныхъ видѣній.
 Пусть ночь ясна какъ день, пусть тихо все вокругъ,
 Пусть все прозрачно и спокойно....
 Въ покоѣ томъ затихъ на время злой недугъ;
 Прозрачность та — прозрачность язвы гнойной.

1845 года января 1.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

ИСКУССТВО И ХУДОЖНИКИ.

=

ГЛЮКЪ

ЖИЗНЬ ЕГО — ПРОИЗВЕДЕНІЯ — КРАСОТЫ И НЕДОСТАТКИ МУЗЫКИ.

Исторія музыки представляет намъ примѣры такихъ великихъ гениевъ, чрезвычайные таланты которыхъ обнаруживались или уже въ самыхъ дѣтскихъ лѣтахъ, или не далѣе, какъ, въ возмужаломъ возрастѣ. Подобные люди, кажется, созданы были самою природою съ вдохновеніемъ на устахъ. Коль скоро гений ихъ воспринималъ свою силу, они тотчасъ же обхватывали все стороны искусства, для котораго были предназначены, и сознавали, хотя и неясно и неопредѣленно, свое призваніе въ мірѣ и то, что должны были произвести или создать. Таковы особенно Моцартъ и Бетховенъ. — Между тѣмъ, подлѣ этихъ существъ, богато надѣленныхъ природою, подлѣ этихъ людей гармоническихъ, которые раждаются и увядаютъ съ вдохновеніемъ, — стоятъ люди, гениальные-же, на которыхъ не должно смотрѣть съ равнодушіемъ, люди трудолюбивые и пастойчивые, которые первоначально, даже до лѣтъ старости, не сознавали своего призванія и не обнаруживали своей индивидуальности, а потомъ вдругъ, какъ-бы мгновенно просвѣтленные, вступали въ полное сознаніе силъ своихъ и своего призванія въ искусствѣ. При

посредствѣ размышленій и философій искусства, обращали они всю свою дѣятельность на одну отдѣльную часть музыки, для которой были назначены, и производили въ ней переворотъ и реформу, которые казались доступными только одному полету несомнѣннаго гения. — Именно къ числу такихъ-то гениальныхъ музыкантовъ принадлежитъ Глюкъ, обезсмертившій имя свое только произведеніями, которыя вышли изъ подъ пера его уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Всѣ труды и открытія его сосредоточивались, по преимуществу, въ сферѣ драматической музыки. Такимъ-образомъ, онъ поставилъ зданіе славы своей на основаніи незыблемомъ, и исторія музыки никогда не забудетъ славнаго Глюка.

Христоворъ Глюкъ раздѣляетъ странную участь многихъ великихъ людей, начало существованія которыхъ не могли открыть никакія, самыя тщательныя изысканія. Изъ числа біографовъ великаго артиста одни говорятъ, что онъ родился въ 1712 году, другіе, напротивъ, время рожденія его опредѣляютъ въ 1714 и даже въ 1717 году. Мы придерживаемся мнѣнія тѣхъ, которые, основываясь на самыхъ подробныхъ изысканіяхъ, полагаютъ, что Глюкъ родился 14 февраля 1712 года, въ Пфальцѣ, отъ бѣдныхъ и неизвѣстныхъ родителей. — Чѣмъ былъ отецъ его, и что составляло предметъ его занятій — объ этомъ также свѣдѣній не имѣется. Все, что только можно сказать, заключается въ томъ, что отецъ Глюка, по переселеніи въ Богемію, вскорѣ тамъ умеръ, оставивъ сына еще ребенкомъ, въ положеніи близкомъ къ нищетѣ. Легко понять, что при такихъ условіяхъ, конечно, Глюкъ не могъ получить приличнаго воспитанія; но въ замѣнъ того природа одарила его сильною, мощною душою и врожденнымъ истинникомъ къ музыкѣ. При посредствѣ послѣдняго, хотя и постепенно, какъ-бы нечувствительно, Глюкъ приобрѣлъ наконецъ ту высокую степень славы, какою пользовался во-время своей жизни, и которая будетъ вѣчно сіять въ исторіи музыки и въ памяти людей со вкусомъ, чуждыхъ предразсудковъ, относительно красотъ и достоинствъ музыки великихъ мастеровъ прежняго времени.

Врожденное стремленіе Германцевъ вообще и особенно жителей Богеміи къ гармоніи, и музыкальное образованіе, получаемое ими въ сельскихъ школахъ, все вмѣстѣ чрезвычайно развиваетъ въ нихъ чувства къ музыкѣ и содѣлываетъ ихъ способными играть на всевозможныхъ инструментахъ; мужчины, женщины, дѣти, словомъ, всѣ посвящены въ практическую часть

искусства, которое составляет прелесть и наслаждение земнаго существованія, въ какомъ-бы положеніи человѣкъ не находился. Глюкъ получилъ эти первыя и полезнѣйшія наставленія еще, такъ-сказать, въ дѣтскомъ возрастѣ; онъ игралъ на многихъ инструментахъ, и переходя изъ одного города въ другой, велъ такимъ-образомъ жизнь бродячаго музыканта, нисколько не подозрѣвая, что природа предъуготовила его къ вышему назначенію. Случай завелъ его въ Вѣну, гдѣ наконецъ нашелъ онъ средства и возможность изучать правила гармоніи и контрапункта. — Въ 1736 году, изъ Вѣны онъ отправился въ Италію, съ намѣреніемъ усовершенствоваться и распространить кругъ своихъ познаній, и поступилъ тамъ подъ руководство Ж. Б. Саль-Мартини. Послѣ четырехлѣтняго прилежнаго и неутомимаго изученія правилъ композиціи, онъ нашелъ себя въ состояніи писать для театра. Первая его опера *Artaserse* была представлена въ Миланѣ въ 1741 году. За тѣмъ послѣдовалъ рядъ другихъ оперъ, каковы: *Ipermestre e Demetrio*, въ Венеціи, 1742 г.; *Demofonte*, въ Миланѣ, того-же года; *Artamene*, въ Кремонѣ и *Siface* въ Миланѣ, 1743 г.; *Alessandro nell'Indie* въ Туринѣ и *Phedra*, въ Миланѣ, 1744 года.

Все эти произведенія были прекрасно приняты публикою и поставили Глюка въ число лучшихъ современныхъ композиторовъ. Извѣстность его распространилась, почему дирекція лондонской Италіанской Оперы вызвала Глюка изъ Италіи въ 1745 году, поручивъ ему написать два сочиненія. Кажется, оперы эти, изъ коихъ одна называлась *Паденіе Гигантовъ*, были не совсѣмъ удачны. Гандель, услыхавъ ихъ, рѣшительно объявилъ, что онѣ просто нигуда не годятся, и съ-тѣхъ-поръ этотъ великій артистъ оказывалъ мало уваженія къ талантамъ незабвеннаго Глюка. Справедливость впрочемъ требуетъ сказать, что до-сихъ поръ Глюкъ, казалось, самъ не понималъ своего генія, и что произведенія его, хотя имѣли успѣхъ, но были написаны въ стилѣ, который господствовалъ въ то время въ Италіи; въ нихъ то Глюкъ нисколько не вышелъ изъ коленъ, пробитой его предшественниками. Только съ эпохи путешествія въ Англію, въ головѣ его совершился переворотъ; — именно съ этого времени онъ началъ писать въ сценической музыкѣ драматической петины, для чего и былъ какъ-бы созданъ. Обстоятельство, по-видимому, маловажное послужило поводомъ къ этому великому перевороту. Въ самой сущности вотъ что было. Независимо отъ двухъ оперъ, заказанныхъ Глюку лондонскимъ театромъ, ему

поручили еще аранжировать одно *pasticcio*. Известно, что *pasticcio* суть такого рода поэмы, къ которымъ придѣлываютъ отрывки музыки, извлеченные изъ другихъ оперъ. Въ слѣдствіе этого Глюкъ выбралъ изъ всѣхъ своихъ произведеній мѣста, которыя наиболѣе нравились публикѣ, и аранжировалъ ихъ къ данной ему поэмѣ, подъ названіемъ *Пирамъ* и *Тизба*, со всѣмъ своимъ искусствомъ и способностію. Но что-же вышло? Во-время представленія Глюкъ удивился, увидавъ на дѣлѣ, что тѣ самыя мѣста, которыя производили наибольшее впечатлѣніе въ операхъ, для которыхъ онѣ были написаны, не оказали своего эффекта въ приложеніи къ другимъ словамъ и къ другому дѣйствію. Размышляя объ этомъ, онъ вывелъ заключеніе, что всякая хорошо и правильно написанная музыка имѣетъ выраженіе, свойственное положенію, для котораго сочинена, и что, въ сущности, это-то выраженіе и составляетъ источникъ эффекта, несравненно богатѣйшій и могущественнѣйшій, нежели неопредѣленное удовольствіе, доставляемое слуху удачнымъ сочетаніемъ звуковъ. Изъ того-же, что замѣтилъ въ своемъ *pasticcio*, онъ заключилъ между прочимъ, что сила ритма и акценты словъ составляютъ могущественныя вспомогательныя средства для музыканта, если только онъ умѣетъ этимъ пользоваться. И потому, съ этого времени Глюкъ рѣшительно отказался отъ современнаго ему итальянскаго рода музыки, сущность котораго такъ остроумно и основательно опредѣлилъ Аббатъ Арно, сказавъ, что «опера составляла концертъ, для котораго поэма служила только необходимымъ условіемъ, *sine qua non* лирическаго сочиненія.»

Возвратясь въ Вѣну, Глюкъ написалъ тамъ нѣсколько оперъ и симфоній. Для послѣдняго рода музыки онъ рѣшительно не былъ созданъ, тѣмъ болѣе, что музыка для него ничего не значила, если не была связана не только съ словами, но даже и съ драматическимъ дѣйствіемъ. Въ продолженіе пребыванія своего въ столицѣ Австріи онъ старался исправить недостатки своего первоначальнаго воспитанія. Природа одарила его такимъ-же вкусомъ къ литературѣ, какъ и къ музыкѣ, и потому онъ принялся трудиться съ жаромъ. Изученіе языковъ, чтеніе лучшихъ произведеній во всѣхъ родахъ, знакомство съ достойнѣйшими людьми, все вмѣстѣ послужило къ развитію его идей, и укрѣпило его въ мысли о необходимости реформы въ музыкѣ драматической. Итакъ, съ этой эпохи произведенія его постепенно принимаютъ особый, свойственный ему одному характеръ.

Постоянно возрастающая слава Глюка подала поводъ къ тому,

что въ 1754 году его снова вызвали въ Италію. Тамъ онъ написалъ, для театра Argentina, въ Римѣ, *Clemenza di Tito* и *Antigone*. А въ Пармѣ была представлена *Clelia*, и потомъ поставлены тамъ-же *Vaucis e Filemone* и *Aristeo*. Въ *Telemacco* Глюккъ употребилъ, въ одномъ хорѣ, мотивъ, который въ-послѣдствіи послужилъ ему для интродукціи въ увертюру къ *Ифигеніи въ Авлидѣ*. Мотивъ этотъ первоначально изобрѣтенъ и обработанъ неаполитанскимъ композиторомъ Фео въ одной обѣднѣ (*). Та-же самая увертюра Телемака, сдѣлалась потомъ увертюрою къ *Армидѣ*. Обстоятельство это можетъ дать ясное понятіе о достоинствѣ журнальныхъ критикъ. Современные журналисты и знатоки не замедлили превознести автора *Армиды* за героическій стиль, такъ счастливо изобрѣтенный имъ въ этой увертюрѣ!!...

Въ произведеніяхъ, о которыхъ будемъ говорить, Глюккъ началъ рѣшительное преобразование своего стиля; всякое новое твореніе его пера было новымъ шагомъ на проложенномъ имъ себѣ пути. Подъ направленіемъ этихъ идей написаны въ Вѣнѣ, съ 1761 по 1764 г., *Альцеста*, *Парисъ* и *Елена*, *Орфей*. Чтобы произвести окончательный музыкальный переворотъ, ему нуженъ былъ поэтъ, который понялъ-бы его идеи, согласился осуществить ихъ, и имѣлъ-бы изрядный талантъ, чтобы достигнуть этого съ успѣхомъ. Онъ встрѣтилъ все, чего желалъ, въ лицѣ Аальцабиги, которому и обязанъ вышепоказанными тремя пьесами. Поэмы этихъ оперъ въ богатствѣ поэзіи конечно уступаютъ драмамъ *Метастазіо*, но за-то несравненно счастливѣе ихъ въ расположеніяхъ сценъ для музыки, и заключаютъ въ себѣ драматическія положенія, исполненныя самаго изящнаго эффекта. Нѣтъ ничего благоприятнѣе для музыкальнаго вдохновенія, какъ *прекрасныя сцены*, когда *Альцеста* вопрошаетъ оракула о судьбѣ своего мужа и обрекаетъ себя на жертву, для его спасенія. Ничто не можетъ идти въ сравненіе съ величественною *картиною* втораго акта «*Орфея*». Именно въ этомъ актѣ Глюккъ достигъ высочайшей точки своего величія, до какой никогда не поднимался. При первомъ ригурнелѣ зритель уже предчувствуетъ весь эффектъ сцены, которая будетъ происходить предъ его глазами. Превосходно-соблюденная постепенность въ выраженіи ощущеній *хора демоновъ*, нововъ формъ и

(*) Рукописная партитура этой обѣднѣ находится въ Парижской Консерваторіи музыки.

особенно удивительный патетизмъ, господствующій во всемъ пѣніи Орфея, содѣлываютъ сцену эту совершенствомъ музыкально-сценическаго искусства, твореніемъ, которое устоитъ противъ всѣхъ капризовъ моды и навсегда будутъ считаться однимъ изъ прекраснѣйшихъ произведеній генія. Пѣсь Орфея въ этой сценѣ до такой степени прекрасна и усладительна, что многіе, сравнивая ее съ другими произведеніями Глюка, гдѣ нѣтъ подобной-же прелести, сомнѣвались, чтобы это было его сочиненіе, почему и приписывали арію эту славному сопранисту Гваданьи, для котораго роль Орфея написана. Однакожь это вовсе неосновательно, ибо они смѣшивали «Орфея» Глюка съ оперою того-же названія, которую сочинилъ, нѣсколько лѣтъ спустя, Бертони и въ которую Гваданьи, то-же исполнявшій въ ней партію Орфея, вставилъ арію своего сочиненія.

Въ 1769 году партитуры *Альцесты*, *Орфея*, *Париса* и *Елены*, съ итальянскими либретто, были выгравированы въ Парижѣ, на счетъ страстнаго любителя музыки, Графа Дураццо, и стараніями Фавара, какъ это видно изъ литературной переписки послѣдняго. При партитурахъ первой и третьей изъ показанныхъ здѣсь оперъ Глюкъ помѣстилъ, въ видѣ посвященія, два предисловія, въ которыхъ отдастъ отчетъ въ своихъ идеяхъ относительно драматической музыки и объясняетъ планъ, коему слѣдовало при сочиненіи твореній своихъ. Любопытно читать, какъ самъ Глюкъ рассказываетъ, такъ-сказать, исторію своихъ идей о существѣ оперы. Необходимо, кажется, привести здѣсь оба эти отрывка, тѣмъ-болѣе, что изъ нихъ лучше, нежели изъ десятка томовъ диссертаций, можно ознакомиться съ идеями и основаніями великаго артиста. Въ предисловіи къ *Альцестѣ* сказано:

«Когда я принялъ намѣреніе положить на музыку оперу *Альцесту*, то рѣшился избѣгать всѣхъ злоупотребленій, введенныхъ въ итальянскую оперу дурно понятымъ тщеславіемъ пѣвцовъ и чрезмѣрною угодливостію композиторовъ, содѣлавшихъ изъ «величественнаго и изящнѣйшаго рода зрѣлищъ родъ самый «смѣшной и самый скучный.—Я старался довести музыку до «стоящаго ея назначенія, то-есть, чтобы она была вспомога- «тельнымъ средствомъ для поэзіи,—усиливала выраженіе чувствъ «и интересъ положеній, не прерывая хода дѣйствія и не охла- «ждающая его излишними украшеніями.—Я думалъ, что музыка дол- «жна придавать поэзіи то, что придаютъ правильно и хорошо «сочиненному рисунку живость красокъ и счастливое располо- «женіе свѣта и тѣни, — что служить къ воодушевленію фигуръ,

«несколько не вредя и не измѣняя контуровъ, и потому чрезвычайно остерегался прерывать актера въ самомъ разгарѣ діалога, чтобы заставить его выждать скучную ригурнель, — или остановить его посреди рѣчи, на благопріятной гласной, дабы дать ему случай выказать, въ продолжительномъ пассажѣ, гибкость своего прекраснаго голоса или чтобы оркестръ далъ ему возможность перевести дыханіе, для ферматы.—Я не считалъ нужнымъ переходить быстро ко второй части аріи, если послѣдняя была важнѣе первой, чтобы четыре раза сряду повторять слова аріи, — ни кончать арію тамъ, гдѣ не оканчивается смыслъ, для того только, чтобы дать пѣвцу возможность показать, что онъ въ состояніи варіировать пассажъ по своему усмотрѣнію и на множество различныхъ манеровъ. Словомъ, я хотѣлъ изгнать все тѣ злоупотребленія, противъ которыхъ досихъ-поръ тщетно возставилъ здравый смыслъ и изящный вкусъ. Я воображалъ, что увертюра должна предварять зрителей о характерѣ дѣйствія, которое будетъ происходить предъ ихъ глазами, и опредѣлять имъ сюжетъ піесы; что инструменты не иначе должны быть приводимы въ дѣйствіе, какъ по-мѣрѣ постепеннаго возрастанія интереса и страсти (*), и что въ особености, должно избѣгать въ діалогѣ слишкомъ рѣзкаго несогласія, между арією и речитативомъ, чтобы не измѣнить смысла періода и не прервать, не кетати, движенія и огня сцены.—Я думалъ еще, что важнѣйшая часть моего труда должна заключаться въ томъ, чтобы стремиться къ изящной простотѣ, и потому старался избѣгать желанія пародировать трудностями, на счетъ ясности; я не цѣнилъ несколько изобрѣтенія какой-либо новости, если она не протекала естественно изъ самаго положенія сцены и не связывалась съ выраженіемъ.—Словомъ, нѣтъ ни одного принятаго правила, на счетъ сценической музыки, которымъ-бы я не считалъ за долгъ пожертвовать въ пользу эффекта.—Вотъ мои правила. Къ-счастію, поэма чудесно согласовалась съ моими намѣреніями. Знаменитый авторъ Альцесты (Кальцабиги), составивъ лирическую драму по новому плану, умѣлъ замѣнить цвѣтистыя описанія, безполезныя сравненія, холодныя моральныя сентенціи,—страстями сильными, по-

(*) Правилу драгоценное, но, кажется, совершенно забытое новѣйшими композиторами, которые оглушаютъ теперь безпрестанно массою инструментовъ.

«ложеніями интересными, языкомъ, идущимъ отъ сердца, и дѣй-
«ствіемъ, постоянно разнообразнымъ. Успѣхъ оправдалъ мои
«идеи, и всеобщее одобреніе въ столицѣ просвѣщенной (въ Вѣ-
«нѣ) доказало мнѣ, что простота и истина суть главныя пра-
«вила изящнаго, во всякомъ произведеніи искусствъ» и проч.

Кажется, нельзя прочитать этой, такъ-сказать, исповѣди Глюка въ понятіяхъ своихъ объ оперѣ, безъ того, чтобъ не пришли въ голову слѣдующія мысли: когда Глюкъ написалъ Альцесту, ему уже было 46 лѣтъ, а въ этой оперѣ онъ въ первый разъ слѣдовалъ правиламъ, изъясненнымъ въ приведенномъ предисловіи. До-сихъ-поръ болѣе или менѣе опредѣленнымъ образомъ онъ придерживался формъ, установленныхъ предшествовавшими ему итальянскими композиторами. Въ написанныхъ имъ до этой эпохи, въ Италиі, Вѣнѣ и Англии, двадцати-одной оперѣ, едва замѣтны только нѣкоторыя черты его индивидуальности, и притомъ въ теченіе уже 24-го года онъ подвизался на поприщѣ сценической музыки, пока задумалъ наконецъ произвести въ ней реформу! Не очевидно-ли послѣ того, что образованіе таланта Глюка было болѣе результатомъ размышленія и нѣкоторой философіи искусства, нежели слѣдствіемъ непобѣдимаго влеченія, какое проявлялось въ организациі нѣкоторыхъ великихъ артистовъ? Въ доказательство того, что музыкальныя изобрѣтенія его прекраснаго генія скорѣе составляютъ слѣдствіе обдуманнаго плана, нежели мгновеннаго вдохновенія, можно-бы привести слова Глюка, сказанныя имъ о самомъ-себѣ, если-бы не было извѣстно, что многіе артисты называютъ плодомъ соображенія то, что въ дѣйствительности есть не иное что, какъ плодъ безотчетнаго музыкальнаго инстинкта. И потому-то исторія твореній Глюка намъ кажется гораздо опредѣленнѣе. — Замѣтьте притомъ, что это не первый примѣръ блистательной и справедливой славы, основанной на медленныхъ, но послѣдовательныхъ размышленіяхъ. Предшественникъ Глюка, Рамо, то-же преобразователь, написалъ первую свою оперу на 60-мъ году отъ роду. До-тѣхъ-поръ онъ ограничивался размышленіями о недостаткахъ современной ему музыки. Въ-послѣдствіи увидимъ, что Глюкъ подвигался по своему новому пути только шагъ-за-шагомъ, и что, продолжая составлять себѣ философію изъ драматической музыки, онъ внесъ въ первоначальныя свои идеи множество измѣненій, что все вмѣстѣ сообщило произведеніямъ его печать индивидуальности, которой онъ и одолженъ своею высокою славою.—Надобно замѣтить еще, что одобреніе, которымъ Глюкъ хвалится, не было

такъ всеобще, какъ онъ говорить объ этомъ; въ-послѣдствіи опъ-же самъ жалуется на критики, порицавшія его идеи. На самомъ дѣлѣ вся похвала идеямъ его ограничивалась одобреніемъ со стороны императорскаго двора и нѣсколькихъ друзей, которые хорошо понимали музыку.—Послушаемъ, что говорить на этотъ счетъ самъ Глюкъ, въ предисловіи своемъ къ *Парису* и *Еленъ*:

«Я рѣшился пустить въ свѣтъ *Альцесту* именно только потому, что надѣялся найти подражателей;—при чемъ льстилъ себя мыслию, что, слѣдуя по открытой мною дорогѣ, они употребятъ все усилія для уничтоженія злоупотребленій, вкравшихся въ итальянскую оперу, и наносившихъ ей безчестіе. Съ горестію сознаю, что до-сихъ-поръ тщетны были мои надежды.—Полученные законодатели вкуса, i buongusti, родъ, къ-несчастію, чрезвычайно-многочисленный и во все времена несравненно гибельнѣйшій для успѣховъ искусства, нежели самые невѣжды, объявили себя противъ методы, съ утверженіемъ которой уничтожились ихъ претензіи. — Приговоръ *Альцестъ* произнесли тотчасъ послѣ нѣсколькихъ неполныхъ, дурно-управляемыхъ и дурно-исполненныхъ репетицій. Въ комнатѣ разсчитали, эффектъ, какой музыка этой оперы должна производить только на сценѣ! Это въ такой-же степени прозорливо, какъ пѣкогда, въ одномъ изъ городовъ Греціи, на нѣсколькихъ шагахъ разстоянія, думали судить объ эффектѣ статуй, назначенныхъ для постановки на высокихъ колоннахъ. — Одинъ изъ самыхъ щекотливыхъ аматеровъ, у которыхъ вся душа въ ушахъ, нашелъ какую-либо арію слишкомъ-шереховатою, какой-либо пассажъ слишкомъ-жосткимъ, или дурно-сочиненнымъ, нисколько не подумавъ о томъ, что въ этомъ положеніи эта арія и этотъ пассажъ составляютъ высшую степень выразительности и счастливѣйшаго контраста! Гармонистъ-педаантъ замѣтилъ мнимую небрежность или недостатокъ впечатлѣнія, и поторопился объявить то и другое за непростительные грѣхи противъ таинствъ гармоніи! И что-же? тотчасъ составится около нихъ толпа и произнесетъ приговоръ подобной музыкѣ, назвавъ ее пошлою, дикою, варварскою. — Правда, прочія искусства не счастливѣе музыки, и ваше сіятельство отгадаете тому причину. Чѣмъ болѣе желаешь приблизиться къ совершенству и истинѣ, тѣмъ необходимѣе становятся точность и ясность. — Черты, отдѣляющія Рафаэля отъ толпы живописцовъ, такъ-сказать, не подлежатъ чувствамъ; легкія измѣненія контуровъ въ каррикатурной головѣ не разру-

«шатъ сходства, но могутъ испортить окончательно головку изящную. — Не стану приводить другихъ доказательствъ и укажу вамъ только на мою арію Орфея: «*Che fago senza Euridice*». Сдѣлайте въ ней малѣйшее измѣненіе, хотя въ движеніи, въ оборотѣ выраженія, и арія эта сдѣлается арією маріонетокъ. — Въ сочиненіяхъ подобнаго рода одна болѣе или менѣе выдержанная нота, измѣненіе силы или движенія, не на мѣстѣ апподжатура,—одна трель, одинъ пассажъ, одна рулада — могутъ разрушить эффектъ цѣлой сцены. Сверхъ того, при исполненіи написанной по моимъ правиламъ музыки, присутствіе автора также необходимо, какъ необходимымъ свѣтъ солнца для произведеній природы: онъ жизнь и душа ея, — безъ него все будетъ въ беспорядкѣ, все — хаосъ. Между-тѣмъ должно ожидать встрѣчи съ подобными пренятствіями, такъ-какъ встрѣчаются-же въ свѣтѣ люди, которые потому только, что у нихъ есть уши, пужды нѣтъ какія, считаютъ себя въ-правѣ судить о музыкѣ и проч. —

Въ 1765 году Глюку поручено было написать оперу, по-случаю празднованія свадьбы Иосифа II. Въ этой оперѣ, названіе которой впрочемъ забыто, партію Аполлона пѣла эрцъ-герцогиня Амалія; Эрцъ-Герцогиня Елисавета, Жозефина, и Шарлота занимали роли трехъ грацій, а эрцъ-герцогъ Леопольдъ игралъ на клавесинѣ. — Эта была послѣдняя пѣса, которую славный композиторъ написалъ для Вѣны, исключая развѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ комическихъ оперъ, каковы: *Les pèlerins de la Mecques*, *Les chasseurs en défaut* и тому подобныхъ. — Глюкъ не былъ созданъ для подобнаго рода музыки, и потому въ комическомъ стилѣ никогда не поднимался выше посредственности. —

Между-тѣмъ великій артистъ, талантамъ котораго дивилась Германія и Италія, не былъ еще вполне доволенъ результатами, какихъ достигъ уже въ своихъ твореніяхъ. Идея поэмы правильной, въ которой музыка только усиливала-бы положенія, несколько не отдѣляясь отъ мысли поэта, безпрестанно занимала его воображеніе. Ему казалось, что французская сцена была наиболѣе способною для осуществленія его идеи, и онъ переговорилъ объ этомъ съ Дю-Ролле, который въ 1772 году состоялъ при французскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ. Дю-Ролле была человекъ съ умомъ, надѣленъ хорошимъ вкусомъ и любилъ театръ. Несмотря на предубѣжденія въ пользу французской оперы, идеи Глюка поразили его. Онъ съ жаромъ привязался къ нимъ и, по соглашенію съ маэстромъ, избралъ Расинову *Ифигенію*, какъ сю-

жетъ самый приличный и способный, для соединенія всего интереса трагедіи съ высокими эффектами музыки страстной и драматической. Глюкъ тотчасъ принялся за работу и къ концу того-же года въ Вѣнѣ проходили уже пробныя репетиціи новой оперы. — Тогда Дю-Ролле написалъ въ администрацію Оперы и предлагалъ уполномочить его просить славнаго композитора прибыть въ Парижъ и поставить тамъ свое произведеніе. Письмо это, въ которомъ онъ говоритъ подробно о новой системѣ драматической музыки, принятой въ сочиненіи *Ифигеніи*, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1774 года было напечатано въ *Mercure de France* и послужило первымъ сигналомъ къ знаменитой полемической войнѣ *Глюкистовъ* и *Пиччинистовъ*. Другое письмо, написанное самимъ Глюкомъ въ началѣ 1773 года, явилось въ печати вслѣдъ за письмомъ Дю-Ролле. Проектъ музыкальнаго переворота сначала встрѣтилъ въ администраціи Оперы сильную оппозицію, и дѣло потянулось было на долгое время; но какъ скоро прибѣгли къ покровительству супруги Дофина, Маріи Антуанетъ, ученицъ Глюка, — то всѣ препятствія уничтожились. — Послѣ многочисленныхъ репетицій *Ифигеніи* въ Авлидѣ, которую тогдашніе французскіе музыканты только съ большимъ усиліемъ и стараніемъ могли исполнить, — опера эта, 19 го апрѣля 1774 года, была представлена въ первый разъ на театрѣ Оперы. Глюку въ то время было 60 лѣтъ. Итакъ геній его заблесталъ самымъ яркимъ свѣтомъ и слава его утвердилась на прочномъ основаніи, въ тотъ періодъ жизни человѣческой, когда геній другихъ талантливыхъ людей обыкновенно начинаетъ гаснуть.

Музыка *Ифигеніи*, истинная, патетическая, о которой до-тѣхъ-поръ не могло подать ни малѣйшей идеи никакое другое музыкальное твореніе, произвела на посѣтителей Оперы удивительный эффектъ. Французская публика нашла въ ней именно то, чего она требовала тогда отъ театра: драматическую истину и въ значительной степени соблюденіе сценическихъ условій. — Правда, старинные почитатели Люлли и Рамо сожалѣли о золотомъ вѣкѣ, когда, въ юности, восхищали ихъ пѣсни оперъ: *Bellérophon*, *Amadis*, *Indes galantes*, но таковыхъ господъ было уже весьма-немного. Соры комедіантовъ (въ 1753 г.) расположили умы къ увѣренности, что можно создавать музыку лучше тогдашней французской. Литераторы, мнѣнія которыхъ въ эту эпоху уже сильно дѣйствовали на массу, явились жаркими защитниками и панегиристами нововведенія, которое благопріятствовало ихъ претензіямъ; остальное довершилъ высшій кругъ общества, ибо Дворъ

покровительствовалъ Глюку, и потому надобно было придерживаться мнѣнія Двора, которое всегда бываетъ могущественно. «Сколько я ни слыхалъ музыки», — писалъ аббать Арно, спустя нѣсколько дней послѣ перваго представленія Ифигеніи, — «но все это предъ музыкаю Глюка то-же, что портретная живопись предъ живописью историческою; то-же, что эниграмма и мадригалъ въ сравненіи съ эпическою поэмою. Никогда еще, ни въ одномъ музыкальномъ твореніи, не проявлялся такой характеръ блеска и величія». Бѣдный аббать, кажется, самъ не понималъ, о чемъ онъ говорилъ!!...

За «Ифигеніей», явились на сценѣ оперы *Орфей* и *Альцеста*, которыя переведены были съ итальянскихъ партій. Глюкъ сдѣлалъ въ нихъ перемѣны, какихъ требовала его новая драматическая система. Альцеста отъ этого выиграла, а Орфей потерялъ. Во Франціи не нашлось контральта для главной роли, и потому надобно-было переложить партію эту для высокаго тенора. Это самое лишило музыку характера глубокой меланхоліи, который такъ прекрасно согласовался съ сюжетомъ оперы. Конечно, уже это одно было весьма-плохо, но тутъ еще не все. По какой-то непростительной и излишней угодливости къ Легро, извѣстнѣйшему пѣвцу-актеру того времени, Глюкъ согласился вставить въ главную партію нѣсколько пассажей дурнаго вкуса. Поступокъ этотъ заслуживаетъ вниманія, тѣмъ-болѣе, что великій музыкантъ не допускалъ подобной слабости, даже и тогда, когда еще писалъ въ Италіи. Несмотря однакожь на это, опера «Орфей» все-таки осталась совершеннѣйшимъ музыкальнымъ твореніемъ, и потому также, какъ и Альцеста, была принята съ энтузіасмомъ. — Слава Глюка утвердилась такъ, что уже болѣе не осмѣливались произносить имени другаго композитора. Это было нѣчто въ родѣ всеобщаго помѣшательства. Попасть на репетиціи его произведеній считалось дѣломъ необыкновеннымъ. Главныя репетиціи Орфея и Альцесты были во Франціи первыми публичными репетиціями, на которыя допускалась публика. Стеченіе народа было безчисленное, — цѣлыя тысячи возвращались назадъ, не доставъ мѣста. Кромѣ новости музыки, репетиціи эти интересны были еще странными выходками композитора, его вспыльчивостію и откровенностію. Тамъ можно было видѣть, какъ, по окончаніи всего, знатнѣйшія особы, даже Принцы, старались наперерывъ другъ передъ другомъ подавать композитору кафтанъ его и парикъ, — ибо Глюкъ имѣлъ привычку предъ началомъ репетиціи снимать съ себя и то и другое, и

надѣвалъ на голову почной колпакъ, какъ будто-бы онъ былъ у себя дома.

Въ 1775 году Глюкъ поставилъ небольшую оперу *Cythere assiegée*, которая однакожь имѣла весьма-мало успѣха. По поводу этой пьесы аббатъ Арно сказалъ, что «Геркулесъ умѣетъ лучше владѣть булавою, чѣмъ веретеномъ.»—Почитатели старой французской музыки дѣлали упрекъ «Фигени» Глюка за излишній итальянизмъ; тогда-какъ посвятившіе себя изученію сочиненій Жомели, Тразтта и Пиччини находили въ ней недостатокъ, противный тому. Последніе, число которыхъ было довольно-значительно и которые имѣли порядочный вѣсъ въ обществѣ, успѣли выхлопотать, чтобы Пиччини вызвали въ Парижъ и заказали ему сочинить оперу. Побѣдить противника этого конечно было потруднѣе, чѣмъ Рамо и Люлли, и потому-то Глюкъ не могъ не выказать неудовольствія, коль скоро узналъ, что антагонисту его поручено написать *Роланда*, для конкуренціи съ нимъ. Въ то время онъ находился въ Вѣнѣ, гдѣ оканчивалъ свою *Армиду* (въ 1777 г.). Самъ онъ началъ было писать музыку для *Роланда*, но сдѣланное Пиччини порученіе заставило его отказаться отъ этой работы; по этому случаю Глюкъ написалъ къ другу своему Дю-Ролле письмо, исполненное горделивыхъ и презрительныхъ выраженій. Вотъ оно:

«Любезный другъ, я получилъ ваше письмо отъ 15-го января, въ которомъ вы убѣждаете меня продолжать сочиненіе музыки для *Роланда*; но это невозможно, потому-что какъ-скоро я узналъ, что администрація Оперы, которой не безъ извѣстно было, что я пишу *Роланда*, поручила ту-же самую пьесу Пиччини, то въ то-же время сжегъ все, что у меня уже было написано, что впрочемъ, быть-можетъ, нигде не годилось, а въ такомъ случаѣ публика будетъ много обязана Мармонтелю за то, что ее не заставили слушать дурную музыку.—При томъ, теперь уже я не въ той порѣ, чтобы вступить въ борьбу съ Пиччини: онъ имѣетъ слишкомъ много выгодъ предо мною, потому, что кромѣ личнаго его достоинства, которое, безъ сомнѣнія, очень-велико, на сторонѣ его преимущество новости; между-тѣмъ я доставилъ уже Парижу четыре произведенія, — худы-ли они или хороши, не въ томъ дѣло, — но во всякомъ случаѣ это истощаетъ фантазію. Накопецъ я же проложилъ дорогу, по которой ему остается только слѣдовать. Не говорю уже о протекціи, ибо совершенно увѣренъ, что нѣкто, извѣстный мнѣ дипломатъ (Караччиоли), задастъ тремъ-четвертямъ Парижа обѣдъ и

«ужинъ, чтобы доставить Пиччини прозелитовъ, и что Мармонтель, который умѣетъ такъ хорошо рассказывать сказки, про-
 «трубить также твоему королевству объ исключительныхъ и не-
 «подлежащихъ сомнѣнію достоинствахъ Пиччини. — По истинѣ
 «сожалѣю о Гебертѣ, (директорѣ оперы), что онъ попался въ
 «когти подобныхъ людей: — одинъ изъ нихъ безотчетливый
 «почитатель итальянской оперы, — другой драматическій ав-
 «торъ оперъ, имѣющихъ претензію называться комическими.
 «Они ему настроютъ чудесъ, показавъ въ полдень луну.» — По-
 «говоривъ съ энтузіазмомъ объ *Армидѣ* и *Альцестѣ*, Глюкъ при-
 «бавляетъ: «пора перестать, а не-то вы можете подумать, что я
 «дуракъ или шарлатанъ. — Ничто не производитъ такого дурнаго
 «впечатлѣнія, какъ похвалы самому себѣ; — это прилично толь-
 «ко великому Корнелю; но когда я и Мармонтель примемся хва-
 «лить себя, тогда намъ просто смѣются въ глаза. — Впрочемъ вы
 «правы, сказавъ, что къ французскимъ композиторамъ оказывали
 «уже слишкомъ-много равнодушія; быть-можетъ, я жестоко и
 «ошибаюсь, но мнѣ кажется, что Госсекъ и Филидоръ, знавшие
 «хорошо построй французской оперы, несравненно больше уго-
 «ждали-бы публикѣ, чѣмъ всѣ лучшіе итальянскіе композиторы,
 «если-бы публика не приходила въ энтузіазмъ отъ всего, что
 «имѣетъ хотя только видъ новости?»

Письмо это напечатано было въ *Année littéraire*, и сдѣлалось
 формальнымъ объявленіемъ войны. Тотчасъ образовались двѣ
 жестокія партіи. Ученые, литераторы, словомъ, все завербовалось
 въ ту или другую, и современные журналы наполнялись каждое
 утро эпиграммами, каламбурами и оскорбленіями, которыми яз-
 вили другъ-друга корифеи обѣихъ партій. (*) Руководителями

(*) Journal de Paris, Gazette de littérature, Mercure и Année littéraire въ течение двухъ лѣтъ наполнялись сатирическими статьями, которыя выходили изъ-подъ пера Аббата Арно, Сюарда, Лагарпа, Мармонтея и Фрамери. Аббатъ Леблонъ собралъ всѣ эти статьи и издалъ въ одномъ томѣ, подъ заглавіемъ: «Mémoires pour servir à la révolution, opérée dans la musique par M. le chevalier Gluck». Изъ числа помѣщенныхъ тамъ анекдотовъ, слѣдующіе два лучше всего могутъ дать понятіе о расположеніи умовъ этихъ антагонистовъ. «На прошедшей недѣлѣ давали въ Оперѣ трагедію кавалера Глюка, Альцесту. Когда госпожа Левассеръ, исполнявшая роль Альцесты, въ концѣ втораго акта пѣла высокій по музыкѣ стихъ «Il me déchire et m'attache le coeur», кто-то изъ зрителей вскричалъ: «Ахъ, судя-

Глюккистовъ были Сюзардъ и Аббатъ Арно; въ партіи Пиччинистовъ считали Мармонтеля, Лагарпа, Гингене, даже холоднаго Даламберта. Члены самаго высшего круга общества, дамы самаго лучшаго тона, вмѣшивались съ жаромъ въ эту смѣшную ссору. Бывшіе тогда въ модѣ ужины соединяли противниковъ, еще взволнованныхъ только что вынесенными изъ театра впечатлѣніями, и дѣлались ареною, гдѣ бились съ увлеченіемъ за мнѣнія, дурно опредѣленные и плохо понимаемые самими спорившими. Словомъ, тамъ раздавались какіе-то нечеловѣческіе возгласы, и наблюдательному взору открывался спектакль, несравненно интереснѣе того, за что спорили. — Такое положеніе продолжалось до 1781 года, когда Глюкъ возвратился въ Вѣну. Съ отъездомъ Глюка умы успокоились, и противники поняли наконецъ, что гораздо-пріятнѣе и благоразумнѣе наслаждаться красотами, какія разсыпаны въ «Армидѣ» и «Роландѣ», нежели спорить о достоинствахъ и недостаткахъ ихъ.

Армида представлена была 3-го марта 1777 года. Успѣхъ ея не оправдалъ предвѣщаній Глюка. Далекая отъ того, чтобы вкружить голову Парижанамъ, опера эта сначала дѣйствительно принята была холодно; нужно было время для того, чтобы музыку *Армиды* поняли, и время нечувствительно наступило. Каждое повтореніе ея умножало число ея партизановъ, и кончилось тѣмъ, что холодность потомъ превратилась въ энтузіазмъ. Неблагопріятный приемъ при первыхъ представленіяхъ произведенія, исполненнаго въ высшей степени прелести, конечно составляетъ явленіе, само-по-себѣ замѣчательное въ исторіи искусства. Быть-можетъ, самая холодность приема *Армиды* произошла отчасти отъ нѣкотораго рода удивленія—слышать у Глюка такіе прекрасные напѣвы, какихъ не ожидали отъ энергическаго его генія! —

рыя, вы раздражаете мнѣ уши!» Въ то-же время, восхищенный этимъ пассажемъ и его исполненіемъ сосѣдъ его возразилъ: «Ахъ, сударь, какъ вы счастливы, если это для того, чтобы надѣлать васъ другими.» — «Знаете-ли вы» сказалъ Аббатъ Арно въ амфитеатрѣ, «что Глюкъ скоро явится къ намъ съ музыкою *Армиды* и *Роланда*?» «*Роланда*,» отвѣчалъ сосѣдъ его: «но вѣдь надъ этой оперою трудится Пиччинни!» «Тѣмъ лучше» возразилъ другой: «у насъ будетъ *Orlando* и *Orlandino*.» Извѣстно, что враги Глюка номѣщали его квартиру въ улицѣ *du grand hurlleur*, а враги Пиччинни означали адресъ его — въ улицѣ *des petits chants*.

Съ *Ифигенію въ Тавриду* было не то; весь Парижъ увлеченъ былъ этимъ чудомъ драматическаго выраженія; даже самые враги Глюка принуждены были хранить молчаніе. Въ самой ещности, есть-ли хотя малѣйшая возможность оспаривать подобныя красоты, какъ величественный *первый актъ, сонъ Ореста*, словомъ всё вдохновенныя созданія, которыя щедрою рукою разсыпаны въ этомъ чудесномъ и удивительномъ твореніи ума человѣческаго? Между-тѣмъ замѣтите, Глюку было 65 лѣтъ, когда онъ написалъ эту оперу. Соперникъ его Пиччини также сочинилъ *Ифигенію въ Тавриду*; но несмотря на дѣйствительныя красоты, находимыя тамъ, произведеніе это не можетъ идти въ сравненіе съ твореніемъ Глюка. Слѣдовательно, побѣда осталась за нимъ.

Плохой успѣхъ *Echo et Narcisse*, послѣдняго произведенія великаго артиста, не могъ повредить его уже утвердившейся славы. — Для окончанія поприща своего Глюкъ задумалъ написать оперу *Данаиды*; но припадокъ апоплексіи, чувствительно ослабившій силы его, заставилъ отказаться отъ такого предпріятія, почему онъ и передалъ поэму Сальери, а самъ возвратился въ Вѣну, гдѣ еще нѣсколько лѣтъ пользовался славой и довольствомъ, приобретеннымъ своими трудами. Второй припадокъ апоплексіи наконецъ похитилъ великаго человѣка у друзей его и у музыкальнаго міра, 25-го ноября 1787 года. Глюкъ оставилъ наслѣдникамъ своимъ состоянія на 600,000 франковъ!

Истиниктъ, который трудно подвергнуть анализу, указываетъ людямъ могущественной организаціи самое благопріятное положеніе для развитія ихъ способностей. Этому-то истиникту Глюкъ обязанъ пробужденіемъ въ немъ желанія писать для французской оперы. Онъ предчувствовалъ, что именно тамъ принята будетъ благопріятнѣе, нежели гдѣ-либо, его система драматической истины въ музыкѣ, и что потому онъ можетъ со всѣмъ увлеченіемъ предаться этой системѣ. Онъ зналъ, что Французы были то, чѣмъ они еще и теперь, то-есть, не столько способны чувствовать красоты музыки въ ней самой, сколько въ приложеніи къ сценическому дѣйствію, и что они охотно жертвовали удовольствіемъ слуха для наслажденія ума. Да, подобнаго расположенія, необходимаго для уразумѣнія музыки Глюка, конечно онъ не могъ найти нигдѣ, кромѣ Франціи. — Вопли отдавая справедливость могуществу его генія, Итальянцы, даже самые Нѣмцы, не могли избѣгать однакожъ послѣдствій своей конформациі, — ни забыть, что музыка для нихъ скорѣе составляетъ

услажденіе чувствъ, нежели удовольствіе для ума. — Они желали, чтобы музыка въ драмѣ владычествовала, а не была только вспомогательною частию въ дѣйствіи трагическомъ, какъ то дѣлалъ иногда Глюкъ. Они охотно сознавались, что великій музыкантъ сочинялъ речитативъ лучше, чѣмъ кто либо другой; но упрекали его за то, что онъ слишкомъ уже размножалъ его и притомъ часто разрывалъ музыкальную фразу для фразы поэтической. — Страніе, съ какимъ Глюкъ развиваетъ, въ предисловіи своемъ къ *Альцестъ* итальянской, правила, кои онъ руководствовался при сочиненіи музыки этой оперы, — доказываетъ, что онъ сознавалъ необходимость оправдать предъ соотечественниками свою систему.

Мы сказали, что сначала одни только Французы отдали полную справедливость нашему великому маэстро, и это въ самой сущности такъ. Страна, гдѣ онъ родился, не удовольствовалась холоднымъ приемомъ его музыки; тамъ были напечатаны извѣстныя критики противъ его изобрѣтеній и нововведеній. Думали унижить Глюка, объявляя во всеуслышаніе, что нововведенія его въ драматической музыкѣ только и годятся для Французовъ! Изъ всѣхъ его противниковъ, самымъ ожесточеннымъ былъ ученый Форкель; — при сухомъ и педантическомъ умѣ, человекъ этотъ, конечно, не былъ способенъ оцѣнить по достоинству то, что относится къ воображенію и поэтическому въ музыкѣ. По поводу вышедшей, въ 1775 году, въ Вѣнѣ, брошюры, относительно сдѣланнаго Глюкомъ музыкальнаго преобразованія (1), Форкель помѣстилъ въ первомъ томѣ своей *Музыкальной библіотеки*, (2) длинную диссертацию, въ которой, безъ всякаго разбора нападаетъ на гениальное твореніе великаго артиста. Изъ доводовъ, какими онъ старается поддержать свое мнѣніе, ясно видно, что пресловутый ученый просто не понималъ, что такое, въ сущности, было новостію и изобрѣтеніемъ въ предметѣ его насмѣшекъ и униженія. — Былъ однако въ Германіи другой ученый, который вполне помялъ и оцѣнилъ заслуги славнаго композитора. Въ то самое время, когда Форкель издалъ свою критику, Виландъ разсуждалъ о томъ-же предметѣ слѣдующимъ образомъ: «Благодаря могущественному гению ка-

(1) Ueber die musik des Ritters Chr. v. Gluck. — 1775.

(2) Musikalisch-Kritische Bibliothek v. S. N. Forkel.

валера Глюка, мы наконецъ дожили до той эпохи, когда музыка возвратила вполне свое назначеніе и мѣсто. Да, онъ, одинъ онъ, возвелъ ее снова на естественный ея тронъ, съ котораго низвергло ее варварство, и до котораго до-сихъ-поръ не допускало невѣжество, упрямство и дурной вкусъ. Проникнутый прекрасѣйшимъ изрѣченіемъ Пифагора, онъ предпочиталъ музѣ сиренами (1); онъ замѣнилъ суетныя и ложныя украшенія благородною и драгоценною простотою, которая и въ искусствахъ, какъ въ литературѣ, всегда составляетъ характеръ истиннаго, великаго и изящнаго. О! какихъ новыхъ чудесъ не произвела-бы эта пламенная душа, если-бы какой-нибудь верховный властитель нашего времени захотѣлъ сдѣлать для оперы то-же, что сдѣлалъ нѣкогда Периклъ для афинскаго театра!» — Прекрасное сужденіе Виланда, высказанное въ такихъ энергическихъ словахъ, не встрѣтило однакожъ въ Германіи отголоска, во весь остатокъ XVIII вѣка.... Свидѣтельница первыхъ триумфовъ Глюка, Вѣна, даже и въ настоящее время, остается безчувственною, глухою къ его вполне-заслуженной славѣ; но за то сѣверная Германія отказалась отъ своихъ предубѣжденій, и имя Глюка ставитъ на ряду съ именами великихъ людей, которыми она наиболѣе гордится.

Итакъ, по истинѣ, соотечественникамъ Глюка мало правилась его музыка, и это самое поселило въ немъ желаніе работать для французской сцены... Достаточно было ему бросить взглядъ на партитуры Люлли, Рамо и ихъ подражателей, чтобы вполне убѣдиться, что произведенія эти успѣхомъ своимъ обязаны именно заключавшимся въ нихъ драматическимъ качествамъ... Речитативъ Люлли былъ просто положенная на поты декламація, которая и занимала большую часть въ операхъ этого стариннаго музыканта. Рамо въ особенности отличался красотою своихъ хоровъ; а богатство хоровъ тоже входило въ систему Глюка. Слѣдовательно, все побуждало Глюка предчувствовать, что Франція должна сдѣлаться театромъ его славы, и онъ не ошибся въ этомъ. Сверхъ-того, долженствовавшіе поддерживать его систему литераторы не имѣли въ Вѣнѣ никакого вліянія; напротивъ того въ Парижѣ они были законодателями вкуса. Конечно старанія ихъ много способствовали успѣхамъ Глюка въ столицѣ Франціи; но, съ другой стороны, быть можетъ, сами-же литера-

(1) Слова эти, какъ девизъ, помѣщены подъ портретомъ Глюка.

торы нѣсколько и повредили ему. Въмѣсто того, чтобы заставляя его умѣрять свои идеи и не выходить изъ границъ, какія предписывалъ разумъ, господа эти требовали отъ него, чтобы онъ свободно пускался въ изобрѣтеніе еще въ болѣе степени драматическаго выраженія, для котораго, по ихъ мнѣнію, должно было всемъ жертвовать. И потому нѣтъ сомнѣнія, что неблаго-разумнымъ совѣтамъ этихъ друзей, должно приписать преувеличеніе, въ которое Глюкъ впадаетъ во многихъ мѣстахъ. Преувеличеніе это замѣчается во множествѣ короткихъ мелодическихкихъ фразъ, введенныхъ имъ въ средину речитатива, которыя, не будучи аріями сами-по-себѣ, мѣшаютъ только чувствовать начало настоящихъ арій и разливаютъ монотонію въ развитіи сценъ.

Постоянные успѣхи и усовершенствованія почти всѣхъ частей музыкальнаго искусства, особенно инструментовки и разнообразія формъ, разумѣется, должны были сдѣлать произведенія Глюка въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ устарѣвшими. Но чтобы судить вѣрно о достоинствѣ его твореній, не должно сравнивать ихъ съ произведеніями эпохи, когда искусство далеко подвинулось впередъ, — а разсматривать только въ отношеніи къ тому времени, когда онъ жилъ. Слѣдовательно, необходимо знать основательно: въ какомъ состояніи нашель онъ искусство, что долженъ былъ сдѣлать для усовершенствованія его, и въ особенности не забывать при томъ, что онъ связалъ себя условіями драматическаго выраженія. Конечно, система эта можетъ и не нравиться, и понятно, что приверженцы чисто итальянской музыки чувствуютъ къ ней даже отвращеніе; но согласившись съ нею одинъ разъ, нельзя не сознаться, что Глюкъ развилъ здѣсь величіе и силу изобрѣтенія, о которыхъ до него не было идей и съ коими не можетъ идти въ сравненіе ничто другое, написанное въ томъ же родѣ. Какой музыкантъ, достаточно просвѣщенный для того, чтобы быть чуждымъ предубѣжденій, откажетъ въ удивленіи величію, блистающему въ обрисовкѣ ролей Агамемнона и Клитемнестры? Кто можетъ остаться нечувствительнымъ къ исполненнымъ выразительности мелодіямъ, каковы: «*Armez vous d'un noble courage*»; «*Par un père cruel à la mort condamnée*»; «*Alceste, au nom des dieux*»? Кто не почувствуетъ живѣйшаго волненія, слушая страстные звуки Альцесты, роскошныя, сладострастныя кантлены Армиды; — кто останется равнодушнымъ къ прекрасно-выраженнымъ душевнымъ страданіямъ Ореста, — къ трогательнымъ жалобамъ Орфея? Кто не отдастъ полной справедливости обширному уму, владыче-

ствующему въ созданіи части мелодической, что однакожъ несколько не вредитъ увлеченію вдохновенія? Разбѣянные въ партитурахъ Глюка красоты вѣчны, и навсегда останутся такими для того, кто ищетъ въ музыкѣ не мимолетныхъ формъ, поглощаемыхъ временемъ, но чего-то высшаго. — Правда, красоты Глюковой музыки не безъ примѣси недостатковъ, и справедливо упрекали его въ томъ, что онъ иногда, такъ-сказать, постъ съ трудомъ, тяжело; что въ оборотахъ его модуляцій замѣчается недостатокъ разнообразія и что онъ, какъ-бы умышленно, избѣгалъ развитія музыкальныхъ формъ. Въ самомъ дѣлѣ, должно сознаться, что всѣ эти упреки имѣютъ истинное основаніе. Происходило ли это отъ системы, или отъ-того, что невозможно иначе обладать въ совершенствѣ однимъ качествомъ, какъ только въ ущербъ другому; — но неоспоримо, что мелодіи нѣкоторыхъ арій Глюка чрезъ чуръ уже обыкновенны, что онъ слишкомъ-небреженъ въ отдѣлкѣ музыкальнаго періода и что, когда нужно изобразить какую-либо великую катастрофу или выразить какое-нибудь энергическое чувствованіе, тогда онъ впадаетъ въ монотонію. За всѣмъ тѣмъ недостатки эти выкупаются такими великими красотами, что, по истинѣ, они не могутъ вредить его славѣ. — Глюкъ не былъ правильнымъ гармонистомъ, но за-то обладалъ гениемъ гармоніи. Весьма-часто оркестръ его написанъ былъ очевидно запутаннымъ образомъ; но между-тѣмъ всегда производилъ эффектъ. — Сколько извѣстно, по части церковной музыки Глюкъ написалъ всего одно только сочиненіе: *De profundis*, которое въ свое время пользовалось извѣстностію, но въ сущности не выше посредственности.

Въ приложенныхъ Глюкомъ къ «Альцестѣ» и «Парису и Еленѣ» предисловіяхъ, равно и во всей его перепискѣ, замѣчательны два обстоятельства: проглядывающее почти въ каждой фразѣ *огорченіе отъ критикъ*, предметомъ которыхъ была его новая метода драматической музыки, и *наивность самолюбія*, которому онъ всегда предавался и выказывалъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Конечно, нѣтъ человѣка съ гениемъ, который не сознавалъ-бы своего превосходства надъ людьми вообще, и тѣ, которые хвалятся скромностію и отвергаютъ похвалы, безъ сомнѣнія, слѣдуютъ въ этомъ случаѣ болѣе общественнымъ приличіямъ, нежели свидѣтельству своей совѣсти; но все-же въ изъясненіи достоинства своего есть границы, которыхъ недожно переступать, а Глюкъ ихъ-то и не зналъ рѣшительно никогда. Сужденія его часто принимали оттѣнокъ несносной гордости, особенно, если

дѣло шло о какомъ-либо соперникѣ.—Присоединившіяся къ его природному характеру похвалы литераторовъ произвели въ немъ убѣжденіе, что родъ его музыки не только самый лучшій, но что онъ одинъ и есть истинный. «Вы говорите», писалъ онъ къ Дю-Ролле: «что никогда и ничто не сравнится съ «Альцестою»; но «я несогласенъ съ вашимъ пророчествомъ. Правда, «Альцеста» «полная трагедія, и признаюсь, что для совершенства ея не до-«стаетъ очень-немногого; но вы и вообразить себѣ не можете, «сколько различныхъ оттѣнковъ и путей способна воспринимать «музыка. Цѣлое Армиды такъ отлично отъ цѣлага Альцесты, «что вы подумаете, будто-бы онѣ принадлежатъ разнымъ ком-«позиторамъ. — При томъ для окончанія Армиды я употребилъ «все, что только во мнѣ осталось; я старался тутъ быть больше «живописцемъ и поэтомъ, нежели музыкантомъ. Впрочемъ, вы «будете судить сами, если захотятъ услышать «Армиду». — Призна-«юсъ вамъ, что этою оперою мнѣ хотѣлось-бы кончить мое по-«прище; хотя и тó правда, что для того, дабы публика поняла «ее надобно, по-крайней-мѣрѣ, столько-жевремени, сколько потре-«бовалось его для уразумѣнія «Альцесты». — Въ «Армидѣ» есть пѣ-«который родъ деликатности, чего нѣтъ въ «Альцестѣ»; ибо я на-«шелъ средство заставить дѣйствующихъ лица говорить такимъ-«образомъ, что вы, съ самаго начала, по-манеръ выраженія ихъ, «можете узнать, кто говоритъ, Армида или ея служанка» и проч. — Надобно сожалѣть о великомъ композиторѣ, который выказывалъ такую слабость относительно своихъ произведеній, и не имѣлъ столько духа, чтобы отдавать соперникамъ своимъ больше справедливости, нежели какъ Глюкъ дѣлалъ тó въ отношеніи къ Пиччини.

С. К.

НОВАЯ ШКОЛА МУЖЕЙ.

КОМЕДИЯ ВЪ 5-ТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

Соч. Р. Зотова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Графъ Веллинскій, русскій генераль	<i>Григорьевъ</i> 1.
Графиня Веллинская, жена его.	<i>Самойлова</i> 2.
Лизвета Ивановна Сумова, племянница графини.	<i>Самойлова</i> 1.
Рельской, адъютантъ графа и опекунь его имѣ-
нія.	<i>Славинъ.</i>
Князь Бабиковъ	<i>Сосницкій.</i>
Княгиня Ветринская, тетка графа	<i>Вильберхова.</i>
Антипъ, камердинеръ графа и управитель дома.	<i>Мартьяновъ.</i>

Дѣйствіе происходитъ въ С. Петербургѣ, чрезъ два года по заключеніи
мира при Кучукъ-Кайнарджи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Богатая зала въ домѣ Графа Велинскаго. Боковые кабинеты и окно. Мебель времянь Екатерины II.

ЯВЛЕНІЕ I.

РЕЛЬСКІЙ, сидитъ у стола и читаетъ тетрадь, АНТИПЪ стоитъ за стуломъ.

АНТИПЪ.

Да, батюшка Егоръ Ивановичъ! Много мы съ покойнымъ графомъ денегъ разсорили... Не экономень былъ.

РЕЛЬСКІЙ (*продолжая читать счетъ*).

Какъ, — сто аршинъ тесьмы?

На что?

АНТИПЪ.

Да старую поизносили...

Людишки ужъ у насъ такіе... Миѣ-жь пришлось такъ дешево купить... Знакомый мастеръ спѣшилъ въ Москву...

Новая школа мужей

РЕЛЬСКИЙ.

А ты какъ тутъ.

АНТИПЪ (*притворяясь что худо слышитъ*).

Чего-съ?...

РЕЛЬСКИЙ.

Безъ спроса не велѣлъ я покупать... А кнастеръ?...
Пять фунтовъ!... Это что?

АНТИПЪ.

Въ послѣдній разъ,
Какъ былъ здѣсь... Этотъ вотъ... Ну, какъ его... Да князь...
Князь Бабиговъ... Онъ къ вамъ зашелъ послѣ обѣда
И трубочки просилъ...

РЕЛЬСКИЙ (*ходитъ*).

Ну, что-жь? я отказалъ...

Я не курю.. и князь невѣжа и нахаль.
Къ графинѣ ѣздитъ онъ... съ какого-жь слѣда
Ко мнѣ зайти онъ вздумалъ?...

АНТИПЪ.

Покурить...

Покойный графъ всегда... любилъ вѣдъ угостить...
Вы помните, Егоръ Иванычъ, въ кабинетѣ
Всегда послѣ обѣда дымъ столбомъ...
Онъ кнастеръ покупать велѣлъ, и князь при немъ
Привыкъ, чтобъ съ кофеемъ...

РЕЛЬСКИЙ.

Но графа пѣтъ на свѣтъ,

А у графини гости не курятъ...
Ко мнѣ твой наглый Князь впередъ уже не заглянетъ...
Тебя-же я прошу впередъ не покупать
Безъ спроса ничего...

АНТИПЪ.

Да какъ, сударь, васъ станеть,

Когда я буду къ вамъ со всякимъ вздоромъ лѣзть!
Все мелочь, дразги...

РЕЛЬСКИЙ.

Не твое ужъ дѣло...

Графиня поручила мнѣ весь домъ,
И все имѣнье... Графъ былъ слишкомъ-добрь. На немъ
Долговъ такая тьма... Здѣсь всякой грабилъ смѣло...
Все брали, что хотѣли... я не дамъ...

АНТИПЪ.

Вѣстимо, батюшка, Егоръ Иванычъ, — вамъ
И честь и слава. Вы ужъ истинный хозяинъ...
Да и кому-же лучше было управлять?
Вѣдь и тогда, какъ живъ былъ нашъ покойный баринъ,
Какъ сына онъ любилъ васъ и изволилъ взять...
Въ-тѣ... какъ-бишь... въ адютанты-съ... и съ нимъ вмѣстѣ
Вы воевать изволили... Ахъ Боже мой!
Какой мы подняли здѣсь плачь и вой,
Какъ къ намъ изъ арміи пришло извѣстье,
Что подъ Кагуломъ бѣдный графъ убить...
А барыня-то, барина какъ вспомнить, —
И въ обморокъ — голубушка!... лежитъ,
Какъ мертвая, по часу и не дѣхнеть!...
Ужъ было времечко!... боялись за нее! —
Такъ бѣдная затосковала... Только
Какъ вы изволили пріѣхать...

РЕЛЬСКИЙ *(не слушалъ его все это
время, а потомъ).*

А постой-ко

Ты жалованье выставилъ свое
И перваго и пятаго апрѣля?...

АНТИПЪ.

Неужь-то? Ахти грѣхъ какой! Никакъ съ похмѣлья
Егорка писарь былъ...

РЕЛЬСКИЙ.

Или ты самъ

На память плохъ бываешь...

АНТИПЪ.

Можетъ статья...

Да, батюшка, Егоръ Ивановичъ!... старикамъ

Ужъ плохо жить... Бывало, какъ считаются

Начну я съ графомъ... А вѣдь двадцать лѣтъ

Вель всё счетá при немъ и весь расходъ домашній...

Бывало я читаю, — онъ изволитъ пѣть ..

Или съ собакою играетъ... право страшно

Подъ-часъ иной... ну, долго-ль что забыть...

РЕЛЬСКИЙ.

Иль написать вдвойнѣ.

АНТИПЪ.

Чего-съ?... Да, графъ покойный

Всегда изволитъ похвалить!...

РЕЛЬСКИЙ.

И заплатитъ!...

АНТИПЪ.

И ласково прибавитъ:— «Да отстань, негодный,

Съ проклятыми счетами! — вѣдь меня

Ты не обманешь...» И швырнетъ бывало

Мою тетрадь подъ столъ...

РЕЛЬСКИЙ.

Я чай, какъ огорчалови

Тебя все это...

АНТИПЪ.

Нѣтъ! тутъ графская была видна

Ко мнѣ довѣренность и милость... Я старался

Ихъ заслужить... Онъ стараго слугу,
Антипа, жаловаль, не сумлевался...

РЕЛЬСКИЙ.

Что дѣлалъ графъ, того я дѣлать не могу..
Онъ могъ бросать свое... Я-жъ обязался
Изъ благодарности къ графинѣ и къ нему
Имѣнемъ управлять, — и буду строго
За всеми и за всемъ смотрѣть.

АНТИПЪ.

Эхъ, сударь! много

Хлопотъ вамъ будеть.... А, кажись, къ чему?
Вы молоды... Вамъ жить, да веселиться!...
Что по-пусту терять вамъ время и труды!...
Графъ былъ богатъ... Графиня какъ царица
Жить можетъ... И какия-жъ тутъ бѣды,
Когда отъ транезы богатой двѣ, три крошки
На братью нищую перенадутъ!...
Вѣдь жить всемъ надо, да и вамъ, сударь, немножко
Подумать-бы и о себѣ...

РЕЛЬСКИЙ.

Антипъ! ты тутъ

Мнѣ что-то глуное сказать намѣренъ...

АНТИПЪ.

Мы люди темные... Гдѣ взять ума?
Нашъ братъ вѣдь долженъ-быть догадливъ, глупъ и вѣренъ...
Вѣдь и сказать пришлось-то къ слову... Вотъ сама
Графиня вамъ при мнѣ не разъ твердила:
Возьми себѣ, Егоръ Ивановичъ, *то* и *то*...
А вы все: не хочу, не надо!... Ну, хоть силой
Васъ награждай...

РЕЛЬСКИЙ (*указывая на сердце*).

Моя награда тутъ.

АНТИПЪ.

Не-что! —

Не разорительно конечно для графини...

А все-бы лучше... Ну, да дѣло не мое...

Теперь конечно вамъ хорошее житье...

Ну, да случится-жъ можетъ!... Слухи есть

Межъ нашей братьи...

РЕЛЬСКІЙ (прерывая его).

Слухи?... Что такое?

АНТИПЪ.

Да такъ-съ... Одной и хорошо, а двое

Все лучше... И графинѣ честь не въ честь,

А вздумается сдѣлаться княгиней... ..

Вѣдь молода еще....

РЕЛЬСКІЙ.

Что? что за вздоръ?

АНТИПЪ.

Да-съ говорятъ кой что, да изъ избы мы соръ

Не будемъ выносить... Вдовой, графиней,

Быть хорошо, а не мѣшаетъ мужъ и князь...

РЕЛЬСКІЙ.

Какой-же князь?

АНТИПЪ.

Да тотъ-же гость всеневной

Князь Бабиновъ, который былъ вчера-съ,

Который и сегодня будетъ, вѣрно.

РЕЛЬСКІЙ.

Какой бездѣльникъ смѣлъ слухъ этотъ распускать?...

Смотри, Антипъ! уже не твое ли-дѣло?...

Ты берегись...

АНТИПЪ.

Помилуйте! нашъ братъ.
Вѣдь съ дуру говоритъ... Графинѣ надоѣло
Жить во вдовствѣ... Ужъ два года живетъ,
Такъ мудрено-ль, что выдумалъ народъ
Ей жениха сосватать?..

РЕЛЬСКИЙ.

Твой народъ, — все плуты,
Или глупцы, — а князь твой — сорванецъ,
Который самъ все выдумалъ нарочно...

АНТИПЪ (*про-себя*).

Фу, ты!

Какъ осерчалъ...

РЕЛЬСКИЙ.

Прекрасный мужъ!... Наглецъ
И вертопрахъ...

АНТИПЪ.

Да-съ... ваша правда... Только
Я слышалъ, за него стоитъ горой
Княгиня-тетушка...

РЕЛЬСКИЙ (*успокоясь*).

Вотъ вздоръ!... Нисколько!
Да и княгиня не указъ... Самой
Императрицѣ негодно, чтобъ графиня
Такъ скоро вышла за-мужъ...

АНТИПЪ.

Вотъ-съ причипа!

РЕЛЬСКИЙ.

Конечно графъ погибъ... Однакожъ мы его
На полѣ битвы не нашли... Кто знаетъ!...
Не живъ-ли онъ еще?

АНТИПЪ.

Что вы-съ !..

РЕЛЬСКИЙ.

Да ничего.

Нѣтъ невозможнаго... Быть-можетъ онъ страдаетъ
 Въ неволѣ тяжкой, въ рабствѣ.... Правда, я
 Съ письмомъ Свѣтлѣйшаго при зампреньи
 Былъ съ мѣсяцъ въ лагерѣ у Визиря.
 И все употреблялъ : распросы, награжденья,
 Угрозы, подкупъ, лесть... Напрасно ! ничего
 Не могъ узнать !... За выкупъ миллионы
 Я предлагалъ злодѣямъ, но его
 Никто не зналъ, не видѣлъ... Будто въ волны,
 На дно морское скрыли ото всѣхъ!...
 О ! это грустно было ! — воротиться
 Съ печальной мыслью, что нашъ графъ погибъ на вѣкъ,
 Что навсегда должны его лишиться !...
 Ужасно ! вспомнить не могу безъ слезъ...
 Какой былъ человекъ !... — великодушный, рѣдкій...
 Вельможа истинный въ душѣ !... Не санъ, не предки
 Поставилъ его высоко !...

*(Задумывается .. Въ это время тихо входитъ Лиза
 и сдѣлавъ знакъ Антипу, чтобы онъ молчалъ, под-
 крадывается къ Рельскому сзади и закрываетъ ему
 глаза руками).*

АНТИПЪ.

Кто-съ?

Не угадаете !...

РЕЛЬСКИЙ.

А мудро конечно !...

Повѣрьте, чтобы васъ узнать не нужно глазъ...
 Всего яснѣе голосъ мой сердечный...
 Онъ мнѣ твердитъ, что нѣтъ милѣе васъ
 И что, зажмурясь, все-таки я васъ узнаю...
 На что глаза, я сердцемъ отгадаю !
 Вотъ видите-ль, что я узналъ сейчасъ...

Да полноте-жь... Меня лишая свѣта,
Вы любоваться не даете на себя...

АНТИПЪ (про-себя).

Заворковали.

РЕЛЬСКИЙ.

Полно — Лизавета
Ивановна, — и ручку дайте...

АНТИПЪ (про-себя).

До тебя,

Тутъ, другъ Антипъ, не будетъ дѣла... Можно
Дѣла и унести... У нихъ свои
Итоги будутъ... А вѣрнѣй-ли, чѣмъ мои,
Узнаемъ послѣ... (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

ЛИЗА И РЕЛЬСКИЙ.

ЛИЗА.

Чѣмъ вы заняты?... Васъ должно
Отыскивать... И тетинька давно
Ужъ встала...

РЕЛЬСКИЙ.

Знаю... Вы у ней все были
При туалетѣ?... Что-жь вы съ нею говорили?

ЛИЗА.

Объ васъ — и много, — только не скажу...

РЕЛЬСКИЙ.

Вы не хотите откровенной быть?..
Пожалуй,—но и я своихъ секретовъ

Не буду говорить, — а есть одинъ
 Прейнтересный... Мой вчерашній *сплингъ*....
 Я-бъ разсказалъ вамъ... Сколько тутъ предметовъ
 Къ мечтаньямъ и къ догадкамъ!..

ЛИЗА.

Боже мой,
 Скорѣе говорите... Вы вчера такой
 Сердитый, скучный, грустный были...
 Я васъ ничѣмъ утѣшить не могла...
 Чтѣ-жъ это? отъ-чего? объ-чемъ вы такъ грустили...
 Вѣдь я продумала всю ночь...

РЕЛЬСКИЙ.

А много зла
 Отъ любопытства происходитъ.

ЛИЗА.

Нѣтъ! не правда!
 Не любопытство это было, — нѣтъ!
 А искреннее къ вамъ участие.

РЕЛЬСКИЙ (*цѣлуетъ ея руки*.)

Вотъ отрада,
 Противъ которой бѣденъ цѣлый свѣтъ!
 Вы просто — ангель, — ваше мнѣ участие
 Всего дороже; въ немъ мое все счастье,
 Вся радость, все блаженство...

ЛИЗА.

Но вчера
 Я тѣ-же говорила и твердила,
 Я также ласкова была, добра, —
 А вы?

РЕЛЬСКИЙ.

Ужель васъ это удивило?
 Для васъ покуда жизнь — пріятная мечта.

Васъ всёмъ украсила душа и красота; —
 Вамъ все на свѣтѣ будетъ улыбаться,
 И радость подаритъ одинъ вашъ взглядъ...
 А я!.. Не дай вамъ Богъ когда-нибудь спознаться
 Съ ужасной бурей чувствъ, которыя кипятъ
 Въ груди страдальцевъ одинокихъ...

ЛИЗА.

Что вы!..

Какъ вы несправедливы противъ насъ!
 Вы знаете, что я и тетинька готовы
 Для васъ все сдѣлать, всёмъ пожертвовать для васъ...
 Мы выросли всё трое вмѣстѣ съ вами;
 Мы дѣтство провели подъ крышею одной...
 Вы помните деревню, садъ съ цвѣтами,
 И лугъ, и пашню, гдѣ вечернею порою
 Мы такъ любили жаворонковъ слушать...

РЕЛЬСКІЙ.

Не вспоминайте дѣтскихъ лѣтъ!.. къ чему?
 Теперь со всёмъ не тó... Теперь должны мы думать
 О свѣтѣ, о приличьи, — и ему
 Всѣмъ жертвовать, что сердцу драгоцѣнно...
 Тогда я былъ дитя и сиротства не зналъ,
 Не понималъ его, — любовію безцѣнной
 Отецъ вашъ съ вами наравнѣ меня ласкалъ...
 Да наградить его Господь въ селеньяхъ рая
 За доброту и нѣжность къ сиротѣ!..

ЛИЗА.

И что-жъ, гдѣ переменна та большая,
 Которая произошла въ насъ? Гдѣ-же тѣ
 Несчастія, которыя могли
 Васъ сдѣлать *одинокимъ*?.. Мы годами
 Переменялися немного, — не сердцами...
 Вы насъ оставили, васъ въ Корпусъ отвезли...
 Пошли служить, а мы въ столицу, въ свѣтъ явились...
 Вдругъ... Кто-бъ подумалъ!.. тетинька моя,
 Моя ровесница почти, съ которой я

И вы, бывало, въ дѣтствѣ такъ рѣзвились...
 Графиней сдѣлалась... Но что-жь? въ душѣ своей
 Не измѣнилась къ намъ и васъ не разлюбила...
 Меня взяла къ себѣ — и мы какъ сестры съ ней; —
 А васъ... вы знаете, какъ графа упростила
 Она васъ въ адъютанты взять... Съ-тѣхъ-поръ
 Опять мы вмѣстѣ, и живемъ, и вспоминаемъ
 О счастья дѣтскихъ лѣтъ... Какъ братъ между сестёръ,
 Мы другомъ и роднымъ васъ почитаемъ...
 Чего-же вамъ недостаетъ? Къ чему
 Несносно такъ хандрить и жаловаться вѣчно?
 Графъ добрый нашъ погибъ... Мы всё ему
 Дань платимъ искренной слезой — сердечной, —
 Мы потеряли всё въ немъ друга и отца...
 Но развѣ въ свѣтѣ есть печали безъ конца?...
 И мы грустить ужъ стали рѣже, рѣже...
 А вы становитесь печальнѣй всякой день...
 Что это значитъ?

РЕЛЬСКИЙ.

Да! вы все какъ были, — тѣже!..
 Одинъ я чувствую, что много перемѣнъ
 Перенесу... Мой жребій съ вашимъ связанъ...
 И только вы... о, ради Бога! вы
 Меня вопросами не мучьте... Вамъ обязанъ
 Я буду все сказать и все отъ васъ скрывать...
 Вамъ съ ангельской душой нельзя меня понять...
 Есть мѣсто въ сердцахъ... тайны есть, которыхъ,
 Какъ язву, люди трогать не должны...
 Звукъ, слово, мысль одна, — и гибель многихъ
 Свершится безвозвратно...

Лиза.

Вы одни
 Имѣете чудесный даръ — помучить,
 Наговорить — и слова не сказать..
 Подите... я на васъ сердца...

РЕЛЬСКИЙ.

Я наскучить

Хочу вамъ лучше, нежели узнать,
Какъ ангелы умѣютъ ненавидѣть
И презирать...

ЯВЛЕНІЕ III.

ТЪ-ЖЕ И ЛАКЕЙ, ПОТОМЪ КНЯЗЬ БАБИКОВЪ.

ЛАКЕЙ.

Князь Бабиковъ желаетъ видѣть

Ея Сіятельство...

РЕЛЬСКІЙ.

Проси... (*Лакей уходитъ, Рельскій про-себя*).

Ужъ этотъ князь

Поплатится мнѣ за свои визиты...

князь (*увидя Лизу*).

Ah! la charmante nièce!.. — и всякой разъ
Прелестнѣй и милѣе!.. Но Хариты
Всегда подругами Венерѣ быть должны...
А что богиня наша?.. Смертныхъ взорамъ
Блаженства двери не отворены?..

ЛИЗА.

Она сейчасъ, князь, выйдетъ...

РЕЛЬСКІЙ (*про себя*).

Чтобы вздоромъ

Великолѣпнымъ насладиться...

князь (*Рельскому*).

Eh! bon jour

M. le major!.. Я васъ и незамѣтилъ...
Charmé de vous voir... Не васъ-ли встрѣтилъ
Я давеча на Невскомъ у Бельфуръ?..

РЕЛЬСКИЙ.

Быть-можетъ... Только тамъ народу много было
И я въ толпѣ не разглядѣлъ...

князь (*съ самодовольствомъ*).

Меня?

C'est étonnant!.. Меня?.. вотъ это мило!
Вы, вѣрно, близоруки... Мнѣ одна
Особа — кто-жъ? сама Императрица
Сказала, что меня не только что узнать,
А можно за версту услышать, отгадать...
По атмосферѣ *eau de mille fleurs*.

РЕЛЬСКИЙ.

Царица

Не приняла-ль васъ за горшокъ цвѣтовъ?

князь (*обидясь*).

M. le major!

лиза (*прерывая ихъ*).

А что, скажите, князь, — каковъ
Вчера былъ Ронко?.. вы въ спектаклѣ были?..

князь.

Я въ Эрмитажѣ быть обязанъ. — Что-жъ! я вамъ
Скажу à coeur ouvert... Вѣдь я пѣвецъ и самъ...
Мнѣ Ронко вашъ не нравится... Нѣтъ силы,
Огня, души... гдѣжъ этотъ южный жаръ,
Который долженъ потрясать всѣ фибры?..
Возьмите Маджоретти! — вотъ пѣнье, вотъ даръ! —
Одушевить металлъ, растопить ледъ, дать искры
Изъ каменной скалы... Ахъ, à propos!
Вѣдь завтра въ городѣ спектакль итальянскій...
И послѣ — маскарадъ... весь будетъ Дворъ... все маски..
И даже говорятъ изъ Монрепо
Пожалуетъ Великая Княгиня...
Вы, вѣрно, будете... А тѣтенька — богиня,

Не знаете-ль, какой возьметъ костюмъ?..

ЛИЗА.

Я слышала, что тѣтинька собиралась...
А объ костюмѣ...

КНЯЗЬ.

Какъ-бы ни скрывалась...

Но я узнаю въ-мигъ ее...

РЕЛЬСКИЙ.

О! Князя умъ

И проникательность все въ свѣтѣ отгадаютъ...

КНЯЗЬ.

Что-жь тутъ мудренаго?... Я даже отгадалъ
И то, что васъ волнуетъ, заставляетъ
Со мною говорить такъ странно...

РЕЛЬСКИЙ.

Я не зналъ,

Что вы въ сердцахъ людей читаете такъ ясно...

И видно, что придворный человѣкъ, —

А при Дворѣ...

КНЯЗЬ.

Я думаю напрасно

Вамъ говорить о немъ: вѣдь вы во весь свой вѣкъ

Туда не попадете.

ЛИЗА.

Вотъ — ma tante!.. (Про себя).

И слава Богу...

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТЪ-ЖЕ И ГРАФИНЯ.

ГРАФИНЯ (*Лизъ*).

Mais vous êtes charmante...

Ты, Лиза, и не скажешь мнѣ, что князь
Пріѣхаль... я-бъ поторопилась... извините...

князь (*подходитъ къ ручкѣ*).

Vous êtes bien bonne, Comtesse... Вы только не вините
Меня за частые визиты... Но кто разъ
Васъ видѣлъ... для того тотъ день погибшій,
Въ который счастья онъ лишень на васъ взглянуть...

ГРАФИНЯ.

Все мадригалы, князь... поэзія!.. забывшись,
Вы не пуститесь въ оду...

князь.

Что-же тутъ
Мудренаго, Comtesse?.. Вамъ лучше всѣхъ извѣстно,
Что даръ поэзіи — внушаетъ красота...
Вините въ томъ себя... Зачѣмъ такъ быть прелестной,
Какъ Грація, какъ Пери, какъ мечта?..

ГРАФИНЯ.

Какъ это мило, вотъ поэта выраженіе!
И Грація, и Пери!.. если-бъ я
Повѣрила вамъ, Князь, — то вы-бъ меня
Самолюбивой сдѣлали...

князь.

Но всѣ сравненія
И недостаточны и бѣдны... Солнца свѣтъ
Ничтоженъ передъ вашей красотой...

Богиню можно-ли назвать земною?..
Для васъ въ природѣ всей сравненія даже нѣтъ!

ГРАФИНЯ.

De grâces, cher Prince! да полно быть поэтомъ,
Спуститесь съ Парнаса... лучше вамъ
Заняться нашимъ поднебеснымъ свѣтомъ...
Онъ проще, но за то онъ ближе къ намъ. —
Вы, господа поэты, всѣ напрасно
На женщинъ клепете, считая ихъ
За Пери, за Сильфидъ — въ стихахъ, въ мечтахъ своихъ...
Онъ прочтутъ и скажутъ — что: *прекрасно!*..
И то не обо всѣхъ стихахъ, — а на примѣръ:
О вашихъ... о Державинѣ... безъ лести...
Я, право, говорю, что думаю... Теперь
Начните вдругъ про городскія вѣсти,
Про шляпки, про балы, про Дворъ... о Боже мой,
Куда мечты тогда всѣ и поэты!
Все бросимъ, все забудемъ, — и одной
Булавкою займемся... Да! намъ эти
Бездѣлицы важнѣе всѣхъ поэмъ, —
Всѣхъ сладкихъ фразъ, восторговъ и мечтаній...
Конечно слышать намъ приятно: *je vous aime*...
Со всею свитою любезныхъ воркованій, —
И то въ пятнадцать лѣтъ, когда еще слова
Намъ отголоскомъ кажутся сердечнымъ;
Когда еще въ ладу душа и голова;
Когда еще мечтамъ своимъ безпечнымъ
Мы волю полную даемъ и вѣримъ имъ...
А послѣ!.. О какъ скоро свѣтъ умѣетъ
Разочаровывать людей!.. Какъ скоро съ нимъ
Приличіе и опытность созрѣетъ!..
И мы поэзію, восторгъ, мечты, любовь
Условными игрушками считаемъ...
Кто въ этомъ виноватъ? *Мы*, или *вы*, не знаемъ...
Но такъ заведено — и свѣтъ таковъ!

КНЯЗЬ.

Не знаю, правы-ль вы, — но нѣтъ сомнѣнья,
Что свѣта *лучшее* вы украшенье,

И что гордиться вами долженъ онъ...
 Все остальное пусть, пожалуй, правда...
 Ни съ кѣмъ не спорить — первый мой законъ! —
 А съ вами?..

ГРАФИНЯ.

Не всегда и уступать намъ надо...
 Мы любимъ властвовать, конечно, — но на часъ, —
 А рады, если кто нибудь и насъ
 Умомъ и волей покорить умѣетъ...

КНЯЗЬ.

Васъ покорить!.. но развѣ кто успѣетъ
 Быть столько счастливъ, чтобы вамъ внушить
 Любовь и состраданье?..

ГРАФИНЯ.

Можетъ-быть!..
 За будущее не ручаюсь... Ну, — скажите
 Однакоже — что поваго у насъ
 И въ городѣ и при Дворѣ?

КНЯЗЬ.

Вы извините...
 Вчера въ собраньи не былъ я...

ГРАФИНЯ.

Вы, князь?
 Да это диво! — Вы всегда такъ постоянно
 По службѣ и по сердцу — у Двора...
 А пропустили *вечеръ* — это странно!

КНЯЗЬ.

Что дѣлать? я никакъ не могъ... Вчера
 Княгиня — ваша тѣтушка, прислала
 За мной...

ГРАФИНЯ.

А!.. что-жъ у ней? собранье было, — балъ?..

КНЯЗЬ.

Какъ можно, чтобъ безъ васъ?.. Нѣтъ!.. я искалъ
Протекціи княгини.. Я такъ мало
Надѣюсь на себя... Княгиня мнѣ дала
Коммиссію... она собиралась къ вамъ обѣдать...

ГРАФИНЯ.

Сегодня?.. Какъ я рада!.. Какъ она мила!

КНЯЗЬ.

И безъ ума отъ васъ...

ГРАФИНЯ.

Ну, любить проповѣдать...

Да тѣтушки всѣ таковы... Lisette

Вамъ скажетъ, что и я въ такомъ-же родѣ...

(Къ Лизѣ).

Не правда-ли, ma chère?..

ЛИЗА.

О! вовсе нѣтъ!

Вы такъ добры...

ГРАФИНЯ.

Ну, это слово въ модѣ!

И только, кто его отъ сердца говоритъ,

Какъ ты, ma belle Lisette... Егоръ Иванычъ! (къ Рельскому).

Вы суаньировать должны обѣдъ... Къ намъ быть

Хотѣлъ сегодня Алексѣй Степанычъ.

А онъ и тетушка — княгиня — зватокн

И гастрономы...

РЕЛЬСКІЙ.

Все неполно...

ГРАФИНЯ (Князю).

J'espère

Que vous serez des notres... Безъ васъ, руки

Княгинѣ некому подать... (Лизѣ) Ахъ, ma chère!

Я ѣду въ магазинъ... не надо-ли чего
Тебѣ купить?

Лиза.

Купите мнѣ, chère tante,

Гирлянду и вѣнокъ...

ГРАФИНЯ.

И больше ничего?...

Вотъ скромность дѣтскихъ лѣтъ... *(Обнимаетъ ее)* Elle est char-
mante...

(Князю) N'est-ce-pas?

князь.

Я много сходства вижу въ ней
Съ прелестной тетушкой...

ГРАФИНЯ *(смѣется)*.

Съ которою? съ *моей*...

князь.

Нѣтъ! съ вами... *(Декламируетъ)* О! ты въ ней себя изображаешь
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ...

ГРАФИНЯ.

Какъ мило!... вѣрно *ваше* сочиненье...

князь.

Экспромптъ восторженной души...

ГРАФИНЯ.

Какъ васъ

Благодарить... Какъ вы сказали, князь?...

Я затвердить хочу прелестное сравненье...

князь *(повторяетъ)*.

Ты въ ней себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ...

ГРАФИНЯ (*припоминая*).

«Ничто! но Ты во мнѣ сіяешь
«Величествомъ своихъ добротъ...»
«Себя во мнѣ изображаешь
«Какъ солнце въ малой каплѣ водъ...
Да это я читала гдѣ-то... вѣрно
У васъ похитилъ кто...

КНЯЗЬ.

Постойте... я давалъ

Державину читать... онъ ихъ укралъ...
И выдалъ за свои... да я примѣрно
Отмшу, и осмѣю его... Злодѣй!
Онъ это часто дѣлаетъ... ей, ей!...
Въ моихъ тетрадкахъ...

ГРАФИНЯ (*прерываетъ*).

Видите-ль, — я помню

Поэтовъ нашихъ... а божусь, давно
Читала...

КНЯЗЬ.

Помните *самъ* — не мудрено!
За-то, взглянувъ на васъ, другіе ровно
Не помнятъ ничего...

ГРАФИНЯ (*съ улыбкою*).

Опять!

КНЯЗЬ.

Вините въ томъ

Себя одну....

РЕЛЬСКІЙ (*Лизъ тихо*).

Что можетъ быть глупѣе
Всѣхъ этихъ фразъ?...

ЛИЗА (*тихо ему*).

Какъ вы неправы... въ немъ,

Быть-можетъ, сердце говоритъ...

князь (*про себя*).

Прямѣе

Пойду я къ цѣли... (*Громко графиня*) Если-бы я смѣлъ
Предупредить васъ также о предметѣ
Княгини посѣщенья... но... (*Оглядывается на Лизу и Рельскаго,
чтобъ объяснить, что они лишніе*).

ГРАФИНЯ.

Какъ? Секреты?...

Вотъ мило!... говорите...

князь (*продолжая ту-же мимику*).

Я имѣлъ

Надежду...

ГРАФИНЯ.

О! при нихъ прошу безъ церемоній...

Мои домашніе должны все знать...

князь (*указывая на Лизу*).

Конечно mademoiselle... при ней я былъ-бы радъ...

Elle est votre nièce... Но сколько помню

Mr. le major вамъ не родня...

ГРАФИНЯ (*нѣсколько опрометчиво*).

Онъ больше, — другъ!..

Другъ мужа... и теперь...

князь (*почти въ полголоса*).

Теперь, вашъ управитель...

РЕЛЬСКІЙ (*порывается, чтобъ ска-
зать что-то, но Лиза его удерживаетъ*).

И долженъ я молчать!

ГРАФИНЯ (*гордо и холодно, но съ при-
мѣтливѣмъ сожалѣніемъ*).

Нѣтъ, князь! Къ вамъ, вѣрно, слухъ

Дошелъ несправедливый... Не хотите-ль

Узнать вѣрнѣй... Егоръ Ивановичъ *опекунтъ*

Имѣнья моего... Графъ, отъѣзжая,

Оставилъ завѣщанье... (*На минуту останавливается и печально
продолжаетъ*).

Грустныхъ струнъ

Коснулись вы; но объяснить должна я...

КНЯЗЬ.

Помилуйте, графиня... Вы въ такомъ

Волненъи... Умоляю васъ, оставьте

Весь этотъ разговоръ...

ГРАФИНЯ (*указывая на Рельскаго*).

Такъ вы при немъ

Скажите то, что начали...

КНЯЗЬ.

Избавьте...

Княгиня лучше вамъ все это объяснить...

Я только умоляю васъ забыть

Неосторожныя слова....

ГРАФИНЯ.

Передо мною

Невиноваты вы ни въ чемъ... Вотъ передъ кѣмъ

Должны вы извиниться (*указывая на Рельскаго*), или со мною

Вы въ вѣчной ссорѣ...

КНЯЗЬ.

Tous vos ordres me sont suprêmes...

Егоръ Ивановичъ... (*Идетъ къ нему*).

РЕЛЬСКІЙ (*Оставя Лизу, приближается*).

Что угодно, князь?...

князь.

Недавно я сказалъ... вамъ было неприятно... *(Подаетъ ему руку)*.

РЕЛЬСКИЙ.

Когда-же? право я не понимаю васъ...

ГРАФИНЯ.

Да вы и не слыхали?... *(князю)* Я обратно
Беру мой приговоръ, — и мы друзья
По-прежнему... Егоръ Ивановичъ!... прикажите
Подать карету мнѣ.

князь.

Угодно-ли? — моя

къ услугамъ вашимъ...

ГРАФИНЯ *(Князю)*.

Non! merci... *(Рельскому)* Еще скажите...
*(Дѣлаетъ ему знакъ и онъ наклоняется, чтобъ на
ухо выслушать ея приказаніе. Она ему говоритъ
тихо)*.

Благодарю васъ, добрый Жоржъ мой... Вы
Умнѣй меня и осторожнѣй... *(Громко)* Лиза!...
А развѣ ты не дашь мнѣ мѣрку съ головы?...

ЛИЗА.

На чтó, ma tante? — Я право, безъ каприза,
И чтó ни купите, — за все сто разъ
Васъ поцѣлую...

ГРАФИНЯ.

До свиданья, князь...
Вы, вѣрно, съ тетушкой прїѣдете къ обѣду...

князь.

Я за княгиней въ три часа заѣду
И привезу ее... *(Раскланивается)* Tous mes hommages....
(Графиня и Рельской уходятъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

князь и лиза.
 лиза (глядя въ окно).

Какой у васъ прекрасный экипажъ.

князь.

Да! выписалъ я прямо изъ Парижа...
 Другаго въ Петербургъ нѣтъ... (Про-себя) Сказать
 Племянницѣ... оно все къ цѣли ближе...
 (Громко) У насъ съ графиней споръ недавно былъ...

лиза.

Опять?

Напрасно!... Вы ее все сердите...

князь.

Я столько

къ ней предаю, что мой долгъ велитъ ей говорить
 О слухахъ всѣхъ... весь городъ вѣдь твердитъ...
 Вы слышали, конечно?...

лиза.

Я? Нисколько!

князь.

Да! съ Рельскимъ, кажется, заговорились вы...

Я въ это время началъ говорить секретно...

Хотѣлъ открыть ей... шелъ такъ непримѣтно,

Чтобъ наконецъ коснуться до любви...

лиза.

Князь! Миѣ неужно знать секретъ вашъ... вы забыли...

князь.

Да мы и не объ этомъ говорили...

И вамъ хотѣлъ я не о томъ сказать...
 Другое обстоятельство... Съ графиней
 Вы очень-дружны... Вы-бъ должны ей открывать,
 Все, что злой свѣтъ подъ хитрою личиною
 Выдумываетъ на нее, какъ и на всѣхъ....

ЛИЗА.

Какъ! Выдумки на тетеньку?... Какіе?...

КНЯЗЬ.

Конечно, сущій вздоръ... ну, просто смѣхъ...
 Но языки на свѣтѣ есть презлые,
 И пишу имъ не надобно давать...
 Хоть клевета и вздоръ, но часто остается
 Въ умѣ на цѣлый вѣкъ... мы презирать
 Не властны мнѣніемъ людей... Борются
 Противу общества ужасно мудрено...

ЛИЗА.

Да кончите, пожалуста... Скорѣе
 Скажите, что такое...

КНЯЗЬ.

И давно

Идутъ пустые толки... чѣмъ глупѣе,
 Тѣмъ свѣтъ скорѣе вѣрять

ЛИЗА.

Что-же, князь?...

КНЯЗЬ.

Да говорятъ, а иногда подъ часъ
 И вѣрятъ, что вашъ chevalier — наемный,
 Вашъ управитель — адъютантъ, — что онъ...
 Ну, просто — что въ графиню онъ влюбленъ...

ЛИЗА.

Какъ? въ тетеньку?

князь.

Я знаю — слухъ превзорный...

лиза (весело).

Не вздорный, а смѣшной... Когда-бы знали вы...

Несправедливость, всю несообразность...

Въ графиню!... можетъ-ли что быть смѣшнѣе?... Мы

Надъ вами посмѣемся.. Можно-ль странность

Такую повторять?...

князь.

Но повторять — не вѣрять!...

И передать графинѣ просто долгъ...

лиза.

Долгъ — правду говорить... а ваша вѣсть... Кто смѣетъ

Сказать, что тутъ есть правды тѣнь?...

князь.

Мой Богъ!..

Я развѣ говорю, что это правда...

Все ложь и клевета... но вѣдь графинѣ надо

Все знать, что въ свѣтѣ говорятъ объ ней...

Скажите ей, — и послѣ смѣйтесь — сколько

Душѣ угодно...

лиза.

Но сказать еще смѣшнѣй...

Я, право, не рѣшусь...

князь.

Предупредите только

И вы увидите, — сама она

Благодарить васъ будетъ...

лиза.

Извините!...

Въ такія сплетни я мѣшаться не должна.
Есть много дамъ... Книжкичѣ поручите...
Ей это ближе и знакомѣе...

князь.

Какъ вамъ
Угодно... Я исполнилъ долгъ, а — тамъ
Я умываю руки... Пусть узнаетъ
Графиня отъ другихъ, — но не меня, а васъ
Пусть въ скромности капризной обвиняетъ...
Я буду правъ тогда...

лиза (присѣдаетъ).

Прощайте, князь! (Онъ уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VI.

ЛИЗА ОДНА.

ЛИЗА.

Влюбленъ? въ нее?... смѣшно!... а вмѣстѣ и досадно!
Съ чего возьмутъ?... Конечно про меня
Имъ не придетъ и въ мысль... А почему-жъ-бы?... странно!...
Но все равно, — пусть знаю я одна,
Что любить онъ меня, — что тайну эту
Онъ скоро самъ всему откроетъ свѣту...
До-тѣхъ-поръ онъ велитъ скрываться и молчать...
Что-жъ? Надо слушаться, когда велятъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Декорація та-же).

ЯВЛЕНІЕ I.

РЕЛЬСКІЙ и ЛИЗА.

РЕЛЬСКІЙ.

И долго князь тутъ съ вами оставался?...

Нѣтъ! нѣсколько минутъ, но надоѣлъ...

Скажите, да скажите...

РЕЛЬСКІЙ.

Какъ онъ смѣлъ

Давать комиссіи такія!...

ЛИЗА.

Но онъ клялся,

Что самъ не вѣритъ...

РЕЛЬСКІЙ.

Вѣритъ!... даже онъ

И выдумалъ... всего вѣриѣ это...

Наглецъ негодный — самъ въ графиню онъ влюбленъ,
И самъ чернить ее въ глазахъ и мнѣнн свѣта..
Но я сорву съ него личину...

ЛИЗА.

Жоржъ!

Вы общали мнѣ...

РЕЛЬСКИЙ.

И обѣщанье

Исполнилъ свято я... и перенесъ въ молчаньи
Обиду наглеца... Но разсудите, кто-жъ
Графиню защититъ отъ оскорбленья?
Не долженъ ли я жертвовать собой
Для той, которая, какъ Провидѣнье,
Какъ добрый геній, грустный жребій мой
Въ блестящій превратила?... Я графинѣ
Обязанъ всею, — и долгъ мой, счастье мое
Все въ томъ, чтобъ умереть, или защитить ее.

ЛИЗА.

Прекрасно, — по напрасно! Нѣтъ причины
Ни жертвовать собой, ни умирать.
Въ чемъ, передъ кѣмъ графиню защищать?
Ей, право, вовсе ненужна защита
Ни ваша, и ничья...

РЕЛЬСКИЙ.

Однакожъ, этотъ князь...

ЛИЗА.

Ничтожный человекъ, болтушъ...

РЕЛЬСКИЙ.

Но онъ открыто
Всею повторяетъ глупый свой рассказъ...

ЛИЗА.

Но ужнаго — не говорилъ онъ съ роду.

РЕЛЬСКИЙ.

Все такъ, но если онъ рѣшится повторить,
Его самой графиня,—онъ убить!
Я шею наглену, сверну....

ЛИЗА (смѣется).

Фи! изъ урода,
Вы сдѣлаете пугало.... Къ-чему?
Повѣрьте, передъ нею онъ не смѣетъ
Забиться.... передъ ней и дерзкой оробѣетъ,
И клеветникъ потупить взоры...

РЕЛЬСКИЙ.

Почему

Вы это думаете? Развѣ можно
Глупцовъ подъ общій подвести законъ?
Что ихъ удержитъ?...

ЛИЗА.

Честь и долгъ!

РЕЛЬСКИЙ.

Что должно

И что понятно вслѣдъ, то для глупцовъ, какъ онъ,
Не значить ничего....

ЛИЗА.

Нѣтъ! взглядъ графини

Заставитъ замолчать и самый злой языкъ...
Но перестанемте объ этомъ... вѣдь княгиня
Прѣдетъ скоро....

РЕЛЬСКИЙ.

Нѣтъ! я думаю у нихъ

Советъ домашній.... я подозреваю
Въ-чемъ дѣло?...

ЛИЗА.

Что-жъ такое? не секретъ?...

РЕЛЬСКИЙ.

Отъ васъ и у меня ихъ, вѣрно, нѣтъ...

ЛИЗА.

Неправда!..- а хандра....

РЕЛЬСКИЙ.

Я самъ не знаю,

Что говорю подъ-часъ... Вы словъ моихъ

Не слушайте, а сердцу только вѣрьте!

Какъ часто говорите то долженъ нашъ языкъ,

Что сердце отвергаетъ....

ЛИЗА.

Развѣ эти

И съ вами случаи бываютъ? Этакъ я

Подумаю, что ваше увѣренье,

Любовь и нѣжности — одни слова....

РЕЛЬСКИЙ.

Моя

Любовь?... О! какъ-бы я желалъ, чтобъ подозрѣнье

Въ дѣйствительность преобразилось...

ЛИЗА.

Какъ ?

Что это значить?...

РЕЛЬСКИЙ (опомнясь).

Ничего!... я сумасшедшій,

И только.... дайте ручку....

лиза (даетъ ему; тотъ цѣлуетъ).

Жоржъ! никакъ,

Вы нездоровы... какъ ребенокъ...

РЕЛЬСКИЙ.

Ахъ! прошедшей,

Ребяческой, невинной жизни намъ

Не воротить!... Она — теперь графиня!
Я — управитель, — вы...

ЛИЗА.

Когда конецъ мечтамъ?...

Опомнитесь.... того смотри княгиня
Подъѣдетъ, — а вы не сказали мнѣ
О чемъ у нихъ пойдутъ переговоры?...

РЕЛЬСКИЙ.

Вы любопытны?

ЛИЗА.

Да! я дѣвушка!...

РЕЛЬСКИЙ.

Однѣ

Несчастія отъ любопытства...

ЛИЗА.

Скоро

Вы захотите насъ пересоздать...
Ну, говорите-же...

РЕЛЬСКИЙ.

За это общайтесь

Поцѣловать меня....

ЛИЗА.

Когда сказать

Рѣшиться тѣтушкѣ...

РЕЛЬСКИЙ.

Не продолжайте....

Вы забываете нашъ уговоръ.

Вы знаете, что намъ скрывать надо...

Молчать....

ЛИЗА.

А передъ кѣмъ? За-чѣмъ? Вотъ споръ
Вседневный нашъ!...

РЕЛЬСКИЙ.

Для васъ какая-то отрада
Со мною спорить... Боже мой! За что
Вы мнѣ не вѣрите?... Когда-бъ вы знали
Причины всё мои!...

Да, если-бъ рассказали,

Такъ я-бъ узнала ихъ...

РЕЛЬСКИЙ.

Но ежели на то
Препятствій бездна!... я какъ сумасшедшій
Люблю васъ ... и умру, когда судьба
Насъ разлучить... Но такъ безумно любя,
Могу-ли позабыть?...

ЛИЗА.

Что?

РЕЛЬСКИЙ *(колеблясь)*.

Жребій мой прошедшій...
Обязанность и самой чести долгъ...
Я виноватъ во всемъ... но принужденъ украдкой
И съ вами говорить, и васъ любить...

ЛИЗА.

Мой Богъ!

Вы для меня становитесь загадкой...

РЕЛЬСКОЙ.

Все, все узнаете вы скоро, но теперь
Еще нельзя... Клянусь и повторяю,
Что искренно люблю васъ, обожаю,
Какъ ангела, какъ божество...

(Входитъ графиня и Лиза быстро отходитъ)

ЯВЛЕНИЕ II.

ТЪ-ЖЕ И ГРАФИНЯ.

ГРАФИНЯ (*Лизь нѣсколько сухо*).

Ma chère,

Тебя арфистъ твой ждетъ, а ты здѣсь вздоръ болтаешь.

ЛИЗА.

Мнѣ не сказала никто, ma tante...

ГРАФИНЯ.

Но вѣдь ты знаешь,

Что въ два часа приходитъ онъ... Ступай! (*Лиза уходитъ*).

Вы съ ней, Егоръ Ивановичъ, очень-пѣжно

О чемъ-то говорили...

РЕЛЬСКИЙ (*задумчиво, какъ-будто про-себя*).

Жизни рай,

И сердца адъ, какъ близки, неизбѣжны!...

ГРАФИНЯ.

Какія фразы?... Говорите просто... Вы

Зашли далеко съ ней... Она безъ головы...

Мнѣ жаль ее становится....

РЕЛЬСКИЙ.

Хотите?

Я прекращу все это...

ГРАФИНЯ.

Но сознайтесь,

Что ваше сердце тоже поддалось...

Лизета такъ мила...

РЕЛЬСКИЙ.

Не опасайтесь!..

Кумиръ я выбралъ и моихъ безумныхъ грёзъ
Не промѣняю на богинь вселенной....

ГРАФИНЯ (нѣжно).

Жоржъ! я слаба — и вѣрю... худо вамъ, —
Когда вы мнѣ заплатите измѣной!...

РЕЛЬСКИЙ.

Но развѣ это можно?... Я-бы самъ
Себя возненавидѣлъ!... Вы, кому я
Обязанъ въ жизни всёмъ!...

ГРАФИНЯ.

Вспомъ, Жоржъ!... А потому я
И сомнѣваюсь, и боюсь... Что, если васъ
Признательность, не страсть одушевляетъ?... (Садится).

РЕЛЬСКИЙ.

Какая мысль! Что такъ васъ думать заставляетъ...
Чѣмъ васъ мнѣ убѣдить, увѣрить?... Я сейчасъ
Все дѣлаю, — скажите...

ГРАФИНЯ.

Я не знаю...

Что сдѣлалось со мной... я такъ страдаю...
За-чѣмъ вы воротились? лучше мы
Не видѣлись-бы никогда другъ-съ-другомъ!...

РЕЛЬСКИЙ.

При жизни графа я любилъ васъ.... Вы
Тогда добро мнѣ дѣлали съ супругомъ...
И я глубоко страсть на сердцѣ схоронилъ!
Но волею судьбы онъ палъ... О немъ я много,
Не менѣй васъ, графиня, плакалъ я...
Вы сами знаете, потомъ какъ долго
Отыскивалъ его я тѣло, чтобъ земля
Родная — въ пѣдра приняла героя....

И все напрасно было! — Я тогда
Къ вамъ воротился...

ГРАФИНЯ.

Чтобъ лишить покоя!...

Не видѣться-бъ намъ лучше никогда!

РЕЛЬСКИЙ.

Я смѣлъ вамъ говорить о прежней страсти...

Вы сдѣлались свободною... могли

Собой располагать...

ГРАФИНЯ.

Да! только мы, къ-несчастью,

Препятствій небольшихъ не разочли...

До новаго замужства мнѣ законы

Семь лѣтъ опредѣляютъ...

РЕЛЬСКИЙ.

Почему-жъ

Князь смѣетъ свататься? Ужели миллионы

Срокъ этотъ сократятъ? Иль знатный мужъ,

Милѣй ничтожнаго маіора?...

ГРАФИНЯ (*грустно*).

Вы-ли,

Мнѣ это говорите, Жоржъ? Я васъ

Недавно къ Лизѣ ревновала... или!

Нарочно оборотъ рѣчамъ вы дали?.. Князь,

Вы знаете, для васъ какъ неопасенъ...

РЕЛЬСКИЙ.

А вамъ соперницей кто-жъ можетъ быть?

Я васъ любилъ... я въ сердцѣ былъ невластенъ...

Вы приказали мнѣ, чтобъ скрыть

Порывы чувствъ моихъ отъ клеветы, отъ свѣта,

Чтобъ къ Лизѣ обратилъ вниманье я...

ГРАФИНЯ.

Но я теперь боюсь, что хитрость эта
Похититъ ваше сердце у меня...

РЕЛЬСКИЙ.

О Боже мой! Какъ можете бояться!
Но почему-жъ я князя не боюсь?
Онъ съ вами всякой депъ изволить объясняться, —
А я молчу, страдаю и бѣшусь!..
Вы съ нимъ любезны, веселы и милы,
Онъ вамъ любовный вздоръ песеть, а вы ему
Улыбкой отвѣчаете.... Нѣтъ силы
Смотрѣть подь-часъ, — а я терплю!..

ГРАФИНЯ.

Но почему

Я дѣлаю все это? Для кого-же,
Какъ не для васъ однихъ? Какая цѣль
Заботъ и хитростей моихъ? О Боже!
И этотъ человекъ.. онъ сомнѣваться смѣлъ
Въ моей любви къ нему!

РЕЛЬСКИЙ (бросается на-колѣни).

О нѣтъ, нѣтъ! Ради Бога!

Возьмите вашъ упрекъ назадъ! О! смѣю-ль я
И мыслью оскорбить васъ!..

ГРАФИНЯ.

Вы меня

И сердце знать мое должны... Намъ много
Препятствій предстоитъ... Чтобъ ихъ преодолѣть
Любви взаимной нашей мало... Надо
Власть *свыше*... а туда достигъ и тамъ успѣть
Нужна протекцій цѣлая громада,
Намъ должно убѣдить и доказать,
Что графъ, когда-бы живъ былъ и въ плѣну, — то могъ бы
Или явиться, или написать.
Вотъ два-года, какъ миръ ужъ заключенъ!.. Легко-бы

Придумать средство, и увѣрены всѣ въ этомъ....
 Княгиня — тетушка что силы есть, одна —
 Кричить и плачетъ передъ цѣлымъ свѣтомъ. —
 «Племянникъ живъ мой — да и только!» — А она
 Сама бранить его, За то, что лишена
 Покойникомъ имѣнья родового,
 Которое онъ завѣщалъ не ей...
 Упряма, зла,—вѣтъ ничего святаго, —
 А я теперь должна ласкаться къ ней! —
 Она имѣтъ при дворѣ вліянье...
 Ея протекціи, и связи, и старанья
 Рѣшатъ все дѣло... Вдругъ, князь Бабииковъ нашелъ
 Дорогу къ милостямъ ея... Ей мысль припала
 Женить насъ... Боже мой! да я-бъ ихъ осмѣяла,
 Прогнала, — если-бы не вы!... Князь этотъ велъ
 Переговоры со старухой... Я надежду
 Обоимъ подаю, что, можетъ-быть рѣшусь,
 На этотъ бракъ... однако-же не прежде,
 Какъ полную дадутъ свободу мнѣ. — Такъ пусть
 Хлопочутъ и трудятся... наше счастье
 Отъ этой хитрости зависить...

РЕЛЬСКІЙ.

О! во всемъ,

Во всемъ я виноватъ!.. Но и въ моей-ли власти
 Порывы сердца удержать?...

ГРАФИНЯ.

Все въ томъ

Спасеніе теперь.

РЕЛЬСКІЙ.

Но ежели рѣшенье

Верховной власти вамъ свободы не отдастъ?...

Графиня! — что тогда?... Ужель мученье

Шесть лѣтъ переносить? Ужель страсть

Таить отъ свѣта и страдать?...

ГРАФИНЯ (печально и торжественно).

Тогда, Жоржъ милый,—

Одно соединенье намъ — могила!
 Но въ этой грустной жизни мы свой долгъ
 Исполнимъ.... чтобы совѣсти упрекъ
 Не мучилъ насъ ни въ счастья, ни въ несчастья...
 Теперь мы счастливы, — по въ нашей страсти
 Проступка нѣтъ и мысли ни одной.
 Теперь, какъ дѣти, мы и чисты, и невинны,
 И передъ совѣстью и сами предъ собой!
 Пусть намъ грозить судьба и люди.. Но святыхъ
 Мы этой не нарушимъ никогда!
 Страдать и умереть должны мы безъ стыда!

РЕЛЬСКИЙ.

Что-жь дѣлать мы тогда должны?...

ГРАФИНЯ.

Разстаться!

РЕЛЬСКИЙ.

На долго?

ГРАФИНЯ.

Навсегда!... Мой милый Жоржъ!...

Не предавайтесь такъ отчаянью...

РЕЛЬСКИЙ.

Но что-жь

Я съ жизнью буду дѣлать?...

ГРАФИНЯ.

Дождаться!...

И, если можете, — любить....

РЕЛЬСКИЙ.

Шесть лѣтъ!...

И вѣчность — для любви ничто! — Но безъ надежды....

Безъ счастья.... безъ взаимности!... Нѣтъ, нѣтъ!...

Вы не любили... Ждать шесть лѣтъ?—Я прежде

Сто разъ умру... Нѣтъ! я изъ вашихъ словъ

Графиню — вижу, долгъ, приличье, — не любовь!

ГРАФИНЯ.

Жоржъ! Лучше васъ самихъ я ваше сердце знаю...
 Мужича вы, — и ваша страсть — слова!
 Въ васъ говорить, не сердце — голова!
 Судите, какъ люблю я васъ... — Я васъ — прощаю,
 За вспышку, за сомнѣнье.. Дай-то Богъ,
 Чтобы вы вспомнили свои слова и долгъ,
 И чтобы мнѣ прощать не довелось *другаго!*..

ЯВЛЕНИЕ III.

СЛУГА, ПОТОМЪ КНЯГИНЯ ВѢТРИНСКАЯ.

СЛУГА (*докладывая*).

Ея Сіятельство Княгиня... (*Княгиня входитъ*).

княгиня (*обнимая графиню*).

Ma toute belle!

Душа моя, мой ангелъ!.. На полслова
 Къ тебѣ заѣхала... Князь Бабиновъ хотѣлъ,
 Чтобы я обѣдать здѣсь осталась... *Impossible!* —
 За мной прислалъ Свѣтлѣйшій... у него
 Обѣдъ *pour les intimes*... и дѣла твоего
 Я не забуду... C'est une chose pénible...
 Я не охотно за него взялась...
 Но ужъ разжалобилъ меня повѣса — князь...
 Я все надѣялась, что чудомъ, что волшебствомъ...
 Ну, какъ въ романахъ я читала.. вдругъ мужъ твой...
 Въ плѣну... тутъ дѣва и любовь... и бѣгствомъ
 Они спасаются... Погоня...

ГРАФИНЯ (*прерывая ее*).

Боже мой!

Какъ пламенно у васъ воображенье...
 Романъ чудесный, chère Princesse! — А въ заключенье,

Забьли вы одну бездѣлицу... Мужъ мой
Чтобы плѣнить Турчанку, — вѣрно снова
Помолодѣлъ .. Вѣдь онъ совсѣмъ сѣдой...

княгиня.

Да! маленькой анахронизмъ!... Но у много
Писателя и не такіе есть...
А жаль, — я эту такъ идею полюбила...
Я живо такъ ее себѣ вообразила,
Такъ хорошо умѣла все разсчитать...
Ну! это не сбылось... Что дѣлать, ma chérie?...
И многія мои не сбылися мечты!...
Я ужъ привыкла... Но теперь.. Je suis ravie...
Ты будешь счастлива... Твой Князь... Однакожъ ты
Рѣшительно скажи мнѣ... Ты согласи
Вѣдь выйти за него?...

графиня.

Ah! mon aimable Princesse! —
Какъ вы жестоки! вамъ сказать?... Прекрасно! —
Васъ, вѣрно, князь просилъ?... Онъ давеча мнѣ здѣсь
И объяснялся и меня предупреждалъ,
Что вашъ визитъ... Теперь я понимаю...
Ah! que c'est traître!... Я васъ умоляю...
Вы такъ устройте, чтобъ онъ не узналъ
Ни о любви моей, ни о моемъ согласьи,
Покуда мнѣ свободы не дадутъ...
Мужчина долженъ ждать и умолять о счастья...
Какое-же великодушье тутъ,
Когда зарапѣй онъ меня принудить хотѣтъ
Къ согласью и любви! — Ah! ma chère tante!
Возьмите сторону мою... Пусть онъ хлопочетъ,
Бойтся, проситъ, ждетъ...

княгиня.

Ma toute charmante! —
Ты права... Эти всѣ мужчины... Я ихъ знаю...
Ты недовѣрчива, — и я не упрекаю...
Я испытала много — и была

Нерѣдко жертвою... Mais laissons cela!...
 Ты, между нами, для меня одной дашь слово,
 Что съ получениемъ свободы, -- ты принять
 Любовь и сватовство его готова ..
 N'est-ce-pas, ma chère?

ГРАФИНЯ.

Что-жь мнѣ повторять!...

Я вамъ давно... та bonne Princesse, сказала,
 Что князь мнѣ нравится, что онъ забавень, милъ...
 Что страсть его я знала, одобряла...
 Но чтобы онъ меня не мучилъ, не тѣснилъ...
 Я наградить хочу его любовь, терпѣнье...
 Но прежде я хочу свободной быть...
 А вначе — вѣдь это принужденье,
 Которое ему не можетъ вовсе льстить...

КНЯГИНЯ.

Ну, такъ и быть! тебѣ хочу я вѣрить...
 И постараюсь Свѣтлѣйшаго склонить..
 Вѣдь ты со мной не будешь лицемерить! —
 Ты не захочешь жить вдовой... А выходить
 Ужъ лучше-же всего за князя... Онъ такъ смотритъ,
 Чтобы въ мужа спокойные попасть...
 Онъ ничего, повѣрь, не вздумаетъ испортить,
 И въ чувствахъ и въ дѣлахъ ты сохранишь всю власть...
 Ma chère! я знаю, — намъ вѣдь только-то и надо!...

ГРАФИНЯ.

Bonne tante! Повѣрьте, что не эта цѣль.

КНЯГИНЯ.

Allons!

Petite Tartufe! я знаю все... но рада
 Судьбу твою устроить... Finissons!...

ГРАФИНЯ.

Что-жь знаете вы, chère Princesse?

княгиня.

Да очень-много...

И глупенькой твой князь мнѣ порученье далъ
 Поговорить съ тобой... Да это будетъ долго...
 Смѣшно, чтобъ стала я читать тебѣ мораль...
 Мы женщины, — другъ друга отгадаемъ.
 Пооглядѣлись въ свѣтѣ.. понимаемъ,
 Къ чему природа создала мужей...
 Ton aide de-camp недурень... Только должно
 Его пуссировать...

графиня.

Mais, ma chère tante... ей, ей!

Я васъ не понимаю...

княгиня.

Развѣ можно

Со мной секретничать? Allons, ma belle!
 Вѣдь мнѣ подь шестдесятъ... Я-кое что видала...
 И за племянника, когда ты вышла, — цѣль
 Твою я очень-ясно понимала.
 Но между нами такъ заведено,
 Что будто мы не видимъ и не знаемъ...
 Приличіе!... Вотъ ежели оно
 Нарушено!... о! тутъ мы поднимаемъ
 И крикъ, и шумъ, и всю строжайшую мораль...
 Приличіе! всего и выше и нужнѣе.
 Оно для женщинъ ширмы... Кто видалъ,
 Чтобы заглядывать за нихъ!... Умиѣ
 Ихъ падо только обкленть, чтобъ свѣтъ
 Снаружи видѣлъ все достоинства, познанья, —
 И добродѣтели, и дароваья...
 Приличіе! да, да, ma chère! вотъ весь секретъ! —

графиня.

Ни внутренно и ни наружно, вѣрно,
 Не нарушала я его. И признаюсь,
 При всемъ умѣ и зоркости примѣрной,

Что вы нашли, не знаю — чтобъ союзъ
Мой съ графомъ опорочить!... Я душою
Его любила, уважала...

княгиня.

Mais sans doute!

Какое-же, ma chère, сомнѣнье тутъ!...
И я, и весь нашъ кругъ довольны всѣ тобою...
Ты очень-мило съ старикомъ жила...
Любила, можетъ-быть... ну, какъ и всѣ мы любимъ
Своихъ мужей и долъ супружескій... C'est cela!...
Мы никогда приличій не забудемъ...
Мужъ *все* для насъ! нашъ другъ, защитникъ, стражъ, —
Такъ говорить законъ, — а въ-самомъ-дѣлѣ
Онъ только нашъ слуга... дворецкій нашъ,
И служить намъ къ гораздо-лучшей цѣли...
Онъ наши — ширмы... Что бѣ за ними мы
Ни дѣлали, онъ знать не долженъ *en ami!*
А отвѣчать за все обязанъ передъ свѣтомъ!...
Вотъ, chère comtesse, — и весь секретъ нашъ въ этомъ!

ГРАФИНЯ.

И вы подумали, ma tante!...

княгиня.

Ah! finissez!

Что ты теперь, ma chère, — мы то-же были всѣ, —
Ты будешь то, что мы... Такъ все на свѣтъ!...
Что за бѣда? тебѣ по сердцу *aide de camp*...
И натурально! Только вещи эти
За ширмы прячь... На то и мужъ закономъ данъ!...
И твой князь Бабиновъ — таковъ, какъ надо! —
Любя тебя, я выбрала его, —
И повторяю, — онъ не спортитъ ничего...
Однакожь мнѣ пора.. я заболталась... Рада
Поговорить отъ искренной души...
Прощай-же, mon chère ange!... Послѣ обѣда
Я прискачу къ тебѣ... Надѣюсь, что побѣда
Останется за нами... Не тужи!

Будь веселѣй!... Тебѣ я привезу свободу...
 Adieu, ma toute charmante!... Въ огонь и въ воду
 Пойду я за тебя... Ты такъ мила! (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

ГРАФИНЯ ОДНА, ПОТОМЪ ЛИЗА.

ГРАФИНЯ.

Вотъ до чего я, Боже мой, дошла! —
 И это прошлое столѣтье вобразило,
 Что я... о! посмѣюсь-же я надъ ней
 И надъ фалангой этой гордой всей,
 Когда удастся мнѣ... Не знаю, что стѣснило
 Мнѣ грудь... Ужель предчувствіе души?
 Ужели Жоржъ?... Нѣтъ! въ немъ могу-ль я сомнѣваться?...
 Онъ мой!... Какой соперницы бояться?...
 Отеюда мы уѣдемъ, — и въ тиши,
 Въ деревнѣ поселимся... Тамъ мы будемъ
 Жить для любви одной, — и этотъ свѣтъ,
 Блестящій мишурою, позабудемъ! —
 Мы въ немъ ненужны, да и намъ въ немъ нужды нѣтъ!

ЛИЗА (входя, про-себя).

Ахъ, вотъ она! Какъ я начну?... Боюсь!...
 А утаить не смѣю... Если князь
 Рѣшится самъ сказать...

ГРАФИНЯ (увидя ее).

Ахъ! это ты! (про-себя). Дивлюся

Сама-себѣ. Невольно всякій разъ
 Стѣсни тебя сердце, какъ ее увижу
 (Ей). Что новаго, ma chère?...

ЛИЗА.

Да ничего.. Сказать
 Я вамъ хотѣла... (Останавливается).

ГРАФИНЯ (*ласково*).

Что такое?

ЛИЗА.

Вы-же

Мнѣ говорили, чтобъ не смѣть скрывать
Отъ васъ ни чувствъ своихъ, ни мысли.

ГРАФИНЯ (*про-себя*).

Что это значить? Неужель она
Рѣшилась мнѣ сказать?... такъ смущена...
Бойтся... (*Ей, ласково*). Что-жь; та снѣге?... Я жду секрета... или
Онъ такъ тяжолъ, такъ важенъ...

ЛИЗА.

Я боюсь,

Что вы разсердитесь...

ГРАФИНЯ.

А послѣ помирюсь...

Я опытнѣй тебя и старше, — такъ совѣты
Мои тебѣ полезны могутъ быть...
Поищемъ средствъ, какъ горю пособить...
Ну, говори-жь скорѣй свои секреты...

ЛИЗА.

Да это не мои, ma tante... А ваши.

ГРАФИНЯ (*съ живостію*).

Что?...

Что ты сказала?

ЛИЗА.

Да!... вотъ видите-ль, въ чемъ дѣло...
Князь давича... все вздоръ болталъ какъ угорѣлой...
Вы знаете его... Такой пустой...

ГРАФИНЯ.

Что-жь обо мнѣ онъ говорилъ?

ЛИЗА.

Да много...

Онъ даже поручилъ мнѣ васъ предупредить...
Да только вздоръ такой... Смѣшно.

ГРАФИНЯ.

Все можетъ-быть...

Однакожь кончи...

ЛИЗА.

Онъ твердилъ мнѣ долго...

Что слухи въ городѣ идутъ объ васъ...
Что будто... Ma chère tante... Вы знаете, что князь
Всегда былъ злой, ничтожный пустомеля...
Ужъ вѣрно выдумалъ и распускаетъ — онъ...

ГРАФИНЯ.

Да кончи-жь, Лиза...

ЛИЗА.

Слухъ объ Рельскомъ... Онъ влюбленъ...

Весь городъ думаетъ... что въ васъ...

ГРАФИНЯ (вспыхнувъ).

Въ меня!... ты смѣла

Объ этомъ съ княземъ говорить?...

ЛИЗА.

Не я,

Ma tante!... Онъ самъ...

ГРАФИНЯ.

Онъ самъ глупецъ, — а ты...

ЛИЗА.

За что-же

Вы сердитесь?...

ГРАФИНЯ (опомнясь).

Кто? я?... Да ты съ ума сошла...
 Миѣ только этотъ князь... Съ чего онъ взялъ?... (про-себя). О
 Боже!

Сама себѣ я измѣняю... Чтѣ-жѣ
 Еще онъ говорилъ?...

ЛИЗА.

Все вздоръ одинъ, все ложь...
 Онъ говоритъ, что отъ другихъ узнать все это
 Вамъ будетъ неприятнѣй... миѣнье свѣта
 Тогда на васъ возстанеть...

ГРАФИНЯ (проницательно глядя).

Чтѣ-же ты
 На это сумазбродство отвѣчала?..

ЛИЗА.

Что отвѣчать на глупости, мечты?...
 Забавно было, — я ихъ осмѣяла!
 И не взялася вамъ пересказать...
 Какъ можно миѣ мѣшаться въ эти сплетни!...
 Но вы должны-же были ихъ узнать?...

ЯВЛЕНИЕ V.

ТѢ-ЖЕ И РЕЛЬСКІЙ.

РЕЛЬСКІЙ (Лизѣ).

Васъ, mademoiselle, — модистка ждетъ въ передней...
 Въ картонѣ чтѣ-то принесла...

ГРАФИНЯ.

Букетъ,
 Который ты просила, и гирлянда...

Примѣрь... падѣнь ихъ... надо посмотрѣть...
Вѣдь завтра маскарадъ, все приготовить надо...

ЛИЗА.

J'y vais, ma tante... (*уходитъ*).

ГРАФИНЯ.

Вы слышали-ли, Жоржъ, —
Что князь осмѣлился дать Лизѣ порученье...

РЕЛЬСКИЙ.

Все слышалъ... Лиза мнѣ сказала...

ГРАФИНЯ.

Что-жь

Вы отвѣчали ей?...

РЕЛЬСКИЙ.

Что князь одно презрѣнье

Заслуживаетъ выдумкой своей...

А впрочемъ, что-жь предъ вами притворяться!...

Я долженъ былъ всѣмъ этимъ восхищаться...

Злость князя ускорить судьбы моей

Блаженство, — или вѣчное несчастье...

ГРАФИНЯ.

Опять мужчина, эгоистъ!... ужли

Въ порывахъ истинной или мнимой страсти

Вы думать только *о себѣ* — могли?...

А ни полчувства нѣтъ для *той*, которой

Вы столько клятвъ готовы наказать,

Чтобъ послѣ ни одной, быть-можетъ, не сдержать?...

Но все-равно.. Вы правы, Жоржъ!... и скоро

Рѣшится наша участь... можетъ-быть,

Еще сегодня.. Вы согласны-ли со-мною

Уѣхать, жить въ деревнѣ, — посвятить

Себя, всю жизнь любви моей?...

РЕЛЬСКИЙ (бросается на колъни).

О! всей душою

На жизнь, на вѣчность вамъ принадлежу...

(Въ эту минуту входитъ князь, держа записку, — и увидя, останавливается. Тѣ быстро отходятъ другъ отъ друга).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ-ЖЕ И КНЯЗЬ.

КНЯЗЬ.

Pardon, comtesse!.. Я такъ спѣшилъ... и нахожу
 Что могъ-бы подождать.. что безъ доклада...
 Къ вамъ... да и кажется ко всѣмъ... — входить не надо...
 Я виноватъ...

ГРАФИНЯ.

Что вамъ угодно было, князь?...

КНЯЗЬ.

Я виноватъ... хотѣлъ обрадовать я васъ...
 Къ Свѣтлѣйшему я проводилъ княгиню...
 Она велѣла мнѣ въ каретѣ подождать...
 И черезъ часъ вдругъ выслала сказать,
 Чтобъ я летѣлъ сюда... обрадовать графиню...
 Въ запискѣ этой можете прочесть
 Все содержаніе... но только мнѣ сдается,
 Что въ этой радости — товариши мнѣ есть...
 И что, быть можетъ, мнѣ съ княгиней приведется
 Таскать каштаны для другаго... Эта роль
 Не очень-лестна..

ГРАФИНЯ (взяла уже записку и прочла).

Милый князь, — не знаю

Какъ васъ благодарить! — и если сердца боль
 Я дружбой изцѣлить могу...

князь.

Я понимаю...

И ожидаль... одна княгиня въ дуракахъ...
Объ васъ не смѣю говорить... Вы властны
Компрометировать себя во всѣхъ глазахъ...
Вы начиталися романовъ... вы такъ страстны...

РЕЛЬСКИЙ.

Князь! если вы осмѣлитесь сказать
Еще хоть слово...

князь.

Счет мажор! Вы испугать
Меня никакъ хотите? Трудъ напрасный!
Я, право, на дуэль не соглашусь...
Изъ за чего мнѣ драться?...

РЕЛЬСКИЙ.

Такъ вы трусь...

князь.

Фи! что за мысль!... *любовникъ* я несчастный,
— И только! Ну, а вы...

РЕЛЬСКИЙ.

Князь! я просилъ

Не продолжать...

графиня (*становясь между ними*).

Я, господа, надѣюсь,

Что вы въ присутствіи моемъ...

князь.

Осмѣлюсь

Напомнить вамъ, *comtesse*, что я не выходилъ
Изъ должнаго приличья и почтенья...
Вамъ не угодно-ль этотъ дать совѣтъ
А votre Major?...

ГРАФИНЯ.

Къ чему всѣ объясненія? —

Всѣ сцены?... Вы узнали мой секретъ...

Тѣмъ лучше!.. я не думаю скрываться...

Вы были такъ добры, что привезли мнѣ, князь,

Записку эту... въ ней мнѣ вѣжливо признаться

И тутъ-же написать сей часъ

Мой выборъ... *(Подходитъ къ столу и быстро пишетъ).*

Вотъ онъ!... Никогда другаго

Не-сдѣлаю я, князь,... и васъ прошу отдать

Княгинѣ-тетушкѣ... *(отдаетъ)* Для свѣта злаго

Есть случай поязвить, потолковать...

Я не боюсь его... Я уѣзжаю...

Насмѣшекъ не услышу мелкихъ душъ...

Ко мнѣ въ деревню, князь, — на свадьбу, приглашаю...

Я буду счастливой женой — и вотъ мой мужъ!

*(Указывая на Рельскаго)**(Въ эту минуту слышенъ дикій крикъ Антипы).*

князь.

Mon Dieu!

ГРАФИНЯ.

Что это значитъ?

князь.

Что случилось...

(Съ увеличившимся крикомъ, въбѣгаетъ Антипа и бросается на колѣни передъ графиню).

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТѢЖЕ И АНТИПЪ.

АНТИПЪ.

Ахъ-ти! пропали мы. Господь ты мой!

Прогнѣвался на насъ...

РЕЛЬСКИЙ (*схватывая его*).

Болванъ! Да что съ тобой!...

АНТИПЪ.

Егоръ Ивановичъ!... грѣхъ вамъ! приключилось
Такое чудо!... На колѣни поскорѣй...
Молитесь... зачурайтесь... Ей же-ей!...
Весь домъ бѣжалъ... всѣ вопятъ какъ въ пожарѣ...

РЕЛЬСКИЙ.

Да что? ты скажешь-ли, негодный, наконецъ?...

АНТИПЪ.

Да вы повѣрите-ль?... вѣдь всѣ не вѣрятъ баре...
О! Господи спаси насъ!... Графъ пришелъ, — мертвецъ!...

ВСѢ.

Кто? Что? Какъ?

АНТИПЪ.

Ахъ, Творецъ!.. да говорятъ — бѣгите...
Я двери подержу... умру за васъ...
(*Слышенъ увеличивающійся шумъ*).
Вотъ онъ ужъ близко... ахъ, настала мой смертный часъ!

КНЯЗЬ.

Ужели?

РЕЛЬСКИЙ.

Быть не можетъ...
(*Голосъ графа за дверьми*) — Отворите!...
Я живъ... я не мертвецъ...

РЕЛЬСКИЙ (*радостно*).

Онъ самъ! онъ самъ!...

(*Отталкиваетъ Антипа, отворяетъ дверь и бросается*

въ объятія графа. Графиня то же дѣлаетъ съ крикомъ движеніе впередъ, но падаетъ безъ чувствъ. Выбѣгаетъ Лиза — и всѣ бросаются къ графинь).

князь (Про себя).

Да! очень нужно... Могъ остаться-бы и тамъ...

Вдругъ трое насъ сошлось... Поберегу записку...

А пуще драгоценную приписку.

(Тихо уходитъ. Завѣса опускается).

=

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(Та-же декорация).

=

ЯВЛЕНІЕ I.

ГРАФЪ И КНЯГИНЯ (сидятъ).

КНЯГИНЯ.

Надѣлалъ-же ты дѣла!... воротился!...
Отъ удивленья не могу придти въ себя!...

ГРАФЪ.

Кого такъ любятъ, какъ меня, — того судьба
Всегда щадить...

княгиня.

Оно конечно!... Удивился,
Я думаю, весь Дворь...

ГРАФЪ.

Э! Богъ съ нимъ! что мнѣ Дворь!...
Я плакалъ какъ дитя, я былъ готовъ забыться
Когда увидѣлъ Ту, которой взоръ
Живить всю Русь, — когда сама Царица
Обрадовалась мнѣ и даже... стою-ль я
Того?... когда она со мною прослезилась!...
Она! Ея слеза!...

княгиня.

Да! это точно милость...

ГРАФЪ.

Какая милость?... Жизнь ничтожная моя
И безъ того не ей ли и отчизнѣ
Принадлежить?... Но царская слеза...
Она тамъ вписана... ей небеса
Жилище, Богъ — награда въ вѣчной жизни!...
Я такъ растроганъ былъ, такъ счастливъ...

княгиня.

Что забылъ

Объ насъ и объ женѣ... не извѣстилъ
Ни строчкой...

ГРАФЪ.

Къ вамъ писалъ я изъ Херсона...
Но, вѣрно, самъ скорѣй письма поспѣлъ...
Ужъ въ этомъ я не виновать, — летѣлъ
На крыльяхъ счастья и любви...

княгиня.

Да! слезъ и стона

Здѣсь много было безъ тебя... но и приѣздъ
Нечаянный надѣлалъ было бѣдъ...
Твоя жена...

ГРАФЪ.

Э, все давно прошло! Мы съ нею
 Наплакаться успѣли, — и она
 Меня простила, обнимала... Одна
 Осталась слабость... я поспѣшностью своею
 Конечно глупо напугалъ ее...

КНЯГИНЯ.

Да! точно напугалъ... твой графиня
 Примѣрная жена... въ отсутствіе твое...
 Она вела себя чудесно...

ГРАФЪ.

Эхъ, Княгиня!

Кто-жъ сомнѣваться въ этомъ могъ?...

КНЯГИНЯ.

Mon cher!

Нашъ вѣкъ привыкъ ни въ чемъ не сомнѣваться
 И ничему не вѣрять... Напримѣръ...
 Всѣ думали, что ты погибъ, — и я, признаться,
 Повѣрила, а все противу всѣхъ
 Стояла за тебя горой, не соглашалась...
 Почти два года... это цѣлый вѣкъ!..
 Ну, и жена твоя... я удивлялась
 Любви ея и вѣрности къ тебѣ...
 Иныя жены при мужьяхъ... Ну, да Богъ съ ними!..
 А тутъ вдова... два года... Кто судьбѣ
 Не покорится наконецъ!... Съ жизнью
 Бываютъ случаи такіе, что хоть брось...
 А тутъ ужъ я... да! я сама, ветушилась
 И съ полгода все толковала, билась,
 Чтобъ убѣдить ее... да, милый! мнѣ пришлось
 Самой ей сватать... вѣдь смѣшно-же жить вдовою!..
 И въ двадцать лѣтъ! — Свѣтлѣйшій самъ сказалъ...

ГРАФЪ.

Эхъ, тетушка! люблю я васъ душою, —
 А лучше, если-бъ вы жены печаль,

Любовь и вѣрность, какъ души святыню,
 Не трогали своимъ ничтожнымъ сватовствомъ...
 И даже лучше, если-бы о томъ
 Не говорили мнѣ...

княгиня.

Мой другъ! твою графиню
 Должна-же я, какъ чудо расхвалить...
 Въ нашъ вѣкъ она была такая рѣдкость...
 Ну, а нельзя-жъ себя убить, похоронить
 Для мужа-мертвеца... такая вѣрность
 Была-бы черезъ чуръ смѣшна...

графъ.

А кто-же былъ

Счастливецъ, въ которому судили
 Быть мнѣ преемникомъ?...

княгиня.

О! мы не уронили
 Приличія... И онъ давно ее любилъ...
 Но безнадежно... Ты его здѣсь встрѣтилъ.
 Онъ отъ меня съ запиской пріѣзжалъ,
 Когда свалился ты къ нимъ будто съ неба...
 Князь Бабиловъ...

графъ.

Его я не видалъ...

А просто, можетъ-быть, и не замѣтилъ...

княгиня.

Немудрено, и кто-бъ воображалъ
 Что ты воротнешся... я думаю вы оба
 Казались привидѣньями...

графъ (*задумчиво*).

И князь

Имѣлъ уже ея согласье?...

княгиня.

Къ сожалѣнью,

Не получилъ еще... но я взялась,
И наконецъ склонила-бъ, безъ-сомнѣнья...

графъ.

Я очень-благодаренъ вамъ...

княгиня.

Какъ ты смѣешь!

Ты злонстъ — какъ истинный мужчина...
Вы скоро установите законъ,
Что-бъ и по смерти вашей...

графъ.

Эхъ, княгиня!

Къ чему весь этотъ разговоръ?.. Женѣ
Я вѣрилъ жизнь и честь, — и вѣрилъ ей вполнѣ...
Я старъ былъ для любви ея, но не для дружбы...
Не мнѣ, а памяти моей она вѣрна
Осталась...

княгиня.

Да! ты счастливъ! и жена

Твоя межъ нами диво.

графъ.

Что мнѣ пужды

До свѣта и другихъ! — Я мнѣнья ничьего
И не спрошу объ ней... Два года я томился
Въ плѣну, въ несчастіи, — по сердца моего
Сомнѣнье не коснулось... Я молился
О томъ, чтобъ умереть на родинѣ своей, —
И Богъ мольбу мою услышалъ! — Но сомнѣнье
Пустое, низкое къ женѣ моей,
И въ мысль не приходило... Подозрѣнье
Унизило-бъ меня, а не ее...
Кто, чувствуя ничтожество свое,
Не вѣритъ и хитритъ — тотъ стѣбитъ быть обманутъ;

Но кто съ довърчивой и чистою душой
 Все отдалъ: — имя, честь, любовь и жребій свой,
 Того, повѣрьте мнѣ, обманывать не стануть.
 Довѣрчивому трудно измѣнить...
 Хитрецъ обманутый — всёмъ жалокъ, всёхъ смѣшить...
 Довѣрчивый добрякъ — внушаетъ сожалѣнье, —
 И обмануть его — не стыдъ, а преступленье! —

княгиня.

Притомъ-же у тебя тутъ Аргусъ былъ такой...
 Твой адъютантъ...

графъ.

Ахъ! Жоржъ безцѣнный мой!..

Да! на него я могъ и мертвый положиться...
 При Ларгѣ онъ меня отъ смерти спасъ...
 Но при Кагулѣ... въ тотъ несчастный часъ...
 Онъ долженъ былъ со мною разлучиться...
 Я самъ послалъ его къ Румянцову... Ну, что-жь?
 Онъ здѣсь опекуномъ имѣнья былъ назначенъ...
 И этотъ выборъ, вѣрно, былъ удаченъ...

княгиня.

О! на счетъ честности — онъ образецъ — твой Жоржъ!..
 Въ два года все твое поправлено имѣнье, —
 Долги заплачены... на удивленье
 Онъ велъ твои дѣла... онъ опекунъ такой,
 Какого и не сыщешь ужъ другаго...
 Онъ лучше, строже былъ хозяина пнаго...
 Смотрѣлъ за всёмъ — и даже за женой!..

графъ.

И славно! значить, долгъ онъ помнитъ дружбы...
 А впрочемъ онъ ей всёмъ обязанъ, — такъ вдвойнѣ,
 Какъ другъ и адъютантъ онъ исполнялъ долгъ службы, —
 И цензоръ былъ и опекунъ жевѣ...
 Я это зналъ впередъ, — и не забуду. —
 Мы съ нимъ сочтемся скоро, можетъ-быть...
 Я за него просить Царицу буду, —
 А самъ его не въ силахъ наградить!..

княгиня.

Нѣтъ! и объ этомъ-бы подумать надо! —
 И если хочешь, я тебѣ подамъ совѣтъ...
 Пріятна каждому служебная награда...
 Но можно и еще пріятнѣе имѣть...
 И мы съ тобой хоть Жоржа расхвалили, —
 Но надо правду говорить, мой милый,
 Онъ молодъ, недуренъ собой, такъ ты поймешь...
 Что въ эти лѣта можно и забыться...

графъ (*весело*).

Что жъ, развѣ было что?

княгиня.

Такъ... пустяки... твой Жоржъ
 Почти влюбился... началъ волочиться...
 Къ-несчастью — высоко опъ залетѣлъ...
 Притомъ-же и предметъ несчастной страсти
 Была замужня...

графъ.

Какой пострѣлъ!..
 Другихъ въ рукахъ держалъ, а самъ...

княгиня.

Такъ изъ участія
 Къ нему — хотѣла я его женить...

графъ.

И славно вздумали... Ну, а за кѣмъ-же
 Онъ вздумалъ волочиться?..

княгиня.

Я чернить
 И сплетничать не буду, — и зачѣмъ-же
 Пустые слухи повторять?.. Она
 Извѣстна при Дворѣ... притомъ жена
 Порядочнаго человѣка.. вѣроятно,

Она и пошутила, — а бѣднякъ...

ГРАФЪ.

Да! вашихъ дамъ я знаю.. Вѣчно такъ!
Имъ это шалость, — весело, пріятно..
А тотъ, кто имъ попался въ передѣлъ,
Какъ мученикъ томится, изнываетъ,
То жизнь свою клянеть, то счастья ожидаетъ;
А чѣмъ все кончится? что всей интриги цѣль?..
Для шутки голову вскружить — и посмѣяться!

княгиня.

Такъ Жоржа надо отъ бѣды спасти..
Интриги могутъ вѣдь и иначе кончаться!..
И кто кого тутъ хочетъ провести, —
Вещь перѣшленная.. Такъ мы давно собирались
Уладить это сватовствомъ...

ГРАФЪ (смѣясь).

Какъ васъ
По этой страсти не узнать!.. Тамъ князь, —
Тутъ Рельскій, — и невѣсты отыскались!..
Ну, а кого-жъ за Жоржа выдать намъ?..

княгиня.

Племянницу жены твоей...

ГРАФЪ.

Какъ?.. Лизу?..
А знаете-ль, что мысль прекрасная! Я вамъ
Душевно благодаренъ... Я увижу..
Поговорю съ женой... и мы уладимъ...

княгиня.

Да почему-жъ не прямо съ Лизой?..

ГРАФЪ.

Нѣтъ!

Жена — была ея подругой дѣтскихъ лѣтъ...
И Рельскій съ ними взросъ... Такъ мы не станемъ
Секретничать отъ нихъ...

княгиня.

Ну, какъ ты хочешь...

Я только думаю... Графинѣ, можетъ-быть,
И не понравится идея эта... Скрыть
Конечно ты не долженъ и не можешь...
Онѣ такъ дружны... Ну, да дѣло не мое...
А если эта свадьба состоится, —
То мнѣнъ я еще тебѣ скажу свое...
Ушли куда-нибудь ты Жоржа... Пусть Царица
Его по просьбѣ наградитъ твоей...
Дастъ мѣсто, чинъ... ну, что въ душѣ своей
Ты вздумаешь, да только-бы подальше...

ГРАФЪ.

Вотъ мило! у меня есть въ свѣтѣ другъ одинъ, —
И вы хотите для пустыхъ причинъ,
Для барынь вѣтреныхъ.. (которыхъ даже
Мнѣ не хотите и назвать) чтобъ я
Съ любезнымъ Жоржемъ разлучился!.. Это
Ужъ слишкомъ-много!

княгиня.

Ну, а если голось свѣта, —
А если будетъ самъ онъ умолять тебя...

ГРАФЪ

Тогда... да это быть не можетъ...

княгиня.

Что-же

И говорить заранѣ? Мнѣ пора...
Прощай, mon cher!.. Я завтра со двора
Ни шагу... буду ждать тебя... быть-можетъ
Мы и уладимъ все... Прощай... чай князь

Къ тебѣ съ визитомъ явится... Смотри-же
Ты не вспыли... не дай ему замѣтить...

ГРАФЪ.

Васъ

И вашей тайны я не выдамъ.

княгиня.

Если ближе

Ее узнаешь, то похвалишь и меня...

Прощай, мой милый другъ... Господь съ тобой! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНИЕ II.

ГРАФЪ, ПОТОМЪ АНТИПЪ.

ГРАФЪ.

Вѣдь если-бы не сватала она,
Да меньше говорила — то душою
Нельзя не полюбить ее... *(Антипъ входитъ).*

А! ты Антипъ!..

Что скажешь? что, прошелъ-ли страхъ твой?..

АНТИПЪ.

Ваше

Сіятельство, — не вспоминайте... наше
Холопское вѣдь дѣло — глупо...

ГРАФЪ.

Ты-бъ

Со страха хоть другихъ-то не пугаль...

АНТИПЪ.

Какъ-же

Тутъ было удержаться? Дворянъ вся
Какъ взвидѣла, такъ завопила... я
Еще смѣлѣй всѣхъ былъ... Егоръ Ивановичъ даже
Весь поблѣднѣвши былъ...

ГРАФЪ.

Ужъ, вотъ и лжешь...

Вы безъ него меня-бъ и не впустили...

АНТИПЪ.

Какъ-можно-съ?..

ГРАФЪ.

Такъ-же! вы и двери загворили...

Ты крѣпко ихъ держалъ...

АНТИПЪ.

Я-съ? неужли?..

ГРАФЪ.

Хорошъ!..

Ну, что-жь теперь мнѣ скажешь?..

АНТИПЪ.

Слава Богу,

Что воротился нашъ родной отецъ!..

Безъ васъ...

ГРАФЪ.

Что, братъ, — васъ тутъ держали строго...

Я слышалъ... мой Егоръ Ивановичъ — молодецъ...

Спасибо! очень-благодаренъ...

АНТИПЪ.

Ваше

Святельство!.. теперь опять мы къ вамъ
За приказаньями являться будемъ... Самъ
Егоръ Ивановичъ говорилъ, — а наше
Вѣдъ дѣло слушаться...

ГРАФЪ.

Нѣтъ! Какъ что было здѣсь,

Такъ и останется...

АНТИПЪ.

Вотъ что-съ... Ну, какъ-угодно...

Вѣдь ваша воля намъ законъ...

ГРАФЪ.

Порядокъ весь

Прошу васъ сохранить... Здѣсь Рельскій безподобно
Устроилъ все дѣла...

АНТИПЪ.

Оно конечно-съ такъ,

А съ вами все, кажись-бы, лучше...

ГРАФЪ.

Ты дуракъ!

Ну, чѣмъ-же лучше? развѣ обижали
Васъ безъ меня?

АНТИПЪ.

Вѣстимо, — слова пѣтъ!

За что насъ обижать?.. а такъ...

ГРАФЪ.

Все выдавали.

Что и примяъ...

АНТИПЪ.

Все-съ... какъ-же было смѣтъ

Убавить то, что вы назначили!..

ГРАФЪ.

Чего-жъ

Тебѣ еще?..

АНТИПЪ.

Да такъ-съ!.. Скупенекъ-болно былъ

Егоръ Ивановичъ... строгъ... За все бранилъ...

За лишній рубль какой-нибудь — избави Боже!..

Въ счетахъ ошибка! — упаси Господь!..

Что износилось — то подай на справку...

Что купишь — покажи послѣднюю булавку...

Гдѣ-жъ это на Руси ведется у господъ?..

ЯВЛЕНИЕ III.

ТЪ-ЖЕ И РЕЛЬСКІЙ.

ГРАФЪ.

Ну, что-жь ты замолчалъ?.. Мы говорили,
Любезный Жоржъ мой — про тебя... и все обранили...
Ну, говори-жь, Антипъ!..

АНТИПЪ.

Что-жь тутъ и говорить!..
Егоръ Ивановичъ былъ отецъ родной, — порядокъ
Такой былъ заведенъ!.. Да ужъ хвалить
Не наше дѣло...

ГРАФЪ (*смыясь*).

Ну, — и не было нападокъ?..

АНТИПЪ.

Какъ-можно-съ!

РЕЛЬСКІЙ.

Будь спокоенъ, другъ Антипъ! —
Ты больше счетовъ мнѣ ужъ подавать не будешь...
Опека кончилась...

(*При слѣдующихъ стихахъ, Антипъ не примѣтно уходитъ*).

ГРАФЪ.

Нѣтъ, Жоржъ! ты не поступишь
Такъ жестоко со мной... Вѣдь если-бъ я погибъ,
Ты продолжалъ-бы управлять имѣньемъ, —
Такъ мертвому служа и съ дружбой и съ усердіемъ,
За что-жь живому ты въ нихъ хочешь отказать?

РЕЛЬСКІЙ.

Графъ! жизнь, услуги, все — вамъ посвятить я радъ!..
Васъ возвратя семейству и отчизнѣ

Богъ мнѣ спасенье испослать хотѣлъ! —
 О, если-бъ знали вы!.. возвратъ вашъ *больше* жизни
 Мнѣ возвращаетъ... Я надъ бездною висѣлъ...
 Но вы опять со мной, мой геній-благодѣтель,
 И я спасенъ, — и мнѣ возвращены опять
 Рукою вашей — честь и добродѣтель...

ГРАФЪ.

Да! слышалъ я твои проказы...

РЕЛЬСКИЙ (*съ ужасомъ*).

Кто сказать

Успѣлъ?

ГРАФЪ.

Княгиня все, братъ разболтала.

Проказникъ!... вздумать ты влюбиться, — и въ кого-жъ?
 Въ замужнюю и знатную... Эхъ, Жоржъ!
 Ты добрый мальи, ты умеешь, — и вдругъ, понала
 Такая въ голову идея... Просто, блажь!..

РЕЛЬСКОЙ (*колеблясь*).

Княгиня — все сказала?...

ГРАФЪ.

Имя только

Любезной умолчала... я несколько
 Нелюбопытенъ впрочемъ.. Знаю нашъ
 Весь дамской кругъ... и я, другъ Жоржъ, былъ молодъ...
 И въ передѣлъ не разъ къ нимъ попадалъ...
 У всѣхъ — огонь въ глазахъ, а въ сердцѣ холодъ, —
 Любовь и пѣжность на словахъ, — а цѣль
 Кокетство, эгоизмъ, тщеславие пустое!
 И надъ тобой шутили, мнѣ повѣрь...
 Я знаю ихъ...

РЕЛЬСКОЙ.

За-то все кончено теперь!..

Оковы сброшу я, — и сохраню святое
 Воспоминанье объ одномъ: — что вы

Спасли меня отъ совѣсти упрековъ
И отъ безчестья....

ГРАФЪ.

Нѣтъ, братъ! просто отъ любви,
Пустой, ничтожной... Намъ съ тобой не до уроковъ....
Мы понимаемъ, что нельзя быть старикомъ,
Когда намъ двадцать лѣтъ, и все кипитъ огнемъ.
Но съ благороднымъ сердцемъ и душою,
Какъ могъ ты на минуту позабыть,
Что намъ играть нельзя ни честию, ни судьбою,
Ни именемъ чужимъ? Конечно, полюбить,
Увлечся можно... но тебѣ-ли, Жоржъ, вносить
Безчестье подъ таинственной завѣсой?
Тебѣ-ли ничтожнымъ, моднымъ быть повѣсой?
Тебѣ-ль захотѣтъ покрыть стыдомъ
Невинное семейство, цѣлый домъ,
Который, можетъ-быть, тебя ласкаетъ,
Довѣренность даритъ, какъ друга принимаетъ.
Нѣтъ! неспособенъ ты на это, Жоржъ! —
Ты знаешь, — это все обманъ и ложь;
Ты чувствуешь, что эти всѣ интриги
Не истинная цѣль для сердца и души...
Все это мншура, оковы и вериги...
Всѣ явно хвастуютъ, а мучатся въ тиши...
Для благородныхъ душъ — есть жизни цѣль другая,
Прямая, чистая, высокая, святая!...
Послушай, милый Жоржъ... другъ-съ-другомъ намъ
Считаться мудрено... Кто болѣе обязанъ
Одинъ другому... это знаетъ каждый самъ...
Но я хочу, чтобъ ты со мной былъ связанъ
Не благодарностью одною, а родствомъ...
Ну, словомъ, — я хочу, какъ тѣтушка княгиня
Пуститься въ сватовство... Женися, Жоржъ!...

РЕЛЬСКІЙ.

На комъ?

ГРАФЪ.

На Лизѣ... на племянницѣ графини....

Другому-бъ я сказалъ, что дамъ за ней
 Душъ тысячу и денегъ сколько хочешь...
 Но не унижу, Жоржъ, я дружбы тѣмъ твоей. —
 Тебѣ скажу я, что ты этимъ сдѣлать можешь
 Себѣ добро и одолженье мнѣ...
 Ну, говори-же откровенно.... Есть-ли
 Въ душѣ твоей хоть искра чувства къ ней?...

РЕЛЬСКИЙ.

Мой добрый благодѣтель! чувство чести
 И правда выше мнѣ всего... Могу-ли я
 Притворствоваться, скрывать отъ васъ!... Признание
 Васъ удивить... Давно душа моя,
 Любовь, и жизнь, и сердца всё желанья
 Принадлежать прелестной Лизѣ...

ГРАФЪ.

Какъ?

Неужли? а другая-то?...

РЕЛЬСКИЙ.

Не вспоминайте....

Я былъ въ горячкѣ... преступленье, страхъ,
 Терзали сердце мнѣ... о! никогда не знайте
 Несчастной этой тайны... я хотѣлъ,
 Чтобъ ею не другой, а я владѣлъ...
 Я видѣлъ въ ней любовь ко мнѣ, — и чувствомъ гордымъ
 Я самолюбіе считалъ за страсть.
 Я не любилъ, но я хотѣлъ быть твердымъ...
 Другую обожалъ... но могъ погибнуть, пасть,
 И сдѣлаться преступнымъ... о простите!...

ГРАФЪ.

Э, братецъ! мнѣ за-что-жъ тебя винить?...
 Я только радъ, что ты могъ Лизу полюбить,
 И сватовство мое такъ удалось... Смотрите
 Однако-жъ, чтобы знатная твоя
 Не помѣшала вамъ, не запретила..
 Опѣ вѣдь згонетки... Да, мой милый!

— Намъ надо поспѣшить... но впрочемъ я
Поговорю съ женой, она вѣдь тѣтка Лизы,
Такъ поскорѣй уладить дѣло...

РЕЛЬСКИЙ.

Но...

Графиня, можетъ-быть, разсердится... Давно
Я-бъ долженъ ей сказать...

ГРАФЪ.

Э, что тутъ за капризы!...

Она должна быть рада за нее....

Ну, съ Лизой ты однако объяснялся?....

У васъ улажено?

РЕЛЬСКИЙ.

И сердце ей мое

И чувства всѣ извѣстны...

ГРАФЪ (*смѣется*).

Всѣ?... Я чай боялся,

Чтобъ Лиза не узнала о другой...

И чтобъ другая не провѣдала о Лизѣ...

Проказникъ!... Вѣдь могло-бъ случиться, что съ тобой

Одна-бы пошутила изъ каприза, —

Другая-же и съ горя и съ тоски,

Тебя бы бросила, какъ лицемѣра,

Обманщика...

РЕЛЬСКИЙ.

Графъ! ради Бога!...

ГРАФЪ (*ерозитъ пальцемъ*).

Ты

Заслуживалъ-бы... Ну, да я той вѣры, —

Что шалость молодости ни почемъ...

Что всякую ошибку, заблужденье

Легко исправить дружбой и добромъ....

РЕЛЬСКИЙ.

О! какъ вы правы!... ваше мнѣ прощенье

Разсудокъ возвратило, силу, честь!..
 Я зналъ, я чувствовалъ, что Лизу обожаю,
 Но смѣлъ обманывать ее... Какъ перенести
 Упреки совѣсти!..

ГРАФЪ.

Э! братецъ, увѣряю,
 Что все уладится и все пройдетъ....
 Кто чувствуетъ свои проступки, — тотъ
 Почти исправился.... Скорѣй женись!... Вся сила,
 Чтобы отстать, рѣшиться... (Графиня входитъ).
 А! жена моя!... (Тихо ему).
 Ступай... Я поручу ей, чтобъ предупредила
 Она и Лизу... (Рельскій уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

ГРАФЪ И ГРАФИНЯ.

ГРАФЪ.

Что, дружочикъ? Каково
 Тебѣ теперь?... прошелъ-ли страхъ?..

ГРАФИНЯ.

О! ничего!..
 Одна усталость... слабость... все пустое!..
 Теперь я счастлива, — и все другое
 Забыла..

ГРАФЪ.

Я счастливѣй во-сто разъ!
 Я былъ всего лишень: отечества, свободы,
 Тебя, мой милый другъ, родныхъ, друзей..
 И скучные мои и старческіе годы
 Я долженъ былъ влечить подъ звукъ цѣпей..
 И кончивъ жизнь печальнымъ сиротою,
 Мой прахъ-бы тосковалъ подъ вражеской землею..
 Другъ все — судьба назадъ мнѣ отдала!

Все — даже болѣе, чѣмъ прежде... увѣренье,
 Что всѣми я любимъ, что стою уважаенья
 За чувства, за характеръ и дѣла...
 Мое несчастье испытаньемъ было
 Для всѣхъ и для меня... За то судьба
 Меня за все съ избыткомъ наградила...
 Я все забылъ — когда могу обнять тебя! (Обнимаетъ).

ГРАФИНЯ.

И я, мой другъ, — такъ счастлива, довольна!...
 Съ тобой и я забуду все теперь...
 По-прежнему я буду жить спокойно...
 И помните только долгъ свой и любовь....

ГРАФЪ.

Повѣрь,

Что этихъ чувствъ довольно въ нашей жизни,
 Чтобъ быть счастливѣй всѣхъ... Нашъ первый долгъ —
 Довѣренность другъ-къ-другу... чтобъ не могъ
 Одинъ другому сдѣлать укоризны
 За все прошедшее.... Ты общаешь?...

ГРАФИНЯ.

Я?...

Скорѣе я тебя должна просить объ этомъ....
 Кто молодъ — виноватъ безвинно передъ свѣтомъ,
 И я увѣрена, что сыщутся друзья,
 Которые тебѣ, Богъ знаетъ, что насажутъ....

ГРАФЪ.

Э! нѣтъ, мой другъ! я не изъ тѣхъ мужей,
 Которыхъ мншмые друзья обяжутъ,
 Наговоря имъ тысячу вѣстей! —
 Я самъ-себя довольно уважаю,
 Чтобъ попросить ихъ замолчать.. Я знаю,
 Чтó про-тебя мнѣ могутъ наказать.
 Но знаю также, чтó и отвѣчать...

ГРАФЪ.

Ты добръ, великодушень, другъ мой милый...

Но потому и надобно, чтобъ ты
Узналъ, какъ мы тебя забыли, оскорбили....

ГРАФЪ.

Какія выраженья! я почти
Все знаю... Тетушка - княгиня рассказала....

ГРАФИНЯ (*съ ужасомъ*).

Какъ? Кто? Княгиня? и она могла?

ГРАФЪ.

Ну, разболтать она должна была...
Натура ужъ такая... Но сказала,
Что сватовство все — ей принадлежитъ...
Что ты не соглашалась, не хотѣла...

ГРАФИНЯ.

Ахъ! этотъ князь ..

ГРАФЪ.

Объ немъ не стоить говорить...

А у меня есть на-сердцѣ другое дѣло...
Серьёзные... объ Рельскомъ...

ГРАФИНЯ (*съ видимымъ безпокойствомъ*).

Что-жь объ немъ?

ГРАФЪ.

Вотъ видишь, — я хочу судьбу его устроить...
Мы это сдѣлаемъ съ тобой вдвоемъ...
Пора его женить...

ГРАФИНЯ.

Женить?.. Но приневолить
Нельзя-жь его насильно...

ГРАФЪ.

О! тутъ нѣтъ
Ни крошки принужденья... Онъ согласенъ...

ГРАФИНЯ.

Согласенъ?.. Кто-жь его любви предметъ?
И кто сказалъ?..

ГРАФЪ.

Онъ самъ!.. Да! онъ влюбленъ и страстно!
Конечно, слышалъ я... одна изъ нашихъ дамъ
Взяла было его въ свое распоряженье...
Да это шалость, вздоръ... и онъ сознался самъ,
Что не любилъ ея...

ГРАФИНЯ.

Уже-ли?..

ГРАФЪ.

Безъ сомнѣнья!..
Вѣдь всѣ интриги этихъ свѣтскихъ дамъ
На чемъ основаны?.. Съ ихъ стороны кокетство, —
А съ нашей самолюбье... Тутъ нѣтъ средства
Спастися иначе, какъ свадьбой...

ГРАФИНЯ.

И онъ самъ

Сказалъ все это?

ГРАФЪ.

Да! вотъ здѣсь, — передъ тобою...
Мы долго говорили обо всемъ;
Онъ бросилъ этотъ вздоръ, раскаялся душою..
И мы рѣшили, чтобъ женился онъ...

ГРАФИНЯ.

На комъ?

ГРАФЪ.

На Лизъ! На твоей племянницѣ...

ГРАФИНЯ.

Но точно-ль

Ее онъ любить?

ГРАФЪ.

Боже мой! да можно-ль
И сомнѣваться въ этомъ?.. Вѣдь они
Все дѣтство вмѣстѣ провели... Скажи-же
Объ этомъ Лизѣ...

ГРАФИНЯ.

Я?..

ГРАФЪ.

Да, другъ мой, ты къ ней ближе...
Тебѣ приличнѣе... потомъ ужъ мы должны
Вдвоемъ приданое устроить...

ГРАФИНЯ.

Но, быть-можетъ,
Не согласится Лиза...

ГРАФЪ.

Эхъ! па что-же
Обоимъ притворяться... Ужъ у нихъ,
Навѣрное, давно улажено все въ тайнѣ...
Скажи ей только: — вотъ тебѣ женихъ! —
Мы все ужъ знаемъ, — и увѣренъ я заранѣй,
Что Лиза вспыхнетъ, покраснѣетъ, — но
Сознается потомъ, что ужъ давно
Она ждетъ сватовства и свадьбы этой...

СЛУГА *(входитъ и докладываетъ)*.

Князь Бабиновъ!..

ГРАФЪ *(съ неудовольствіемъ)*.

Хорошая примѣта!

Другой женихъ... *(Слуга)*. Проси... *(Слуга уходитъ)*.*(Графиня)* Ты, милый другъ ступай...

Тебѣ неловко быть при нашемъ объясненнн..

ГРАФИНЯ.

Но я боюсь... твой правъ...

ГРАФЪ.

Смѣшное опасенье!..

Кому быть можетъ страшень попугай,
Полу-Французъ?... Ступай-же, другъ мой милый...

ГРАФИНЯ (*про себя уходя*).

Я отдыхаю... онъ не знаетъ ничего!

ЯВЛЕНИЕ V.

ГРАФЪ И КНЯЗЬ.

КНЯЗЬ.

Monsieur le Comte! daignez permettre à un de vos
Très-humbles serviteurs...

ГРАФЪ (*про себя*).Пошелъ бодтать!.. нѣтъ силы!.. (*Князю*).

Позвольте, князь, сказать вамъ, что я Русскій!

Вы тоже, можетъ-быть...

КНЯЗЬ.

Veuillez bien m'expliquer...

ГРАФЪ.

Да то, чтобъ говорить со мной не по-французски,
А на моемъ родномъ, священномъ языкѣ...

КНЯЗЬ.

Какъ вамъ угодно, графъ... Хотя это будетъ странно...

ГРАФЪ.

Двумъ Русскимъ — говорить по русски?.. вотъ забавно! —
Что-жь! вы свой презираете языкъ?

КНЯЗЬ.

Нѣтъ! по-чему-жь? онъ нуженъ намъ для черни,

Для нашихъ слугъ... Но мы... я признаюсь, привыкъ
Со всѣми, кто достоинъ уваженья...

ГРАФЪ.

Такъ я отъ этого освобождаю васъ...

КНЯЗЬ.

Помилуйте, какъ смѣю я!..

ГРАФЪ.

Да, князь!

Мнѣ больно видѣть, что у нашей знати
Въ такомъ презрѣннн нашъ языкъ родной...
Мы поддержать его должны, — аристократы, —
А мы сословьямъ всѣмъ даемъ примѣръ дурной...
Языкъ отчизны мы терзаемъ, унижаемъ,
За стыдъ считаемъ говорить на немъ...
А почему? Смѣшно признаться даже въ томъ! —
Вѣдь, просто, потому, что мы его не знаемъ. —
А стоить поучится! Стыдно намъ
Свой золотой рудникъ мѣнять на грязь чужую!
Давно пора-бы нашимъ господамъ
Душевно полюбить языкъ и Русь святую.

КНЯЗЬ.

А развѣ, графъ, нельзя, отечества любить
И по-французски по привычкѣ говорить?..

ГРАФЪ.

Да, съ иностранцемъ!.. Но между-собою!..
И стыдъ и грѣхъ! — Французъ, Германецъ, Шведъ
И Англичанинъ, — всѣ, которые душою
Родное любятъ — всѣ считали-бы за бредъ
На языкѣ чужомъ другъ съ другомъ объясняться. —
За что-же мы одни должны такъ унижаться
И свой языкъ не знать и презирать? —
Все виноваты — мы — а пуще наши дамы...
Онѣ законъ даютъ, для нихъ мы строимъ храмы,
Для нихъ живемъ, для нихъ готовы умирать...
И ихъ-то долгъ-бы быть примѣромъ, ободреньемъ

Создать и поддержать языкъ прекрасный нашъ...

князь.

Графъ! если вамъ угодно — съ вашимъ миѣщемъ
Я согласиться радъ... быть-можетъ, голосъ вашъ
Реформу сдѣлаеть... Но вы простите...
Я къ вамъ заѣхалъ, чтобъ узнать, спросить:
Какъ чувствуетъ себя графиня?..

ГРАФЪ (*холодно*).

Извините!

Я и забылъ, что вы изволили тутъ быть,
Когда я вдругъ изъ мертвыхъ воротился...
Я не замѣтилъ васъ тогда... не извинился...

князь.

Помилуйте... я-бъ долженъ былъ... Испугъ
Графини не имѣлъ послѣдствій?..

ГРАФЪ.

Ни малѣйшихъ...

князь.

Ахъ, слава Богу! мы боялись всё... вы вдругъ
Такъ неожиданно явились... Мы важнѣйшихъ
Несчастій опасались.. Я сейчасъ
Къ княгинѣ бросился...

ГРАФЪ (*также холодно*).

А! это вы прислали

Княгиню-тѣтушку? Благодарю васъ, князь! —
Я очень-радъ былъ... мы съ ней поболтали...
Я, разумѣется, всё новости узналъ...
И между-прочимъ... сватовство княгини...
Но вы не сердитесь, что я вамъ помѣшалъ?..

князь (*растерявшись*).

Какъ, вамъ сказали?.. мудроно-ль?.. Графиня
Была вдова, свободна... Такъ весь думалъ Дворъ...

ГРАФЪ.

По-счастью, вы ошиблись...

КНЯЗЬ.

Но я смѣю
Увѣрить васъ... любовь моя... я не краснѣю
Признаться въ ней... и честь и долгъ...

ГРАФЪ.

Да что за вздоръ!
О чемъ тутъ говорить?... Мнѣ ваше, князь, смущенье
Забавно... Ужъ не думаете-ли вы,
Что я ревнивъ?..

КНЯЗЬ.

Клянусь — въ моей любви
Быль ениамъ одинъ, и подозрѣнье...

ГРАФЪ.

Не продолжайте, князь! противъ жепы моей
И быть не можетъ подозрѣнья... Къ ней
Злословіе не смѣетъ прикоснуться, —
И оправданье ваше мнѣ смѣшно...

князь (обидясь).

Mr le Comte!..

ГРАФЪ.

Э, князь! сердиться вамъ грѣшно.
Въ разчетахъ вы могли и обмануться.
А я такъ думаю, что опоздавъ
Еще хоть года два, — все въ томъ-же положенн
Нашель-бы и жену и васъ...

князь (иронически).

Конечно, графъ...

Меня нашли-бъ вы тѣмъ-же — безъ сомнѣнья...
Но врядъ-ли, чтобъ съ графиней обошлось
Безъ важныхъ перемѣнъ. Не я одинъ несчастный

Въ графиню былъ влюбленъ... Другой есть — вѣрный, страстный,
Счастливецъ меня...

ГРАФЪ (схватываетъ его за руку).

Князь! Сколько довелось

Вамъ въ жизни сплетнями и клеветою
Людей невинныхъ очернить?.. Со мною
Вашъ трудъ потерянь... Я скажу вамъ, какъ солдатъ,
Что слово каждое, намекъ, улыбка, взглядъ
Противъ жены моей, — цѣною крови,
Цѣною жизни отплачу... Теперь вамъ, князь,
Угодно-ль продолжать?..

князь.

Графъ! жаль мнѣ васъ...

Но я молчу... Меня чтобъ оправдать въ злословья
Не много-бъ стоило труда... Я подожду...
И безъ меня узнаете вы скоро...

ГРАФЪ.

И узнавать я не намѣренъ вздоромъ...
Что вамъ, то я и всякому скажу...

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТѢЖЕ И РЕЛЬСКІЙ.

РЕЛЬСКІЙ.

Графиня спрашиваетъ васъ, угодно-ль
Въ спектакль италіанскій ѣхать съ ней?...

ГРАФЪ.

Нѣтъ! Ко Двору мнѣ надо ѣхать... Долго-ль
Пробуду тамъ — не знаю...

РЕЛЬСКІЙ.

Послѣ ей
Остаться можно-ль въ маскарадѣ?

ГРАФЪ.

Что-же

Мѣшаетъ ей?...

РЕЛЬСКИЙ.

Теперь нельзя безъ васъ...

ГРАФЪ.

Да ты вѣдь будешь съ ней... А отъ Двора, быть-можетъ,
И я туда приѣду...

князь (про-себя).

Въ добрый часъ!

Вотъ милый мужъ... (Рельскому). Mr. le major!...

РЕЛЬСКИЙ (холодно, но съ нѣкоторою
боязливостію).

Мое почтенье!

князь.

Вы собираетесь въ спектакль... Когда-бъ я смѣлъ
Просить васъ... Маленькое порученье...

РЕЛЬСКИЙ.

Все, что угодно, князь...

(Въ это время графъ дѣлаетъ свой туалетъ къ
вызду).

князь (отводитъ его и тихо).

Вотъ видите-ль... Хотѣлъ

Я графу показать записку кой-какую

Извѣстной намъ особы... но смолчалъ...

Мнѣ это пришло-бы пользу не большую...

Я лучше вздумалъ... Мужъ — оригиналь,

Меня соперникомъ считаетъ... мнѣ пожалуй!

Пусть то-же думаетъ весь свѣтъ... А я, —

Я стану васъ въ рукахъ держать... меня

Должны вы слушаться... Я впрочемъ добрый-малой, —

И все, что въ домѣ — здѣсь, — то дѣло не мое...

Но лано — я хочу быть ччисбеемъ,

Хоть жалкимъ, все равно... со временемъ ее

Быть-можетъ я смягчу... На это мы имѣемъ

Довольно средствъ... И такъ прошу на первый разъ
Не ѣздить ни въ спектакль, ни въ маскарады,
И въ публикѣ не быть съ графиней...

РЕЛЬСКИЙ (горячо).

Князь!

князь.

Молчите! слышитъ мужъ...

ГРАФЪ.

Что это, князь? Вы рады
Ужъ столько порученій надавать...
Секреты, что-ли?

РЕЛЬСКИЙ.

Нѣтъ! Но исполнять
Я ихъ не въ силахъ и не буду...

князь.

Очень-странно!...

Вы чувствовать должны...

ГРАФЪ.

Да дѣло въ чемъ?

Скажите, — я рѣшу...

князь.

Да чрезвычайно
Запутано... А впрочемъ все-то въ томъ,
Что-бъ господинъ маіоръ съ одной особой
Не видѣлся... Театръ и маскарадъ
Всегда опасны... Мы съ нимъ часто оба
Видались кое-гдѣ... Я защищать
Хочу свои права... препятствовать свиданью...

ГРАФЪ.

А! слышалъ! такъ у васъ вездѣ невѣсты есть...

князь.

Я радъ, что этотъ вздоръ послужить къ оправданью
Мнѣ передъ вами...

ГРАФЪ.

Я и не просилъ объ немъ...

КНЯЗЬ.

Но такъ-какъ я намѣренъ обратиться
Къ другой особѣ, — и Mr. le major
Соперникомъ мнѣ хотеть быть...

ГРАФЪ.

Вотъ вздоръ!

Онъ женится!...

КНЯЗЬ.

.Какъ? неужель?... *(Рельскому иронически).*

И согласится

Особа та?...

РЕЛЬСКИЙ.

Князь! Кажется, что вамъ

Я не обязанъ отдавать отчета...

ГРАФЪ.

Безъ ссоры, господа... За вашихъ дамъ
Не стоить ссориться... И я не вѣрю что-то,
Чтобъ даже стоили опѣ любви... *(Рельскому).*
Ступай-же ты къ жепѣ... Да попроси, чтобъ вмѣстѣ
Она взяла и Лизу... вѣдь невѣсть
Ужъ можно въ маскарадъ... *(Рельскій уходитъ).* Ну, князь, —
а вы

Спокойны будьте... Рельскій въ-самомъ-дѣлѣ
И женится, — и по любви, — такъ вамъ
Ни въ чемъ не помѣшаетъ... вашихъ дамъ
Берите всѣхъ и хвастайтесь смѣло...
Вотъ встати и его невѣста.... *(Лиза входитъ тихо).*

князь *(про-себя).*

Подожду.

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТѢЖЕ И ЛИЗА (входитъ и отираетъ слезы).

ГРАФЪ.

А! Лизочка! что такъ, дружочекъ мой, печальна?...
Никакъ ты плакала?...

ЛИЗА.

Такъ — ничего-съ...

ГРАФЪ.

Э! тайна!...

Да я вѣдь скромень.... Право, не скажу....
Ну, что случилось? Что вы съ теткой говорили?...
Вѣдь это я ей поручилъ.... Ну, чѣмъ
Вы кончили, чѣмъ дѣло все рѣшили?...
Довольна-ль ты? согласна-ль!...

ЛИЗА.

Не совѣмъ....

Мнѣ тѣтишка открыла, рассказала....
Что мой женихъ обманщикъ.... что другой
Онъ клялся вѣрнымъ быть....

ГРАФЪ.

Э! вздоръ какой!

ЛИЗА.

Нѣтъ, дядинька! Она мнѣ *все* растолковала....
Какъ вѣрить этимъ людямъ? Клятвы ихъ
Обманъ и вѣроломство....

ГРАФЪ.

Слишкомъ-строго

Графиня судить жениха....

ЛИЗА.

Я долго

Вступалась за него....

князь (*про себя*).

Хорошъ женихъ!...

Негодный!

ГРАФЪ.

Лиза, я, я за него ручаюсь....
 Онъ мнѣ во всемъ признался.... онъ сказалъ,
 Что завлеченъ былъ; что душой страдалъ,
 Но не любилъ ее....

князь (про себя).

Ну, сомнѣваюсь!..

ЛИЗА.

Конечно, вы должны ужъ лучше знать....
 И я-бы вамъ повѣрила охотнѣй...
 Да тетенька....

ГРАФЪ.

Я не могу понять,
 Что ей за мысль пришла....

князь (про себя).

Да! не легко ей!

ГРАФЪ.

Да мы ее уговоримъ... Скажи-ка мнѣ:
 Сама-то ты что чувствуешь?... Охотно-ль
 Ты выйдешь за него?

ЛИЗА (стыдливо).

Ахъ, дядинька! да можно-ль

Такъ спрашивать!...

ГРАФЪ.

Эхъ! такъ жепѣ
 Что-жь ты сказала?... Что ты отвѣчала..

ЛИЗА.

Она сердилася,—а я молчала.

ГРАФЪ.

Такъ по военному я васъ скорѣй рѣшу....
 Какъ честный человекъ онъ мнѣ сказалъ, что въ свѣтѣ
 Ты, Лиза—ты ему всего милѣй.... Прощу
 Мнѣ прямо отвѣчать.... и отложить всѣ эти

Жеманства и увертки.... Ты его
Любила, любишь, или нѣтъ?... Ну, смѣло!

ЛИЗА.

Да тѣтенька....

ГРАФЪ.

Хочу отвѣта—твоего....

Ну что-же....

ЛИЗА.

Я... люблю.

ГРАФЪ.

Ну, вотъ и конченное дѣло! *(Обнимаетъ ее).*

Я радъ,—и поздравляю съ женихомъ....

ЛИЗА.

Да какъ-же тѣтенька....

ГРАФЪ.

Я съ ней потомъ

Поговорю.... Узнаю все причины....

КНЯЗЬ.

Едва-ли все...

ГРАФЪ.

Жоржъ человекъ отличный....

Ты будешь счастлива... Теперь, дружокъ, ступай,

Ты съ ними ѣдешь въ маскарадъ....

ЛИЗА.

Но если

Что тѣтенька....

ГРАФЪ.

Я все улажу.... Ну, прощай!

И поцѣлуй меня.... *(Она уходитъ)* А вы, князь! весь-ли

Вы слышали нашъ разговоръ?... Теперь

Вы можете понять все остальное....

Безъ церемоній и безъ ссоры... Насъ здѣсь двое...
Простимся, какъ друзья...

князь (*про себя*).

Ахъ, онъ рогатый звѣрь!

(*Громко*). Я такъ-ли понялъ васъ?... Вы мнѣ хотите
Отъ дома отказать....

ГРАФЪ.

Почти.... Вы извините....

Къ чему намъ цѣлый вѣкъ комедию играть?
Въ глаза учтивымъ быть, а за глаза ругать!
Къ чему-бы это повело?... Къ злословью,
И къ ссорамъ, къ вѣчнымъ сплетнямъ!... Изъ чего?...
Мы разойдемся по-добру да по-здорову...
Притворствоваться я не могу,—и моего
Къ вамъ чувства я переменить не въ сплахъ....
Вы очень-милы, можетъ-быть—для милыхъ, —
Но мнѣ... Я уважать наружность не привыкъ....
Однѣ достоинства я въ людяхъ почитаю...
Блескъ не слѣпитъ меня,—я фразы презираю....
И для меня всего несноснѣй—злой языкъ!
Прощайте....

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

князь одинъ.

князь.

Это, просто, звѣрь какой-то!
Онъ одичалъ въ плѣну... Ну, хорошо-жъ!...
Пусть въ маскарадъ пріѣдетъ... Тамъ и Жоржъ
Съ графиней будетъ.... Мы поинтригуемъ.... То-то
Веселое отмщенье будетъ.... я
Подъ маскою поразкажу имъ вещи,
Которыя они поймутъ.... Моя
Фигура имъ не правится и рѣчи....
Такъ я попробую имъ маской угодить....
Да! постараюсь я имъ всѣмъ глаза открыть. (Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Декорація таже.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГРАФЪ И ЛИЗА (оба въ домино).

ЛИЗА.

Вотъ и пріѣхали!... Какъ я устала!...
 Ахъ, дядишка! Какъ весело! Какъ я
 Вамъ благодарна! Чтò всѣ вечера, всѣ балы!
 Совсѣмъ не то! Знакомые, друзья!
 Всѣхъ знаешь,—и сказать боишься слово...
 А тутъ!... а гдѣ-жъ ma tante?...

ГРАФЪ (спльз и погружился въ задумчивость).

За нами ѣдетъ... съ ней

Женихъ твой...

ЛИЗА (стыдливо).

Дядишка!... да точно-ль...

ГРАФЪ.

И скорѣй,

Чѣмъ думаешь...

ЛИЗА.

Но тетенька?...

ГРАФЪ.

Готова

Тебя благословить....

ЛИЗА.

Да вы когда-жъ

Успѣли ей сказать?... вы въ маскарадъ явились
Довольно поздно....

ГРАФЪ (съ горечью)

Поздно?...

ЛИЗА.

Что случилось

Передъ отъѣздомъ?... шумъ какой-то!... Маски нашъ
Кадриль отъ васъ густой толпою отдѣлили...
Я не могла узнать....

ГРАФЪ.

Такъ... пустяки, мой другъ....

Тебѣ однако-же пора и спать.... ужъ поздно....
Ступай,...

ЛИЗА.

Прощайте.... Что вы такъ серьезны!...

Здоровы-ль вы?

ГРАФЪ (печально).

Здоровъ....

ЛИЗА.

Но отъ чего-же вдругъ

Вы такъ задумчивы, печальны стали?...
Не я-ль васъ огорчила чѣмъ?

ГРАФЪ.

О нѣтъ!...

Тебя еще не могъ испортить свѣтъ!...
Тебѣ еще ушей не прожужжали
Про красоту твою и женскія права...
Въ тебѣ еще, какъ въ первобытномъ мѣрѣ,

Невинны—и душа и голова....
Но что и говорить!... Ступай, дружокъ мой милый!...

ЛИЗА.

Нѣтъ, дядинька! Скажите....

ГРАФЪ.

Ничего!...

Хандра почная.... Свѣтъ ее разгонить!...

Прощай!...

(Цѣлуетъ ее).

ЛИЗА.

Прощайте.... дѣла моего

Вы тоже не забудете!...

ГРАФЪ.

Не стѣбитъ

И говорить объ этомъ! Я сказалъ,

И будетъ сдѣлано... (Слышенъ стукъ кареты).

ЛИЗА.

Ахъ! вотъ карета

Подъѣхала.... Пойду,—ихъ встрѣчу!...

ГРАФЪ.

Это

Ненужно!...

ЛИЗА.

Тѣтеньку я обниму; за балъ

Разъ десять поцѣлую; въ маскарадъ

Я не могла и слова ей сказать;

Я все съ княгинею ходила.... надо

И ту поцѣловать... ужъ завтра... спать

Теперь пора... Bonne nuit, cher oncle!...

ЯВЛЕНИЕ II.

ГРАФЪ ОДИНЪ, ПОТОМЪ ГРАФИНЯ И РЕЛЬСКІЙ.

ГРАФЪ *(мрачно)*.

Да! быть-можетъ,

Улягусь скоро спать — сѣдой глупецъ, и я!

Да и пора!... Я зажился.... меня

По-утру, можетъ-быть, на вѣкъ уложить,

Посмотрять, пожалѣютъ и пойдутъ. —

Мнѣ умирать, конечно, не учиться....

Я видѣлъ смерть вблизи.... и жизни путь

Шелъ дружно съ совѣстью, чтобъ смѣло появиться

Туда, гдѣ судятъ безъ протекцій насъ....

(Входятъ Графиня и Рельскій).

А! Это вы!...

(Послѣ минутнаго молчанія, графиня тихо подходитъ къ нему, становится на колѣни и схвативъ руку его, цѣлуетъ и плачетъ).

Что ты, мой другъ! Какъ это можно!

(Хочетъ поднять).

ГРАФИНЯ.

Оставьте! умереть у вашихъ ногъ мнѣ должно....

Я погубила и себя и васъ....

ГРАФЪ.

Помилуй! что за мысль!... и въ чемъ ты виновата?...

(Поднимаетъ).

Наглець, повѣса, вздумалъ оскорбить

Тебя, надѣясь подъ маской скрыться....

Но я сорвалъ ее съ него, чтобъ обличить, —

И выдумкой своей не будетъ онъ хвалиться.

Онъ замолчитъ теперь....

ГРАФИНЯ.

Но будто я не знаю

Послѣдствій вашего поступка!... Князь

Публично оскорбленъ.... онъ вызвалъ васъ....

О Боже мой! что будетъ....

ГРАФЪ.

Я узнаю:

Онъ такъ-ли мѣтко цѣлить пулей въ грудь,
Какъ дерзимъ языкомъ.

ГРАФИНЯ.

О! пощадите!

Я не пущу васъ.... Пусть меня сочтутъ
Безумной... Я, я пойду за вами.... умертвите
Меня здѣсь прежде.... Развѣ пережить
Могу я!....

ГРАФЪ.

Перестаньте!... Вы законы

Приличья знаете.... Перемѣните

Не могутъ ихъ пустые вопли, стоны....

Свѣтъ строгъ, графиня... онъ неумолимъ;

Законы чести, неизбѣжны, святы;

Нашъ долгъ ихъ исполнять и покоряться имъ....

Но кончимъ разговоръ нашъ неприятный....

Онъ не ведетъ обоихъ ни къ чему....

(Встаетъ).

Будь разсудительнѣй, спокойнѣй, другъ мой милый....

Мнѣ больно, грустно также самому,

Но я въ себѣ найду довольно силы,

Чтобъ все перенести и не роптать.

Послѣдуй, другъ мой, моему примѣру....

(Графиня бросается въ кресла и рыдаетъ).

Не стоить наша жизнь, чтобы объ ней рыдать....

На помощь призови—необходимость, вѣру,

И смѣло посмотри въ глаза судьбѣ....

Кто унываетъ, тотъ ей рабъ,—но тотъ властитель,

Кто смѣло съ ней готовится къ борьбѣ!....

Я былъ твой мужъ, твой другъ, теперь твой буди мститель.

ГРАФИНЯ.

Ахъ! утѣшенья всѣ, твои слова

Еще сильнѣе сердце мнѣ терзаютъ....

Ты мужъ, ты воинъ,—вами управляють

Не чувства, не любовь,—а голова!

ГРАФЪ.

Не ошибитесь, графиня!... Всѣ вулканы

Покрыгы снѣгомъ.... холодъ на челѣ;
 Но загляните въ глубь, сочтите бездны, раны,
 Изрытыя огнемъ въ его жерлѣ....
 Проникните туда, гдѣ въ глубинѣ печальной
 Кипящей лавы цѣлый океанъ;
 Кора земли ему какъ саванъ погребальный,
 Но въ пѣдрахъ пламенный и бурный ураганъ....
 О! какъ тогда вы сердцемъ содрогнетесь....
 Не троньте этихъ снѣговыхъ вершинъ....
 Волканъ молчитъ, печаленъ и одиѣ,
 Но если съ искрой вы своей къ нему коснетесь, —
 О! Боже сохрани! и лавой и огнемъ
 Онъ все залетѣть, и тысячи погубить.

ГРАФИНЯ.

О Боже мой! Но что со мною будетъ!...

ГРАФЪ.

Поговоримъ съ тобой по утру обо всемъ....
 Теперь, дай отдохнуть мнѣ ... я такъ утомился....
 Поди и ты, мой другъ, усни...

ГРАФИНЯ.

Мнѣ спать!...

Жестокая насмѣшка!... хоть страдать
 Позвольте мнѣ!..

ГРАФЪ.

Мой другъ,—два года я томился
 Въ плѣну, страдалъ, металъ и все переносилъ,
 И смерть нося въ душѣ, я вѣрилъ въ Провидѣнье....
 Оно послало мнѣ въ несчастьи столько силъ,
 Чтобы надѣяться на Бога и спасенье!
 И спася я... удачный заговоръ...
 Ночь темная, подкупленная лодка,
 Попутный вѣтеръ, горсть металла только....
 И я на родинѣ святой!... Но приговоръ
 Судьбы готовилъ здѣсь мнѣ испытанье;
 Здѣсь пуля русская ждала меня;
 Но смѣло и спокойно встрѣчу я

Ее и смерть,—какъ тамъ встрѣчалъ страданье...
 Что всё слова противу чувствъ души!
 Страдай, мой другъ, молчи—и заглуши
 Отчаянья ничтожные порывы ...
 Кто знаетъ,—чѣмъ окончить все судьба...
 Быть-можетъ, будемъ мы и веселы и живы,—
 Быть-можетъ, дружески я обниму тебя,
 Заставивъ замолчать и клевету и наглость...
 Ну, перестань-же, другъ мой, Богъ съ тобой!..
 Все это, можетъ-быть, одна и шалость...
 До выстрѣловъ, быть-можетъ, не дойдетъ...
 Да и не всё вѣдь пули попадаютъ, —
 А менѣ того не всё вѣдь убиваютъ...
 Ступай, пожалуйста... Ужъ скоро разсвѣтетъ...
 Дай отдохнуть мнѣ часъ-другой...

ГРАФИНЯ (*колеблясь*).

А рано-ль

Князь явится?..

ГРАФЪ.

Въ одиннадцать часовъ!..

А сверхъ-того, мой другъ, препятствій мало-ль

Найдется, чтобы все остановить...

Ступай-же, отдохни...

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ! плакать и молиться

Я буду до-тѣхъ-поръ... Но ты... не можетъ-быть...

Ты не обманешь... ты позволишь мнѣ проститься,

Чтобъ за тобой послѣдовать потомъ...

ГРАФЪ.

Повѣрь мы вечеръ вмѣстѣ проведемъ...

Ступай, ступай...

(*Отводитъ ее, цѣлуя*).

ЯВЛЕНИЕ III.

ГРАФЪ И РЕЛЬСКІЙ.

ГРАФЪ.

Который часъ?

РЕЛЬСКІЙ.

Ужъ пятой..

ГРАФЪ.

Онъ скоро будетъ... Расскажи мнѣ...
 Съ чего князь началъ? Что онъ до меня женѣ
 Подъ маской говорилъ?..

РЕЛЬСКІЙ.

Мнѣ непонятно,
 Какъ онъ узналъ насъ... но сначала былъ учтивъ,
 Болталъ свой пошлый вздоръ, острился и смѣялся...
 Я, разумѣется, былъ съ нимъ неговорливъ...
 Не отвѣчалъ, уйти съ графинею старался...
 Вдругъ вы пріѣхали, и только тутъ
 Князь началъ говорить такъ дерзко, нагло...

ГРАФЪ.

И продолжалъ недолго!.. Такъ онъ, стало,
 Меня и ждалъ?.. И не потерявъ трудъ!..
 Себя я не заставилъ дожидаться...
 А вотъ его такъ подожду теперь...

РЕЛЬСКІЙ.

Графъ! вы хотите съ наглесомъ стрѣляться!..

ГРАФЪ.

Что-жь тутъ за рѣдкость!.. и рогатый звѣрь
 (Какъ называлъ онъ меня) — не любитъ оскорбленья...

А мнѣ снести!..

РЕЛЬСКІЙ.

Нѣтъ! Боже сохрани!..

Но, графъ, исполните одно мое моленье...

Подъ Ларгой, можетъ-быть, вы мнѣ одолжены

Своею жизнію... я требую уплаты...

ГРАФЪ.

Какой?..

РЕЛЬСКІЙ.

Высокой, дорогой, богатой,

Но выше жизни для меня, —

Но вѣхъ благодѣяній драгоцѣннѣй!..

ГРАФЪ.

Что, говори!

РЕЛЬСКІЙ.

Прошу васъ на колѣняхъ я...

Я тоже оскорбленъ... наглець презрѣнный

И мнѣ сказалъ... Но что вамъ до того?..

При васъ, при вѣхъ не смѣлъ я объясняться...

Но ради Бога мнѣ отдайте жизнь его!

Позвольте мнѣ... мнѣ прежде съ нимъ стрѣляться...

ГРАФЪ.

Нѣтъ! это невозможно, милый Жоржъ!

Я вижу цѣль твою... благодарю душевно!

Меня спасти ты хочешь... Эта ложь

Прекрасна, но, къ-несчастью, бесполезна...

Могу-ль кому-нибудь я мщенье уступить?..

Могу-ль тебя я драться допустить?..

Тогда вѣс наглецы имѣли-бъ право

Смѣяться надъ мной.. Тогда-бы не одну

Дуэль, а десять мнѣ пришлось имѣть... жену

Подвергъ-бы я насмѣшкамъ... свѣтъ лукавый

Довольно безъ того бранить мужей...
 Теперь на клевету и выдумки людей
 Могу смотрѣть съ холоднымъ я презрѣниемъ, —
 Тогда-жъ я ихъ бояться долженъ... Да! —
 Теперь я господинъ надъ общимъ мнѣниемъ, —
 Я буду — рабъ покорнѣйшій тогда!..

РЕЛЬСКИЙ.

О! это жестоко!.. Когда-бъ вы знали...
 Какъ справедлива эта просьба!..

ГРАФЪ.

Жоржъ!

Ты самъ несправедливъ... Мы смерть съ тобой видали...
 Но помнили всегда свой долгъ и честь.
 Неужли я не правъ, скажи мнѣ?..

РЕЛЬСКИЙ (*печально*).

Правы!..

ГРАФЪ.

Дай руку, Жоржъ! — мы вмѣстѣ шли за славой...
 Теперь раздѣлимъ оба нашу месть...
 Вѣдь ты мой секундантъ... и ежели судьбою
 Мнѣ суждено отъ пули русской пасть...
 То мщенья моего передаю всю часть
 Тебѣ! — Какъ другъ отмети, — или умремъ съ тобою!

РЕЛЬСКИЙ (*бросается на колѣни*).

О! этимъ словомъ вы меня на вѣкъ
 Съ судьбою примирили...

ГРАФЪ (*поднимаетъ его*).

Странный человекъ!

Не ты, а я тебя благодарить-бы долженъ...
 А впрочемъ мы сочтемся... Кстати! я забылъ
 Сказать тебѣ... Тебя Свѣтлѣйшій наградишь;
 Чинъ подполковника и полкъ даль...

РЕЛЬСКИЙ.

Какъ, возможно-ль?

ГРАФЪ.

Поѣдемъ, другъ мой, въ армию опять...
И вмѣстѣ горевать, и вмѣстѣ воевать...

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТЪ-ЖЕ И АНТИПЪ.

АНТИПЪ.

Пріѣхалъ князь, да что-то больно-рано...
Онъ проситъ доложить, а я сказалъ...
Что посмотрю сперва... вѣдь это странно...
Ни свѣтъ и ни заря... онъ прискакалъ...
Такъ какъ прикажете...

ГРАФЪ.

Поди... Тамъ въ кабинетѣ
Дорожный ящикъ мой стоятъ... въ немъ pistols...
Сюда ихъ принеси...

АНТИПЪ.

(которому Рельскій дѣлаетъ знакъ, чтобъ нейти).

Иду-съ... то-есть... да вамъ
На что-жь они?..

ГРАФЪ.

Болванъ! твое-ли дѣло?

АНТИПЪ.

Конечно-съ не мое... да часто господамъ
Богъ вѣсть что въ голову приходитъ...

ГРАФЪ.

Смѣлъ-ли

Ты разсуждать?..

АНТИПЪ.

Никакъ не смѣю-съ...

ГРАФЪ.

Такъ пошелъ...

АНТИПЪ *(на колпняхъ)*.

Нѣтъ! воля ваша не пойду...

ГРАФЪ *(увидя знаки Рельскаго)*.

А! пошмаю!..

Егоръ Иванычъ! я прошу васъ...

РЕЛЬСКИЙ *(колеблясь)*.

Я не знаю...

Гдѣ что лежитъ...

ГРАФЪ.

Э! Боже мой! Мой столъ

Ужъ, вѣрно, вамъ знакомъ...

РЕЛЬСКИЙ.

Графъ! ради Бога!...

ГРАФЪ *(строго)*.

Что это?... Господинъ маіоръ! Вамъ генераль

Приказываетъ... Онъ не повторялъ

Своихъ приказовъ никогда...

(Рельскій, поклонясь, уходитъ въ кабинетъ).АНТИПЪ *(про-себя)*.

Немного

Мы выгадали...

ГРАФЪ (*Антину*).Князя попроси!... (*Антинъ уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ V.

ГРАФЪ СЪ КНЯЗЕМЪ.

КНЯЗЬ.

Я, кажется, не опоздалъ... Часы
Мои не отстаютъ отъ вашихъ... Мы исправны...

ГРАФЪ.

Да! пять часовъ! — А гдѣ вашъ секундантъ?

КНЯЗЬ.

Отправился впередъ... онъ малой акуратный...
Военный... Кто-же вашъ?

ГРАФЪ.

Мой адъютантъ...

КНЯЗЬ.

Какъ? Рельскій! (*про-себя*). Этого не доставало!...

ГРАФЪ.

Такъ точно! одного вамъ, можетъ-быть, и мало...

Такъ если, князь, вы кончите съ однимъ,

То васъ попросятъ продолжать съ другимъ....

Онъ тоже, кажется, разсчитъ какой-то

Имѣетъ съ вами!...

КНЯЗЬ.

Да! Есть, правда, кое-что,

Но подводить все подъ одинъ итогъ — на что?

И послѣ-бы сочлись... И на убой-то

Итти два раза сряду тяжело...

ГРАФЪ.

Есть люди, отъ которыхъ лба всѣ пули
Отскакиваютъ...

КНЯЗЬ.

И остро, и зло! —

А впрочемъ съ вами мы перешагнули
Черезъ границу фразъ... До дѣла мы дошли....
Другъ друга оскорблять теперь словами
Смѣшно-бы было... Я напротивъ передъ вами
Такъ виноватъ... Графъ! вы меня сочли
Быть-можетъ, наглымъ, сумасшедшимъ, дерзкимъ,
Я только былъ влюбленъ... ревнивъ, — а вы...
И появляемъ, и поступкомъ рѣзкимъ
Меня совѣмъ лишили головы...
Дуэль нашъ неизбѣженъ!... Я готовъ-бы
Все сдѣлать... молодъ, легкомысленъ я...
Но-противъ васъ во мнѣ ни гнѣва нѣтъ, ни злобы...
И мнѣ душевно жаль, что вѣтренность моя
Лишитъ отечество такого человѣка!
Я сознаюсь въ винѣ своей передъ вами, графъ! —
Теперь мы жертвы мнѣнія и вѣка, —
Но я одинъ во всемъ и навсегда неправъ.
Теперь мое примите извиненье...
А если я паду подъ пулей роковой, —
То дайте мнѣ тогда свое прощенье
И трупъ почтите мой сердечною слезой....

ГРАФЪ (даетъ ему руку).

Смерть примпруетъ все!... Вы дурно поступили...
Когда-бы вы обидѣли меня,
Какъ искренно, легко простилъ-бы я!
Но князь, — вы женщину публично оскорбили...
Вы думали, что маска можетъ дать
Права на клевету, на злость, на наглость...
Подъ маской, знаю я, что можно все болтать, —
Но легкомысленный гдѣ-бъ сдѣлалъ только шалость, —
Тамъ преступленіе свершаетъ клеветникъ!
Невинной остротой вы-бъ только пошутили, —

Теперь вы два семейства вдругъ убили!...
Вотъ до чего доводитъ злой языкъ!

КНЯЗЬ.

И вы противъ меня несправедливы! —
Предъ вами оправдаться я-бы могъ...
Но я щажу *другихъ*... Языкъ мой злорѣчивый
Исполнить хоть теперь послѣдній чести долгъ...
Графъ! просьбу я еще одну имѣю...

ГРАФЪ.

Какую?... Я исполню все...

КНЯЗЬ.

Не смѣю

Васъ умолять позволить мнѣ на мигъ
Увидѣться съ графиней... Еще менѣй
Могу надѣяться, чтобъ столько оскорбленій,
Несчастій, слезъ... она могла простить мнѣ ихъ...
Я не увижусь съ ней, быть-можетъ, въ жизни этой...
Но за проступокъ мой меня вы наказавъ,
Я требую, чтобъ вы мнѣ слова дали, графъ, —
Вручить супругѣ эти два пакета...

ГРАФЪ.

Исполню... (*Беретъ ихъ*).

КНЯЗЬ.

Не прочтя.

ГРАФЪ.

Стыдитесь, князь!...

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТѢЖЕ И РЕЛЬСКІЙ (*тихо съ лицомъ*).

КНЯЗЬ.

А! вотъ и секундантъ!

Т. IV.

ГРАФЪ.

Какъ долго !... Васъ
Довно мы ждемъ... Къ отъѣзду всего готово?...

РЕЛЬСКИЙ.

Все, графъ!

ГРАФЪ.

Что дѣлаетъ жена?...

РЕЛЬСКИЙ.

Ее

Не видѣлъ я.

ГРАФЪ.

Я-бы хотѣлъ... Ей слово
Последнее... прощальное сказать...
Хотѣлъ-бы на землѣ въ послѣдній разъ обнять...
Но чувствую, что не достанетъ силы...
Слеза !... Вы будете потомъ смѣяться, князь,
Надъ старикомъ-ребенкомъ.. У могилы
Я плачу... Не смѣшно-ли, князь?...

КНЯЗЬ.

Мнѣ васъ,

Графъ, осуждать за чувство то святое,
Которое великихъ свойство душъ!
Герой въ часъ битвы, вы здѣсь благородный мужъ,
Который счастье все свое земное
На жертву мнѣнію и свѣту отдаетъ!
Нѣтъ, графъ! когда-бъ я могъ, къ-несчастью, живъ остаться,
Совсѣмъ-бы пересталъ я, кажется, смѣяться... (*Часы бьютъ пять*).

ГРАФЪ.

Князь! Намъ пора! Пробило пять часовъ!

КНЯЗЬ.

Графъ! Я къ услугамъ вашимъ !... Я готовъ

ГРАФЪ.

Пойдемте! (*Идутъ, но на-встрѣчу имъ сбѣгаетъ графиня*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢЖЕ И ГРАФИНЯ.

ГРАФИНЯ.

Графъ! Меня вы обманули...
Вы ѣдете теперь!...

ГРАФЪ (*съ твердостію*).

Графиня! вы-бъ могли
Не нарушать приличій...

ГРАФИНЯ.

Но могу-ли
Я допустить васъ?...

ГРАФЪ.

Вы за-чѣмъ пришли?...
Остановить насъ, помирить слезами,
Отчаянемъ?... Чтобы весь свѣтъ потомъ
Имѣлъ все право надъ моимъ стыдомъ
И малодушіемъ смѣяться?.. А надъ вами,
Чтобъ безнаказанно и при моихъ глазахъ
Острился всякой наглой вертопрахъ?..
Вы требуете этого, хотите?...

ГРАФИНЯ.

О, ради Бога! скажитесь! пощадите!
Я только умереть сюда пришла...
И вымолить у вашихъ ногъ прощенье....

ГРАФЪ.

Графиня! всякая слеза здѣсь — униженье...

Вы только больше дѣлаете зла...
 Неужли въ сердцахъ нѣтъ ни гордости, ни силы,
 На столько, чтобъ судьбу въ молчаньи перенести?...
 Мы всё когда-нибудь сойдемся у могилы, —
 Но пусть насъ приведутъ къ ней долгъ, любовь и честь!

князь.

Графъ, неужели-ль вамъ вручить теперь графини
 Мои пакеты... *(Графъ, молча, подаетъ ей).*

ГРАФИНЯ.

Что это?

князь.

Однимъ я умоляю васъ,
 Простить проступокъ мой въ послѣдній жизни часъ...
 Въ драгомъ... извѣстная... записка отъ княгини.

ГРАФИНЯ.

Отдайте, графу, — онъ все долженъ знать,

ГРАФЪ *(беретъ ихъ и бросаетъ въ каминъ).*

Кому однажды я и честь и имя ввѣрилъ,
 Того не буду никогда подозрѣвать...
 Когда-бы видѣлъ я — и тутъ-бы не повѣрилъ!
 Противъ довѣрчивой любви — измѣны нѣтъ...
 Однако, князь, пора... насъ ждуть... ужъ свѣтъ...

ГРАФИНЯ *(въ изступленьи).*

Нѣтъ! ради Бога! сжальтесь...

ГРАФЪ.

Другъ мой милый!...

Прости!... судьбѣ печальной покорись...
 Страдай въ молчаньи, надѣйся и молись...
 Въ молитвѣ ты найдешь источникъ силы...

Возьми примѣръ съ меня... ты видишь, какъ я твердъ...
Пусть утѣшеніе тебѣ Господь пошлетъ....

(Послѣднія слова говоритъ онъ прерывающимся голо-
сомъ. Наконецъ чувство преодолеваетъ. Онъ со сле-
зами обнимаетъ графиню. Та вскрикиваетъ и лишает-
ся чувствъ. — Онъ ее бережно кладетъ на кресла,
цѣлуетъ еще разъ и быстро уходитъ. Всѣ спышатъ
за нимъ. Завѣса опускается).

==

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

==

ЯВЛЕНІЕ I.

ГРАФИНЯ И ЛИЗА.

ЛИЗА.

Да что-же, тетенька, случилось? — расскажите!
Гдѣ дядинька? Гдѣ мой женихъ?

ГРАФИНЯ (мрачно).

Нѣтъ никого...

Что будетъ съ нами?...

ЛИЗА.

Боже мой! да отъ-чего

Вы такъ печальны, скучны... все молчите?...
Ужъ не случилось-ли несчастья?

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ!

Богъ милосердъ и справедливъ.... отъ бѣды
Онъ защититъ его!...

ЛИЗА.

Но вы въ такомъ волненьи...

ГРАФИНЯ.

Великодушія и чести образецъ...
Природы благороднѣйшее украшенье...
Онъ не погибнетъ...

ЛИЗА.

Да скажите, наконецъ...

Что это значитъ все?...

ГРАФИНЯ (звонитъ, входитъ Антипъ).

Антипъ! ну, что-же?...

Ихъ не видать еще?

АНТИПЪ.

Нѣтъ-съ, не видать! ужъ я

По всемъ угламъ людей разставилъ...

ГРАФИНЯ.

Боже!

Дай лучше умереть мнѣ!.... Не заставь меня
Дожить до той мучительной минуты,
Когда узнаю я, что онъ погибъ.. (Прислушиваясь). Постой,
Я слышу, кажется... Карета будто
По улицѣ... бѣги, Антипъ...

АНТИПЪ (уходя, про-себя).

Ахъ, Боже мой!

Рѣшительно съ ногъ сбили....

ЛИЗА.

Все загадка!

А говорить мнѣ не хотять....

ГРАФИНЯ.

О! не грусти! —

Не знать несчастій, какъ отрадно, сладко!

Незнаемъ этимъ какъ счастлива ты! —

Я жизнь-бы отдала, чтобы не знать, не помнить,

Чтобы разудокъ потерять. . Другъ мой!

Ты сердцемъ молодымъ и пылкой головой

Мечтаешь о любви. . Повѣрь, она не стѣбитъ

Со вѣмъ обманомъ чувствъ и обольщеній вѣхъ

И миллионной части тѣхъ страданій,

Тѣхъ горькихъ слезъ, минутъ ужасныхъ тѣхъ, —

Несбывшихся надеждъ, очарованій,

Которыми встрѣчаетъ насъ судьба,

Сорвавши съ глазъ повязку ослѣпленья....

Ты молода... я не виню тебя....

Но берегись любви.. Вѣсь увѣренья

Мужчинъ, вѣсь клятвы, — вся ихъ страсть — обманъ!

Мы только счастливы, когда судьбой намъ данъ

Защитникъ, другъ, великодушный, добрый....

Одинъ онъ стѣбитъ нашей всей любви!..

ЛИЗА.

Другъ! мужъ!.. Ну, да! объ немъ вѣдь говорите вы!..

Я понимаю... да! вы правы... и какъ-скоро

Я выйду за-мужъ...

ГРАФИНЯ (печально).

За кого?

ЛИЗА.

За Жоржа...

Я буду одного его любить!

ГРАФИНЯ.

Его?... да, да! люби его.. (про-себя). А я?... о Боже!
 Могу-ль объ немъ я думать, говорить?...
 Нѣтъ! Все на-вѣкъ погребено, забыто!...
 Все это сонъ одинъ тяжолый былъ...
 Для будущаго — пусть прошедшее все скрыто...
 И князь... онъ благородно поступилъ...

ЛИЗА.

Такъ вы ужъ тѣтинька согласны?... такъ мнѣ можно
 Надѣяться?..

ГРАФИНЯ.

Господь да сохранить тебя!
 Будь счастливейъ меня, мой другъ... судьба
 Ведеть насъ къ лучшей цѣли...

ЛИЗА.

Мнѣ бы должно

Его помучить... если онъ любилъ
 Другую....

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ! онъ не любилъ...

ЛИЗА.

Вѣдь вы-жъ, сказали...

ГРАФИНЯ.

Ахъ! я ошиблась.... онъ ее ужъ позабылъ...

ЛИЗА.

Не хорошо и это... та въ печали,
 Въ отчаяннѣ быть-можетъ...

ГРАФИНЯ.

И она

Его забудеть....

ЛИЗА.

Полно, такъ-ли?

ГРАФИНЯ.

Безъ-сомнѣнья!

Я въ томъ ручаюсь... страсти ослѣпленье
Прошло въ сердцахъ ихъ, и осталася одна
Надежда....

(Прислушиваясь, вскакиваетъ. Звонитъ; слуга входитъ).

Боже мой! ну вотъ опять карета!

Кто тамъ подѣхалъ?

СЛУГА.

Побѣжалъ Антипъ.

КНЯГИНЯ.

Бѣги, узнай...

антипъ (вбѣгаетъ).

Пріѣхалъ. — Лизавета

Ивановна — женихъ вашъ...

ГРАФИНЯ (падаетъ въ кресла).

Графъ погибъ!

(Антипъ уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ II.

ТЪ-ЖЕ, РЕЛЬСКІЙ (бросается къ графинь).

РЕЛЬСКІЙ.

Графиня, успокойтесь, ради Бога!
Все кончилось!... все живы... графъ сейчасъ
За мною ѣдетъ... Я впередъ спѣшилъ... и князь
Съ нимъ явится...

ГРАФИНЯ (на-колѣняхъ).

О, Боже милосердный!

Благодарю тебя...

ЛИЗА.

Да расскажите мнѣ

Гдѣ были? что случилось?...

РЕЛЬСКИЙ.

О! примѣрный

Дуэль...

ЛИЗА.

Дуэль? Кто? съ кѣмъ?...

ГРАФИНЯ.

Напрасно, Жоржъ вы съ ней

Объ этомъ говорите... что-же было?..

РЕЛЬСКИЙ.

Какъ секунданты, — мы старались помирить
Соперниковъ... Но графъ возсталъ всею силою
Противу убѣждений... Какъ склонить
Его, чтобъ онъ предъ княземъ извинился,
За то, что маску онъ съ него сорвалъ?
Дуэль былъ неизбеженъ... выстрѣлъ первый
Достался князю...

ГРАФИНЯ.

Боже милосердый!

РЕЛЬСКИЙ.

Князь выстрѣлилъ на воздухъ... Графъ сказалъ:
«Еще разъ зарядите и стрѣляйте: —
«Попада ваша — всѣхъ обидѣ сильнѣй.

«Вы отъ меня ее не ожидайте...
 «Дадите промахъ... съ жизнію своей
 «Проститесь... Я клянуся всѣмъ, что свято, —
 «Вы умереть должны...» — Князь зарядилъ,
 И выстрѣлилъ... попала пуля въ мякоть
 Вскользь по плечу...

ГРАФИНЯ.

Онъ раненъ?...

РЕЛЬСКИЙ.

И забылъ

Давно уже объ этомъ... Графъ съ улыбкой
 Къ барьеру подошелъ, — и князя подозвалъ...
 Тотъ твердъ, спокоенъ былъ и смерти ожидалъ.
 «Князь! обязался я — и клятвою великой
 «Васъ умертвить, — сказалъ съ торжественностью графъ,
 «И клятву я исполню... — Но мы съ вами
 «Вѣдь оба Русскіе... отечества уставъ
 «Сражаться только намъ велить съ врагами...
 «Такъ васъ я не хочу убить своей рукой..
 «Вы Русской, ваши дни принадлежать отчизнѣ, —
 «И ей то, князь, пожертвуйте вы жизнью..
 «По всѣмъ правамъ я вашъ властитель... да! вы мой!
 «Невольникъ чести вы... — Вотъ мой приказъ... Вы сами
 «Сейчасъ-же въ армію отправьтесь, и тамъ
 «Иль дайте съ славою себя убить врагамъ,
 «Или выкупите жизнь заслугой и дѣлами!

ЛИЗА.

Ахъ, какъ прекрасно!

ГРАФИНЯ.

О! великій человѣкъ! —

антипъ (прибѣгаетъ съ крикомъ)

Ура, сударыня! нашъ графъ пріѣхалъ...

ЯВЛЕНИЕ Ш.

ТѢЖЕ ГРАФЪ И КНЯЗЬ (всѣ бросаются къ графу).

ГРАФЪ (Обнимая жену).

Мой другъ! Въ твоихъ объятяхъ!... цѣлый вѣкъ
Теперь въ нихъ проведу... Графиня! Князь заѣхалъ
Съ тобой проститься... Онъ собрался на Дунай...

ГРАФИНЯ.

О! Знаю, знаю все!

ГРАФЪ.

Неужли? Жоржъ негодный
Успѣлъ ужъ рассказать... Хорошъ! я чай
Прибавилъ и раскрасилъ...

КНЯЗЬ.

Благородный

Поступокъ вашъ со мной я самъ всеѣмъ объявлю...
И вашъ приказъ какъ долгъ святой исполню.

ГРАФЪ.

Э, князь! между друзьями я не помню
Ни ссоры, ни приказа...

КНЯЗЬ.

Но графиню я молю
Простить мнѣ беспокойства, огорченья.

ГРАФИНЯ.

Князь! много я перенесла мученья
Въ ужасный этотъ часъ... но я теперь

Забыла все... и искренно желаю,
Чтобъ воротились вы скорѣй...

князь.

Я знаю,

Что не увижусь съ вами...

ГРАФЪ.

Эхъ, повѣрь,

Что черезъ годъ, обвѣщенный крестами,
Онъ явится, какъ на голову снѣгъ

(Видя, что Рельскій съ Лизою разговариваютъ).

Ну вы что, молодежь... Все ль между вами
Условлено?... Вѣдь мѣшкать право грѣхъ...

(Графиня) Ты другъ мой вѣдь согласна?...

ГРАФИНЯ.

О! на все!

Я буду счастлива одной твоей любовью...

И буду видѣть въ ней блаженство все мое...

ГРАФЪ (Лизъ и Рельскому).

А васъ и спрашивать не надо... Пустословья
Я не люблю... Вотъ такъ! Ко мнѣ на грудь...
И дѣло кончено... а тамъ черезъ недѣлю, —
И голубковъ моихъ ужъ въ церковь поведутъ, —
А тамъ у нихъ ужъ будетъ новоселье, —
А тамъ... Къ пріѣзду князя, можетъ-быть,
Найдется и еще кой что...

РЕЛЬСКІЙ.

Благословенье

У вашихъ ногъ принять...

ГРАФЪ.

Благословить

Я радъ моихъ дѣтей.. — да Провидѣнье

Всѣ блага вамъ, все счастье ниспошлетъ! (Благословляетъ),
Жоржъ! береги ее, люби и помни вѣчно,
Что изъ мужей спокоенъ, счастливъ тотъ,
Кто съ дружбой чистою и вѣжностью сердечной
Довѣренность во всемъ женѣ дарить...
Довѣренность всего нужибѣ и священнѣй,
Она достоинство и честь семьи хранить;
Она блюститель, стражъ, совѣтникъ самый вѣрный,
Она подпора, украшенье женъ,
Она долгъ совѣсти, — она любви заковъ...
Друзья! нашъ свѣтъ не золь, онъ только переменчивъ,
Изъ легкомыслія онъ дѣлаетъ все зло;
Изъ хитрости, ума, — онъ сдѣлалъ ремесло...
У нихъ тотъ глупъ, кто добръ и честенъ и застѣнчивъ, —
И всякой хочетъ быть другихъ умнѣй, хитрѣй...
А выйдетъ... нѣтъ, друзья! — по логикѣ моей, —
Кто хочетъ счастливъ быть, тотъ долженъ быть довѣрчивъ.

ИЗЪ ГАНРИ БЛАЗА.

На небо взглянул я, и тучи
Увидѣлъ я черныя тамъ.
На землю взглянулъ я, катились
Поблѣклые листья къ ногамъ.

* * *

И въ душу къ себѣ заглянулъ я:
Какъ на небѣ мрачно и въ ней,
И лучъ упования не свѣтитъ
Душѣ охладѣлой моей.

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

ЖЕНИХЪ ВЪ МЪШКЪ

▲

НЕВЪСТА ВЪ КОРЗИНЪ,

ШУТКА-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Переводъ съ французскаго

П. С. ѲЕДОРОВА.

=

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Г-нъ ЖЕРВЕ, куонецъ, торгующій сѣмянами, 40 лѣтъ Г-нъ Каратыгинъ 2.
Г-жа ЖЕРВЕ, его жена, 30 лѣтъ Г-жа Смирнова.
ЛУИЗА, его племянница, 17 лѣтъ Г-жа Самойлова 1.
БЕНУА, прикащикъ г-на Жерве Г-нъ Ширлевъ.
НАСКАЛЬ, ученикъ г-на Жерве, 23 лѣтъ Г-нъ Шемаевъ.
МАРГАРИТА, старая служанка, 50 лѣтъ Г-жа Громова.
ЖАКЪ, работникъ г-на Жерве Г-нъ Горькавовъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, въ сѣмянномъ магазинѣ г. Жерве.

Дѣйствующіе должны находиться на сценѣ въ порядкѣ, означенномъ въ каждомъ явленіи, первые на-лѣво отъ зрителей.

Магазинъ; на-право, въ первомъ планѣ, на возвышеніи нѣсколькихъ ступеней, небольшой совершенно-открытый кабинетъ, въ видѣ кассы, и въ немъ столъ, два табурета, книги, бумаги и мѣшки съ сѣмянами. Предъ лѣстницей, ведущей въ этотъ кабинетъ, прямо противъ зрителей, не боль-

ная колторка, и на ней, на желѣзномъ прутѣ, вѣсы. На второмъ планѣ, на той-же сторонѣ, большой ящикъ, съ надписью: «Горчица». Въ третьемъ планѣ, комната Маргариты. На-лѣво, въ первомъ планѣ, столъ и два стула, во второмъ планѣ, комната г-жи Жерве; близъ нея комодъ, съ множествомъ маленькихъ ящичковъ, на которыхъ наклеены ярлычки. Въ глубинѣ, на-лѣво, лѣстница, ведущая въ верхъ, въ чуланъ; почти въ плафонтѣ, съ лѣвой-же стороны, въ третьемъ планѣ выходитъ на сцену окно изъ этого чулана, чрезъ которое поднимаютъ мѣшки съ сѣянами. Въ глубинѣ, по срединѣ, дверь и за ней лѣстница, служащая выходомъ изъ магазина въ лавку. Въ разныхъ мѣстахъ магазина разбросаны мѣшки съ сѣянами. На задней стѣнѣ виситъ большая корзина (*).

ЯВЛЕНИЕ I.

Г-ЖА ЖЕРВЕ, ЛУИЗА, ПАСКАЛЬ, ЖЕРВЕ, БЕНУА, ПОТОМЪ
МАРГАРИТА.

(При поднятiи занавѣсы, Жерве сидитъ въ кабинетѣ и, облокотясь, спитъ. Бенуа, возль него, пишетъ. — На-лѣво, г-жа Жерве и Луиза, у стола, занимаются шитьемъ. Паскаль, сидя на полу, въ первомъ планѣ, окруженный маленькими мышками съ сѣянами, за-вязываетъ ихъ и дѣлаетъ на нихъ надписи).

БЕНУА. *(Г-ну Жерве)*. Хозяинъ! хозяинъ! г. Жерве!
ЖЕРВЕ *(просыпаясь)*. Чтó, чтó такое?.. Фу, какъ я глупъ... да я заснулъ... На чемъ-же мы остановились, Бенуа... кажется, дѣло почти кончено... кассовый счетъ составленъ, остается только сдѣлать опись товарамъ.

БЕНУА. Какъ прикажите... А надо признаться, вашъ сѣянной магазинъ начинаеть уже приносить большія выгоды...

(Приводитъ въ порядокъ бумаги).

ЛУИЗА. Боже мой! какъ занять дядюшка съ своимъ прикащикомъ.

Г-ЖА ЖЕРВЕ. Въ это время онъ ежегодно сводитъ всѣ счеты по магазину и потомъ убѣждаетъ на свою родину, въ Овернь.

(*) Эта корзина, въ родѣ кузова, должна быть такой величины, чтобъ въ ней могъ удобно спрятаться человекъ. Съ задней стороны ея прикрѣплены ремни, посредствомъ которыхъ надѣвается она на спину; съ передней стороны, отверстiе ея покрыто занавѣскою, на которой написано крупными буквами: «Нежные растенiя».

ПАСКАЛЬ (*держа въ рукахъ мѣшочекъ*). Тутъ что такое?... (*Въ сторону*) Жалкое, несносное положеніе для чувствительнаго сердца!.. Ну, на что я теперь похожъ?.. Я совершенное подобіе... (*пишетъ на мѣшочкѣ*) «дыни».

МАРГАРИТА (*входя, г-жа Жерве*). Вамъ, сударыня, принесли счетъ.

Г-ЖА ЖЕРВЕ (*взявъ счетъ*). Дай сюда!..

МАРГАРИТА (*Паскалю*) (*). Боже мой! г. Паскаль! сколько вы навязали тутъ мѣшочковъ!

ПАСКАЛЬ. Что дѣлать, добрая Маргарита! велятъ работать!.. (*Завязывая мѣшочекъ*). Вотъ и ноготки.. а если-бъ ты знала, какія сѣмяна забросила любовь въ мое сердце!.. Ахъ!..

ЛУИЗА (*въ сторону*). Бѣдняжка.

Г-ЖА ЖЕРВЕ (*вставая и идя въ кабинетъ*). Хорошо, я поговорю съ мужемъ... (*Маргарита уходитъ*).

ЖЕРВЕ (*въ сторону*). Невѣроятно, чтобъ моя жена рѣшилась... (*Видя г-жу Жерве, входящую въ кабинетъ*) Что тебѣ? вѣрно нужны деньги? (*Смотря на нее въ сторону*) Неужели это была она?

(*Въ то время, какъ Жерве разсматриваетъ съ женою счетъ, а Бенуа складываетъ бумаги, Паскаль въ половину поднимается съ полу и на колыняхъ приближается къ Луизѣ*).

ПАСКАЛЬ. Гмъ!

ЛУИЗА. Тише!

ПАСКАЛЬ. Ангель!

ЛУИЗА. Поди къ своимъ сѣмянамъ!

ПАСКАЛЬ. Одно словечко!

ЛУИЗА. Что-же я скажу?

ПАСКАЛЬ. Вчерашнее свиданіе наше не удалось... но общай мнѣ другое, если ты меня любишь!

ЛУИЗА. Хорошо!

ПАСКАЛЬ (*вскрикивая*). О, ангель!

ЖЕРВЕ. Что?

ЛУИЗА. Тише!

(*Паскаль поспѣшно садится на мѣшочки; Луиза принимается за работу*).

(*) Г-жа Жерве, Луиза Маргарита, Паскаль, Жерве, Бенуа.

Г-ЖА ЖЕРВЕ (*входя въ магазинъ*). Чтѣ случилось?
 ПАСКАЛЬ. Ничего-съ... А! вотъ опять Маргарита!.. (*Въ-сторону*)
 Славно! я раздавилъ Ивана да Марью и Анютинны глазки.

МАРГАРИТА (*входя*). Какой-же будетъ отвѣтъ?.. тамъ ждутъ.
 ЖЕРВЕ (*идя за женой*). Я иду самъ... (*Паскалю*) Да ну, то-
 ропись-же, лѣннвецъ! Если будешь все звать по сторонамъ, такъ
 не будетъ никакого толка!

ПАСКАЛЬ (*въ-сторону, смотря на Луизу*). Именно такъ! (*Пи-
 шеть*) «Козлиная борода и медвѣжьи ушки». Настоящій твой
 портретъ, мучитель!

ЖЕРВЕ. А ты, Луиза, приготовься сегодня-же возвратиться въ
 пансіонъ. Это необходимо... до моего отъѣзда!

ЛУИЗА. Дядюшка!

ЖЕРВЕ. Пожалуйста, безъ возраженій!.. Я этого не люблю и
 никому не позволю!

ПАСКАЛЬ (*въ-сторону*). Въ пансіонъ!

Г-ЖА ЖЕРВЕ (*въ-сторону*). Кто-бы могъ подумать, что этотъ
 человѣкъ былъ нѣкогда любезенъ!

ЖЕРВЕ. Чтѣ такое? Чтѣ вы говорите?

Г-ЖА ЖЕРВЕ. Я ничего не сказала.

ЖЕРВЕ. Пойдемъ-же, милый мой Бенуа!... (*въ-сторону*). Неужели
 это была моя жена?... (*Паскалю*). Ну, работай-же привле-
 живѣ, несносный Савоярдъ!

ПАСКАЛЬ (*поспѣшно вставая*). Ошибаетесь! Я вовсе не Са-
 воярдъ!... Моя родина Шамбери!... (*Жерве и Бенуа, смѣясь, ухо-
 дятъ въ среднюю дверь и спускаются по лѣстницу*). Скорѣ ты,
 г. Овернецъ, несносный Савоярдъ!

Г-ЖА ЖЕРВЕ (*ласково*). Полно-те, не сердитесь... Займитесь
 лучше своимъ дѣломъ...

ПАСКАЛЬ (*сидясь снова на мѣшки*). Васъ я готовъ слушаться
 съ удовольствіемъ, хозяйка... Ну, опять бѣда! Раздавилъ мед-
 вѣжьи ушки!

ЯВЛЕНІЕ II.

ПАСКАЛЬ на полу, Г-ЖА ЖЕРВЕ, ЛУИЗА И МАРГАРИТА.

ЛУИЗА. Боже мой! Боже мой! Меня опять посылаютъ въ пан-
 сіонъ!... А я думала, что навѣкъ съ нимъ разсталась!

МАРГАРИТА. Да ужъ и пора-бы! Вѣдь вамъ семнадцать лѣтъ!

ПАСКАЛЬ (*въ-сторону*). Семнадцать лѣтъ!... (*Пишетъ*). «Махровая гвоздичка»...

Г-жа ЖЕРВЕ. Что прикажешь дѣлать съ твоимъ упрямымъ дядюшкой... Ужъ если что онъ задумаетъ, такъ ничѣмъ не урезонишь!

ЛУИЗА. Это совершенное тиранство!

ЛЗ 1.

Мнѣ надоѣли всѣ науки
И пансіонъ мнѣ сталъ тюрьмой!

ПАСКАЛЬ (*въ-сторону*).

Хоть-бы позволили, отъ скуки,
Туда ей взять меня съ собой.

ЛУИЗА.

За что-жь мнѣ тамъ терпѣть мученье
Когда мнѣ съ вами веселѣй?...

ПАСКАЛЬ (*въ-сторону*).

Да и пойдеть-ли въ умъ ученье,
Когда пора ужъ за-мужъ ей...

ЛУИЗА. Въ семнадцать лѣтъ учиться!... Я чувствую, что не переживу моихъ страданій... Я умру со скуки!

ПАСКАЛЬ (*вынимая платокъ и вытирая слезы*). Боже мой! Боже мой!... Какъ мнѣ ея жаль!

МАРГАРИТА. Ну, перестаньте, моя душечка.

(*Паскаль сморкается и плачетъ*).

ЛУИЗА. Да, я непременно умру. Ты не имѣешь понятія, что такое этотъ пансіонъ... Желала-бы я, чтобъ тебя отправили туда хоть на недѣлю...

(*Паскаль опять сморкается и плачетъ*).

Г-жа ЖЕРВЕ. Ну, успокойся-же, мой другъ... Боже мой!... Паскаль! Что съ вами?

ПАСКАЛЬ. Извините, хозяйка... У меня ужаснѣйшій насморкъ!.

МАРГАРИТА. (*Г-жѣ Жерве*). Хоть-бы вы, сударыня, поговорили г-пу Жерве...

Г-ЖА ЖЕРВЕ. Развѣ ты не знаешь, какъ онъ слушается меня?...
ПАСКАЛЬ (*вставая*). Это тиранъ! Это...

Г-ЖА ЖЕРВЕ. Если я и буду просить его, то не выйдетъ ничего хорошаго...

МАРГАРИТА. Боже мой, какъ онъ перемѣнился съ-тѣхъ поръ, какъ сталъ вашимъ мужемъ?... А помните-ли, когда онъ былъ здѣсь такимъ-же ученикомъ, какъ г. Паскаль.... Какъ онъ былъ скромень, любезень...

Г-ЖА ЖЕРВЕ (*вздыхая*). Ахъ, очень-любезень!

ПАСКАЛЬ (*въ-сторону*). Давно-прошедшее время!

МАРГАРИТА. Помните-ли, какія пѣжныя писывалъ онъ пшєма?... Напишетъ, бывало, да и положить въ ящикъ съ незабудками... А вы ужь себѣ на умѣ.

ЛУИЗА (*смотря на Паскаля*). Въ ящикъ съ незабудками!

ПАСКАЛЬ (*въ-сторону*). Не забуду, понимаю!... О, милая плутовочка... Непремѣнно напишу...

МАРГАРИТА. Боже мой! Какія ужь онъ не дѣлалъ вамъ угожденія, когда былъ въ васъ влюбленъ...

Г-ЖА ЖЕРВЕ. А теперь!... И таковы-то всѣ мужчины, мой другъ.... Общаются много...

ЛУИЗА (*смотря на Паскаля и приближаясь къ нему*). И не держать слова!...

ПАСКАЛЬ (*схватывая ея за руку, въ-сторону*). О, нѣтъ... О, нѣтъ... Я... Мое сердце.... (*Услыша голосъ г. Жерве и оставивъ руку Луизы*). Ахъ! (*Удаляется въ-сторону*).

МАРГАРИТА. Это хозяинъ....

Г-ЖА ЖЕРВЕ. Тише!

ЯВЛЕНИЕ III.

ТѢ-ЖЕ, ЖЕРВЕ, два работника (*).

ЖЕРВЕ (*за дверьми, работникамъ*). Снесите эти сѣмяна на верхъ, въ кладовую... Вотъ ключъ... Ахъ, я его забылъ въ лавкѣ. Все равно несите и подождите тамъ минуточку.

ПАСКАЛЬ (*тихо Луизѣ*). О, нѣтъ... Я... Мое сердце...

(*) Маргарита, г-жа Жерве, Луиза, Жерве, Паскаль.

ЖЕРВЕ (*входя, Паскалю*). Ты еще здѣсь!... Я замѣчаю, что тебѣ очень нравится общество...

ПАСКАЛЬ. Я чувствую, что созданъ для него...

ЖЕРВЕ. Но отъ-чего у тебя такіе красные глаза? Право, точно какъ у кролика.. Ха, ха, ха!

Г-ЖА ЖЕРВЕ. Я не нахожу... глаза его такъ-же свѣтлы, какъ и всегда...

ПАСКАЛЬ (*про себя*). Добрѣйшая душа!...

ЖЕРВЕ (*Паскалю*). Поди, отыщи мнѣ ключи отъ чулана...

ПАСКАЛЬ. Сію минуту!.. (*въ сторону*) Вотъ ужъ хозяйка, такъ хозяйка! (*Убѣгаетъ въ среднюю дверь*).

ЖЕРВЕ. Слава Богу, отправился... Этакой лѣнивекъ!

Г-ЖА ЖЕРВЕ. Какъ ты грубо обращаешься съ нимъ, мой другъ... вспомни, вѣдь онъ племянникъ твоего сотоварища и корреспондента... онъ отданъ на наше попеченіе съ молодыхъ лѣтъ... такъ привязанъ къ намъ... такъ насъ любитъ!

ЛУИЗА (*въ сторону*). Ахъ! и какъ любимъ!

ЖЕРВЕ. И кончится тѣмъ, что я его скоро выгоню!... Лѣнивекъ! Глупецъ! (*Движеніе г-жи Жерве*).

ЛУИЗА (*въ сторону*). Ну, можно-ли такъ судить!... Скорѣе ты...

ЖЕРВЕ (*Луизѣ*). А ты тутъ что дѣлаешь?... Пора въ пансіонъ... тебя проводитъ Маргарита.

МАРГАРИТА. Когда имъ будетъ угодно... я готова.

ЛУИЗА. Но я не хочу...

ЖЕРВЕ. Это что значитъ?... Я сказала, что ты должна остаться тамъ до своей свадьбы, и ты останешься... Я такъ хочу... (*Въ-сторону*). На это есть у меня причины...

ЛУИЗА. Если только за этимъ дѣло стало, такъ выдайте меня за мужъ... я готова хоть сію минуту...

ЖЕРВЕ. Ты еще слишкомъ теперь глупа... вотъ черезъ годъ мы посмотримъ, займемся твоей судьбой!

ЛУИЗА. О, я знаю, за кого вы хотите выдать меня... но я скорѣе умру, чѣмъ соглашусь...

ЖЕРВЕ. Перестань... поцѣлуй меня и отправляйся.

ЛУИЗА. Нѣтъ, я не-хочу васъ цѣловать... потому-что вы мнѣ желаете зла... потому-что вы сами злой человѣкъ!...

МАРГАРИТА (*Луизѣ*). Перестаньте, вы его разсердите!

Г-ЖА ЖЕРВЕ (*также*). Не бойся, мой другъ!

ЛУИЗА. Вы думаете, что я такая смиренская.. Извините... я не пойду въ вашъ пансіонъ... а если вы меня отправите

насилно, такъ я убѣгу оттуда... (Смѣясь). Непремѣнно убѣгу... убѣгу по милости вашей... потому-что вы мой злодѣй, тиранъ!

ЖЕРВЕ. Маргарита! поручаю тебѣ ее, подѣ твою ответственностію!

ЛУИЗА (въ-сторону). О, бѣдный мой Паскаль... что будетъ съ нимъ, когда онъ узнаетъ, что меня здѣсь нѣтъ!... Я увѣрена, что онъ сдѣлаетъ что-нибудь съ собою!

ЖЕРВЕ (подходя къ ней). Чтоже вы? скоро-ли отправитесь?

ЛУИЗА. Иду, иду!... демоны! тиранъ! (Луиза, Г-жа Жерве и Маргарита уходятъ въ комнату Г-жи Жерве).

ЖЕРВЕ. Слава Богу!... Нѣтъ, ей нельзя здѣсь оставаться... я подозреваю, не для нея-ли это было сдѣлано...

ПАСКАЛЬ (прибѣгая изъ средней двери). Вотъ хозяинъ, вотъ!... (Осматриваясь кругомъ). А гдѣ-жъ она?

ЖЕРВЕ. Что ты зѣваешь кругомъ?

ПАСКАЛЬ. Я?... Я говорю... вотъ ключъ отъ чулана.. Они васъ ждутъ... тамъ... на-верху...

ЖЕРВЕ (сходя по лѣстницѣ, въ чуланъ). А ты на свое мѣсто... въ лавку!...

ПАСКАЛЬ. Иду.. въ лавку, такъ въ лавку!.. Иду... (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ двери, но когда Жерве исчезаетъ изъ глазъ, снова возвращается на аван-сцену).

ЯВЛЕНИЕ IV.

ПАСКАЛЬ (одинъ). Не иду въ лавку! не хочу идти въ лавку!... Безчеловѣчный дядя! жестокосердый хозяинъ!.. Такъ по твоему я лѣнивѣцъ! я кроликъ! Нѣтъ, я покажу тебѣ, что я не такъ трусливъ какъ это робкое животное!... Онъ не понимаетъ, что значить любить женщину!... О, Луиза, Луиза, какъ я люблю тебя! А этотъ злодѣй всѣми мѣрами старается разлучить насъ!... Не спитъ даже ночи, чтобъ только мѣшать нашимъ свиданіямъ. Вчера ночью я рисковалъ сломать себѣ шею, взобрался на балконъ, чтобъ увидѣться съ Луизою... но и тутъ явился этотъ варваръ.. хорошо еще, что я успѣлъ ускользнуть... О, Луиза, Луиза, когда-жъ мы наговоримся съ тобою о нашей любви!... А теперь у меня остается одно утѣшеніе, хоть писать къ тебѣ... Какое счастье, что я приобрѣлъ эту книжку... (Вынимаетъ изъ

кармана книжку). Какой-то романъ въ письмахъ... И всего вѣдь заплатилъ семьдесятъ сантимовъ... а въ этихъ письмахъ столько огня, столько любви и страсти, что и за семьсотъ франковъ не купишь... чѣмъ раздумывать да сочинять, — списывай слово въ слово... Какое-бы мнѣ теперь скопировать?.. (*Разматривая книжку*). А, вотъ! прекрасно! Совершенно по моимъ чувствамъ!... Воображаю, какъ это письмо тронетъ мою Луизу!... (*Садится къ столу и заглядывая въ книгу, пишетъ*). «Мой ангелъ... вотъ уже прошелъ цѣлый часъ съ того времени, какъ я видѣлъ тебя въ послѣдній разъ... мнѣ кажется, о моя несравненная, что въ этотъ часъ цѣлые вѣка пролетѣли надъ моею головою и покрыли ее сѣдинами ..» (*Размышляя*). Какая гениальная и вмѣстѣ съ тѣмъ справедливая идея!... Мнѣ кажется, что она уже видитъ меня съ посѣдѣвшими волосами... довольно-страшно, но и чрезвычайно-чувствительно... (*Пишетъ*). «Но, несмотря на то, и не видя тебя, я люблюю твоимъ небеснымъ челою, цѣлую твои агатовые волосы»... (*Говоритъ*) Какіе-же это агатовые волосы.. не понимаю, а должно быть какіе нибудь такіе, самые роскошные, какъ у Луизы... пусть-же будетъ такъ... (*Пишетъ*)» Цѣлую твои агатовые волосы и смотрю въ твои андалузскія очи, которыя блещутъ, какъ двѣ ясныя брилліантовыя звѣзды посреди ночи!» (*Говоритъ*). Какая чудная мысль: очи, какъ двѣ брилліантовыя звѣзды посреди ночи! вѣдь это почти стихи!... Должно быть, писалъ какой нибудь умнѣйшій и гениальный человѣкъ, если не профессоръ или не академикъ! (*Пишетъ*). «О, безцѣнная моя Сильфида!»... (*Говоритъ*) Сильфида... вѣдь придетъ-же въ голову такое восхитительное названіе... я никогда-бы не придумалъ! (*Пишетъ*). «Сильфида... я долженъ тебя видѣть и говорить съ тобою безъ свидѣтелей... о, подари-же меня свиданіемъ... если-же ты мнѣ откажешь, я умру, умру»... (*Плачетъ*). Странно, я плачу!... Нѣтъ, это, вѣрно, сочинялъ гениальный человѣкъ... вѣдь такъ чувствительно написалъ, что даже слезы льются!... Подпишу: «Паскаль»... А она подумаетъ, что это письмо сочинилъ я самъ... Положу его скорѣе въ ящикъ къ незабудкамъ... (*Кладетъ письмо въ одинъ изъ ящичковъ, находящихся въ коммодѣ*). Я вѣдь понялъ ея взглядъ!... о, милая плутовочка!... (*Услыша голосъ Жерве*). Опять этотъ злодѣй.. скорѣе за работу!...

ЯВЛЕНИЕ V.

БЕНУА, ЖЕРВЕ, ПАСКАЛЬ.

ПАСКАЛЬ (*напивая, приводит въ порядокъ мышки съ стѣянами*).

Жалкимъ, горькимъ бѣдьякомъ

Я на свѣтъ...

ЖЕРВЕ. Ты все еще здѣсь?

ПАСКАЛЬ. Не безпокойтесь, хозяинъ... сейчасъ: (*Поетъ*).

Я на свѣтъ родился.

И...

ЖЕРВЕ. Но когда-жъ этому будетъ конецъ?

ПАСКАЛЬ. Только три куплета, хозяинъ! (*Поетъ*).

И за счастьемъ иѣшкомъ,

Я...

ЖЕРВЕ, (*съ нетерпѣнїемъ*). Замолчишь-ли ты?... Убери стѣяна... цѣлое утро возишься съ этимъ вздоромъ и все еще не готовъ!... Лѣннвецъ!... Бенуа! (*Бенуа вскорь является изъ дверей на сцену*).

ПАСКАЛЬ (*убирая мышки, поетъ*).

Я въ Парижъ пустился!

ЖЕРВЕ. Молчи!... Снеси сейчасъ десять килограммовъ льна къ аптекарю въ Медвѣжью улицу...

ПАСКАЛЬ. Къ г. Серинге?

ЖЕРВЕ. Серинге?... развѣ такъ его фамилія?

ПАСКАЛЬ. Не знаю, такъ-ли... но, мнѣ кажется, не бѣда назвать его и Г. Серинге! (*Надъваетъ камзолъ*).

ЖЕРВЕ. Молчи, глупецъ!... возми большую корзину для стѣянъ... тамъ внизу дадутъ тебѣ еще нѣсколько мѣшковъ.

ПАСКАЛЬ. Корзину?... Эту огромную корзину? Извините, хозяинъ, я больше не намѣренъ ее таскать... При-томъ-же она моя собственная...

ЖЕРВЕ. Какъ ты смѣешь ослушаться... и почему это?

ПАСКАЛЬ. А потому, что это не нравится нѣкоторой особѣ...

БЕНУА. И, вѣрно, женщины?

ПАСКАЛЬ. Можетъ-быть и женщины, г. Бенуа...

ЖЕРВЕ. И этотъ Савоярдъ смѣетъ еще умничать?

ПАСКАЛЬ (*съ сердцемъ*). Я не Савоярдъ... и ни за что не понесу корзины!

ЖЕРВЕ. Ты тамъ какъ хочешь... а изволь сію-же минуту нести сѣмяна... (*Къ Бенуа*) А намъ пора, Бенуа, за дѣло.

ПАСКАЛЬ (*взявъ шляпу и уходя въ среднюю дверь, поетъ*).

Я во Францію принесъ

Пѣсни да надежды.

ЖЕРВЕ. Да замолчишь-ли ты, дуралей!

ПАСКАЛЬ (*вдали, возвышая голосъ*). И надежды!

ЖЕРВЕ. Молчи!

ПАСКАЛЬ (*также*). И надежды!

ЯВЛЕНИЕ VI.

БЕНУА, ЖЕРВЕ.

БЕНУА. Не понимаю, что съ нимъ сдѣлалось?.. Съ нѣкотораго времени онъ сталъ что-то неглижировать работой!..

ЖЕРВЕ. Но приготовимъ-же скорѣе описъ всеѣмъ сѣмянамъ въ этомъ коммодѣ... (*Вздохая*) Ахъ, любезный другъ... сдѣлай одолженіе, оберегай мой домъ, во-время моего отсутствія.

БЕНУА. Не беспокойтесь, хозяинъ...

ЖЕРВЕ. Ахъ!.. пожалуйста, оберегай и мою жену...

БЕНУА. Вашу супругу!.. Но что съ вами, хозяинъ?.. вы такіе скучные, все вздыхаете...

ЖЕРВЕ. Ахъ, мой милый другъ, если-бъ ты зналъ, какую ужасную ночь я провелъ!. Вообрази себѣ... вчера, окончивъ съ тобой работу, я уже отправлялся спать, какъ вдругъ, проходя залу, я увидѣлъ на балконѣ, за стеклами, тѣнь...

БЕНУА. Тѣнь?

ЖЕРВЕ. На немъ была шапка... и если не ошибаюсь, черная бархатная, съ длиннымъ козырькомъ... я притаился, хотѣлъ разсмотреть фигуру, мнѣ чрезвычайно мѣшалъ этотъ козырекъ...

онъ закрывалъ почти все лицо, и я только могъ видѣть длинный носъ...

ВЕНУА. Это интересно...

ЖЕРВЕ. Я подумалъ, если пельзя узнать, кто ты, такъ мы съ тобой раздѣлаемся иначе... ты у меня полетишь съ балкона... я подошелъ къ камину, взялъ для обороны щипцы и, возвратясь къ балкону, открылъ уже дверь... гляжу — и что-же?

ВЕНУА. Что-же?

ЖЕРВЕ. Никого, — онъ уже скрылся!

ВЕНУА. Скрылся!

ЖЕРВЕ. Послѣ этого, ты можешь представить, какъ я спалъ всю ночь... Эта тѣнь, эта фуражка, этотъ носъ, не даютъ мнѣ даже покою все сегодняшнее утро... они непрерывно предъ моими глазами... Ахъ, мой другъ, я только теперь замѣтилъ, какъ я ревнивъ!..

ВЕНУА. Но чего вы можете опасаться? Супруга ваша скромна, добра... Она, кажется, доказала уже вамъ свою любовь.

ЖЕРВЕ. Слишкомъ-поспѣшно.

ВЕНУА. Она составила ваше счастье...

ЖЕРВЕ. Слишкомъ-рано!

ВЕНУА. Что вы говорите?.. неужели...

ЖЕРВЕ. Тише!.. ты, я думаю, меня повялъ... Да, мой другъ, при бывшемъ моемъ хозяйствѣ, я любилъ ее, какъ безумный, и не въ-силахъ преодолѣть страсти, сдѣлался предъ ней виновнымъ... конечно, я загладилъ свой проступокъ, женился на ней, очистилъ свою совѣсть, но съ-тѣхъ-поръ, какъ сталъ ея мужемъ, улетѣло мое спокойствіе... я сталъ подозрителенъ, ревнивъ... ахъ!.. Но оставимъ этотъ разговоръ... Давай работать... пиши... *(Смотря на ящики коммоды и диктуя)* Весеннія розы... Ночная красавица... Папскія туфли...

ВЕНУА. Написано!.. *(Пишетъ снова)* Незабудки...

ЖЕРВЕ *(останавливая его)*. Незабудки!.. Если-бъ ты зналъ, какое воспоминаніе!.. *(Показывая на ящикъ)* Этотъ ящикъ былъ складочнымъ мѣстомъ нашихъ писемъ.

ВЕНУА. Какъ, здѣсь?

ЖЕРВЕ. Утромъ, проходя мимо этого коммоды, я незамѣтно клалъ въ ящикъ мою записку... Смотри, вотъ такъ... *(Дѣлаетъ примѣръ)* Потомъ, чрезъ нѣсколько минутъ являлась она... и... гляди... открывая ящикъ, опускала въ него руку... и вынимала... *(Вынимаетъ изъ ящика письмо Паскаля)* Что это? неужели это

еще наше?.. Нѣтъ, это не нашъ почеркъ... (Читаетъ) «Мой ангелъ! агатовые волоса...» Что это значитъ? «Я долженъ тебя видѣть, говорить съ тобой безъ свидѣтелей..» (Говоритъ) Агатовые волоса!.

БЕНУА (съ любопытствомъ). Чье-же это письмо?

ЖЕРВЕ. Чорные волоса... какъ у моей жены!

БЕНУА. Неужели это къ ней?

ЖЕРВЕ (сердито). Я не съ тобой говорю!.. (Различая) У Луизы волоса почти бѣлокурые... у Маргариты сѣдые... (Съ ужасомъ) О, это къ ней, къ ней!..

БЕНУА. Успокойтесь, ради Бога!

ЖЕРВЕ. Молчи!.. (Про себя, смотря въ письмо) И еще чорные глаза... (Съ сердцемъ) О, я пойду къ ней и... (Останавливаясь) Нѣтъ... надобно прежде хорошенько разузнать... поговорить осторожно... я могу и ошибиться...

БЕНУА. Но г. Жерве...

ЖЕРВЕ. Убирайся вонъ!

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТЪ-ЖЕ И ПАСКАЛЬ (*)

ПАСКАЛЬ.

(Входя, бросаетъ камзолъ и шляпу на мѣшокъ на-
льво. Съ разстройствомъ, съ-сторону).

Отправилась въ Пансионъ! въ пансионъ!

ЖЕРВЕ. Паскаль!.. И онъ еще смѣетъ!..

ПАСКАЛЬ. Что такое?

ЖЕРВЕ. За-чѣмъ ты сюда пришелъ? за-чѣмъ ты сюда пришелъ? за-чѣмъ ты сюда пришелъ?

ПАСКАЛЬ. Три раза одинъ вопросъ!..

ЖЕРВЕ. Негодай!

БЕНУА (удерживая его). Господинъ Жерве!

ПАСКАЛЬ. Кто-жъ это негодай?.. Не ужели вы себя такъ бра-
ните?

(*) Бенуа, Жерве, Паскаль.

№ 2.

ЖЕРВЕ.

Молчи, злодѣй! Ни слова болѣ!

ПАСКАЛЬ.

Но для чего-же мнѣ молчать?
Пока языкъ еще на волѣ,
Я въ правѣ что хочу болтать!

ЖЕРВЕ.

Молчи! или какъ змѣю за двери
Тебя я выброшу сейчасъ!

ПАСКАЛЬ.

О, змѣй должны бояться звѣри,
Змѣя ужалитъ вѣдь какъ-разъ!

ЖЕРВЕ.

Молчи, злодѣй, не спорь со мною,
Я въ злобѣ страшный человекъ!
И такъ расправлюсь съ тобою,
Что будешь помнить цѣлый вѣкъ!

ПАСКАЛЬ (въ-сторону).

Будь осторожнѣе со мною,
Хоть я и смирный человекъ,
Но такъ расправлюсь съ тобою,
Что будешь помнить цѣлый вѣкъ!

(Бенуа, удерживая все это время Жерве, уводитъ его въ дверь на-льво).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ПАСКАЛЬ ОДИНЪ.

Тиранъ! чудовище!.. Опъ ненавистенъ для меня!.. Отправить

семнадцатилѣтнюю дѣвушку въ пансіонѣ, разлучить два пылающія сердца... Нѣтъ, жадный крокодилъ, это такъ не пройдетъ! Я вырву этотъ нѣжный цвѣтокъ изъ заточенія... (*Снимаетъ передникъ*) Я похищу ее... и тогда...

(*Входитъ Луиза изъ средней двери*).

ЯВЛЕНИЕ IX.

ПАСКАЛЬ, ЛУИЗА.

ПАСКАЛЬ (*увидя Луизу*). Боже мой! что я вижу! это она! (*Съ крикомъ*) Луиза!

ЛУИЗА. Тише!

ПАСКАЛЬ (*тихо*). Луиза, какимъ-образомъ ты здѣсь?

ЛУИЗА. Я убѣжала!

ПАСКАЛЬ (*съ крикомъ*). Изъ пансіона?

ЛУИЗА. Тише! не кричите!

ПАСКАЛЬ (*тихо*). Изъ пансіона?

ЛУИЗА. Нѣтъ, мы еще не дошли до него съ Маргаритой... дорогою она заглядѣлась въ какомъ-то магазинѣ на картинки, а я воспользовалась случаемъ, да скорѣй сюда.

ПАСКАЛЬ (*съ крикомъ*). Bravo!

ЛУИЗА. Боже мой! да не кричи!

ПАСКАЛЬ (*тихо*). Bravo!

ЛУИЗА. Къ-счастію, внизу въ лавкѣ никого не было и я прошла сюда незамѣтно! Ахъ, мой милый Паскаль, я не могу жить въ пансіонѣ.. мнѣ скучно безъ тебя... нѣтъ, никто въ мірѣ не въ-силахъ разлучить насъ!

ПАСКАЛЬ (*съ крикомъ*). Ангелъ! Роза моя душистая! (*При движеніи Луизы, тише*). Ты милѣе туберозы, прекраснѣе тюльпана, скромнѣе василька и невиннѣе ландыша!... О, поди ко мнѣ... будь ко мнѣ вполнѣ довѣрчива!... Оставимъ этотъ несносный домъ... здѣсь иссохнетъ наша жизнь, какъ роскошный цвѣтъ далѣи безъ освѣжительной росы... Убѣжимъ, убѣжимъ отсюда!

ЛУИЗА. Но какъ я оставлю тѣтушку?... Она любитъ меня, какъ мать!

ПАСКАЛЬ. Я буду твоей теткой... (*Обнимаетъ ее*) твоею матерью... (*Цѣлуетъ*). Если хочешь, даже отцомъ...

ЛУИЗА. А дядюшкою?

ПАСКАЛЬ. И дядей твоимъ буду... (Хочетъ ее обнять снова и останавливается). Нѣтъ, я его презираю, ненавижу!

ЛУИЗА. Я удивляюсь, за что онъ тебя не любитъ?... Онъ называетъ тебя безпрестанно, то лѣнливцемъ, то глупцомъ!

ПАСКАЛЬ (съ презрѣніемъ). Глупцомъ!... Еще, положимъ, лѣнливцемъ я могу быть... это мое дѣло... но глупцомъ... честное слово, онъ лжетъ!... Да разсуди, сама... глупецъ-ли я?... возьми ужъ одно, какъ я сочиняю... читала-ли ты мое письмо?

ЛУИЗА. Какое письмо?

ПАСКАЛЬ. То самое, которое я положилъ въ ящикъ... вонъ туда, гдѣ незабудки...

ЛУИЗА. Нѣтъ, я его и не видала.

ПАСКАЛЬ (подбѣгалъ къ комоду, и смотря въ ящикъ). Боже мой! письма ужъ нѣтъ! Но кто-жъ его взялъ?

ЛУИЗА. Я не брала!

ПАСКАЛЬ. О, это, вѣрно, онъ!... Такъ вотъ отъ чего онъ такъ и разошлся... Злодѣй!... Но я смѣюсь надъ тобой, я не боюсь тебя!...

ЛУИЗА. Пожалуйста, не кричите!

ПАСКАЛЬ (тихо). Луиза! убѣжимъ!... убѣжимъ скорѣе. я увезу тебя на мою родину... женюсь на тебѣ... хоть я ужъ писалъ къ своему дядѣ и просилъ его прислать какъ можно скорѣе согласіе на нашъ бракъ, побольше денегъ и родственное благословеніе... но ждать отвѣта намъ нечего... Отвѣчай-же, Луиза, пойдешь-ли ты со мною?

№ 3.

ЛУИЗА.

Если хочешь, за тобой
Я пойду на край вселенной!

ПАСКАЛЬ.

Мы пойдемъ, дружокъ безцѣнный,
Въ край счастливый, въ край родной!

ОБА.

Пойдемъ
И въ немя,

Въ сладкой долѣ,
Жить на-воля
Начнемъ
Вдвоемъ,
Какъ голубка съ голубкомъ.

ПАСКАЛЬ.

Тамъ въ раю мы будемъ жить,
Заведемъ свой домъ и поле!...

ЛУИЗА.

Надо птицъ, овецъ побольше
И хоть двухъ коровъ купить.

ОБА.

Я работать буду въ полѣ
Ты работать будешь въ полѣ!

А ты масло будешь бить,
Я масло буду бить.

ЛУИЗА.

Но за то ужъ въ праздникъ намъ,
Надо будетъ разрядиться...

ПАСКАЛЬ.

Чтобъ идти повеселиться,
На лужекъ къ своимъ друзьямъ!

ОБА.

А тамъ,
Все къ намъ!

ЛУИЗА.

Здравствуй, Лиза!

ПАСКАЛЬ.

А! Луиза!
Вотъ Жакъ
Чудакъ!

ЛУИЗА.

И Паскаль вотъ весельчакъ.

ОБА.

И ужъ тутъ пошла писать!

Пѣсни, игры, шутки, сказки...

А когда начнутся пляски,

Такъ и мы пойдемъ плясать!...

ЛУИЗА.

Я вотъ-такъ, нотуя глаза.

ПАСКАЛЬ.

Я, какъ бѣсъ начну скакать....

ОБА.

Тра, ла, ла, ла....

(Начинаютъ плясать савоярдскую).

ЛУИЗА. Кто-то идетъ!

ПАСКАЛЬ. Ахъ, Боже мой! Намъ надобно спрятаться... а не то этотъ злодѣй, пожалуй, что-нибудь съ нами сдѣлаетъ!... Но куда?... А! развѣ въ комнату Маргариты!

ЛУИЗА *(сходя въ комнату Маргариты)*. Не проболтайте, чтобы меня не замѣтили!... *(Замыкаетъ дверь)*.

ПАСКАЛЬ. Но позволъ и мнѣ спрятаться...

ЛУИЗА. Только не со мной!... Спрячьтесь гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ!

ПАСКАЛЬ. Но гдѣ-же я спрячусь? А! понимаю!... О, невинность, о, ангель! она меня боится! И весьма-благоразумно сдѣлаетъ!... *(Слышенъ голосъ Жерве)*. Это чудовище опять идетъ сюда... Что-же мнѣ дѣлать?... А! стой! *(Отворяя большой ящикъ)*. Спрячусь въ горчичный ящикъ... онъ теперь пустъ... *(Жерве показывается)*. Теперь ищи меня! *(Поспѣшно сходитъ въ ящикъ и опускаетъ крышку)*.

ЯВЛЕНІЕ X.

ЖЕРВЕ, ПОТОМЪ ПАСКАЛЬ.

ЖЕРВЕ (*въ-дверяхъ*). Хорошо, мы увидимъ! (*Входя на сцену*). Она запирается... увѣряетъ, что это письмо не къ ней... Но кому же оно писано?... Агатовые волосы!... Но я заставлю его признаться... (*Подходя къ лѣстницѣ*). Паскаль!... (*Возвращаясь на авансцену*). Вотъ, изволь вѣрить жепѣ.. Паскаль!...

БЕНУА (*за сценой, внизу лѣстницы*). Чтò нужно?

ЖЕРВЕ. Я зову Паскаля... Пришлите его ко мнѣ!

БЕНУА (*также*). Да его нѣтъ въ лавкѣ.

ЖЕРВЕ. Какъ нѣтъ?... да гдѣ же онъ?... (*Движеніе Паскаля въ личикъ*). Это чтò-такое?... Кажется, здѣсь никого нѣтъ... (*Хочетъ идти и слышитъ опять движеніе въ личикъ*). Опять?... а! это, вѣрно, въ комнатѣ Маргариты!...

ПАСКАЛЬ (*въ личикъ*). Нѣтъ, ужъ я больше не могу...

ЖЕРВЕ (*открывая крышку лика*). Паскаль! да ты здѣсь? Какъ ты сюда попалъ?

ПАСКАЛЬ. Какъ обыкновенно попадаютъ... Уфъ! я задыхаюсь!.. а... чихъ!

ЖЕРВЕ. Нѣтъ, ужъ это черезъ-чуръ!...

ПАСКАЛЬ (*выходя изъ лика*). Охъ, черезъ-чуръ сильна... такъ и захватываетъ носъ!.. а... чихъ!

ЖЕРВЕ. За-чѣмъ ты туда спрятался?..

ПАСКАЛЬ. А... чихъ!

ЖЕРВЕ. Отвѣчай, или я тебя изувѣчу!

ПАСКАЛЬ. Смотрите! берегитесь сами!

ЖЕРВЕ. Несчастный! и ты еще смѣешь!

(*Схватываетъ его за-воротъ*).

ПАСКАЛЬ (*чихая ему въ лицо*). А... чихъ!... уфъ! славно!

ЖЕРВЕ (*тряся его за-воротъ*). Признавайся, негодяй! ты ее любишь?...

ПАСКАЛЬ. Оставьте! Эта проклятая горчица такъ и щекотитъ мой носъ!... а... чихъ!

ЖЕРВЕ (*также*). Перестанешь-ли ты чихать!... Отвѣчай-же, чудовище!... Вѣдь это она?.. ты ее ожидалъ?... Ты любишь эту измѣнницу?...

ПАСКАЛЬ. Оставьте меня!... Я ее не люблю!...

ЖЕРВЕ (*показывая ему письмо*). А это письмо?... (*Паскаль чихает*). Перестань чихать, или я тебя уничтожу!

ПАСКАЛЬ (*чихая ему в лицо*). А... чихь!... (*Жерве отходит от него с гильемом*). Фу, какъ приятно, какъ отчихаешься!

ЖЕРВЕ. Но скажешь-ли ты, негодяй!... Признавайся, ты ее любишь? Ты къ ней писалъ это письмо?

ПАСКАЛЬ. Я пойду работать.

ЖЕРВЕ (*подбѣгая къ нему*). Остайся! я приказываю тебѣ остаться!

ПАСКАЛЬ. Хозяинъ! не подходите! или я васъ зачихаю!

ЖЕРВЕ (*отодвигаясь*). Но скажешь-ли ты, наконецъ?

ПАСКАЛЬ. Да что-жъ я скажу?

ЖЕРВЕ. Я хочу знать, говорилъ-ли ты ей о своей любви... слушала-ли она тебя?

ПАСКАЛЬ. А, что вы ей сдѣлаете?

ЖЕРВЕ (*съ угрожающимъ жестомъ*). Что я сдѣлаю?... я...

ПАСКАЛЬ. Ну, такъ вы ничего не узнаете!...

ЖЕРВЕ. Но точно-ли ты ее любишь?

ПАСКАЛЬ (*забывшись*). Люблю-ли я?... Да я просто не живу отъ этой любви... не сплю почей, не могу ни ѣсть, ни пить!... я чувствую, что скоро буду походить на сухую ромашку!

ЖЕРВЕ. Злодѣй!... А она? она любить-ли тебя?

ПАСКАЛЬ. Она?... Да она, просто, безъ ума отъ меня... и я увѣренъ, что кромѣ меня она никого еще въ мирѣ не любила!... Да я и стою этого....

ЖЕРВЕ. Что? и ты смѣешь?

ПАСКАЛЬ. Что это? любить-то ее?... Вотъ мило! Да кто-жъ мнѣ запретить!... Я имѣю полное право!

ЖЕРВЕ. Любить замужнюю женщину?

ПАСКАЛЬ (*послышно въ сторону*). Что? Что?... Онь думаетъ, что замужнюю женщину!... (*Въ-слухъ*). Ну, да, замужнюю женщину! (*Въ-сторону*). Что-жъ въ-самомъ-дѣлѣ, развѣ я не имѣю права любить и замужнюю женщину?... (*Въ-слухъ*). Да, да!... (*Въ-сторону*). Она спасена!

(*Важно прохаживается по сценѣ*).

ЖЕРВЕ. Ну, посмотрите на эту рожу! Можно-ли его любить!.. Лѣнивецъ! глупецъ!

ПАСКАЛЬ. Лѣнивецъ... Это еще можетъ-быть!... Но ужъ вовсе не глупецъ, извините!

ЖЕРВЕ. Уродъ!

ПАСКАЛЬ. Уродъ!.. Ха, ха, ха! Послѣ этого что-же вы!

МЗ 4.

Такихъ людей, какъ я, не много въ мірѣ...

Мой станъ, глаза, носъ, руки, ноги, ротъ.

Докажутъ вамъ, какъ дважды два четыре,

Что я собой хороши, а не уродъ?

И если-бъ вы, какъ въ платье, въ это тѣло,

Могли залѣзть на вѣкъ съ душой своей.

Ужъ вы не такъ какъ я, а стали-бъ смѣло

Считать себя красивѣй всѣхъ людей!

(Важно надъываетъ на себя шапку).

ЖЕРВЕ (съ крикомъ). Ахъ, что я вижу?...

ПАСКАЛЬ (съ испугомъ). Что еще?

ЖЕРВЕ. Бархатная шапка! (Хочетъ сорвать съ него шапку).

ПАСКАЛЬ (защищаясь). Не троньте! Она только что вчера куплена!

ЖЕРВЕ (стаивъ шапку). Вчера!... Негодяй!...

(На этотъ крикъ сбѣгаетъ г-жа Жерве).

ЯВЛЕНИЕ II.

ТЪ-ЖЕ П Г-ЖА ЖЕРВЕ (*).

Г-ЖА ЖЕРВЕ (съ испугомъ). Что здѣсь случилось?

ПАСКАЛЬ. Хозяйка, удержите его!

ЖЕРВЕ (внѣ-себя). Моя тѣнь!... Моя шапка!... Мой носъ!... Вотъ они!

ПАСКАЛЬ. Несчастіе! онъ сошелъ съ ума!.. (Жерве хочетъ снова отнять у него шапку.) Оставьте-ли вы меня въ покоѣ?...

Г-ЖА ЖЕРВЕ (мужу). Другъ мой!... (Въ-сторону). Что все это значитъ?

ЖЕРВЕ. Молчите, сударыня!... Я знаю все!... Я видѣлъ его вчера на вашемъ балконѣ!

(*) Паскаль, г-жа Жерве, Жерве.

Г-ЖА ЖЕРВЕ (*съ удивленіемъ смотря на Паскаля*). На моемъ балконѣ?...

ПАСКАЛЬ (*въ-сторону*). А, такъ онъ меня замѣтилъ!...

ЖЕРВЕ. Такъ-то вы вчера спали, сударыня?

Г-ЖА ЖЕРВЕ. Я?

ПАСКАЛЬ. Она?

ЖЕРВЕ. Не притворяйтесь, этотъ дуракъ во всемъ мнѣ признался. Я знаю, что онъ васъ любитъ!

ПАСКАЛЬ. Ее?

Г-ЖА ЖЕРВЕ. Меня любитъ?

ЖЕРВЕ. Знаю также, что и вы его любите!

ПАСКАЛЬ (*въ сторону, смѣясь*). Такъ онъ думаетъ, что это хозяйка!

Г-ЖА ЖЕРВЕ. Что это значить?... Я никогда ни слова не говорила ему о моей любви!

ПАСКАЛЬ. Что правда, то правда... Дѣйствительно, она никогда не говорила, что меня любитъ....

ЖЕРВЕ. Такъ ты солгалъ!... О, да и я глупъ! Вздумалось-же мнѣ подозрѣвать этого уroda!... (*Смѣясь*). Ну, посмотрите вы на этотъ носъ!... Но я все-таки съ тобой раздѣляюсь!

ПАСКАЛЬ. Не подходите ко мнѣ... Или я изуродую!

Г-ЖА ЖЕРВЕ (*Паскалю*). Паскаль!

ЖЕРВЕ. Вонъ отъ меня! Вонъ, сію-же минуту!

ПАСКАЛЬ (*въ-сторону*). Меня выгоняютъ!... О, Луиза!

ЖЕРВЕ. Ты негодяй, лжець, шалунъ, лѣннвецъ... Такіе люди нигдѣ нетерпимы.... Вонъ!

Г-ЖА ЖЕРВЕ (*мужу*). Другъ мой, прошу тебя!

ЖЕРВЕ. Молчите!... Вонъ отсюда!... А вы, сударыня, извольте идти за мной!

Г-ЖА ЖЕРВЕ (*подходя къ Паскалю, тихо*). Я на васъ не сержусь... И васъ прощаю!

ПАСКАЛЬ. Добрая хозяйка!...

ЖЕРВЕ. Г-жа Жерве!

Г-ЖА ЖЕРВЕ. Иду, иду!...

ЖЕРВЕ (*Паскалю*). Смотри, чтобъ чрезъ полчаса тебя здѣсь не было!

(*Уводитъ э-жу Жерве въ ея комнату; Паскаль идетъ къ лѣстницѣ, и когда Жерве затворитъ дверь, возвращается на аванъ-сцену.*)

ЯВЛЕНИЕ XII.

ПАСКАЛЬ, ПОТОМЪ МАРГАРИТА И ЛУИЗА.

ПАСКАЛЬ (*одинъ*). Я изгнанъ!... Изгнанъ!.... И ты не страшишься, чудовище, моего мщенія?... Ты и не воображаешь того, что я могу застрѣлить тебя... Мало того, могу зажечь твой домъ, и ты у меня сгоришь, какъ сальный огарокъ, со всеми твоими сѣмянами!... Изгнанъ!... Хорошо-же, безчеловѣчный человѣкъ!... Если ты меня выгналъ, такъ ужъ я неподчиненъ тебѣ болѣе... Конечно всякое уваженіе! Я теперь что хочу, то и дѣлаю?... Смотри, я сажусь, просто, на твой столъ.... (*Садится на столъ*). Видишь, сижу и не боюсь тебя!... Захочу, и изломаю всю твою мебель.... Захочу, и выброшу все эти мѣшки за окно!... Ты меня разлучаешь съ Луизой!... Съ Луизой!... Но этого тебѣ не удастся!... Боже мой, голова моя горяча, какъ печка! Ноги гнутыя, какъ камышевые прутья.... Сердце такъ и хочетъ выскочить!... (*Падаютъ на стулъ*). О, если-бъ мнѣ попалось теперь какое-нибудь живое существо.... Я.... Бррр!.... Я, мнѣ кажется, съѣлъ-бы его, какъ кусокъ телятины!...

ЛУИЗА (*отворяя дверь*). Боже мой!... Паскаль!... Что съ вами?...

ПАСКАЛЬ. Луиза!... Тѣмъ хуже! Я съѣмъ и ее!... По крайней мѣрѣ, не достанется другому!

МАРГАРИТА (*за средними дверями*). Боже мой!... Боже мой!... Г-жа Жерве!

ЛУИЗА. Кто-то идетъ!

(*Прячется въ комнату и запираетъ дверь; входитъ Маргарита*).

ПАСКАЛЬ. Не бойся, никого нѣтъ... Это Маргарита!

МАРГАРИТА (*запыхавшись, съ безпокойствомъ*). Ахъ, г. Паскаль! Если-бъ вы знали!... Но гдѣ-же хозяинъ? Гдѣ г-жа Жерве?

ПАСКАЛЬ. Вотъ тамъ, бранятся...

МАРГАРИТА. Мнѣ надо ихъ видѣть!

ПАСКАЛЬ. За-чѣмъ?

МАРГАРИТА. Вѣдь Луиза пропала!

ПАСКАЛЬ. Сохрани Боже! Не говори имъ!... Молчи!

(*Луиза отворяетъ дверь*).

МАРГАРИТА. Да что-жъ мнѣ дѣлать?... Вѣдь она убѣжала отъ

меня съ дороги... Въ пансіонѣ ее пѣтъ... И я непременно должна...
(Хочетъ идти).

ПАСКАЛЬ (удерживая ее). Останься здѣсь!... Если ты скажешь хоть слово, мы умремъ.... Но и ты умрешь съ нами...

МАРГАРИТА. Боже мой! Что вы говорите!... По-крайней-мѣрѣ, если-бъ я знала, гдѣ она?...

ЛУИЗА (отворяя дверь и приближаясь къ Маргаритѣ). Она здѣсь!

МАРГАРИТА. Луиза!

ЛУИЗА (зажимая ей ротъ). Тихе! Я потому убѣжала отъ тебя, что не хотѣла идти въ пансіонъ...

ПАСКАЛЬ. А въ пансіонъ она потому не хотѣла идти, что мы ужасно любимъ другъ-друга!...

МАРГАРИТА. Любите другъ-друга?

ПАСКАЛЬ (зажимаетъ ей ротъ). Тихе!

ЛУИЗА. А дядюшка хочетъ выдать меня, черезъ годъ, замужъ за своего брата, -который, какъ двѣ капли воды, на него похожъ!

ПАСКАЛЬ. Ужасно!... И въ довершеніе всего, выгналъ меня изъ своего дома!

МАРГАРИТА. Однакожъ, мнѣ все-таки надо ему сказать!...

ЛУИЗА (сажая ее). Пѣтъ, пѣтъ, ты не скажешь... Ты такая милая, такая добрая...

ПАСКАЛЬ (также сажая ее). О, предобрѣйшая душа... Сядь, сядь, бѣдняжка, посмотри, какъ ты устала! Тебѣ надобно успокоиться!...

МАРГАРИТА. Но меня будутъ бранить...

ЛУИЗА. Не бойся, вѣдь никто не знаетъ... всѣ думаютъ, что я въ пансіонѣ!... да и смѣютъ-ли они что-нибудь тебѣ сдѣлать!...

Лѣ 5.

Мы не дадимъ тебя въ обиду,

А помолчать легко тебѣ...

За то ужъ я, какъ замужъ выйду,

Сейчасъ возьму тебя къ себѣ;

Здѣсь ты, бѣдняжка, безъ желанья,

Безъ воли, за труды живешь;

У насъ-же ты, за часъ молчанья,

Всю жизнь спокойно проведешь!

МАРГАРИТА. Хорошая барышня! какъ ея не любить!

ПАСКАЛЬ. О, какъ ея не любить!

МАРГАРИТА. Хорошо, я не скажу ни слова... только не дальше, какъ до вечера.

ЛУИЗА (*обнимая ее*). Да, да, помолчи только до вечера...

МАРГАРИТА. Берегитесь! Г. Жерве...

ПАСКАЛЬ. Жерве! (*Бѣжитъ къ большому ящику*). Нѣтъ, тутъ эта проклятая горчица опять влезетъ въ носъ... А! вотъ куда! (*Поспѣшно прячется въ пустой мѣшокъ, между двумя другими мѣшками, которые наполнены сѣмянами*).

ЛУИЗА. Чего вы испугались!

ПАСКАЛЬ. Какъ чего? Она сказала: берегитесь, Жерве!...

МАРГАРИТА. Я хотѣла сказать только, что г. Жерве врядъ-ли согласится на вашъ бракъ...

ПАСКАЛЬ. Только-то?... (*Хочетъ выйти изъ мѣшка*).

МАРГАРИТА. Такъ вамъ надо-бы какъ нибудь уладить это дѣло...

ПАСКАЛЬ. Совершенно-справедливо! (*Услыша голосъ Жерве*). Ай!... (*Прячется въ мѣшокъ*).

ЛУИЗА. Ай!... (*Убѣгаетъ въ комнату Маргариты*).

МАРГАРИТА. Ай!

ЯВЛЕНИЕ XIII.

ТЪ-ЖЕ И ЖЕРВЕ.

ЖЕРВЕ (*увидя Маргариту*). А! ты уже вернулась!... Ну, если-бъ ты знала, какія штуки произошли у насъ во-время твоего отсутствія... Я выгналъ Паскаля!... (*Движеніе Паскаля*). А ты, нечего сказать, чудесно служишь! не видишь, что дѣлается у тебя передъ носомъ!

МАРГАРИТА (*въ смущеніи*). Я, хозяйинъ... я, кажется, ничего...

ЖЕРВЕ. Ужъ молчи, лучше!... Поди, позови ко мнѣ скорѣе Бонуа!

МАРГАРИТА. Слушаю! (*Уходитъ въ среднюю дверь*).

ЖЕРВЕ (*уходя въ кабинетъ*). Намъ надо еще повѣрить рѣшное сѣмя и бобы...

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ЖЕРВЕ (въ кабинетъ), ЛУИЗА (въ комнату Маргариты), ПАСКАЛЬ (въ мѣшкѣ).

МАРГАРИТА (за дверью на лестницу). Г. Бенуа!... Г. Бенуа...
(Луиза отворяетъ дверь комнаты, Паскаль высовываетъ голову изъ мѣшка).

ЖЕРВЕ (въ кабинетъ). Чтò ты тутъ кричишь? (Оба поспѣшно прячутся).

МАРГАРИТА. Я зову Бенуа... (уходя внизъ) Г. Бенуа!

ЖЕРВЕ (взявъ памятную записку и возвращаясь на сцену, подходитъ къ мѣшкамъ, между которыми спрятанъ Паскаль). Разъ, два, три... три мѣшка... бобы, горохъ и рѣпа... (Подходитъ къ столу и записываетъ). Боже мой! скоро-ли я освобожусь и уѣду въ Овернь... (Паскаль и Луиза снова показываются одинъ изъ мѣшка, другая изъ двери). Но, признаюсь, мнѣ ужъ страшно что-то нѣхать!

(Входитъ въ кабинетъ и начинаетъ писать).

ПАСКАЛЬ (тихо). Не бойся, его здѣсь нѣтъ!

ЛУИЗА (тоже). Каково вамъ въ мѣшкѣ?

ПАСКАЛЬ. Такъ... не совѣмъ хорошо... слишкомъ пахнетъ бобами... Послушай, намъ надобно бѣжать и какъ можно скорѣе...

ЛУИЗА (выходя изъ комнаты). Бѣжать! — Боже мой, я боюсь...

ПАСКАЛЬ. И не позже, какъ черезъ четверть часа...

ЛУИЗА. За чѣмъ-же такъ скоро?...

ПАСКАЛЬ. Это необходимо!... Иначе берегись! я задую себя въ этомъ мѣшкѣ!...

ЛУИЗА. Ахъ, чтò вы говорите!

(При видѣ Маргариты и Бенуа, Луиза хочетъ уйти опять въ комнату и не успѣвъ отворить двери, находитъ въ затрудненіи. Паскаль прячется въ мѣшокъ).

ЯВЛЕНІЕ XV.

ПАСКАЛЬ, въ мѣшкѣ, БЕНУА, ЖЕРВЕ, МАРГАРИТА, ЛУИЗА, потомъ ЖАКЪ.

МАРГАРИТА, (прибѣгаетъ первая и, увидя Луизу, закрываетъ ее собою). Гмъ! Гмъ!...

БЕНУА. Боже мой, какъ вы скоро ходите... едва можно догнать... ЖЕРВЕ (*выходя изъ кабинета*). Помилуй, долго-ли тебя ждать? БЕНУА. Меня задержалъ разнощикъ писемъ... я думалъ, что вы у хозяйки и снесъ ихъ туда...

(*Луиза незаметно прячется въ кабинетъ*).

ЖЕРВЕ. Хорошо, я ихъ тамъ прочту... Надобно кончить эту опись... Пересмотрѣть все мѣшки вверху въ кладовой... Ступай туда самъ... Постой... (*Показывая на мышки, гдѣ Паскаль*). А эти зачѣмъ здѣсь остались?... Надо и ихъ поднять въ кладовую... опусти сверху крюкъ...

(*Движеніе Паскаля въ мышки, Маргарита закрываетъ его собою*).

БЕНУА. Сію минуту... (*Зоветь*). Жакъ! поди сюда! Помогни поднять мѣшки...

(*Входитъ по лѣстницѣ вверхъ, въ кладовую. —*

Входитъ Жакъ).

ЛУИЗА (*въ кабинетъ*). Что онъ говоритъ?

МАРГАРИТА (*въ сторону*). Боже мой! Что съ нами будетъ!

ЖЕРВЕ. Ты тутъ что бормочешь?

МАРГАРИТА. Ничего, хозяйнѣ... я такъ.

БЕНУА (*сверху, изъ окна, выбрасывая веревку съ крюкомъ*). Вотъ вамъ крюкъ... зацѣпляйте!

ЛУИЗА (*въ кабинетъ*). Бѣдняжка! Они, пожалуй, и его поднимутъ!

ЖЕРВЕ (*Маргаритѣ*). Отойди прочь, ты мѣшаешь!

(*Хочетъ зацѣпить тотъ мышокъ, гдѣ Паскаль*).

МАРГАРИТА (*съ крикомъ*). (*) Ай!

ЖЕРВЕ (*смотря на нее*). Ты никакъ помѣшалась, что такъ кричишь!... (*Зацѣпляетъ другой мышокъ и кричитъ*). Поднямай!

ЖАКЪ (*помагая поднять мышокъ*). Подымайте!

ЛУИЗА (*въ сторону*). Онъ спасенъ!

(*Мышокъ поднимается; Паскаль украдкой выглядываетъ изъ своего мышка, какъ тотъ поднимается. Жерве подходитъ къ Маргаритѣ*).

МАРГАРИТА. Бѣдный Паскаль.

ЖЕРВЕ. Бѣдный!... Нѣтъ, я его выгналъ за дѣло... онъ осмѣлился влюбиться...

(*) Паскаль, Жерве, и Маргарита.

МАРГАРИТА. Влюбиться!... то-то я замѣчала, что онъ все взды-
халъ.

ЖЕРВЕ. Такъ ты замѣчала?...

МАРГАРИТА. Какъ-же хозяйнѣ, и очень замѣчала... Да что-жъ и
за бѣда, что онъ влюбился?...

ЖЕРВЕ (*съ гнѣвомъ*). Какъ что за бѣда?... Ахъ ты, старая
дура!

МАРГАРИТА. Да помилуйте, хозяйнѣ... въ его лѣта это очень-
натурально!...

ЖЕРВЕ. Что? такъ по твоему очень натурально любить мою
жену!

МАРГАРИТА (*въ-сторону*). Его жену!... Что это?... Я ужъ тутъ
ничего не понимаю....

ЖЕРВЕ. Но постой-ка, тебя еще надобно допросить...

БЕНУА (*сверху, бросая снова веревку*). Давайте другой!...

ЖЕРВЕ (*не теряя изъ вида Маргариты, подходитъ къ мѣсту,
гдѣ Паскаль и зацѣпляетъ его на крюкъ*). Поднимай!

ЛУИЗА (*забывшись*). О, Боже!... И онъ страдаетъ такъ для
меня! (*Маргарита кашляетъ*).

ЖАКЪ (*кричитъ*) Поднимайте!

(*Между тѣмъ, какъ поднимаютъ мѣшокъ съ Паска-
лемъ, онъ выглядываетъ изъ него*).

ПАСКАЛЬ (*ворочаясь*). Боже мой!... горы моей родины, просто,
ничто въ сравненіи съ этой вышиной!... — (*Посылаетъ рукою
поцѣлуй Луизѣ*).

ЖЕРВЕ (*подходя къ Маргаритѣ*). Говори-же все, что ты
знаешь про Паскаля...

МАРГАРИТА (*смотря вверхъ на мѣшокъ*). Ахъ, хозяйнѣ...
Паскаль...

ЖЕРВЕ. О! попался мнѣ онъ только, этотъ Савоярдъ, я убью
его!

ПАСКАЛЬ (*пряча голову*). Ахъ, ты, Овернецъ...

(*Мѣшокъ скрывается въ окно*).

МАРГАРИТА. Прошелъ! А! Слава Богу!

ЛУИЗА (*въ-сторону, съ радостью*). Спасенъ!..

ЖЕРВЕ (*смотря вверхъ*). Да что ты все смотришь вверхъ?..

МАРГАРИТА. Я... я, хозяйнѣ, смотрѣла, какъ поднимали мѣшокъ...

ЖЕРВЕ. Ступай въ лавку!.. Да не изволь заходить къ моей же-
нѣ!.. я тебѣ строго запрещаю!

МАРГАРИТА. Иду, хозяинъ... *(Въ-сторону)* Бѣдняжка! что съ нимъ будетъ! *(Уходитъ въ среднюю дверь).*

ЖЕРВЕ *(про-себя)*. Я увѣренъ, что она имъ также помогаетъ, какъ, бывало, помогала и мнѣ.

БЕНУА *(кричитъ съверху)*. Воры! воры!

ЛУИЗА *(въ-сторону)*. Боже мой!

ЖЕРВЕ. Гдѣ воры? гдѣ?..

(Паскаль бѣжитъ по лѣстницѣ въ-низъ. Жерве загоразживаетъ ему дорогу).

ЯВЛЕНИЕ XVI.

БЕНУА, ПАСКАЛЬ, ЖЕРВЕ, ЛУИЗА *(въ кабинетѣ).*

ЖЕРВЕ *(ударивъ его кулакомъ)*. Кто идетъ?

ПАСКАЛЬ *(возвращая ему ударъ)*. Другъ!

ЛУИЗА. Несчастный!

ЖЕРВЕ. Стой! откуда ты?

БЕНУА *(прибѣгая за Паскалемъ)*. Прошу покорно! Да это Паскаль!.. за-чѣмъ ты спрятался тамъ, между мѣшками?

ЖЕРВЕ *(подходя къ нему)*. Онъ тамъ спрятался?

ПАСКАЛЬ. Неправда... Я хотѣлъ только взять мое платье, чтобы уложить его въ корзину...

ЖЕРВЕ. А отъ-чего ты до-сихъ-поръ еще здѣсь?

ПАСКАЛЬ. А отъ-того... отъ-того, что вы не рассчитались со мной деньгами...

ЖЕРВЕ. Хорошо-же... тебѣ будетъ заплачено сію-минуту... Считая по двѣстѣ франковъ въ годъ, придется за шесть недѣль... *(Считаетъ про себя).*

ПАСКАЛЬ. Если угодно можете и прибавить... я возьму съ удовольствіемъ...

ЖЕРВЕ. Приготовься-же въ путь... а за деньгами ступай сюда, въ контору.

ЛУИЗА. Я погибла!.. *(Падаетъ безъ чувствъ въ кресла).*

ПАСКАЛЬ *(загоразживаетъ дорогу въ кабинетъ)*. Нѣтъ, хозяинъ... ужъ будьте такъ милостивы... Тутъ у васъ все крупная монета... а я-бы хотѣлъ получить мелочью ..

ЖЕРВЕ. Пожалуй!.. Бенуа! у тебя въ лавкѣ есть мѣдныя деньги... разочти сколько ему придется за шесть педѣль и заплати!..

БЕНУА. А вы, кажется, забыли о письмахъ, хозяинъ!

ЖЕРВЕ. Ахъ, да!.. ошъ у жены!.. но отъ кого-бы эти письма?..
(Уходя) Боже мой! я сегодня совсѣмъ съ ума сойду?

ПАСКАЛЬ (про себя). Да ужъ и не сошель-ли?

(Бенуа уходитъ въ заднюю дверь, Жерве на-льво, въ комнату жены).

ЯВЛЕНИЕ XVII.

ПАСКАЛЬ И ЛУИЗА.

ПАСКАЛЬ. Нечего дѣлать, надобно скорѣе приготовляться въ путь... Но ужъ какъ она хочетъ, а безъ нея я не уйду!.. Но какимъ-же образомъ мнѣ ее похитить?.. Постой!.. неподобно!.. моя корзина... (Снимаетъ съ стѣны корзину и ставитъ ее на-право, на конторку, прикрѣпляетъ ее задинку къ желѣзному пруту, на которомъ свсы. Потомъ входитъ въ кабинетъ). Луиза!.. Боже мой!.. Она въ обморокѣ!.. Бѣдняжка!.. А все этотъ злодѣй! Вѣрно, онъ напугалъ ее!.. Душечка моя, что это съ тобой!.. А надо признаться, куда какъ хороша она даже въ обморокѣ!.. Что-жъ мнѣ дѣлать?.. Какъ ее скрыть отъ нихъ?.. Какъ похитить?.. (Смотря на корзину) Нѣтъ, тутъ нужна рѣшимость... времени мало, а она еще, пожалуй, будетъ противиться... (Беретъ ее на руки и сажаетъ въ корзину) Ступай, ступай, сокровище мое... здѣсь ты найдешь убѣжище отъ притѣснителей... Я похишу тебя на плечахъ своихъ!..

ЛУИЗА. Боже мой! кто тутъ?

ПАСКАЛЬ. Это я... я!.. твой Паскаль!.. твой другъ!.. (Движеніе Луизы) Не бойся ничего, я не употреблю во-зло моихъ правъ надъ тобою!.. (Закрываетъ отверстіе корзины занавѣскою) Постой, я закрою тебя, мой вѣрный голубокъ... такъ тебѣ будетъ лучше... (Въ-сторону) Я увѣренъ, что тамъ ей прескверно сидѣть!

ЛУИЗА. Да гдѣ я?

ПАСКАЛЬ (приподнимая немного занавѣску). Близъ меня!.. почти

въ моихъ объятіяхъ... о, мой ангелъ, теперь ты моя, на вѣкъ моя... возьми вотъ это.. *(Отдаетъ ей флакончикъ. Въ-сторону)* Этотъ спиртъ поможетъ ей придти въ себя... Теперь все готово!.. Идемъ! бѣжимъ!.. *(Беретъ корзину на плеча).*

ЛУИЗА *(высовывая голову изъ корзины)*. Паскаль!.. Паскаль, что это значить?

ПАСКАЛЬ. Тише, Луиза!.. молчи! сиди смирно.

ЛУИЗА. Вотъ это мило!.. я не хочу сидѣть въ корзину! Пусти меня!

ПАСКАЛЬ. Помилуй, да я для того и посадилъ тебя въ корзину, чтобъ ты послѣ могла выдти... и вѣдь тогда ужъ полная свобода!.. *(Вертится, стараясь заглянуть въ корзину).*

ЛУИЗА *(смѣясь)*. Паскаль!.. я боюсь.

ПАСКАЛЬ. Не бойся ничего!.. вѣдь ты дала слово бѣжать со мною!..

ЛУИЗА *(смѣясь, схватываетъ его за волосы)*. Пустьте!.. не то я вырву вамъ всѣ волосы!

ПАСКАЛЬ. Луиза!.. Перестань шалить!.. вѣдь мнѣ больно!.. Боже мой! Бенуа!

(Бенуа входитъ въ среднюю дверь. Луиза поспѣшно прячется въ корзину и опускаетъ занавѣску).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

ТЪ-ЖЕ, БЕНУА, ПОТОМЪ МАРГАРИТА.

БЕНУА *(съ мышкомъ денегъ)*. Вотъ твои деньги, Паскаль... Постой, я положу ихъ въ твою корзину...

ПАСКАЛЬ. Нѣтъ, нѣтъ, постойте.... оставьте ихъ, пожалуйста, у себя, и положите въ сберегательную кассу... на мое имя...

МАРГАРИТА *(входя)*. Что это? Вы уже уходите, господинъ Паскаль!

ПАСКАЛЬ *(съ нетерпѣніемъ, стараясь уйти)*. Да, иду!... Прощайте!... *(Поетъ).*

Жалкимъ, горькимъ бѣднякомъ

Я на свѣтъ родился....

ЯВЛЕНИЕ XIX.

ТЪ-ЖЕ, Г-ЖА ЖЕРВЕ.

Г-ЖА ЖЕРВЕ. Маргарита!... Бенуа!... Боже мой! Что я узнала!..
Гдѣ Луиза? не видѣли-ли вы ее?

ПАСКАЛЬ. Ай! ай! (Поетъ).

И за счастьемъ, пѣшкомъ,
Я въ Парижъ пустился!..

Г-ЖА ЖЕРВЕ. Паскаль, куда это вы?...

ПАСКАЛЬ. Прощайте, хозяйка... меня выгнали!..

(Хочетъ снова уйти, напѣвая).

Ахъ, и здѣсь я, на-бѣду,
Съ счастьемъ не сдружился...

ЯВЛЕНИЕ XX.

ТЪ-ЖЕ, Г-НЪ ЖЕРВЕ.

Г-НЪ ЖЕРВЕ (входя, въ очкахъ, съ письмомъ въ рукахъ, подходитъ спокойно къ Паскалю и говоритъ ему довольно-ласково).
Куда-же ты пойдешь?

Г-ЖА ЖЕРВЕ. Мой мужъ!

ПАСКАЛЬ. Хозяинъ!

ЖЕРВЕ. Я спрашиваю, куда ты пойдешь?

ПАСКАЛЬ. Вѣдь вы меня выгнали.. я теперь здѣсь лишній!..

(Поетъ).

И домой я съ тѣмъ плу,
Съ чѣмъ сюда явился!..

ЖЕРВЕ. Останься... Ты слишкомъ торопишься...

ПАСКАЛЬ. Вы сами-же приказали мнѣ скорѣе...

ЖЕРВЕ. Останься... Я очень-любопытенъ, что ты писалъ къ

своему дядѣ въ Шамбери... Ахъ, ты, вольница... вотъ отвѣтъ на твое письмо... только оно на мое имя...

ПАСКАЛЬ (*поспѣшно*). Отвѣтъ!... о, Боже!...

ЖЕРВЕ. Ты писалъ ему о своей любви и просилъ, для устройства себя, денегъ...

ПАСКАЛЬ. А что-жъ отвѣчаетъ, дядюшка..

ЖЕРВЕ. Онъ даритъ тебѣ порядочную сумму и позволяетъ жениться!...

ПАСКАЛЬ (*внѣ себя*). Жениться!... Боже мой! Поддержите меня! я падаю... (*Шатается*).

ЛУИЗА (*вскрикиваетъ въ корзину*). Ай!!!

МАРГАРИТА (*поддерживая Паскаля*). Что это?

Г-ЖА ЖЕРВЕ (*также*). Луиза!

ЖЕРВЕ. Племянница! Что ты тамъ дѣлаешь?

Г-ЖА ЖЕРВЕ. Такъ вотъ онъ кого любитъ!

МАРГАРИТА. И хотѣлъ ее похитить!

ПАСКАЛЬ (*снимая корзину, и ставя ее на полъ*). Хозяинъ! виновать!

ЖЕРВЕ. Любить Луизу!.. Но не можетъ-быть... въ его письмѣ агатовые волосы...

ПАСКАЛЬ. Ахъ, хозяинъ... (*Тихо Жерве*). Не говорите никому... вѣдь я выписалъ его изъ романа...

ЖЕРВЕ. Изъ романа!... Глупецъ!... Только по-пустому надѣлалъ хлопотъ!... (*Луиза, которая все еще въ корзину*). А вы, сударыня, какъ вы оемѣлились!..

ЛУИЗА (*выглядывая изъ корзины*). Боже мой! да развѣ тѣтушка не также проказничала, когда была влюблена въ васъ?

ПАСКАЛЬ. Превосходный отвѣтъ!

ЖЕРВЕ. Молчите!... Позволить мужчинамъ писать письма...

Г-ЖА ЖЕРВЕ. Когда-то и вы то-же дѣлали..

МАРГАРИТА. И также, какъ онъ, прятали ихъ въ ящикъ съ незабудками...

ЖЕРВЕ. И не стыдно-ли тебѣ засѣсть въ корзину?

ЛУИЗА. Ахъ, дядюшка, ужъ если онъ леталъ для меня по воздуху, такъ что-жъ мнѣ стоило посидѣть для него въ карнизѣ!...

ЖЕРВЕ. Но, что всего хуже, допустить похитить себя!... Эта такая вѣтренность...

ПАСКАЛЬ (*въ сторону*). Помните, какая-же тутъ вѣтренность!

ЛУИЗА (*все еще въ корзину, умоляющимъ голосомъ*).

Дядюшка! ну, полноте сердится!... Что-жъ дѣлать, если я не мо-

гла сладить съ моимъ сердцемъ!... Дядюшка! милый дядюшка, простите насъ... если-бъ я не была въ корзины, я бросилась-бы предъ вами на-колѣна!...

(Г-жа Жерве помогаетъ Луизѣ выдти изъ корзины).

ПАСКАЛЬ. И я-бы ужъ бросился вмѣстѣ съ нею...

МАРГАРИТА (г-ну Жерве). Подумайте, сударь, что будутъ о нихъ говорить!... а онъ, право, въ-половину только виновать... и поступалъ не такъ, какъ нѣкогда вы... онъ любилъ-ее и уважалъ...

ЖЕРВЕ. Въ такомъ случаѣ, зла еще тутъ никакого нѣтъ!...

ПАСКАЛЬ (подходя къ нему, съ умоляющимъ видомъ). Ахъ, хотя-бы!...

ЖЕРВЕ. И, стало-быть, мой братъ можетъ на ней жениться!...

ПАСКАЛЬ (съ негодованіемъ отступая отъ него). Какъ? потому, что я ее уважалъ!... Такъ, нѣтъ-же! нѣтъ... Смотрите!... (Цѣлуетъ Луизу нѣсколько разъ). Смотрите! уважаю-ли я ее!

БЕНУА. Ахъ, злодѣй, какъ онъ ее цѣлуетъ!

МАРГАРИТА (таща его за платье). Г. Паскаль! перестаньте.

ПАСКАЛЬ. Оставьте меня!... вотъ какъ я ее уважаю! (Цѣлуетъ ее снова). Луиза! цѣлуй меня сама! Не бойся ничего, изъ этого не выйдетъ ничего худого! (Луиза его цѣлуетъ).

Г-ЖА ЖЕРВЕ (мужу). Вспомните, не такъ-ли и-вы поступали?

ЖЕРВЕ (Разлучая ихъ). А если я захочу... и не отдамъ ему Луизы?...

ПАСКАЛЬ (Горячо). Такъ я возьму ее и безъ вашего позволенія... Попробуйте-ка отнять ее у меня?....

ЖЕРВЕ (Смотря на жену). Въ-самомъ-дѣлѣ, я долженъ еще благодарить судьбу, что самъ счастливо отдѣлался.... (Паскалю). Не думай-же что я злой человѣкъ!.. возьми ее... составь ея счастье.

ПАСКАЛЬ. О, блаженство!.. Это точно, какъ въ моемъ романѣ... Такой-же конецъ... Тамъ два любовника...

Г-ЖА ЖЕРВЕ (Останавливая его). Г. Паскаль!..

ПАСКАЛЬ. Виновать!..

ЛУИЗА (прыгая отъ радости). Какая радость! Я не пойду больше въ пансіонъ!

ПАСКАЛЬ. Нѣтъ, ужъ теперь я буду твоимъ учителемъ!.. О, ангель!.. О, милая тетушка!.. О, добрый дядюшка!.. видите, я ужъ называю васъ добрымъ дядюшкой, потому-что вы дядя будущей моей жены и изъ звѣря сдѣлался для меня добрымъ человѣкомъ!..

N. 6.

ЛУИЗА (къ публикѣ).

Вѣрно, здѣсь заговорить,

Что и эта шутка

На пзвѣстный новый ладъ

Старая погудка.

По сюжетовъ гдѣ-же взять

Маленькимъ писамъ,

Если ихъ ужъ не видать

И въ писцахъ съ вѣсомъ!

Наша цѣль—разсѣять васъ

И о томъ стараться,

Чтобъ заставить васъ хоть часъ

Съ нами посмѣяться...

Если въ цѣли есть успѣхъ,

И того ужъ много...

Если-жъ нѣтъ—за новый грѣхъ

Но судите строго!

(Всѣ постанутъ читать послѣдніе стихи).

* * *

Печальную, не шумную
Я буду жизнь влечь, —
Свою мнѣ страсть безумную,
Увы, не позабыть!

Въ толгѣ и одинокаго
Она меня томить ;
Отъ горя отъ глубокаго
Душа моя болитъ.

Бездѣльное созданіе,
Тѣнистый мрачный садъ, —
О васъ воспомнаніе
Душѣ и рай, и адъ!

Какъ только ночь безлунная
Отъ глазъ закроетъ даль, —
Меня томить безумная,
Но тяжкая печаль;

Я слышу въ отдаленіи
Печальный вѣжный зовъ,
И вижу — привидѣніе
Идетъ въ тѣни кустовъ....

Мнѣ слышатся рыданія,
Последній, страстный звукъ:
«За гробомъ жди свиданія!
Прости, прости, мой другъ!»

РУДЫКОВСКІЙ.

—

ЛЪВИЦА.

Разсказъ Фредрика Сульб.

—

I.

СЕМЕЙСТВО ТОРЕ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ улицѣ Параді-Пуассоньеръ, на воротахъ одного дома, видна была вывѣска. На этой вывѣскѣ было написано: «Магазинъ фарфоровыхъ издѣлій.» Обширный дворъ былъ застроенъ по сторонамъ навѣсами, которые оставляли мѣсто только для проѣзда кареты. Эти навѣсы были выстроены вровень съ первымъ этажемъ, и въ стекла ихъ видѣлись полки, уставленные грудами фарфора.

Стеклянная дверь вела въ лѣвый навѣсъ. Эта огромная стеклянная клѣтка заключала въ себѣ двѣ другихъ клѣтки, одна противъ другой, изъ проволоки; въ первой изъ нихъ стояло высокое дубовое бюро, которое позволяло прикащикамъ, державшимъ книги, работать или стоя, или сидя на стульяхъ, такъ-же высокихъ, какъ бюро, и повертывавшихся. У этого бюро съ двумя горками, прикащики могли сидѣть другъ противъ друга. Въ углу стояли большіе ящики и желѣзный сундукъ, который отпереть не сдумѣлъ-бы самый ловкій мошенникъ. Тамъ-то, въ

минуту, когда начинается нашъ разсказъ, находились два чело-
вѣка: первый, которому было около пятидесяти лѣтъ, былъ г.
Торé, хозяинъ дома; наружность его дышала спокойствіемъ,
самодовольствіемъ и сознаніемъ своего порядочнаго обществен-
наго положенія. Другой былъ г. Луи Виллонъ, его прикащикъ.
Г. Торé былъ лучшій и добрѣйшій изъ людей; но у него были свои
правила жизни, въ-слѣдствіе которыхъ клеветалъ онъ на самого
себя и на свою природу; онъ говорилъ, что только строгостью мо-
жно вести дѣла хорошо, а потому и имѣлъ привычку говорить
грубымъ и сухимъ тономъ.

Въ этотъ день въ особенности, г. Торé, наморщивъ брови, бра-
наясь сквозь зубы, опершись локтемъ на бюро, а головою на ло-
коть, разсматривалъ реестры, которые одинъ за другимъ пода-
валъ ему его молодой прикащикъ. Г. Торé съ движеніями досады
перевёртывалъ страницы, когда Луи Виллонъ, прикащикъ, съ
улыбкою слѣдилъ за нимъ глазами. Луи Виллонъ былъ мо-
лодой челоуѣкъ двадцати-пяти лѣтъ, высокаго роста, хорошаго
сложенія, довольно недурень собою, хотя съ лицомъ очень-обы-
кновеннымъ. При первомъ взглядѣ на него, вы угадали-бы, что
это одинъ изъ тѣхъ честныхъ и простыхъ людей, которые доро-
жатъ каждою должностію въ жизни.

Хозяинъ магазина, пробѣжавши до конца одинъ изъ повѣряе-
мыхъ имъ реестровъ, съ грубостію швырнулъ его на столъ. Въ
минуту, когда онъ бралъ другой реестръ изъ рукъ прикащика,
онъ бросилъ взглядъ на другую перегородку, за которой сидѣли
двѣ женщины, смотрѣвшія на него съ улыбкою. Выраженіе этой
улыбки, въ старшей изъ нихъ, могло быть передано такъ:

— Ну, вотъ мой мужъ разыгрываетъ свою маленькую ко-
медію.

А въ младшей такимъ образомъ:

— Папá напрасно хлопочеть; онъ не найдетъ случая побра-
нить г. Виллона.

Г. Торé поймалъ этотъ полунасмѣшливый взглядъ жены и до-
чери и закричалъ сердитымъ голосомъ:

— Ну, что вы тамъ дѣлаете? Зѣвая на воронъ, хотите вы
кончить дѣло?

Жена и дочь быстро опустили глаза на лежавшія передъ ни-
ми купеческія книги, а г. Торé продолжалъ, смотря въ лицо
Луи Виллону:

— Что касается до васъ, сударь, вы думаете, что у васъ все исправно?

Луи впрочемъ не опустилъ глазъ передъ грознымъ взглядомъ г. Торé и отвѣчалъ холоднымъ тономъ:

— Можете удостовѣриться.

— Хорошо... хорошо, продолжалъ хозяинъ, пересматривая книгу: но вотъ взгляните.. гмъ! (и онъ оборотилъ листъ) вотъ... (и онъ оборотилъ другой листъ), вотъ транспортъ, который... нѣтъ однако, транспортъ вѣренъ... (и онъ оборотилъ снова листъ)... Г. Торé поморщилъ брови; отыскивая какую-нибудь ошибку, онъ, къ-сожалѣнію, не нашелъ ея, а потому былъ въ досадѣ на себя и на неудавшуюся сцену.

Въ это время двѣ женщины продолжали свою работу, отмѣчая на листкахъ счетахъ разныхъ кліентовъ дома. Отдѣленіе, въ которомъ онѣ сидѣли, было меблировано съ нѣкотораго рода роскошью; бюро въ немъ были нарисандровыя; толстый трипъ покрывалъ полъ; стулья были обиты штофомъ; и маленькой каминъ былъ тамъ, независимо отъ огромной печи, согрѣвавшей цѣлый магазинъ. Кромѣ бюро и ящичковъ, стояли тамъ пальцы и рабочій столъ, по которымъ можно было судить, что занятія этихъ дамъ не ограничивались однимъ записываніемъ счетовъ.

Г-жа Торé была женщина лѣтъ сорока; она сохранила красоту свою, благодаря умѣренной и дѣятельной жизни. Лѣта сдѣлали ее нѣсколько дородною и покрыли щеки ея не слишкомъ нѣжнымъ румянцемъ, но ни одна морщина не испортила ея правильнаго, тихаго, счастливаго лица. Станъ ея не былъ уже болѣе гибокъ, но отъ дородности формъ казался еще тонкимъ; ноги и руки были чрезвычайно-малы. Тысяча свѣтскихъ женщинъ, сливающихся за красавицъ, должны были-бы позавидовать г-жѣ Торé; но легко было видѣть, что она не имѣла уже никакихъ притязаній на красоту и вовсе не хотѣла правиться или быть замѣченною.

Въ отношеніи къ г-жѣ Торé было это прекрасно, потому-что если-бъ она была одною изъ тѣхъ кокетокъ, которыя пользуются своими преимуществами до конечнаго ихъ разрушенія, то она нашла-бы въ своей дочери соперницу, которую должно было-бы удалить отъ себя. Дѣйствительно, Жюлі была мечтательно-прекрасна. Высокая, стройная, гибкая, она соединяла въ себѣ величіе царицы съ граціей пимфы. Лицо ея имѣло ту правильность очертаній, за которою скрывается часто ничтожество ума и

холодность души. У Жюлі, напротивъ, мысль жила на челѣ, страсть оживляла глаза, умъ освѣщаль улыбку; словомъ, это была женщина очаровательно-прекрасная.

Жюлі было семнадцать лѣтъ, а въ ней все была свобода скромности и чистаго сердца; серьёзная и тихая обыкновенно, она однако предавалась еще иногда ребяческимъ порывамъ, которые заставляли ее, какъ маленькую дѣвочку, бѣгать по магазинамъ отца. Это бывало въ ней въ особенности, когда братъ ея Шарль возвращался изъ мастерской съ цвѣткомъ или съ рисункомъ, которые она у него крапа безъ всякаго состраданія къ ихъ назначенію. Тогда начиналась бѣготня, смѣхъ, крикъ, шумъ, отъ котораго дрожали стекла и фарфоръ. Г. и г-жа Торé и Луи Виллонъ вмѣстѣ съ ними смотрѣли съ умиленіемъ и радостію на этихъ двухъ прекрасныхъ, большихъ дѣтей, играющихъ другъ съ другомъ, — обоихъ веселыхъ, безпечныхъ, оканчивающихъ всякую ссору братскимъ поцѣлуемъ, послѣ котораго Шарль всякій разъ говорилъ:

— Ну, нынче ты у меня отняла это, такъ и быть; но если ты опять украдешь что-нибудь, я разсержусь. И то-же опять повторялось, и Шарль не сердился.

Въ другіе разы, Жюлі казалась задумчивою, и все съ тою же наивною, съ какою бывала весела. Отъ чего бывала она задумчива? Такъ! отвѣчала-бы она, если-бы ее спросили, и сказала-бы правду. Только это такъ связывается обыкновенно съ именемъ, котораго она еще не знала, — это такъ есть то невѣдомое, которое зоветъ каждую молодую душу. Жюлі не смущалась еще ни передъ чѣмъ взглядомъ, не ласкала еще своего сердца никакой надеждой, не хранила еще ни о комъ воспоминанія. Она очень любила Луи Виллона, потому-что это былъ честный молодой человѣкъ, который удивительно хорошо велъ дѣла г. Торé; но съ нимъ она никогда не смѣялась. Когда они говорили другъ съ другомъ о разныхъ торговыхъ счетахъ, Жюлі отвѣчала такъ-же твердо и просто, какъ будто быма его товарищемъ, когда молодой человѣкъ, напротивъ, не говорилъ ни одного слова, безъ того, чтобъ не смутиться, особенно когда они оставались одни. Замѣчала-ли это Жюлі? Вѣроятно — но смущеніе молодого человѣка ее несколько не беспокоило, — она не чувствовала ни сожалѣнія, ни скуки: съ ея стороны было полное равнодушіе.

Иногда г. Торé замѣчалъ, вмѣстѣ съ женою, вздохи г. Виллона,

и его довольный взглядъ говорилъ, казалось, что онъ съ радостью видитъ любовь, обѣщающую ему честнаго и способнаго зятя, превосходнаго товарища по торговлѣ, наслѣдника, который продолжилъ блескъ его дома, наслѣдника, у котораго есть и собственное порядочное состояніе. Г-жа Торé отвѣчала ему на это тихимъ наклоненіемъ головы. Хотя она не была ни въ чемъ положительно увѣрена, но чувствовала, что не здѣсь, не въ этомъ союзѣ счастье ея дочери.

Когда г. Торé хотѣлъ знать причины такого мнѣнія, она очень затруднялась въ отвѣтъ. Какъ мы уже сказали, Жюлі любила и уважала г. Луи Виллона; часто даже она защищала его въ минуты досады отца, но и только г-жа Торé знала, что не одно чувство строгой справедливости питаетъ сердце къ тому, кого втайнѣ себѣ предназначаетъ. Человѣка любимаго обвиняють и защищаютъ безъ причины; сегодня его винятъ за то, о чемъ просили вчера, — надъ нимъ смѣются, его жалбють, его презирають, его превозносятъ, — его наконецъ любятъ.

Иногда г-ну Торé казалось невозможнымъ, что-бы Жюлі не любила г. Виллона, развѣ только, прибавлялъ онъ, устремляя на жену проникательный взглядъ, развѣ только она любитъ кого другаго. Но Жюлі не любила никого; мать ея утверждала это и была въ томъ увѣрена. Между-тѣмъ, Жюлі мечтала иногда, и когда мать вдругъ прерывала своимъ зовомъ ея молчаніе, Жюлі краснѣла и говорила, что она ни о чемъ не думала. Мать показывала видъ, что вѣритъ ей и боялась вопросовъ. Она была слишкомъ-благоразумна, чтобы давать имя этимъ неопредѣленнымъ думамъ молодой души, чувствующей приближеніе новой жизни.

Радость, тишина и спокойствіе жили въ этомъ семействѣ, и счастье г. Торé увеличилось еще чрезвычайнымъ приращеніемъ годовой прибыли. Онъ окончилъ разсмотрѣніе счетовъ и остался погруженъ въ размышленія: черты его сохранили выраженіе живаго неудовольствія. Дѣйствительно, добрый г. Торé не нашедши ничего похвалить, не могъ побраниться съ своимъ прикащикомъ и дать ему практическій урокъ; по этому, онъ былъ доволенъ. Луи Виллонъ внимательно смотрѣлъ на своего патрона съ тѣхъ-поръ, какъ этотъ послѣдній съ досадою бросилъ реэстръ: Жюлі, какъ и мать ея, безъ всякаго безпокойства, ожидали бури, отчасти даже съ любопытствомъ. Вдругъ лицо г. Торé смор-

щилось, брови сжались, онъ поднялъ голову, устремилъ на Луи грозный взглядъ и спросилъ его грубымъ голосомъ.

— Сколько вы получаете, сударь, въ моемъ домѣ?

Такъ какъ Луи, два прикащика и двое слугъ составляли весь домъ г. Торé, достойный негодянтъ зналъ очень-хорошо количество жалованья г. Виллона; но этотъ, удивленный вопросомъ, отвѣчалъ тотчасъ-же:

— 1,800 франковъ, сударь.

— Хорошо, сказалъ г. Торé, выходя изъ-за бюро и заложивъ руки за спину по-наполеоновски: хорошо, я увеличиваю ваше жалованье въ тысячу экю.

— Ахъ, сударь, вы слишкомъ-добры, вскричалъ молодой человѣкъ и моя признательность...

— Довольно—торжественно сказалъ хозяинъ — я только справедливъ; у насъ кое-кто будетъ обѣдать. Если вы хотите кушать съ нами, то ступайте переодѣньтесь.

— Много чести, сказалъ молодой человѣкъ, собирая какънибудь на-скоро перья и резетры и бросаясь тотчасъ-же изъ магазина.

Въ это время г. Торé подошелъ къ женѣ, которая пожала ему руку, а Жюли бросилась ему на шею, сказавши:

— Ты сдѣлалъ хорошо, папа!

— Я былъ справедливъ, только справедливъ, возразилъ г. Торé: — вы меня знаете,—безжалостный, жестокий даже, къ дѣшвымъ и злымъ, я щедръ и благороденъ къ добрымъ и трудолюбивымъ, и справедливъ... всегда справедливъ.

— Я говорю, что ты добръ, сказала Жюли, обнимая его; я хочу, чтобъ ты самъ сказалъ это.

— Ну, ну, сказалъ г. Торé, вы не знаете сами, что говорите, сударыня... Но я не люблю споровъ... Вотъ уже пять часовъ и вамъ пора заняться туалетомъ.

— Иду, сказала молодая дѣвушка, готовясь закрыть реестры, по примѣру прикащика.

— Иди, дитя мое, сказала ей г-жа Торé: я уберу все это,—мнѣ надо поговорить съ твоимъ отцомъ.

Жюли прыгнула, какъ лань, изъ магазина, и съ живостью взбѣжала на лѣстницу, которая вела въ комнату перваго этажа. При входѣ, она нашла Луи Виллона, опустившаго печально голову.

—Ну, г. Виллонъ, — сказала она ему весело—развѣ вы не довольны?

— Я? сказалъ онъ, затрепетавши: — ахъ! вашъ батюшка сдѣлалъ для меня больше, чѣмъ я заслуживаю.. И я былъ-бы неблагода-ренъ, если-бы...

— Можетъ-быть вамъ непріятно обѣдать съ нами.... у васъ были другія намѣренія.

— У меня? возразилъ молодой человѣкъ: — у меня нѣтъ ника-кихъ намѣреній, и я считаю за честь и удовольствіе приглашеніе вашего батюшки.

— Въ такомъ случаѣ поторопитесь: вы знаете, что ни я, ни маменька не сидимъ долго за туалетомъ.

И Жюлі, напѣвая пѣсню, вошла въ комнату, пока Луи печально выходилъ на верхъ; идя, онъ спрашивалъ себя, отъ-чего пришла ему въ голову мысль, что было-бы очень-благоразумно съ его стороны оставить домъ г. Торé? Понималъ-ли онъ, что сердце этой милой дѣвушки, такой доброй и прекрасной, никогда не должно отвѣчать ему на всю его безпредѣльную любовь?

Между-тѣмъ, г. Торé остался съ женою, и, казалось, хотѣлъ спросить ее, какъ она позволила себѣ располагать его особой, удержавши его для разговора съ нею, о которомъ заранѣе его не предупредила.

— Ну, моя милая, — что такое важное ты мнѣ расскажешь? сказалъ онъ, садясь какъ король, дающій аудіенцію подданному.

— Я хотѣла спросить, кто у насъ будетъ обѣдать.

— Но мнѣ кажется, ты должна это знать, потому-что сама дѣлала всѣ приглашенія.

— Конечно, я приглашала г-на и г-жу Бушере съ дочерью, г. и г-жу Лампень... Но Шарль не приведетъ-ли съ собою кого-ни-будь?

— Кого-же это кого-нибудь? сказалъ г. Торé.

— Ну, да своего учителя-живописца!

— Какого живописца?

— О Боже мой, вскричала г-жа Торé, г. Виктор Амаба.

— Зачѣмъ-же спрашивать, когда ты сама знаешь? сказалъ г. Торé тономъ Агамемнона.

Я спрашиваю потому, отвѣчала г-жа Торé, тихопожвавъ плечами: что вовсе не знаю этого господина. Онъ артистъ — и съ тѣхъ поръ, какъ Шарль бросилъ разрисовывать фарфоръ, что-бы сдѣлаться историческимъ живописцемъ, я слышу отъ него такія странныя слова, такія особенныя пѣсни; рассказы его г. Вилло-

ну о разныхъ приключеніяхъ такъ глупы, что я боюсь каждаго, кто только носитъ имя артиста.

— Г-жа Торé, я знаю, кого я долженъ и кого могу приглашать къ себѣ, сказалъ г. Торé... Я знаю лично г. Виктора Амаба; онъ не будетъ лишнимъ въ нашемъ обществѣ, если я его пригласилъ.

— То-есть, ты позволилъ Шарлю привести его.

— Это все равно, моя милая.

— Ты правъ; но по какому поводу этотъ молодой человѣкъ, который ни разу не былъ у насъ, хотя Шарль уже цѣлый годъ у него учится, просилъ его представиться намъ?

— Этого онъ долженъ-бы просить прежде... конечно, всему есть начало.

— Да, да... сказала г-жа Торé вполголоса... есть всему начало... наконецъ!

— Что это значить? спросилъ г. Торé: что значить это «наконецъ»?

— Не знаю; я думаю совѣмъ о другомъ... Я пойду одѣваться... совѣтую и тебѣ сдѣлать тоже.

Г-жа Торé ушла къ себѣ, печальная и недовольная; между тѣмъ не случилось, кажется, ничего необыкновеннаго. За недѣлю только до-того, г-жа Торé, сидя съ семействомъ въ ложѣ оперы, видѣла, что сынъ ея поклонился съ однимъ молодымъ человѣкомъ въ оркестрѣ. Она спросила его: кто этотъ господинъ? Это Викторъ Амабъ, отвѣчалъ онъ. Г-жа Торé взглянула, и ей показалось, что г. Амабъ смотритъ на Жюлі съ какимъ-то удивленіемъ. Что касается до Жюли, она осталась совершенно чуждою всему этому, занятая одною сценою. По окончаніи акта, г-жа Торé хотѣла видѣть, будетъ-ли смотрѣть на нихъ еще г. Амабъ. Но онъ тотчасъ-же исчезъ. Г-жа Торé думала, что онъ вышелъ совѣмъ, какъ, пробѣгая взглядомъ залу, замѣтила въ глубинѣ противоположнаго балкона, молодаго, чрезвычайно-изящнаго человѣка съ лорнеткою. Этотъ молодой человѣкъ былъ г. Амабъ. Онъ увидѣлъ, что его замѣчаютъ и отворотился; но во все продолженіе вечера, Викторъ остался на томъ-же мѣстѣ, и хотя показывалъ видъ, что не спускаетъ глазъ со сцены, но г-жа Торé разъ двадцать ловила его взглядъ, прикованный къ ихъ ложѣ.

— Видѣла-ли ты учителя твоего брата? спросила она дочь по возвращеніи.

— Гдѣ? сказала Жюлі.

— Въ Оперѣ.

— Шарль тебѣ его показывалъ? спросила молодая дѣвушка.

— Да. Онъ сидѣлъ противъ насъ.

— Я смотрѣла на другое, весело сказала Жюлі: -- какъ хороша Жидовка!... бѣдная Рахиль... обманута!... о, я умираю!...

Г-жа Торé отклонила мысль дочери отъ положенія Рахили и отъ встрѣчи съ г. Амабомъ, и сама перестала объ этомъ думать, — когда въ день начала нашего разказа, Шарль, отправляясь утромъ, сказалъ матери, что получилъ отъ отца позволеніе привести г. Амаба обѣдать.

Это представленіе послѣ встрѣчи беспокоило сильно г-жу Торé, и потому-то она хотѣла узнать отъ мужа, что за человѣкъ Викторъ Амабъ, — но не сочла за нужное сообщить ему свои опасенія. Г. Торé тотчасъ поднялъ-бы изъ-за этого шумъ. Онъ, можетъ-быть, запретилъ-бы дочери смотрѣть на г. Амаба, и создалъ-бы себѣ, какъ всѣ глупцы (мужья или отцы), несуществующую опасность.

Когда г-жа Торé вошла въ комнату, она нашла свою дочь передъ большимъ зеркаломъ. Движеніе гордости и счастья овладѣло ею при взглядѣ на дочь; но почти въ то-же время печальная мысль заглушила этотъ порывъ.

— Поди сюда, сказала молодая дѣвушка: дай я одѣну тебя, сдѣлаю тебя прекрасною.

— Ты должна дѣлать это, сказала ей мать съ улыбкой: потому-что...

— Что-такое?

— Ничего, сказала г-жа Торé: поторопимся, скоро пріѣдутъ гости.

Она не хотѣла, чтобы дочь окончила ея фразу. Въ-самомъ-дѣлѣ, Жюлі не была-ли чѣмъ-нибудь обязана матери, которая родила ее такъ-прекрасною... до-того прекрасною, что мать ея приходила въ удивленіе, и какъ говорилъ старый докторъ семейства — г. Янсонъ, — страшно-прекрасною! Выраженіе было вѣрно, ибо часто г-жа Торé боялась этого совершенства; часто боялась она за слишкомъ-большую дань удивленія и обожанія.

Туалетъ едва былъ оконченъ, какъ г-жа Торé услышала стукъ въ двери.

— Кто тамъ?

— Я, маменька, отвѣчалъ веселый и звучный голосъ.

— Войди.

II.

ПОРТРЕТЪ.

Вдругъ явился прекрасный молодой человекъ, черноволосый, съ гордой походкою, съ смѣлымъ взглядомъ, дышавшій веселостью, силою, мужествомъ. Онъ обнялъ мать и подошелъ къ сестрѣ. Но, прежде чѣмъ обнялъ, онъ оглядѣлъ ее и сдѣлалъ знакъ одобренія.

— Хорошо сложена... очень-хорошо сложена!...

— Что онъ хочетъ сказать? сказала Жюли со смѣхомъ.

— Полно, Шарль, сказала г-жа Торé: оставь свои фразы.

— Это значитъ, что она очень-хороша нынче, какъ всегда. И онъ обнялъ сестру, навивши на палецъ ея бѣлокурые локоны, и повторивъ съ комическою миною:

— Совершенно-хорошо сложена!

— Ахъ, да! сказала г-жа Торé: который теперь часъ? Профессоръ твой пришелъ съ тобою?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Шарль, переходя къ матери, и поправляя локоны волосъ съ доброй и счастливой улыбкой... нѣтъ! онъ придетъ въ шесть часовъ, военный часъ.... Послушай-ка, сестрица, знаешь-ли ты, что маменька лучше тебя?

— Полно, сказала мать, оставь мои волосы въ покоѣ и отвѣчай мнѣ.

— Тоже хорошо сложена... чудесно сложена!

Онъ обнялъ мать, ударивъ себя въ лобъ и вскричалъ вдругъ:

— Ахъ, кетати! я и забылъ совѣтъ: Викторъ сказалъ мнѣ, что будетъ ждать меня около Оперы.

— Ты, стало-быть, не изъ мастерской?

— Я-то изъ мастерской... но онъ; въ это утро, я боялся, что онъ вовсе не придетъ.

— Отъ-чего-же?

— Я вамъ расскажу это. Сегодня утромъ была дуэль... на которой онъ ранилъ своего противника. Потому, вмѣсто-того, чтобы прийти прямо, онъ прошелъ къ больному, узнать объ немъ.

— Какъ! этотъ господинъ, который придетъ сюда обѣдать, дрался сегодня утромъ?

Она произнесла эти слова, какъ-будто-бы считая невозможно-стию, чтобы человѣкъ, который за нѣсколько часовъ до сего риксоваль жизнью, могъ спокойно явиться на обѣдъ.

— Станетъ онъ объ этомъ думать! сказалъ Шарль на уходѣ; дуэль была въ полдень, а въ одиннадцать Викторъ еще спокойно работалъ надъ картиною. Я пойду за нимъ; онъ такъ робокъ, что не посмѣетъ прийти одинъ.

— Чтò это говорить онъ, маменька? сказала Жюли, удивленная, что называютъ робкимъ человѣка, который дрался на дуэли.

— Твой братъ — сумасшедшій; онъ самъ не знаетъ, что говорить, отвѣчала г-жа Торé, зная, что есть люди, которые неустрашимы передъ опасностью, и которые боятся взгляда. Она знала также, что такіе люди нравятся въ-особенности, какъ сила, которая повинуется слабости.

Г-жа Торé надѣялась, что мысль ея дочери не остановилась на послѣднихъ словахъ брата; но уже этотъ контрастъ мужества съ робостью былъ для молодой дѣвушки задачею, которую она желала разрѣшить. Она уже съ любопытствомъ ждала г. Амаба.

Мать говорила правду, повторяя съ ужасомъ:

— Всему есть начало.

И самое опасное начало для любви — любопытство. Три недѣли протекли съ того дня, какъ Викторъ былъ представленъ въ семейство г. Торé. Было 31 декабря. Магазины негоціанта были заставлены ящиками, корзинами, связками; отпирывали, клали печати.... Вдругъ г. Торé вскричалъ:

— Посмотримъ, конченъ-ли сервизъ à la Louis XV, саксонскаго фасона?

— Сейчасъ, сказалъ Луи Виллонъ, который отмѣчалъ предметы на реестрѣ, когда Жюли замѣчала ихъ на бумагѣ: тотъ и другая писали подъ диктовку г-жи Торé.

— Какой адресъ для этого сервиза? спросила Жюли у Луи Виллона.

— Адресъ г. графа де Монпріонъ, предметъе Сентъ-Оноре, №....

— Совсѣмъ нѣтъ, сказалъ г. Торé: вотъ адресъ для сервиза.

Онъ вынулъ изъ кармана карточку, на которой было написано нѣсколько словъ карандашомъ.

— Отнести сервизъ къ г-жѣ Леонѣ де Камбюръ, улица Жуберъ, № 29.

Этотъ незначительный случай былъ никѣмъ не замѣченъ и все продолжали заниматься отправленіемъ товаровъ. Работа этого важнаго дня была почти кончена, когда Шарль явился въ дверяхъ магазина и сдѣлалъ отцу маленькій знакъ. Г. Торѣ отвѣчалъ на это, указавши пальцемъ комнату и оборотился, вскричавъ:

— Ну-же, г. Виллонъ — что вы смотрите на г-жу Торѣ? мы такъ никогда не кончимъ. Жюлі, гдѣ-же книга?

Но г. Торѣ говорилъ тщетно; онъ не могъ помѣшать Жюлі увидѣть комиссіонера, несшаго большую, покрытую зеленымъ сукномъ картину, которому Шарль велѣлъ войти въ комнату.

— О! маменька! сказала она тихо г-жѣ Торѣ; это первая картина Шарля, — я въ этомъ увѣрена; это его подарокъ.

Лицо матери сіяло отъ радости; въ глазахъ ея были слезы; она сжала руку Жюлі и сказала ей только:

— Поспѣшимъ.

То, что оставалось сдѣлать, было быстро окончено, хотя г. Виллонъ, казалось, не раздѣлялъ торопливости г-жи Торѣ и ея дочери. Нѣсколько разъ должны были напомнить ему о его медленности. Наконецъ, все было кончено. Г-жа Торѣ и Жюли быстро вошли въ комнату; г. Торѣ шелъ за ними, говоря г. Виллону: — Пойдемте насладиться ихъ удивленіемъ: они съ ума сойдутъ.

— Должно быть это очень-хорошо? сказалъ Луи Виллонъ, съ глубокимъ вздохомъ.

— Удивительно сходно, съ важностью замѣтилъ негоціантъ.

Говоря такимъ образомъ, все семейство явилось почти въ одно время въ залу, гдѣ Шарль поставилъ портретъ въ великолѣпной рамѣ.

Жюлі вскрикнула отъ удивленія; г-жа Торѣ осталась неподвижною и чтобы разглядѣть лучше, должна была отереть слезы, потомъ подала руку мужу и обратилась къ сыну, говоря ему:

— Что-же ты не идешь обнять меня!

Шарль взглянулъ на мать съ удивленіемъ. Въ это время Жюлі вскричала:

— Ахъ, какъ похоже... настоящей папа!... удивительно хорошо!

И въ свою очередь, обратившись къ Шарлю, сказала ему:

— Ахъ, какъ это хорошо, Шарль — благодарю тебя! Я говорила, маменька, что у него большой талантъ.

Фигура Шарля приняла печальное выраженіе... Ему было и стыдно за себя, и грустно за свою мать, что онъ долженъ разрушить это сладкое и гордое убѣжденіе въ талантъ сына. И между тѣмъ, принужденный сказать что-нибудь, онъ опустилъ голову и отвѣчалъ.

— Увы, маменька я еще не дошелъ до этого.

— Но дойдешь, дойдешь со временемъ, сказалъ г. Торé, лаская подбородокъ и любуясь на себя въ своемъ изображеніи.

— Кто-же писалъ этотъ портретъ? спросила г-жа Торе.

— Разумѣется, г. Викторъ Амабъ, сказалъ Луи Виллонъ съ досадою.

Г-жа Торé вдругъ сдѣлалась серьезна, а Жюлі приковалась глазами къ портрету. Взглядъ этотъ былъ замѣченъ и матерью и Виллономъ; потомъ Жюлі прошептала:

— Это хорошо, это очень-хорошо!

— И послѣ этого, весело сказалъ г. Торé женѣ своей, будетъ твой портретъ и Жюлі.

— Нѣтъ, нѣтъ, тихо сказала г-жа Торé: женщина должна снимать съ себя портретъ только тогда, когда она молода и хороша. Теперь я слишкомъ стара.

И замѣтивъ, что г. Торé поморщилъ брови,—

— Что-же дѣлать? прибавила она — это очень извинительное кокетство съ моей стороны.

— Очень-гадкое кокетство, маменька, сказала Жюлі: ты велишь снять съ себя портретъ... я прошу тебя, я хочу этого... Пана, скажи ей, что я этого хочу.

— Разумѣется, отвѣчалъ г. Торé, — и я тоже, — и твой такъ же.

— О! что касается до этого, замѣтила съ живостью г-жа Торé — я не позволю... Молодая дѣвушка...

— Не сама-ли ты сказала, возразилъ г. Торé, что женщина должна снимать съ себя портретъ, когда она молода и прекрасна.

— Да, но... сказала г-жа Торé съ маленькимъ неудовольствіемъ.

— Вы хотѣли сказать, безъ сомнѣнія, подхватилъ Луи, что молодая женщина должна снимать съ себя портретъ, вышедши за-мужъ.

Г. Торé взглянулъ на Виллона такъ, какъ будто-бы этотъ

проповѣдывалъ какія-нибудь возмутительныя правила или дѣлалъ неблагопристойности. Жюлі вся покраснѣла.

— Все-ли отправлено? — торжественно спросилъ г. Торé.

— Все, сухо отвѣчалъ г. Виллонъ: по мнѣ надобно кой-куда сходить.

И онъ тотчасъ же удался.

Дойдя до передней, онъ встрѣтилъ Виктора, который, найдши двери комнаты отворенными, спросилъ его.

— Можно-ли войти, сударь?

— Спросите у слуги, грубо отвѣчалъ Луи: — это его дѣло.

Онъ ушелъ, съ силою хлопнувъ дверь, но вмѣсто того, чтобъ отправиться по разнымъ мѣстамъ, заперся въ своей комнатѣ; тамъ онъ билъ кулакомъ по столу, по постелѣ, по стѣнамъ, пока, утомленный этого рода упражненіемъ, упалъ на стулъ, сказавши:

— Этотъ проклятый маляръ! я сверну ему голову!

Когда прикащикъ удался съ отчаяніемъ въ сердцѣ, г. Торé подошелъ къ женѣ, которая грустнымъ взглядомъ упрекнула его за строгость въ отношеніи къ г. Виллону, — и сказалъ ей:

— Страсть его ослѣпляетъ, — я не оуждаю ея, но хочу, что-бы она удерживалась въ почтительныхъ границахъ.

— Разумѣется, отвѣчала г-жа Торé: онъ виноватъ, что вмѣшался не въ свое дѣло, и между тѣмъ онъ можетъ быть правъ; я не нахожу приличнымъ, чтобы молодая дѣвушка...

Съ другой стороны, Жюлі тихонько говорила Шарлю.

— Не правда-ли, что это хорошо?

— О! отвѣчалъ ей братъ... Викторъ будетъ однимъ изъ величайшихъ нашихъ живописцевъ; онъ составитъ себѣ славное имя!

Вотъ что говорилось, когда г. Викторъ Амабъ, не найдя никого, кого-бы онъ могъ спросить, вошелъ въ залу и тихонько стукнулъ дверь, чтобы дать знать о своемъ приходѣ.

— Взгляните на торжество ваше, сказалъ г. Торé, подавая ему руку: дамы въ безмолвномъ удивленіи передъ вашимъ произведеніемъ.

— Если онѣ довольны, отвѣчалъ Викторъ, кланяясь съ скромнымъ смущеніемъ: я могу надѣяться, что онѣ позволятъ мнѣ также снять и ихъ портреты?

— Это уже дѣло конченное! сказалъ г. Торé.

— Мнѣ кажется... замѣтила г-жа Торé съ беспокойствомъ.

— И мы начнемъ какъ можно скорѣе, не правда-ли? сказалъ Викторъ весело.

— Сначала съ васъ, сударыня, продолжалъ онъ, надѣясь предупредить всякій отказъ этимъ вниманіемъ.

— Безъ сомнѣнія, прибавилъ г. Торé, Жюлі будетъ послѣднею.

— Я, разумѣется, не отказываюсь, сказала г-жа Торé, но теперь зима... дни чрезвычайно-темны и коротки; часы, которыми я и моя дочь можемъ располагать для нихъ, можетъ-быть, будутъ неудобны.

— Всѣ мои часы принадлежать вамъ, сударыня, если вамъ только угодно будетъ удѣлить мнѣ какой-нибудь часъ, сказалъ Амабъ съ любезною настойчивостью.

— Итакъ, когда будутъ хорошіе дни...

— О! сударыня, сказалъ Викторъ умоляющимъ тономъ: выставка назначена черезъ два мѣсяца; этого времени не слишкомъ для меня много.

— Какъ! возразила г-жа Торé: вы думаете послать на выставку наши портреты, портретъ Жюлі.

— Pardieu! замѣтилъ г. Торé, зачѣмъ-же иначе снимать съ себя портретъ.

— Нѣтъ, сказала г-жа Торé, нѣтъ! я, быть-можетъ, очень смѣшна; но я нахожу, что это не слишкомъ приличный обычай выставлять публично лицо молодой дѣвушки. «Кто это»? спрашиваютъ всѣ кругомъ — а спрашивать будутъ непременно, потому-что талантъ ихъ сдѣластъ портретъ очень-замѣтнымъ. Люди, которые насъ не знаютъ, будутъ смѣяться; другіе скажутъ можетъ быть: «Это мадмуазель Торé.» Имя моей дочери получить какую-то извѣстность....

— Ну! замѣтилъ г. Торé, поправляя галстухъ: что-жь тутъ дурнаго?

— Не хорошо, сказала г-жа Торé рѣшительнымъ тономъ: чтобы говорили о молодой дѣвушкѣ, хорошо-ли, дурно-ли.

— Ну такъ этотъ портретъ останется у васъ, сударыня, сказалъ г. Амабъ.

— Въ такомъ случаѣ, возразила г-жа Торé, бесполезно дѣлать его къ выставкѣ.

— Вы правы: мы займемся только вашимъ, и чтобы не принуждать васъ выходить изъ дому, Шарль обѣщалъ мнѣ устроить, какъ надобно, одинъ уголъ вашего магазина.

Спротивляться болѣе было бы неучтиво, и г-жа Торé согласилась, чтобы работа начата была на слѣдующей недѣлѣ. Ей, въ-самомъ-дѣлѣ, приходили въ голову опасенія, которыя сначала разбѣлились, но потомъ опять стали тревожить ее. Но надобно было уступить.

Съ того дня, какъ Викторъ обѣдалъ у г. Торé, онъ не являлся въ домъ, и довольствовался тѣмъ только, что оставлялъ визитную карточку, г-жа Торé съ удовольствіемъ видѣла такое равнодушіе, ибо вниманіе, съ которымъ молодой живописецъ смотрѣлъ на Жюлі въ продолженіе этого обѣда, испугало благоразумную мать. Но откровенность объясненія Виктора въ тотъ-же вечеръ совершенно ее успокоила.

Передъ уходомъ, онъ подошелъ къ г-жѣ Торé и сказалъ ей:

— Позвольте принести вамъ благодарность, сударыня, за вашъ добрый и обязательный пріемъ; извините меня также за невольную непристойность, о которой я узналъ отъ этой дѣвицы, очень-дурной собою и сидѣвшей за пьяно.

— Не сказала-ли вамъ она чего-нибудь неприятнаго?

— Она со мной ничего не говорила, но я слышала, какъ она сказала своей матери: посмотри, какъ этотъ господинъ смотритъ на Жюлі... Извините, это ея слова.

— Она глупа, сказала г-жа Торé, оскорбленная.

— Нѣтъ, сударыня, она была права — я это чувствую и прошу у васъ извиненія.

— Но если это такъ, то зачѣмъ-же вы смотрѣли? спросила г-жа Торé.

— Зачѣмъ? отвѣчалъ Викторъ съ энтузіазмомъ и продолжая еще смотрѣть на Жюлі: — Боже мой, сударыня, я живописецъ, — вотъ почему я и сдѣлался виновнымъ и вотъ въ чемъ мое извиненіе... Поймите меня, сударыня; предположите, что я долженъ рисовать образъ Мадонны, предположите, что я крайне затрудняюсь передать всю божественную чистоту этой фигуры, и вдругъ предо мною ея откровеніе, лучшее откровеніе, чѣмъ у всѣхъ великихъ мастеровъ. Поймите тогда мою радость, мой энтузіазмъ. Простите, сударыня, все это — идеи артиста, которыя покажутся вамъ странными — но я знаю сто человѣкъ, которые заплатили бы Богъ знаетъ какую цѣну за подобную модель. А я — я изучилъ ее даромъ, прибавилъ онъ, смѣясь. Только я очень-не скромненькъ къ-несчастью... Нѣтъ, продолжалъ онъ, не переставая смотрѣть на Жюлі, не мнѣ передать эту чистоту очертаній, эту

прозрачность кожи, эту ясность взгляда, это совершенство цѣлаго... и эти руки! О все, это заставляетъ жестоко скорбѣть о безсиліи моего таланта.

Г-жа Торé пристально смотрѣла на Виктора, пока онъ говорилъ все это, и хотя ее изумляла та странная свобода, съ которою артистъ говорилъ о красотѣ ея дочери, но она поняла, что совершенно ошиблась въ чувствѣ г. Амаба. Ни малѣйшаго смущенія, ни малѣйшаго волненія не было въ голосѣ живописца, онъ точно такъ же говорилъ-бы о прекрасной статуѣ.

Опасенія г-жи Торé, въ отношеніи къ этому молодому человеку, тотчасъ-же успокоились; но въ тотъ-же вечеръ, они возбудились въ отношеніи къ дочери.

Когда всѣ гости разошлись, Жюлі поздноѣ обыкновеннаго оставалась съ матерью, была еще предупредительнѣе, еще ласковѣе обыкновеннаго. Ясно, что она хотѣла что-то сказать и не смѣла сказать. Г-жа Торé замѣтила это, но боялась произнести хотя одно слово, похожее на вопросъ. Однакожъ любопытство молодой дѣвушки было упорнѣе благоразумія матери, которая наконецъ сказала ей:

— Отъ чего ты не идешь въ свою комнату?

— Иду; но скажи мнѣ, маменька, что такое учитель Шарля говорилъ тебѣ обо мнѣ?

— О тебѣ?

— Да, за минуту до ухода, когда онъ говорилъ съ тобою тихо, у камна?

— Нѣтъ, сказала г-жа Торé, самымъ естественнымъ тономъ, — онъ мнѣ вовсе о тебѣ не говорилъ?

— А! сказала Жюли съ досадою... Покойной ночи, маменька!

И она ушла, покраснѣвъ отъ стыда и, можетъ-быть, отъ печали.

На другой день, Жюлі не пѣла ни одного изъ своихъ романсовъ, ни разу не предалась обыкновеннымъ въ ней прежде движеніямъ веселости, и три недѣли вовсе не смѣялась, была разсѣянна, подчасъ даже печальна. Вдругъ явился портретъ г-на, и г-жа Торé видѣла, какъ жадно приковался къ нему взглядъ Жюлі, какъ только она узнала, кто его творецъ.

Въ эту ночь г-жа Торé не заснула; она долго придумывала, какъ-бы отдѣлаться отъ обѣщанія даннаго ея — позволить снять свой портретъ, и вмѣстѣ отдѣлаться отъ посѣщенія г. Амаба, — не потому

впрочемъ, чтобы г-жа Торé отвергала мысль союза между имъ и Жюли.

Онъ не имѣлъ состоянія, но состояніе создается скоро у людей съ талантомъ. При томъ-же, такое препятствіе ни на минуту не остановило-бы г жи Торé; но, по странному предчувствію, мать понимала, что этотъ человѣкъ будетъ для нея причиною горести: она его разглядывала, изучала, и вынесла о немъ невыгодное мнѣніе.

И между-тѣмъ это былъ честный молодой человѣкъ, полный благородства и мужества. Онъ имѣлъ рѣдкое въ молодыхъ людяхъ качество — сомнѣніе въ настоящемъ и вѣру въ будущее; не довольный тѣмъ, что онъ дѣлалъ, онъ давалъ себѣ слово дѣлать лучше.

Когда г-жа Торé послала Шарля въ мастерскую Амаба, она освѣдомилась о его нравственности и узнала, что онъ человѣкъ порядочный честный, неутомимый въ работѣ; этого было достаточно для успокоенія матери, предположивши даже, что дочь ея и влюбилась-бы въ этого человѣка. Другія женщины и не требовали-бы болѣе отъ будущаго зятя, но она боялась этого человѣка и не любила его. Не привыкли приводить въ ясность эти непосредственныя впечатлѣнія, которыми женщины судятъ о людяхъ вѣрнѣе, чѣмъ мужчины разсудкомъ, — она затруднилась-бы сказать причины, по которымъ такъ не нравился ей г. Викторъ Амабъ. Если-бы ее спросили, что она о немъ думаетъ, и если-бы она хотѣла отвѣчать, основываясь на своихъ впечатлѣніяхъ, она сказала-бы, что г. Викторъ Амабъ — честолюбецъ и эгоистъ, — но доказать этого, она-бъ не могла.

«Моя дочь, — говорила она сама себѣ — достигла того возраста, когда сердце создаетъ себѣ призраки: не г. Амаба она любитъ, но воображаемое существо, которое окружаетъ она всѣми совершенствами. Это фантастическое существо она будетъ любить, пока въ немъ не разочаруется, или я обманываюсь въ этомъ молодомъ человѣкѣ, и онъ составитъ счастье моей дочери».

Это разсужденіе положило конецъ колебаніямъ г-же Торé; но чего она не могла понять, такъ это той быстроты, съ которою возрастала страсть Жюлі къ молодому человѣку. Правда, у него были прекрасныя манеры, онъ былъ хорошъ собою, хорошъ особенно своимъ умнымъ взглядомъ, полнымъ силы; онъ говорилъ умно и простодушно, но этого было недовольно, чтобы Жюлі, съ ея

сердцемъ, съ ея душою, съ перваго разу нашла въ немъ свой идеалъ.

Но надо сказать, что г-жа Торé вовсе не знала объ одномъ разговорѣ Шарля съ сестрою, ввечеръ того дня, когда Амабъ обѣдалъ у г. Торé.

III.

РАЗГОВОРЪ.

Въ этотъ день, Жюли отвела брата въ маленькiй будуаръ около залы и спросила его, что за дуэль была у г. Амаба сегодня утромъ; она ни какъ не могла повѣрить, чтобы онъ за часъ, можетъ-быть, до смерти, спокойно работалъ въ своей мастерской; и отсюда, разумѣется, тысячи вопросовъ о г. Амабѣ.

— А! отвѣчалъ ей братъ: — онъ чудный человекъ! Онъ началъ тѣмъ, что былъ ученикомъ у одного маляра. Но уже въ двѣнадцать лѣтъ онъ почувствовалъ, что назначенъ не къ этому. Каждый день, по окончанiи работы, онъ ходилъ въ рисовальную школу, и въ нѣсколько мѣсяцевъ выучился всему, чему можно выучиться въ три года; потомъ онъ ходилъ въ Академию и постоянно по вечерамъ; днемъ онъ долженъ былъ выработать деньги, для того, чтобы платить за модель.

— У него нѣтъ, стало-быть, семейства?

— Отецъ и мать его умерли, и на восьмомъ году оставили его сиротой; онъ былъ взятъ однимъ рисовальщикомъ на стеклахъ, который изъ человеколюбiя выучилъ его своему мастерству.

— Право! вскричала Жюли, печальнымъ и сострадательнымъ тономъ: — и ты говоришь, что онъ сдѣлалъ большiе успѣхи въ Академии? Вѣроятно, тамъ выучился онъ живописи?

— Ну, конечно, не вдругъ; сначала, онъ попробовалъ себя въ литографiи, и какъ только сталъ въ ней силенъ, то началъ работать на свой счетъ; онъ рисовалъ экраны за 15 франковъ. Въ эти времена онъ никогда не завтракалъ и не всякiй день обѣдалъ; наконецъ, онъ набилъ руку.

— Что такое?

— Я говорю, что онъ набилъ руку, т. е. сдѣлался искусенъ;

тогда онъ поденно работалъ у Леона Ноэля, и каждый день выработывалъ по сту су; это было славное время!

— Какъ, развѣ теперь?...

— Въ это-то время онъ накопилъ маленькую сумму, чтобы имѣть возможность днемъ учиться живописи; литографіями онъ сталъ заниматься только по вечерамъ, съ лампой; онъ работалъ пятнадцать часовъ въ сутки и едва не умеръ... Когда онъ оправился отъ болѣзни, у него не было въ карманѣ ни копейки, надобно было опять приниматься за поденную работу. Наконецъ, ему удалось написать двѣ или три маленькихъ картины. Они были приняты въ Музей, но никто не обратилъ на нихъ вниманія, и онъ продалъ ихъ за сто франковъ какому-то жиду. Всякой другой на его мѣстѣ, хоть я-бы напрымѣрь, пришелъ въ отчаяніе; но у него — желѣзный характеръ: онъ питался сухимъ хлѣбомъ съ водою и продолжалъ писать картины. На одной изъ послѣднихъ выставокъ былъ писанный имъ, даромъ, разумѣется, портретъ одного изъ его друзей: портретъ понравился. Теперь онъ сдѣлалъ себѣ карьеру; притомъ-же, недавно онъ получилъ мѣсто рисовальнаго учителя въ одномъ женскомъ пансіонѣ.

— А! — съ любопытствомъ замѣтила Жюлі: — въ женскомъ пансіонѣ!

— Да, да — отвѣчалъ Шарль, не замѣчая нисколько того особеннаго выраженія, съ которымъ Жюлі произнесла свой вопросъ: — и это-то было причиною его дуэли.

— Право! — сказала Жюлі — и, вѣроятно, за одну изъ его ученицъ?

— Вовсе нѣтъ; за мать одной изъ его маленькихъ ученицъ.

— Даму?

— И которая притомъ вовсе этого не стоить, хоть и очень не дурна.

— А! — опять замѣтила Жюлі: — кто-же эта дама?

— Жена одного банкира, которая хотѣла снять съ себя портретъ въ отсутствіе мужа, чтобы сдѣлать ему подарокъ. Она всякое утро ходила въ мастерскую. Портретъ былъ конченъ черезъ мѣсяцъ. Портретъ вышелъ чудесный; я работалъ надъ фономъ.

— Такъ что-же этотъ портретъ?

— Да вотъ что: дама, когда дѣло дошло до расплаты, не хотѣла заплатить за него условленной цѣны и начала спорить.

— Можетъ-быть, она недовольно-богата?

— У нея сто тыщачъ дохода. Повѣрь мнѣ, торгуются обык-

новенно не бѣдные а богатые ; ей хотѣлось заплатить пятьсотъ франковъ, вмѣсто тысячи. На это Викторъ сказалъ ей:»

— Сударыня, вы заплатите за портретъ тысячу франковъ или возьмете его даромъ.

— Ни то, ни другое — сказала ему дама: — у васъ нѣтъ еще имени, и я хотѣла оказать вамъ услугу.

— Услуги я не просилъ, сударыня, и если беру за портретъ только тысячу франковъ, то именно потому, что у меня нѣтъ имени.

— Угодно-ли вамъ шесть сотъ франковъ? сказала ему дама.

— Тысячу или ничего.

— Въ такомъ случаѣ, портретъ можетъ остаться у васъ. Если вы думаете, что я вамъ что-нибудь должна, вы можете начать процессъ и пусть оцѣнятъ холстъ.

— Его не будутъ оцѣнивать, — отвѣчалъ Викторъ.

— И съ величайшею живостию онъ взялъ ножикъ и разрѣзалъ фигуру на четверо, потомъ оборотился къ дамѣ и сказалъ ей:

— Теперь сударыня, вы мнѣ ничего не должны.

— Онъ сдѣлалъ это! съ живостию вскричала Жюлі: — это очень хорошо, это благородно!

— Ничего глупѣе нельзя было представить себѣ фигуры этой дамы... Она была какъ будто оглушена. Викторъ понимаетъ вещи: «Я слишкомъ уважаю себя, говаривалъ онъ мнѣ часто, и потому скорѣе буду умирать съ голоду, чѣмъ стану понижать цѣну; если въ этотъ годъ цѣна моихъ портретовъ будетъ тысяча франковъ, на слѣдующій она поднимется до трехъ, — а на третій, самъ еще не знаю, какую я назначу... Видишь-ли, Шарль, только такимъ образомъ можно чего нибудь достигнуть.»

— И прославиться, сказала съ энтузіазмомъ Жюли, которая ничего не поняла въ этомъ смѣломъ расчетѣ человѣка, который, увѣренный въ самомъ себѣ, напередъ опредѣляетъ цѣну своему таланту и не отступаетъ отъ нея, зная свое будущее.

— И вѣроятно, съ мужемъ этой дамы дрался г. Амабъ? прибавила она.

— Нѣтъ, — въ томъ-то и странность: надобно тебѣ сказать, что третьяго-дня, въ фойе оперы, толковали объ этомъ. Въ срединѣ разговора, одному молодому человѣку вздумалось сказать, что это не правда, что портретъ никогда не существовалъ, и что визиты дамы имѣли совсѣмъ другую цѣль.

— Какую цѣль? наивно спросила Жюлі, замѣтивъ, что Шарль вдругъ остановился.

— Какую цѣль?... Я тебѣ не могу хорошенько этого сказать, цѣль дурную только, да... конечно дурную; это было не пріятно для дамы.

— Да что-же такое?

— Такъ, глупость, сказалъ Шарль: я былъ всегда въ мастерской, когда она сидѣла...

— Но что-же говорили наконецъ?

— Какъ, ты не понимаешь? Говорили дурно объ этой дамѣ, говорили, что это были любовныя свиданія.

— Жюлі опустила глаза и покраснѣла. Шарль, чувствуя, что онъ проболтался объ исторіи не совсѣмъ пристойной, рѣшился окончить свое непріятное положеніе, сказавши:

Тогда Викторъ подошелъ и публично назвалъ ложью слова молодого человѣка.

Жюлі вновь начала слушать.

— Онъ сказалъ вотъ что: «Какъ-бы ни виновата была въ отношеніи ко мнѣ эта дама, я не позволю никому клеветать на нее; она могла-быть недовольна моимъ портретомъ и отказаться отъ платы за него, — это такъ, — но кто говоритъ что нибудь-другое, тотъ жжетъ». Отсюда, разумѣется, сеора и дуэль съ молодымъ человѣкомъ.

— Это благородно, очень-благородно! — сказала Жюлі.

— Да, да... началъ Шарль: ты можешь мнѣ повѣрить, этотъ малой знаетъ свое дѣло, и на него можно понадеяться!

Шарль продолжалъ въ томъ же духѣ, объясняя по своему великое искусство ставить себя въ свѣтъ такъ, чтобы удивлять его. Но Жюлі не слушала болѣе брата; то, что Шарль, зная тайныя теоріи своего учителя, называлъ искусствомъ, Жюлі называла безкорыстіемъ, гордостью, героизмомъ, потому что спрашивалась только собственнаго чувства.

Вотъ разговоръ, котораго не знала г-жа Торé и который служилъ началомъ участія ея дочери къ молодому живописцу.

Между-тѣмъ, едва протекло нѣсколько дней, какъ уже была готова комната, гдѣ должна была позировать г-жа Торé, потому-что, безъ вѣдома матери, Жюлі торопила работниковъ. Въ день, когда долженъ былъ явиться Амабъ, она не спала, встала очень-рано; мать находила въ ней утомленный видъ; но Жюлі надѣла платье, которое болѣе всего шло къ ея лицу.

IV.

ДѢВУШКА.

Въ продолженіе мѣсяца, который Викторъ употребилъ на портретъ г-жи Торé, не произошло, по видимому, ничего, что могло бы хоть сколько-нибудь тревожить предусмотрительную мать. Когда Жюлі приходила въ импровизованную мастерскую, для того-ли, чтобы сидѣть съ матерью, для того-ли, чтобы видѣть работу, Викторъ обыкновенно молчалъ; только иногда г-жа Торé подмѣчала взглядъ живописца, жадно прикованный къ Жюлі, — но въ этомъ взглядѣ выражалось только удивленіе артиста. Этотъ человѣкъ былъ такъ обладаемъ страстію къ искусству, что вовсе и не замѣчалъ смущенія Жюлі, и когда она краснѣла, когда сердце ея билось, когда голосъ ея дрожалъ при его страстномъ взглядѣ, Викторъ видѣлъ только, что она становилась еще лучше — и только.

Въ долгіе и скучные часы сидѣнья, г-жа Торé пыталась проникнуть въ душу молодого человѣка, и нѣсколько разъ спрашивала его о немъ самомъ. Онъ разсказалъ ей свою исторію, такъ, какъ Жюлі слышала уже отъ Шарля, — разсказалъ ей безъ ложной скромности, безъ напыщенности, безъ претензій, не расспѣя отъ своей бѣдности, не хвастаясь побѣдою надъ нею. Жюлі слушала его, и какъ Дездемона, полюбила его за его страданія, а между-тѣмъ Жюлі обманывалась. Равнодушіе Виктора къ страданіямъ происходило вовсе не изъ того благороднаго мужества, которое строго само къ себѣ и сострадательно къ другимъ: это было странное безчувствіе. Этотъ человѣкъ никогда собственно не страдалъ отъ бѣдности, но страдалъ отъ того, что не могъ сдѣлаться великимъ живописцемъ такъ скоро, какъ ему хотѣлось.

Все прошедшее относилось только къ его чести, но между-тѣмъ, оно не могло истребить предубѣжденій въ душѣ г-жа Торé. Боясь быть несправедливою, она рѣшилась лучше изучить Амаба, и нашла его человѣкомъ строго-честнымъ, со всеми добродѣтелями отрицательными, но не нашла ни одной положительной.

Г-жа Торé думала, что съ такимъ характеромъ, этотъ человекъ долженъ былъ низко завистливъ; чтобы убѣдиться въ этомъ, она старалась узнавать его мнѣнія о другихъ. Ей казалось, что она угадала, когда услышала, съ какимъ презрѣніемъ отзывался онъ о нѣкоторыхъ знаменитыхъ нынѣшнихъ живописцахъ,—но должна была перемѣнить свое мнѣніе, когда увидѣла его энтузіазмъ и почтеніе къ другимъ. У Виктора, это было дѣло вкуса, страсть артиста; онъ удивлялся таланту и уважалъ его, вездѣ, гдѣ только его видѣлъ; отъ чего-же Викторъ такъ не правился, такъ былъ страшенъ г-жѣ Торé? Отъ того, что чего-то не доставало этой могущественной организаціи; сердце въ ней вовсе не билось. Не спало-ли можетъ быть? и не готово-ли было пробудиться при первыхъ лучахъ взгляда любимой женщины?

Г-жа Торé разматривала, ожидала. Увы! бѣдная мать! она видѣла, какъ дочь ея принимала всѣ слова, всѣ мысли артиста и уносила ихъ въ свое уединеніе; она видѣла, какъ Жюлі, изъ любви къ прекрасному, изъ энтузіазма къ великимъ мастерамъ, создавала себѣ одинъ изъ тѣхъ кумировъ, которымъ женщины предаются безраздѣльно и которыя даютъ сердце своими развалинами, когда дѣйствительность свергаетъ ихъ съ подножія своимъ дуновеніемъ.

Двадцать разъ приходило г-жѣ Торé въ голову, что, можетъ-быть, было-бы лучше, если-бы Жюлі влюблена была въ одного изъ этихъ дерзкихъ оболъстителей, которые прямо идутъ къ побѣдѣ. Чистота Жюлі утрашилась-бы слова любви, — ея цѣломудренная гордость возмутилась-бы передъ дерзкимъ взглядомъ, она бѣжала-бы отъ прямого нападенія; но здѣсь ее ничто не могло страшить; она сама шла по пути, который удалялъ ее отъ покоя, не приближая нисколько къ Виктору. Г-жа Торé сама не могла спасти своей дочери, объяснивши ей опасность; ей было не въ чемъ упрекать артиста. Этотъ человекъ былъ совершенъ, блестящъ и твердъ, какъ алмазь.

Г-жа Торé печалилась, — она желала сильно, чтобы портретъ ея былъ конченъ скорѣе; она искала поссориться съ артистомъ за медленность; но какъ обвинять его передъ такимъ произведеніемъ?

Это была г-жа Торé, по лучше и моложе, по такова, какова она была; къ удивленію мужа, она была угадана въ ея прошедшемъ, невиданномъ ее художникомъ. Тотъ объяснялъ ей, какъ онъ видѣлъ ее, такъ сказать, сквозь образъ ея дочери, — какъ,

состаривши немного молодья и прозрачныя черты ея Жюлі, и помолодивши еще прекрасныя черты матери, онъ создалъ эту восхитительную голову, при взглядѣ на которую, г. Торé съ гордостью обнималъ жену, передъ которою Шарль становился на колѣна, и на которую Жюлі засматривалась съ мыслию о ея творцѣ.

Передъ этимъ торжествомъ артиста должно было молчать по-неволѣ. Г-жа Торé казалось неправою всеѣмъ, кромѣ Луи Виллона, который глубоко ненавидѣлъ г. Амаба. Ревность была еще пронизательнѣе пѣжности матери. Иногда оба они съ печалію взглядывали другъ на друга, понимали другъ друга по пришли-бы въ большое затрудненіе, если-бы хотѣли объясниться; оба не хотѣли-бы обвинить Жюлі, а Викторъ оставался безъ упрёка.

Но г-жа Торé еще надѣялась на раздражительность любви; невозможно, говорила она себѣ, чтобы Жюлі не оскорбилась наконецъ тою равнодушною учтивостію, которая слѣдовала у Виктора за удовлетвореннымъ любопытствомъ артиста. Она не старалась болѣе удалить свою дочь, она давала ей сколько угодно слушать молодаго человѣка, когда онъ разсказывалъ свои планы будущаго; одно могущество и слава были цѣлю его желаній; никогда мысль о пѣжной, сердечной привязанности не соединялась съ его честолюбивыми планами. Въ жизни, которую Викторъ создавалъ себѣ, онъ едва давалъ какое-нибудь мѣсто наслажденію. То, что люди называютъ свѣтомъ, было для него только ареною, на которой онъ хотѣлъ торжествовать. Этого свѣта онъ искалъ вездѣ, въ семействѣ, въ салонахъ, въ театрѣ, — но нигдѣ онъ не просилъ у него ничего, кромѣ рукоплесканій и власти; счастье являлось для него только на заднемъ планѣ.

Къ-несчастью, г-жа Торé не могла довольно убѣдиться въ томъ, что мнѣнія и дѣйствія людей имѣютъ совершенно различный видъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія. Она смотрѣла на Виктора съ точки сомнѣнія и разсудка, — Жюлі напротивъ съ точки любви и вѣрованія.

И между-тѣмъ г-жа Торé была-бы, можетъ-быть, окончательно права, если-бы одинъ случай, который мы должны разсказать, не обманулъ молодую дѣвушку на счетъ этой холодности, которую она наконецъ замѣтила. Мать Жюлі не только не боялась допускать ее къ присутствію при ея сеансахъ; но даже нарочно оставляла ихъ два или три раза, однихъ, подъ предлогомъ

домашнихъ дѣлъ. Въ первый разъ она слушала; разговоръ продолжался, если былъ начинаемъ, — молчаніе тоже. Викторъ думалъ только о своемъ полотнѣ и кистяхъ. Г-жа Торé замѣтила въ Жюлі досаду и хотѣла предоставить этому чувству полное развитіе.

Въ одинъ день, — это было наканунѣ окончанія портрета, — г-жа Торé вышла, Жюлі осталась одна съ Викторомъ; она украдкою смотрѣла на него, когда онъ оставался погруженнымъ въ созерцаніе своего произведенія. Въ эту минуту сердце Жюлі было полно горести; она наконецъ поняла свою любовь и равнодушіе Виктора. Мало-по-малу она дала овладѣть собою тому отчаянію, которое поражаетъ вмѣстѣ и сердце и тѣло; работа, которую она держала, выпала изъ ея рукъ, такъ, что она сама этого не замѣтила; она подняла глаза къ небу; въ чувствѣ страданія она потеряла всякое другое чувство, и слеза выкатилась изъ ея глазъ. Въ эту минуту Викторъ взглянулъ на нее, остался неподвиженъ, и какъ-бы пораженный неожиданнымъ вдохновеніемъ, прошепталъ:

— О! я долженъ былъ бросить мою кисть.

Эти слова пробудили Жюлі и она вздрогнула.

— О! останьтесь такъ, сказалъ ей Викторъ приближаясь, останьтесь такъ, чтобы я могъ васъ видѣть. О! продолжалъ онъ, и глаза его горѣли восторгомъ: если-бъ вы знали — но я не смѣю сказать вамъ этого.

— Чего? спросила Жюлі съ трепетомъ.

— Вы на меня не осердитесь.

— За что-же? Что вы сдѣлали?

— Итакъ — сказалъ Викторъ, смотря на нее взоромъ, который страсть артиста зажгла огнемъ, почти столько-же сильнымъ, какъ огонь любви: — я хотѣлъ дать Святой Дѣвѣ вашу красоту.

— Какъ! сказала Жюлі.

— Да, на память я пытался возсоздать эти чудныя черты, и я думалъ украсить вашу красоту, окруживъ вашу голову ореолою и разсѣявши около васъ ангеловъ, — но я вижу, что былъ только дерзкимъ безумцемъ... Все, что я ни писалъ, дурно, жалко. Только теперь я постигъ васъ; до-сихъ-поръ, я видѣлъ только ваше лицо, — въ эту минуту, я постигъ вашу душу. О благодарю, благодарю васъ! Вы подарили мнѣ дивное произведеніе, — при-

бавилъ онъ, ударивъ себя въ лобъ: оно здѣсь, — я буду вамъ обязанъ моею славою.

Это не была любовь, — это былъ энтузіазмъ, такой молодой, такой пылкой, такой экзальтированный энтузіазмъ, что бѣдное дитя слушало съ жадностью, думая слышать наконецъ тотъ голосъ, о которомъ давно мечтала; пыкая и покорная, она подняла къ небу глаза, опущенныя ею отъ словъ Виктора, и дрожащая, тропутая, дала ему свободно смотрѣть на себя и набрасывать первыя очертанія этой простой позы, этого чудно-оживленнаго лица.. Потомъ она съ живостью схватила работу, въ минуту, когда услышала шаги г-жи Торё и когда Викторъ сказалъ ей тихоцпо :

— Не говорите вашей матушкѣ; она не позволитъ мнѣ унести съ собою это воспоминаніе о васъ.

И онъ быстро спряталъ начатый рисунокъ.

О, какъ была она безпокойна, какъ стыдилась она весь этотъ день! Какое признаніе она сдѣлала? Какъ легко приняла она признаніе, скрытое въ словахъ Виктора (потому-что она вѣрила еще въ признаніе). Какой залогъ любви она позволила ему взять съ собою! Какъ она чувствовала себя виновной и несчастной! О, въ тысячу разъ болѣе была-бы она несчастна, если-бы знала, что Викторъ — эту покорность страдающей души счелъ за простое тщеславіе.

На другой день Викторъ пришелъ поздно: онъ былъ утомленъ... Онъ холодно принялся за работу; но какъ только остался одинъ съ Жюлі, глаза его оживились.

— О! сказалъ онъ ей, я работаю, и надѣюсь, теперь успѣшно.

Жюлі не отвѣчала.

— О! вы были-бы чрезвычайно-добры, продолжалъ онъ: если-бы позволили видѣть васъ снова такую-же, какъ вчера.

— На что вамъ это? сказала Жюлі, кладя шитье.

— На что? отвѣчалъ Викторъ, смотря на нее... но я буду вамъ обязанъ моею славою... моею жизнью... да! я это чувствую.

Она съѣла передъ нимъ и когда шумъ въ сосѣдней комнатѣ перервалъ ихъ, онъ сказалъ ей тихо.

— О! вы были добры для меня! никогда... нѣтъ, никогда я этого не забуду!

Жюлі взглянула на него, и не отдавая сама-себѣ отчета въ своей грусти, сказала тихо:

— Вы не забудете? не правда-ли?

Въ эту минуту, впервые Викторъ спросилъ себя о томъ, какое чувство внушилъ онъ Жюли и понялъ, что онъ любимъ ею.

И этотъ человекъ сказалъ себѣ:

— Эта дѣвушка меня любитъ... къ чему это поведетъ меня подумаемъ.

Въ тотъ-же день онъ окончилъ портретъ г-жи Торé.

У.

САЛОНЪ.

Между тѣмъ Викторъ не возвращался къ г-жѣ Торé, съ того самаго дня, когда онъ окончилъ портретъ; на утро только спрашивалъ онъ у Шарля подробности о семействѣ и внимательно выслушивалъ его рассказы о честной важности отца, о дѣломудренной и снисходительной добродѣтели матери, о чистой, певинной восторженности сестры; потомъ, послѣ всего этого, Викторъ погрузился въ самого себя и сказалъ себѣ.

«Я не воспользуюсь этой любовью, я не внесу раздоръ въ это семейство, — достаточно одного сомнительнаго дѣйствія, чтобы испортить себѣ карьеру: что-же будетъ при дѣйствіи виновномъ?»

Мысль жениться на Жюли представляла ему не надолго; но весь преданный самолюбію и желанію возвышенія, онъ тотчасъ же разсчелъ все препятствія, какія семейство можетъ положить свободному существованію артиста. Амабъ хотѣлъ видѣть Римъ и Флоренцію съ произведеніями ихъ искусства, Африку съ ея пустынями и великолѣпной растительностью; онъ хотѣлъ быть вездѣ, чтобы вездѣ и притомъ свободно изучать искусство и природу. Семейное счастье, прелесть тихаго союза, безопасность обезпеченнаго состоянія, все это представлялось его воображенію, но все это разлетѣлось отъ одного дыханія его честолюбія. Этотъ человекъ не хотѣлъ быть счастливымъ; онъ хотѣлъ быть великимъ: въ этомъ состояло его счастье; потому онъ столь-же скоро оттолкнулъ мысль о союзѣ, какъ и мысль объ обольщеніи.

Принявши это намѣреніе, Викторъ вовсе не думалъ, что зло

зашло уже слишкомъ-далеко. Онъ не вирилъ себя въ прошедшемъ, которому былъ вовсе чуждъ, но обѣщалъ себѣ быть господиномъ будущаго. Въ-самомъ-дѣлѣ, говорилъ онъ себѣ, чего могутъ отъ меня требовать самая-благоразумная мать и самый-положительный отецъ?.. Не того-ли только, чтобы не искать видѣть ихъ дочери, не давать ей ничѣмъ замѣтить, что я ей занимаюсь; это я и сдѣлаю.

Но Амабъ уже не былъ господиномъ своихъ желаній; тысяча голосовъ ежедневно приводило имя его на память Жюлі, и самъ онъ долженъ былъ скоро заговорить громче всѣхъ властительнымъ языкомъ искусства, который такъ сильно экзальтируетъ воображеніе. Дѣйствительно, едва открылся салонъ выставки, уже говорили о многихъ его портретахъ, но въ особенности и всего болѣе о превосходной Богоматери.

Г-жа Торé вспомнила, что сказалъ ей Амабъ въ первый разъ, когда пришелъ къ ней, и предчувствовала истину. Но г-жа Торé приняла рѣшимость ничего не знать. Между-тѣмъ, Жюлі каждый день становилась печальнѣе, задумчивѣе; она хотѣла сдѣлать надъ собою усиліе и предаться обыкновеннымъ и прежде любимымъ ею занятіямъ ея уединенной жизни: Жюлі страдала, но молчала. Безъ сомнѣнія, при первомъ вопросѣ матери, при первомъ словѣ, произнесенномъ съ материнскою пѣжностью, Жюлі сказала-бы все, призналась-бы во-всемъ. Но къ чему было-бы это слово? Какое утѣшеніе могла-бы сказать г-жа Торé своей дочери? Жюлі не-была любима. Можно утѣшить въ изчезнувшемъ счастьи, но нельзя утѣшить въ прерваномъ снѣ. Сердце вѣрить упорно, что сонъ этотъ осуществился-бы, если-бъ отъ него не разбудили.

Каждый день Шарль уговаривалъ мать отправиться на выставку; она или отказывалась, или откладывала, и каждый день горестъ Жюлі становилась все глубже и глубже. Наконецъ г. Торé захотѣлъ взглянуть на себя публично въ своемъ изображеніи: должно было уступить.

Г-жа Торé отправилась въ салонъ съ живымъ неудовольствіемъ: настойчивость Шарля подтверждала только ея подозрѣнія. Показавши имъ все, онъ подвелъ ихъ къ картинѣ своего учителя. Г. Торé остановился съ крикомъ изумленія, который обратилъ на него взгляды любопытныхъ. Г-жа Торé осталась неподвижною, сказавши:

— Это очень-хорошо.

Она не обманулась.

Что касается до Жюли, то она должна была опереться на руку матери, которая взглянула на нее съ безпокойствомъ; лицо Жюли было покрыто смертною блѣдностью.

— Ты больна? — съ живостію сказала ей мать, стараясь увлечь ее.

— Нѣтъ, отвѣчала Жюли, тихо сопротивляясь: меня что-то душить.

Счастіе сдавило ей сердце.

Г. Торé прошелъ черезъ толпу, съ восхищенія.

— Ахъ, да какъ это... Посмотри жена.. Жюли...

— Неправда-ли, что это чудесно? спросилъ одинъ изъ сосѣдей.

— Удивительно, отвѣчалъ другой.

И кто-то прибавилъ:

— Амаба отворилъ двери рая и тамъ увидѣлъ эту дивную красоту.

И третій вскричалъ:

— Гдѣ онъ нашелъ такую голову?

А голова эта была подлѣ нихъ, блѣдная, опустившая глаза, смущенная, вся полная безконечной радости, безпредѣльных надеждъ. Она слышала слова любви Виктора, въ тысячи этихъ энтузіастическихъ голосовъ вокругъ себя; не ея-ли образъ привлекалъ къ себѣ толпу и заставлялъ говорить эту тысячу голосовъ? Жюли была такъ смущена, что съ живостію увлекла свою мать, какъ-будто-бы услышала голосъ Амаба.

Г. Торé искалъ ихъ и принужденъ былъ оставить толпу, чтобы къ нимъ присоединиться.

— Какъ! ты не замѣтила картины г. Амаба? вскричалъ онъ.

— Она прекрасна, сказала г-жа Торé.

— Не въ томъ дѣло... Ты не замѣтила другаго, продолжалъ г. Торé, задыхаясь отъ радости.

— Ничего, отвѣчала жена, показывая видъ, что смотритъ на другую картину.

— Какъ! ты не замѣтила сходства?

— Съ кѣмъ?

— Съ твоею дочерью, моя милая... съ нашею дочерью, мадамъ

Торé, съ моею дочерью, прибавилъ онъ, приподнимая голову Жюли.

— Да, есть немного сходства съ Жюли, это правда.

— Совершенно она.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала г-жа Торé, силась засмѣяться: это не Жюли.. Жюли не плачетъ...

Бѣдное дитя едва удерживало слезы. Увы! быть-можетъ, она обманулась, можетъ-быть, не ее хотѣлъ изобразить Викторъ: мать не узнавала ее.

Викторъ узналъ все это, или, по-крайней-мѣрѣ, все, что только могъ понять Шарль, т. е. радость отца, удивленіе и смущеніе Жюли, молчаніе матери — и все это объяснилъ себѣ. Но все эти свѣдѣнія не измѣнили нисколько его намѣреній, и онъ не хотѣлъ болѣе видѣть Жюли; какъ онъ сказалъ уже самъ-себѣ, любовь помѣшала-бы ему. И не-смотря на это намѣреніе, любовь все-таки его беспокоила, ибо оставила въ сердцѣ его сожалѣніе. Амабъ не пожертвовалъ ей честолюбіемъ, но честолюбіе его стало възыскательнѣе, чѣмъ прежде.

VI

МАСТЕРСКАЯ.

На другой день былъ праздникъ въ мастерской Виктора Амаба; весело окончивался великолѣпный завтракъ. Музей былъ открытъ около восьми дней, и толпа не переставала окружать картину Богоматери. Это была только простая фигура, но фигура эта была превосходное созданіе живописи и поэзи. Артисты удивлялись краскамъ, рисунку, модели, драпри; толпа — выраженію, красотѣ, граціи. Въ этой фигурѣ была святая и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то грустная радость; божественное упованіе сіяло въ ней сквозь слезы; Марія чувствовала напередъ, казалось, все величіе и всю горестъ своего назначенія, и была ему покорна. Какъ объяснить это? Мы не знаемъ; перо имѣетъ непереводамыя тайны, — кисть также имѣетъ свои таинства, недоступныя для пера.

Это было утромъ. Ученики Виктора, среди которыхъ Шарль былъ болѣе всѣхъ энтузіастомъ, нѣсколько друзей, которыхъ успѣхъ не удаляетъ — разсказывали о крикахъ и удивленіи толпы. Одинъ приводилъ слова аристократа, другой оцѣнку знатока, третій наивное восклицаніе ребенка, четвертый грубый энтузіазмъ работника или сентенцію какого-нибудь буржуа; у каждаго былъ на устахъ свой анекдотъ, своя похвала, и каждый повторялъ Амабу, что онъ наконецъ побѣдилъ всѣхъ своихъ молодыхъ соперниковъ, и что скоро онъ вступитъ въ состязаніе съ великими мастерами.

— А онъ? о! это былъ человѣкъ слишкомъ-сильный, ибо онъ хорошо принималъ эти похвалы; принималъ ихъ безъ ложной скромности, безъ упоенія. Правда, была одна тѣнь на его триумфѣ; одинъ безталантный живописецъ сказалъ при взглядѣ на его картину:

— Конечно, это прекрасно; но это только одна фигура.

Это слово, это страшное слово звучало безпрестанно въ ушахъ триумфатора, какъ свистокъ среди рукоплесканій — а ненасытная гордость Виктора была оскорблена тѣмъ болѣе, что онъ говорилъ себѣ:

— Ахъ! этотъ человѣкъ правъ; это только фигура; онъ сказалъ это и это будетъ говоритья, — зависть дастъ вѣру этому суду: надобно ждать, пока толпа назоветъ меня великимъ живописцемъ; ну, я возьму холстъ въ двадцать аршинъ и нарисую сто тысячъ фигуръ, какъ Декампъ, или нѣсколько, какъ Деларошъ, и они назовутъ меня великимъ живописцемъ. Я хочу этого.

И среди своего триумфа, неполнаго только для него самого, Амабъ думалъ уже о картинѣ, которая должна была отметить за это одно слово.

Между-тѣмъ, среди разнаго рода разговоровъ въ мастерской живописца, Виктора спрашивали, вышло-ли это удивительное созданіе прямо изъ его головы, или далъ онъ жизнь и безсмертіе какой-нибудь живущей красотѣ.

На это Викторъ отвѣчалъ съ тонкою улыбкою:

— Это моя тайна.

Это было также и тайною Шарля; но учитель требовалъ отъ ученика скромности, и ученикъ былъ одинъ изъ тѣхъ, для которыхъ учитель нѣчто въ родѣ божества... жрецъ и апостолъ ихъ религій.

Не было конца поздравленіямъ и разсказамъ разнаго рода о

славѣ молодаго великаго человѣка, какъ вдругъ ему подали пакетъ писемъ. Большая часть была съ поздравленіями; онъ читалъ ихъ быстро, передавая нѣкоторыя присутствующимъ, — потомъ ему попалось одно, которое живо его поразило.

Въ конвертѣ ничего не было; онъ хотѣлъ было его бросить, думая, что это одна изъ тѣхъ пошлыхъ мистификацій, которыя приходятъ въ голову глупцамъ, когда вдругъ, въ складкахъ конверта увидѣлъ цвѣтокъ, который значилъ, вѣроятно: «не забудьте меня». Кому обѣщалъ онъ это воспоминаніе? Ему пришло въ голову то, что онъ сказалъ Жюлі; отсутствіе его, стало-быть, ее не разочаровало. Онъ сдѣлался грустенъ, потомъ печаленъ; онъ разорвалъ конвертъ и спряталъ цвѣтокъ въ карманъ. Бѣдная Жюли! Да, дѣйствительно, любовь эта мѣшала ему; онъ былъ раздосадованъ, и досада въ эту минуту заставила его сдѣлать то, что при другихъ обстоятельствахъ показалось-бы ему, по-крайней-мѣрѣ, пошлою шуткою, если даже не дурнымъ поступкомъ.

Викторъ открылъ послѣднее письмо, сначала прочелъ его и потомъ, посмотрѣвши на подпись и почеркъ, еще разъ пробѣжалъ и вскричалъ, перерывая одного изъ тѣхъ говоруновъ, которые вѣчно присутствуютъ въ мастерской художника и изъ-за нѣсколькихъ рисунковъ, кричатъ неумоимо:

— Ты человѣкъ съ талантомъ... это восхитительно... А, В, С, D и проч. ни гроша противъ тебя не стоять.

Викторъ перервалъ паразита, вскричавши:

— Я успѣлъ, господа, больше, нежели вы думаете, и вотъ мнѣ назначаютъ свиданіе особеннаго рода.

Всѣ съ любопытствомъ столпились около Виктора, который прочелъ слѣдующую записку:

«М. Г.

«Женщина, которой ея метрическое свидѣтельство говоритъ, что она молода, которой тысяча людей говорятъ, что она прекрасна, которой ея собственное сердце говоритъ, что она не-«глупа — эта женщина желаетъ видѣть творца плачущей Бого-«матери. Если вы не боитесь новыхъ удивленій, то васъ про-«сятъ пожаловать сегодня вечеромъ въ десять часовъ, въ улицу «Жуберъ»...»

Викторъ остановился: письмо было подписано именемъ Леона де Камбюръ.

— Нумеръ? кричали со всѣхъ сторонъ.

— Довольно съ васъ, сказалъ Амабъ: но надобно признаться, что есть странныя женщины въ улицѣ Жуберъ.

— Ты пойдешь? спросили его.

— Нѣтъ, разумѣется; это удовольствие, я уступаю кому угодно.

— Мнѣ, мнѣ! закричало десять голосовъ.

Изъ этихъ голосовъ, самый громкій и пылкій былъ голосъ Шарля; передъ нимъ отступили все прочіе; Шарль былъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ, и на языкѣ живописцевъ о немъ говорилось, что онъ въ состояніи заставить сидѣть самого Талейрана: такъ обладалъ онъ хладнокровіемъ при выполненіи шутокъ.

Викторъ презрительно бросилъ ему письмо, совѣтуя ему быть благоразумнымъ.

— Хорошо, сказалъ Шарль: совѣтъ я считаю вовсе бесполезнымъ, — это, должно-быть, какой-нибудь устарѣлый синій чулокъ, или германская баронесса. Все равно, постараемся позабавиться.

Черезъ минуту потомъ, Викторъ ушелъ въ комнату, примыкавшую къ мастерской, и глядя задумчиво на мюзотисъ — на этотъ символъ цѣломудренной и страстной любви, говорилъ себѣ, съ печалію человѣка, находящагося въ затруднительномъ положеніи:

— Это досадно.

Это было искреннее его чувство; потомъ онъ сталъ думать и погрузился въ размышленія. Любовь-ли пробуждалась въ немъ, чувствовалъ-ли онъ наконецъ въ сердцѣ пробужденіе потребности жить въ другомъ существѣ, — или преслѣдовалъ онъ только явившуюся ему мысль? вздумалось-ли ему, что упорная любовь Жюлі можетъ болѣе, чѣмъ казалось ему, содѣйствовать его славы и счастью? Какъ-бы то-ни было, Викторъ, возвратясь къ друзьямъ, былъ разсѣянъ и почти мраченъ. Вечеромъ, онъ отправился къ г-жѣ Торé, и узнавши, что все семейство въ спектаклѣ, оставилъ свою карточку и сказалъ себѣ:

— Разумѣется, это лучше.

VI.

СЛАВНОЕ ПОРУЧЕНІЕ.

На другой день, Шарль въ той-же самой мастерской рассказывалъ о своемъ визитѣ въ улицу Жуберъ. Если вѣрить его

словамъ, тамъ были бархатныя обои, Обюсюновскіе ковры, Мартеповская мебель, золотыя лампы, бездна цвѣтовъ, венеціанскія стекла, благоуханія, и посреди всѣхъ этихъ очарованій — женщина удивительной красоты, съ яркими черными глазами, смѣлая, энтузіастическая, полная страсти, краснорѣчія и слабости.

Шарль слылъ всегда такимъ сказочникомъ, что надъ нимъ всѣ смѣялись. Викторъ, стоя передъ картономъ, на которомъ онъ, съ избыткомъ генія, набрасывалъ эскизъ большой картины, перевалъ вдругъ разсказъ своего ученика и сказалъ ему:

— Чтѣ же вамъ сказала эта гордая женщина, когда вы ей признались, что вы не я.

— Я, разумѣется, ей этого не сказалъ, потому что въ такомъ случаѣ, она велѣла-бы лакеямъ вытолкать меня за дверь.

— Какъ? вы сказали ей, что вы...

— Что я — Викторъ Амабъ, — потому-то, я и былъ принять и еще какъ принять!

— Ну! это понятно! вскричали со всѣхъ сторонъ.

Виктору была непріятна эта шутка, которой онъ сначала не придалъ большой важности, но мысль, что его имя производитъ такой живой энтузіазмъ, остановила на устахъ его слово досады и онъ сказалъ только:

— Надѣюсь, Шарль, что вы меня не компрометировали.

— Чтѣ вы подъ этимъ разумѣете? сказалъ Шарль со смѣхомъ... успокойтесь, о вашей славѣ я забочусь больше, чѣмъ вы сами, и я доказалъ красавицѣ, что вы достойны всякихъ вѣнцовъ.

Крикъ совершеннаго певѣрія возсталъ на Шарля, который принялъ его съ презрительнымъ равнодушіемъ чловѣка, увѣреннаго въ побѣдѣ.

— Господа, сказалъ онъ, наконецъ: я назначилъ этому божеству свиданіе здѣсь, въ моей мастерской, то-есть, въ знаменитой мастерской Виктора Амаба; она придетъ сюда, и если я солгалъ хотя въ одной ютѣ, я объявляю себя недостойнымъ вступать въ ваше собраніе... Я даже изобрѣлъ очень-хорошую шутку.

— Посмотримъ, вскричали молодые люди.

— Знайте только, что я вовсе не хочу въ нее вмѣшиваться, сказалъ Викторъ.

— И не будете... Будьте только сами-собою... Придутъ и будутъ спрашивать г. Амаба, и вы отвѣтите очень-просто: это я.

Викторъ сначала противился, но просьбы учениковъ съ одной

стороны и съ другой требованіе Шарлемъ награды за его скромность въ отношеніи къ знаменитой картинѣ, скромность, о которой Шарль напомнилъ ему, сказавши: «я былъ добрымъ малымъ — теперь ваша очередь», — наконецъ, недостатокъ зрѣлаго размышленія или, лучше сказать, рокъ, который заставляетъ людей говорить и дѣлать вещи, по видимому, вовсе незначительныя и между-тѣмъ имѣющія вліяніе на цѣлую жизнь; все это, говоримъ мы, заставило Виктора участвовать въ шуткѣ Шарля. Хотѣли знать его планъ, но онъ отказался сказать его. Скоро потомъ карета остановилась у воротъ дома, и Шарль, взглянувши въ окошко, сказалъ.

— Молчите! это она.

Потомъ онъ спрятался за огромный занавѣсъ, назначенный для туалета моделей.

Амабъ ушелъ въ залу.

Тихо постучали въ дверь, — одинъ изъ учениковъ отворилъ и остался какъ-бы пораженный, увидавши женщину подъ вуалемъ, съ чудеснымъ станомъ, одѣтую съ тою роскошью, которую только вкусъ умѣетъ сдѣлать петяголою.

— Г. Викторъ Амабъ! сказала она твердымъ и звучнымъ голосомъ, когда вся мастерская оставалась пѣмою отъ изумленія и ожиданія.

Ученикъ указалъ ей на залу; дама прошла въ нее.

Амабъ оборотился, когда она поднимала вуаль, такъ что они стояли лицомъ къ лицу, она спиною къ ученикамъ, онъ передъ нею, удивляясь ея чудеснымъ чертамъ.

— Г. Амабъ! начала она.

— Я, сударыня, сказалъ Викторъ дрожащимъ голосомъ, потерявшись передъ этой женщиной.

При этомъ отвѣтъ, Леона — ибо это была она — устремила свои блестящія глаза на Виктора и сказала:

— Вы, сударь?

— Я самъ.

Леона опустила вуаль, оборотилась и быстрымъ взглядомъ окинула мастерскую; силы, казалось, ее оставили, — она закачалась.

— Стулъ! вскричалъ съ живостью Викторъ, начиная жестоко сожалѣть о позволенной имъ шуткѣ.

Въ эту минуту изъ за занавѣса вышелъ Шарль со стуломъ. Онъ надѣлъ ливрейный жилетъ, держалъ въ рукѣ щетку и во-

обще имѣлъ видъ слуги. Онъ подалъ Леонѣ стулъ и какъ-бы изумленный ея явленіемъ, вскричалъ и выронилъ щетку.

Леона его замѣтила и отступила назадъ.

Викторъ, удивленный маскарадомъ Шарля, сказалъ ему повелительно:

— Чтѣ это значитъ, Шарль?

— Увы! сударь! отвѣчалъ молодой человѣкъ, со всею жестокостью фарсера, который убиваетъ за одну минуту смѣха: они *изволили* писать къ вамъ, *изволили* назначить вамъ свиданіе, и я имѣлъ несчастіе.. я хотѣлъ сказать счастье...

— Чтѣ это за человѣкъ? спросила Леона, показывая на Шарля дрожащею рукою.

— Ахъ! отвѣчалъ Шарль слезливымъ тономъ: я камердинеръ г. Амаба.

— Это г. Торѣ, сказалъ Викторъ съ гнѣвомъ: одинъ изъ моихъ учениковъ, сударыня.

Леона встала, подошла къ Амабу и сказала ему тихо, съ жестокимъ выраженіемъ:

— Одинъ изъ вашихъ учениковъ, которому вы дали письмо, писанное къ вамъ одной сумасшедшей..

Амабъ хотѣлъ отвѣчать... Леона подняла вуаль, посмотрѣла на ученика и учителя, потомъ, послѣ минуты молчанія, удалилась, сказавши имъ:

— До свиданія, господа.

Фарсъ былъ сыгранъ, но съ печальнымъ успѣхомъ. Викторъ былъ въ высшей степени недоволенъ и боялся; чтѣ касается до Шарля, онъ не понималъ еще всей страшной серьезности подобной встрѣчи, — но онъ не произвелъ смѣха, и въ мрачномъ молчаніи зрителей, видѣлъ паденіе своего фарса.

— Э! вскричалъ онъ, какъ только Леона отправилась: какая гордая!

Мы рассказали эту сцену во всей ея грубости, во-первыхъ потому, что она такъ случилась, — а во-вторыхъ потому, что ей одной объясняются, можетъ-быть, чувства и тѣ дѣйствія, которыя она внушила женщинѣ, бывшей ея жертвою. Замѣтимъ притомъ, что мы не изобрѣли ничего, ни происшествій, ни характеровъ лицъ. Эта исторія — и портреты сняты съ натуры.

Да позволятъ намъ нѣсколько размышленій по этому поводу.

VII.

РАЗМЫШЛЕНИЕ.

Разсказанное нами приключеніе покажется, можетъ-быть, невѣроятнымъ нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей; многіе изъ нихъ, принимая за нѣчто возможное энтузіазмъ Леоны, презрѣніе Виктора, не допустятъ безстыдства Шарля; они не повѣрятъ, чтобы молодой человѣкъ простеръ низость до-того, чтобы выставить на показъ цѣлой толпѣ товарищей обманутую имъ женщину: они скажутъ, что за недостаткомъ чести, должно-бы остановить его хотя тщеславіе. Но наши читатели обманутся: людей такихъ, какъ Шарль, слишкомъ-много.

Это — прекрасные молодые люди, которые начинаютъ свое поприще славою весельчаковъ, и о которыхъ говорятъ, когда увидятъ ихъ: «а! вотъ Шарль, — онъ заставитъ насъ смѣяться.» Они добровольно принимаютъ на себя роль шутовъ, и выполняютъ эту роль со всеусердіемъ. Мало по-малу, они привыкаютъ къ успѣху и успѣхъ становится для нихъ потребностью; если его нѣтъ, они его добиваются съ утратою даже достоинства, жертвуютъ ему личностью, иногда даже дружбою, и позднѣе — если этотъ успѣхъ становится труднымъ — нѣжнѣйшими привязанностями. Иногда, наконецъ, приносятъ они въ жертву этому успѣху уваженіе свѣта и чувство чести.

Такъ дѣлалъ Шарль, и если-бъ было нужно, мы назвали-бы поименно знаменитые образцы, по которымъ онъ создавалъ себя. Эта роса салонныхъ паясовъ расплодилась въ особенности во время директоріи; тогда ихъ прозвали мистификаторами. Нынче ихъ называютъ благодѣями.

Женщина, которая могла сдѣлать-то, что сдѣлала Леона — тоже одно изъ странныхъ порожденій нашей эпохи. Надобно, къ сожалѣнію, признаться, что наше бытіе страдаетъ апатіей. Женщинамъ въ особенности надо употреблять для борьбы свои силы, женщинамъ которыхъ наши законы и права лишили серьезныхъ занятій.

Не говоримъ о прекрасныхъ временахъ рыцарства, не потому впрочемъ, чтобы мы слишкомъ уважали эти глупые турниры, на которыхъ женщины, объявлялись царицами красоты — препровожденіе времени слишкомъ-бѣдное, если-бъ къ этому не присоединялась мысль объ удовольствіи видѣть себя взятыми приступомъ въ старомъ замкѣ, гдѣ они припуждены были оставаться съ мужьями.

Это время имѣло для женщинъ наслажденія другого рода. Тогда ихъ обручали въ колыбели, тогда на нихъ женились и разводились съ ними по произволу, ихъ убивали и за нихъ мстили; онѣ, наконецъ, были причиною войнъ и союзовъ. Это было славное время: онѣ были удивительно-несчастливы.

Не напоминаемъ даже время Лиги и Фронды; тогда онѣ заставляли братьевъ сражаться между собою, — тогда для ихъ удовольствія другъ убивалъ друга; тогда отравляли жену, чтобы когда-нибудь имѣть удовольствіе быть отравленнымъ любовницею. Это было славное время: онѣ царствовали.

Позднѣе онѣ ввязались въ политическія дѣла: это также было славное время—онѣ интриговали. Наконецъ, была для нихъ Революція, когда онѣ учили мужчинъ умирать: это было благородное время — онѣ были мученицами.

Во всѣ эти эпохи онѣ жили; но нынче, чѣмъ вы прикажете имъ заниматься? Нѣтъ больше пропшествій, нѣтъ личностей.

Какую страсть можетъ возжечь, хоть на-примѣръ депутатъ, занятый таможеннымъ тарифомъ? Какой восторгъ можетъ возбудить ораторъ, осипшій отъ двухъ-часоваго крика о какихъ-нибудь 1,500 франкахъ? Гдѣ теперь великіе героизмы, спасающіе отечество? Гдѣ эти страшные люди, которые держали-бы судьбу его въ своихъ рукахъ? Гдѣ ступени отъ Капитолія къ эшафоту? Нѣтъ болѣе ничего великаго ни въ преданностяхъ, ни въ неавистяхъ, ни въ мщеніяхъ.

Потому, посмотрите вы, какъ женщины приходятъ въ восторгъ отъ смѣлыхъ скандаловъ, отъ героическихъ злодѣйствъ въ ассизныхъ судахъ. Для нихъ это оазисы въ пустынѣ. Деревья, правда, очень-неуклюжи, вода мутна и полна всякой гадины; но душно-ли, хорошо-ли тамъ, утоляется жажда, — и наконецъ, это все-таки что-нибудь, а не одно и то-же.

Скажутъ, можетъ-быть, что это глупо. Э! господа, честные

люди, попробуйте вступитъ въ соперничество съ мошенниками;— женщины того только и хотѣли-бы, чтобы придти въ энтузіазмъ отъ вашего героизма, потому что только скука, въ которой вы ихъ оставляете, причина успѣха этихъ несчастныхъ. Она также причина успѣха нѣкоторыхъ людей, которые, хотя въ искусствѣ, цѣлою головою выше тысячи посредственностей, говорящихъ, пишущихъ, рисующихъ, — они, по крайней-мѣрѣ, имѣютъ сами въ себѣ какое-нибудь достоинство: они часто борются, иногда съ бѣдностью, всегда съ завистью.

И когда я говорю о зависти, я разумѣю не цеховую зависть; я говорю о публичной зависти, о той, какую чувствуетъ купецъ, богатъ, столоначальникъ, ко всякой славѣ, какова-бы она ни была. Слишкомъ-часто повторяемое имя беспокоитъ тщеславную ничтожность: нѣтъ глупости, которой-бы они не выдумали и не сказали для очерненія этого имени, которое не отъ ихъ *мірка*: хула ихъ идетъ обыкновенно вотъ какимъ путемъ — мелкимъ, подлымъ:

«Я не живописецъ, или не скульпторъ, или не писатель, меня нельзя винить въ зависти, — но я нахожу, что NN» (здѣсь слѣдуетъ обыкновенно пошлая глупость).

И этими людьми, безпрестанно чернимыми толпою, женщины занимаются, за ихъ созданія, заставляющія мечтать и думать. Если жизнь мечтающей женщины цѣломудренна и уединенна, это занятіе останавливается на созданіи и на тайномъ любопытствѣ увидѣть создателя; если-же, напротивъ, какъ у Леоны, узы стыдливости давно уже разорваны, если умъ, вмѣсто-того, чтобы удерживать чувства въ границахъ, привыкъ раздвигать ихъ — если этой женщиной нечего болѣе терять въ общественномъ мнѣніи, если, напротивъ, она безпутствомъ хочетъ стяжать себѣ славу, — эта женщина сдѣлаетъ все то, что сдѣлала Леона. Подобныя попытки вообще не рѣдкость, но рѣдкость такого рода происшествіе. Для него нужно было соединеніе такихъ личностей, какъ холодный Амабъ и наглый Шарль Торé. Изъ этой встрѣчи произстекли всѣ происшествія нашей исторіи.

VIII.

ПЕРЕПИСКА.

На другой день послѣ этой непристойной сцены, Викторъ думалъ въ своей комнатѣ о скандальности происшествія съ Леоною и о чистотѣ посылки Жюлі. Тщеславіе его утѣшалось этимъ двойнымъ торжествомъ. Съ одной стороны эта милая дѣвушка, чистая и скромная, съ другой эта женщина, прекрасная, гордая, смѣлая — обѣ предававшіяся ему. Его гордость улыбалась. Дѣйствительно, ему стоило только захотѣть и выбрать любую, и одна сдѣлалась-бы подругою его жизни, или другая стала-бы блистательною любовницею, въ которой позавидовали-бы ему богатые, знатные, талантливые. Но эту онъ отвергъ самъ — и потому-ли, что мысль видѣть эту женщину навсегда для него потерянною, раздражала слишкомъ его самовластную натуру, или этотъ человѣкъ съ ледянымъ сердцемъ имѣлъ нужду въ чѣмъ-нибудь подстрекающемъ, чтобы вырваться изъ вѣчнаго созерцанія самаго-себя и своего будущаго, — онъ жалѣлъ, что Леоны для него потеряна.

Жюлі очаровала его, это такъ, — но не получила-ли онъ здѣсь все, чего желалъ. Въ душѣ этого страннаго человѣка, Жюлі была уже чѣмъ-то въ родѣ наскучившей любовницы, когда Леоны была нужна ему для картины, развернувшейся передъ его воображеніемъ.

Мы не думаемъ объяснять Виктора Амаба; мы знали его такимъ, какъ о немъ рассказываемъ. Натура создала его, такъ сказать, изъ одного металла, — примѣсь была въ немъ нечувствительна: такіе люди рѣдко встрѣчаются въ искусствахъ, но чаще въ политикѣ.

Амабъ доискивался средствъ возвратить Леоны, и говорилъ себѣ, что это невозможно, какъ слуга г. Торѣ вошелъ и подаль ему письмо отъ своей госпожи. Письмо было слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь!

«Я не знаю цѣны произведеніямъ искусства; если-бы платилъ за нихъ по славѣ ихъ, я никогда не могла-бы достаточно бла-

«Годарить васъ за мой портретъ и за портретъ моего мужа, — но я знаю, кажется, что вы цѣните слишкомъ не дорого время, употребляемое вами на ваши произведенія, и эту цѣну я вамъ посылаю. Если я обманулась, мнѣ будетъ стыдно, — но я всегда готова исправить ошибку, которая, во всякомъ случаѣ, происходитъ только отъ невѣдѣнія. Имѣя честь и т. д.»

— Г. Виллонъ — сказалъ слуга — приказалъ мнѣ подождать отвѣта.

Викторъ пожалъ плечами и принялся писать. Вотъ его отвѣтъ:
«Сударыня!

«Я думалъ, что Шарль объяснилъ вамъ, что я не хотѣлъ плати ни за вашъ портретъ, ни за портретъ вашего мужа. Шарль — больше, чѣмъ ученикъ мой; онъ — мой другъ, и между артистами существуетъ братство, недопускающее торговли. Позвольте мнѣ сказать, сударыня, — что вы испортили для меня счастье сдѣлать что-нибудь для родителей моего друга. Но если вы думаете, что всякій трудъ долженъ быть вознагражденъ, я вознагражденъ слишкомъ. Не въ вашемъ-ли домѣ, не подлѣ-ли васъ нашель я идеальную модель Святой-Дѣвы, которая меня теперь прославила? Думаете-ли вы, что я дорого заплатилъ за свою славу, прося васъ сохранить эти два ничего нестоющихъ портрета? И теперь сударыня, если вы сочтете монъ выгоды — то найдете, что я вамъ остаюсь долженъ. Позвольте-же мнѣ возратить эти деньги: мнѣ стыдно принять ихъ, и вы будете слишкомъ жестоки, если снова пришлете ихъ! Имѣю честь и т. д.»

— Это расписка? спросилъ слуга, находя письмо слишкомъ длиннымъ.

— Не нужно расписки! — сказалъ Викторъ, кладя банковые билеты въ письмо, — ты возвратишь все это г-жѣ Торé.

Потомъ, когда слуга ушелъ, Викторъ сказалъ себѣ: «Шарль узнаетъ это: онъ измѣнитъ своей болтовнѣ, если не разнесетъ по городу, что я отказался отъ платы за портреты; это дастъ мнѣ вѣсъ. Правда, что это стоить мнѣ двѣ тысячи франковъ».

Викторъ съ презрѣніемъ оттолкнулъ эту мысль. Этотъ человекъ искалъ впрочемъ богатства, — но денегъ онъ не любилъ. Онъ хотѣлъ быть богатымъ, безконечно-богатымъ, потому что богатство въ нашъ вѣкъ есть представитель силы и таланта; но богатства было недостаточно для удовлетворенія всѣхъ его желаній. Амабъ ни въ чемъ не нуждался. Притомъ-же ему нужны

были огромные размѣры. Что, въ-самомъ-дѣлѣ, были для него эти двѣ тысячи франковъ, для него, который вскорѣ надѣялся назначить за свои созданія цѣны, доступныя только царямъ и миллионерамъ?

Викторъ любовался въ будущемъ слѣдствіями этого отказа, которому надѣялся дать оборотъ, могущій окружить его поэтической ореолою, когда къ нему вошли снова. Ливрейный лакей подалъ ему письмо, въ конвертѣ котораго заключалась только маленькая бумажка, съ слѣдующими словами:

«Г. Викторъ Амаба покорнѣйше просить передать подателю «этого письма имя и адресъ особы, которой онъ уступилъ свое «мѣсто за нѣсколько дней до сего».

— Отъ кого вы? — спросилъ Викторъ съ досадою.

— Отъ г-жи де-Камбюръ.

— Которая живетъ въ улицѣ Жуберъ...

— Да, сударь.

— Вотъ адресъ, сказала Амабъ.

Слуга удалился, Викторъ сдѣлался задумчивъ... и потомъ недоволенъ.

— Шарль — сказалъ онъ себѣ — хорошъ, веселъ, молодъ, и весь энтузіазмъ этой женщины обратился на того, кто былъ довольно-дерзокъ, чтобъ воспользоваться ея ошибкою — Ну, объ этомъ нечего и думать.

Но это былъ день писемъ. Черезъ десять минутъ по выходѣ слуги, явился коммисіонеръ, съ письмомъ, написаннымъ обыкновеннымъ почеркомъ публичныхъ писцовъ. Викторъ съ перваго разу подумалъ, что письмо это — безымянное; дѣйствительно, подписи не было, но отъ Викторъ зависѣло узнать имя писавшаго. Вотъ его содержаніе: «Съ вами желаютъ видѣться завтра «въ полдень на Бурдонскомъ-бульварѣ: потрудитесь придти съ «оружіемъ и свидѣтелями. Узнать особу, ожидающую васъ, будетъ «вамъ очень-нетрудно, если вы только не боитесь. Въ этомъ «последнемъ случаѣ, васъ просить покорнѣйше не посылать за «себя никого другаго. Считаютъ за нужное объявить вамъ, что «если вы не придете на это свиданіе, то подвергнетесь непри- «ятностямъ, которыя вѣчно заставятъ васъ раскаиваться въ двой- «ной подлости и трусости».

Викторъ былъ выше обвиненія въ трусости, и доказалъ это; но между-тѣмъ этотъ вызовъ былъ ему непріятенъ: онъ явился въ

минуту, когда Викторъ вовсе не былъ расположенъ, уважая самъ себя, подвергать себя опасности со всякимъ встрѣчнымъ.

Онъ нимало не сомнѣвался въ томъ, что вызовомъ этимъ обязанъ онъ Леонѣ, но спрашивалъ себя, кто рѣшился мстить за нее. Если явится онъ на это свиданіе, то найдетъ, можетъ-быть, одного изъ великорослыхъ спадашовъ, которые часто жизнью платятъ за то, за что старики расплачиваются золотомъ. Викторъ чувствовалъ, что, придя на мѣсто, онъ не въ-силахъ будетъ остановиться; при томъ-же, явиться на это свиданіе не значило-ли принять вызовъ. Потому, онъ рѣшился не идти, но безпокойство все-таки его не оставило.

Дѣйствительно, несносное положеніе — всегда опасаться на улицѣ, въ рестораціи, на прогулкѣ, въ театрѣ, обиды отъ незнакомаго непріятели. Должно замѣчать каждый взглядъ, бояться каждаго вниманія, быть готовымъ защищаться противъ каждаго человѣка, который подойдетъ къ вамъ или передъ вами остановится. Это — ужасная пытка.

И между-тѣмъ Викторъ предпочелъ ее дуэли Богъ знаетъ съ кѣмъ, — но въ-первый разъ въ жизни былъ недоволенъ собою: ему не достало въ этомъ случаѣ благоразумія, достоинства, разсчета, и онъ находилъ справедливымъ, что прекрасная Леона де-Камбюръ мститъ за себя какимъ-бы то-ни было образомъ. Тогда вдругъ пришла ему въ голову мысль, что Шарль, можетъ-быть, также будетъ подверженъ ея мщенію, и что, спрашивая его адресъ, Леона хотѣла только скорѣе достигнуть пѣли. Викторъ съ минуту безпокоился серьезно. Шарль не приходилъ въ мастерскую, хотя было уже поздно. Онъ не писалъ ему письма, ибо не хотѣлъ ни самъ явиться, ни посылать въ его домъ, послѣ размѣна писемъ между имъ и г-жою Торé. Онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ слѣдующаго дня.

IX.

ИСПЫТАНІЯ.

Надобно намъ рассказать теперь, что произошло въ семействѣ Торé въ эти два дня. Извѣстно, что Викторъ явился съ визит-

ной карточкой въ тотъ-же день, какъ получилъ мюзотисъ отъ Жюлі. Онъ не нашелъ никого дома.

Когда г-жа Торé возвратилась домой, ей подали карточку, и она изорвала-бы ее, безъ сомнѣнія, если-бъ не было ея мужа.

Когда-бы г-жа Торé не подала ему карточки г. Амаба, то онъ спросилъ-бы тотчасъ, что это такое, и если-бы жена отвѣчала ему, что скажетъ послѣ, онъ потребовалъ-бы отвѣта сейчасъ.

— Это что за скрытности? — кричалъ-бы онъ: — я ненавижу тайны. Всякой можетъ знать людей, которые ко мнѣ ходятъ; я похожъ на того древняго, который хотѣлъ жить въ стеклянномъ домѣ; мой и такъ достаточно стеклянный, и т. д.

Г-жа Торé, не желая по этому дѣлать пропешествія изъ простаго визита, передала карту своему мужу, который вскричалъ:

— Это отъ г. Амаба! А! онъ приходилъ — я ждалъ этого; онъ обязанъ придти... Знаешь-ли ты, что этотъ молодой человекъ намъ очень-обязанъ? Я, моя дочь и ты создадимъ его славу... Я очень-радъ его видѣть, я сдѣлаю ему только замѣчаніе о портретѣ Жюлі, потому-что это Жюлі въ образѣ Святой-Дѣвы... Да, я замѣтилъ кое что... И потомъ... но я самъ ему скажу.

Пока отецъ говорилъ эти глупости, Жюлі вскричала:

— Г. Амабъ приходилъ? А! съ его стороны это очень-хорошо!

— Отъ чего-же? спросила ее мать.

— Ахъ, такъ, отвѣчала Жюлі, сіяя отъ радости.

Викторъ понялъ слѣдовательно мюзотисъ, потому-что не бывши цѣлыхъ двѣ недѣли, явился въ тотъ-же вечеръ.

Она была горда, она была счастлива, она считала себя любимою. Оутсутствие его несколько не подѣйствовало на ту экзальтацію, которой такъ боялась г-жа Торé, и она стала думать, что пора уже приступить къ объясненію.

На-утро, она вошла раньше обыкновеннаго въ магазинъ и пошла прямо къ бюро Луи Виллона.

— Г. Луи, сказала она ему: дайте мнѣ двѣ тысячи франковъ.

Луи взглянулъ на нее съ удивленіемъ: счета г. Торé были всегда опредѣлены. Въ началѣ каждаго мѣсяца, касса отсчитывала г-жѣ Торé мѣсячное жалованье на содержаніе цѣлаго дома. Въ продолженіе многихъ лѣтъ Виллонъ не слышалъ отъ нея требованій.

— Вы изволили сказать, сударыня,... сказалъ Луи почти съ ужасомъ.

— Я просила двѣ тысячи франковъ.

— За-чѣмъ?... извините!.. сказалъ прикащикъ, съ судорожнымъ трепетомъ отворяя кассу: въ какой счетъ записать эту сумму?

— Въ мой.

— Ахъ... хорошо... очень-хорошо ... въ вашъ! сказалъ онъ, вынимая большой портфель: — прекрасно, и мы отмѣтимъ на реэстрѣ — на личные издержки.

И, говоря это, онъ дрожащей рукой подавалъ г-жѣ Торé билеты.

Она посмотрѣла на Луи и не знала, что подумать о его ужасѣ.

— Но что съ вами? спросила она.

— Со мною, сударыня... ничего; вы требуете двухъ тысячъ франковъ, и моя обязанность дать вамъ ихъ.

— Безъ-сомнѣнія; но вы, кажется, удивлены моимъ требованіемъ?

— Вовсе нѣтъ; ахъ, Боже мой! я думаю, что этихъ требованій будетъ теперь много... пока мы не примемся за счетъ г. Гобера, нашего банкира, то-есть, за сто-пятьдесятъ или двѣсти тысячъ франковъ... для приданого.

Г-жа Торé поняла наконецъ ужасъ Луи; для неожиданнаго требованія двухъ тысячъ франковъ, онъ не нашелъ другаго оправданія, кромѣ расходовъ для будущей свадьбы.

— Нѣтъ, дружески отвѣчала г-жа Торé: дѣло идетъ еще не о свадьбѣ Жюлі. Если я прошу двухъ тысячъ франковъ, то потому, что это долгъ, о которомъ напрасно забылъ г. Торé, и который долженъ быть тотчасъ-же заплаченъ: я пошлю эти двѣ тысячи франковъ г. Амабу.

— Г. Амабу! съ живостію сказалъ прикащикъ: за что?

— За портретъ мужа и мой.

— Безъ-сомнѣнія, также и за его Мадонну, потому-что вы, вѣроятно, не оставите въ его рукахъ портрета мамзель Жюлі.

— Я не знаю, что вы говорите, холодно сказала г-жа Торé: вы объясните г. Торé объ употребленіи этой суммы.

— Да.. да... я запишу ее въ реэстръ, и между-тѣмъ, продолжалъ онъ, не спуская глазъ съ билетовъ: двѣ тысячи франковъ, за двѣ или за три недѣли работы, слишкомъ-дорого. Въ пѣніи условливались, вѣроятно? Иначе она чудовищна!... Такимъ-образомъ, онъ въ годъ можетъ получить двадцать или тридцать тысячъ франковъ!

Есть адвокаты, и очень-знаменитые, которые, подобно г. Вил-

лону, думаютъ, что артисту достаточно въ годъ какая-нибудь сотня лундоровъ.

Г-жа Торé думала не такъ, какъ эти господа, и потому отвѣчала г. Виллону:

— Это цѣна умѣренная, но я думаю приличная; онъ это требовалъ съ одной дамы, которая отказалась заплатить.

— Хорошо... очень-хорошо, сказалъ Виллонъ: понимаю я, отъ чего эти господа такъ наглы!

— Г. Амабъ, кажется, очень-вѣжливъ...

— Онъ, сударыня! вскричалъ Виллонъ: онъ! но онъ подумалъ... Ахъ! вы не знаете, — онъ имѣлъ дерзость подумать....

— Что?

— Впрочемъ, это до меня не касается.

— Объяснитесь, сказала ему г-жа Торé: развѣ вы имѣете причины быть недовольны г. Амабомъ?

— Я не говорилъ съ нимъ ни слова.

— Что-же онъ вамъ сдѣлалъ?

— Что онъ мнѣ сдѣлалъ? Извините, сударыня, извините... но я думалъ... разумѣется, это глупость... но до тѣхъ-поръ, пока не явился этотъ молодой человѣкъ, я считалъ себя членомъ семейства... Вы были такъ добры ко мнѣ... и я надѣялся со-временемъ... но я ошибался.

Г-жа Торé терпѣливо слушала эти прерывистыя фразы; наконецъ, прикащикъ съ отчаяннымъ видомъ записалъ деньги въ счетъ.

Г-жа Торé не могла удержаться отъ улыбки. Вдругъ услышала голосъ мужа и быстро сказала прикащику:

— Г. Виллонъ, я формально позволяю вамъ просить у моего мужа руки Жюліи...

Лун оборотился, какъ должникъ, которому вдругъ упали съ неба деньги.

— Вы сказали, сударыня... я долженъ...

— Вы должны до вечера успѣть поговорить съ моимъ мужемъ.

Г-жа Торé воротилась въ свое бюро, оставивши Виллона, оглушеннаго и въ упосѣн. Черезъ минуту потомъ явилась Жюліи и сѣла подлѣ матери. Г-жа Торé написала записку въ нѣсколько строкъ, положила ее въ конвертъ, вложила туда-же два банковыхъ билета, полученныхъ ею отъ Виллона; потомъ написала адресъ, и небрежно бросила письмо на столъ, сказавши Жюліи:

— Отправь это по адресу, съ человѣкомъ.

Жюлі взяла письмо, и едва бросила взглядъ на адресъ, какъ не могла удержаться отъ восклицанія.

Г-жа Торé сдѣлала видъ, что не слыхала этого восклицанія, но попросила г. Виллона пойти заглянуть въ другой магазинъ осмотровъ, который требовалъ много времени, — она хотѣла дать Жюлі свободу говорить. Виллонъ вышелъ. Г-жа Торé ждала. Жюлі не говорила ни слова.

Г-жа Торé украдкою смотрѣла на Жюлі; Жюлі, съ своей стороны, неподвижно смотрѣла на письмо. Это было письмо, въ которое вложены были банковые билеты, письмо, которое велѣно было ей отдать человѣку, для отнесенія по адресу... и это письмо было на имя Амаба.

Это было что-то-такое, чего Жюлі не понимала, но что пугало и вмѣстѣ унижало ее. Она взглянула на мать, чтобы удостовериться въ истинѣ; дѣйствительно, Жюлі поняла-бы подобный поступокъ въ отцѣ, но въ матери ей казался онъ необыкновеннымъ.

— Ну, о чемъ-же ты думаешь? сказала ей г-жа Торé.

Жюлі съ минуту колебалась, но удержала на устахъ вопросъ, и отвѣчала съ горькимъ выраженіемъ:

— Я не думаю... я ищу иглы.

— Она у тебя.

— Это правда... виновата... у меня все есть.

И она взяла шитье, стиснула зубы, чтобы удержать рыданіе, склонила голову, чтобы скрыть слезы отъ матери. Г-жа Торé готова была звать ее въ свои объятія, чтобы ее утѣшить. Она только оскорбила Жюлі, не успѣвши заставить ее говорить; но ей хотѣлось узнать силу этой любви, по тому мужеству, съ которымъ Жюлі будетъ скрывать свое горе, и она замолчала. Векорѣ потомъ, она поняла, какъ эта страсть была уже могущественна, — когда явился слуга магазина, и Жюлі сказала ему сухимъ тономъ: «отнеси это по адресу».

Это повиновеніе скрывало за собою бунтъ. Но г-жа Торé осталась нечувствительной, потому-что она вызвала г. Виллона на поступокъ, который долженъ былъ наконецъ привести Жюлі въ отчаяніе.

Ледяное молчаніе царствовало между ними, но ни та, ни другая не чувствовали въ себѣ силы перервать его, когда вдругъ вошелъ г. Торé. Лицо его раскраснѣлось, взглядъ былъ раздра-

женъ, походка неровная. Онъ проходилъ магазинъ во всю длину, и каждый разъ, проходя мимо отдѣленія, гдѣ работали жена его съ дочерью, вздыхалъ или дѣлалъ восклицанія. Ясно, онъ ждалъ вопроса о такомъ необыкновенномъ волненіи, чтобы свободно предаться своему гнѣву. Но дочь его была такъ занята собою, что не могла замѣтить этого, а г-жа Торé не хотѣла въ этомъ случаѣ помочь своему мужу. Г. Торé, въ досадѣ, что не произвелъ никакого эффекта, перешелъ къ болѣе энергическимъ средствамъ; онъ началъ говорить самъ-съ-собою.

— Это невѣроятно! это чудовищно! это неприлично!

И какъ г-жа Торé не поднимала головы, онъ взялъ одинъ фарфоръ, и съ бѣшенствомъ разбивши его объ полъ, вскричалъ:

— Я этого никакъ не позволю!

— Да, Боже мой! что такое? спросила г-жа Торé, которая не могла больше притворяться слѣпой и глухой.

— Что такое, сударыня, что такое?... Вы это знаете, я полагаю... Прикащикъ, который позволяетъ себѣ, вдругъ... неожиданно... неразузнавши ничего о моихъ намѣреніяхъ стороною... позволяетъ себѣ.

— Что-же онъ себѣ позволилъ?

— Вы развѣ не знаете? Развѣ онъ лгалъ мнѣ, когда, увидавши гнѣвъ мой, посмѣлъ мнѣ сказать, что вы ему позволили... что я говорю, позволили?... что вы ему приказали... Развѣ онъ солгалъ?

— Нѣтъ, мой другъ, кротко сказала г-жа Торé: это правда... и я думала, что сдѣлала хорошо... я думала, что дѣлаю въ вашихъ намѣреніяхъ.

— Не всѣ намѣренія исполняются... и притомъ, если и исполнять... есть всему приличная манера... да, приличная... Но развѣ прилично, чтобы вашъ прикащикъ вдругъ остановилъ васъ среди счетовъ: «Извините, сударь, я долженъ вамъ сказать кое-что. — Говорите, мой милый, говорите. Я, сударь, прошу у васъ руки вашей дочери».

При этихъ словахъ, г-жа Торé не могла удержаться отъ улыбки: Жюлі вздрогнула и взглянула на отца, когда тотъ продолжалъ.

— Такъ-таки прямо... Ну, точно какъ-будто-бы онъ сказалъ мнѣ: «Извините сударь, я забылъ вамъ сказать, что привезли матеріалу.»

Жюлі была блѣдна и неподвижна, а г. Торé продолжалъ:

— И это вы, сударыня, позволили г. Виллову дѣйствовать со мною такъ нецеремонно.

— Когда-бъ вы знали... сказала г-жа Торé.

— Я знаю, — началъ опять мужъ торжественнымъ тономъ, — я знаю, что я васъ любилъ, что я на васъ женился, и что дѣлалъ не такимъ образомъ; я не пошелъ кричать вашему отцу: «Позвольте-ка, сударь... я хотѣлъ-бы жениться на вашей дочери!» Чѣмъ болѣе я объ этомъ думаю, тѣмъ больше меня это бѣситъ.

— Но, сударь, сказала г-жа Торé.

— Сударыня, — перервалъ г. Торé, съ внушительнымъ величіемъ: — отецъ мой официально явился къ вашему отцу и официально просилъ для меня вашей руки. Вашъ отецъ отвѣчалъ ему согласіемъ. Тогда, и только тогда, я осмѣлился самъ говорить съ нимъ. Не считая приуготовленій къ этому важному поступку... я прежде освѣдомился, я зналъ, зачѣмъ иду. Но ко мнѣ подходятъ просто и съ перваго раза просить у меня руки моей дочери, какъ будто дюжины тарелокъ. И моя жена даетъ позволеніе на такую обиду. Какой вѣкъ! какіе нравы, Боже мой! Какіе нравы!

Эта тирада истощила всѣ грудныя силы г. Торé, который упалъ въ кресла, задыхаясь.

— Я понимаю, — сказала кротко жена: — я понимаю вашу досаду на этотъ поступокъ, сдѣланный конечно не совѣмъ-ловко... но подумайте, прошу васъ о томъ, что вы самы давно уже смотрите на этотъ союзъ, какъ на очень-приличный.

— Можетъ-быть.

— Подумайте, что г. Виллонъ далеко отъ своего семейства.

— Можно писать.

— Не забудьте, что любовь не рассчитывается.

Взглядъ, брошенный г-жою Торé на мужа, заключалъ въ себѣ бездну воспоминаній. Послѣ этого взгляда можно было догадываться, что официальное явленіе отца въ былое время было только слѣдствіемъ чего-то. Г. Торé всталъ, подошелъ къ бюро и сказалъ:

— Боже мой! я хочу только счастья моихъ дѣтей, но все-таки нужно-бы соблюсти формы.

— Эхъ, Боже мой, ихъ скорѣе забываютъ, когда увлечены страстью — сказала г-жа Торé. — Ты самъ не забылъ-ли сейчасъ, что подобная сцена всего менѣе должна была происходить

передъ Жюлі, которая не знаетъ, что и сказать отъ полноты счастья.

Жюлі встала, взглянула на г-жу Торé и оставила магазинъ, сказавши:

— Вы жестоки, маменька.

Г-жа Торé была поражена этими словами.

— Что она хочетъ сказать? вскричалъ г. Торé.

Мать начала плакать.

— Я скажу вамъ это, другъ мой, но я должна поговорить напередъ съ моею дочерью.

Она пошла въслѣдъ за Жюлі и нашла ее въ комнатѣ, блѣдную отъ гнѣва и горести.

Жюлі побѣдила въ себѣ сильное волненіе, и на вопросъ о томъ, что значать ея слова, отвѣчала:

— Я виновата, что сказала вамъ это, я виновата, что оставила магазинъ, и потому прошу у васъ въ этомъ прощенія.

— Но какъ и чѣмъ могла я быть къ тебѣ жестокою?

— Я виновата.. я говорю вамъ... я былабезумна.. я виновата.

— Предложеніе тебѣ не нравится?

Жюлі колебалась отвѣтомъ. Въ эту минуту вошелъ ея отецъ: онъ услышалъ вопросъ и повторилъ его.

— Я не имѣю права, сказала Жюлі, — отвѣчать моимъ родителямъ, что мнѣ не нравится предложеніе, которое они одобряютъ; но имѣю честь объявить вамъ, со всеѣмъ почтеніемъ, какое питаю я къ вамъ, отецъ мой, къ вамъ, сударыня... никогда, нѣтъ никогда не выйду я за г. Виллона. Лучше, о, лучше умереть!...

Этотъ отвѣтъ, твердый и сухой, показывалъ всю власть Жюлі надъ самой собою. Ея волненіе было такъ сильно, ея блѣдность была такъ страшна, что слова ея были еще умѣренны сравнительно съ ея внутреннимъ состояніемъ. Г. Торé видѣлъ въ нихъ только отказъ и нашелъ его слишкомъ-дерзкимъ. Г-жа Торé почувствовала въ нихъ кровавый упрекъ. Предложеніе подобнаго брака со стороны отца не удивляло Жюлі; но это-же предложеніе со стороны матери поразило ее глубоко. Жюлі надѣялась на мать, чтобы избѣжать предначертаній г. Торé, и она принималась за ихъ исполненіе. Между-тѣмъ г. Торé, едва окончивъ свою тираду о неприличности поступка прикащика, обратился теперь къ дочери.

— Что это значить! Никогда не будетъ этого брака, сказали

вы! Знайте, сударыня, что слово никогда не должно заключаться въ словарѣ благовоспитанныхъ молодыхъ дѣвушекъ.

— Отецъ мой — сказала ему Жюлі съ нѣжною покорностью: — вы добры, вы хотите моего счастья... Клянусь вамъ, оно не здѣсь, оно не можетъ быть здѣсь... Вы не можете принуждать меня выходить за человѣка, котораго я не люблю, котораго я никогда не буду любить, простите меня за это слово — я чувствую, что буду слишкомъ несчастна, если буду вынуждена не повиноваться вамъ; не принуждайте меня противиться вамъ, сжальтесь надо мною, отецъ мой!

Г-жа Торé слушала дочь свою съ жестокимъ страданіемъ. Стараніе Жюлі обращаться съ просьбами къ одному отцу, высказывало ей другую сторону души ея дочери, которую она считала восторженною, но которой не знала рѣшительною.

Г. Торé сильно правился этотъ бракъ: это было его давнишнее намѣреніе. Онъ зналъ торговые таланты Виллона, и зналъ также, что онъ — послѣдникъ богатаго имѣнія. Но какъ мы уже сказали, онъ былъ неспособенъ противиться одной слезѣ жены или дочери. Онъ не чувствовалъ въ себѣ довольно мужества, чтобы отвѣчать съ твердостью; но такъ-какъ ему непременно нужно было кого-нибудь бранить, то онъ обратился къ жепѣ.

— *Parbleu!* надѣлали вы дѣла. Дочь ваша въ слезахъ. Г. Виллонъ — въ ложиномъ положеніи, — въ рѣшительно-ложномъ... Что мнѣ прикажете теперь дѣлать? Я не могу держать у себя этаго молодого человѣка, надобно его отпустить... а онъ, сударыня, оцъ ключъ ко всемъ моимъ дѣламъ. Что я буду дѣлать? Но говорите: надѣлавши зло, наймите-же средство помочь ему.

— Но, сударь — сказала г-жа Торé: — надѣюсь, вы сказали г. Виллону, что вы сообщите мнѣ о его предложеніяхъ.

— Его предложенія вамъ извѣстны, потому-что вы сами его ободряли.

— Конечно; но Жюлі можетъ не знать ихъ... Скажите г. Виллону, что еще не время... что поздно... Тяните время. Теперь, я хотѣла-бы поговорить съ Жюлі.

— Безъ угрозъ только, прошу васъ; я хочу, чтобъ наша Жюлі была свободна и счастлива... Поздно, когда она одумается, я самъ поговорю съ ней, и надѣюсь, что она меня послушается.

Г. Торé приготовлялся выдти, когда слуга подалъ г-жѣ Торé письмо отъ Виктора.

— Вѣрно по дѣламъ? сказалъ г. Торé: дайте сюда, я долженъ знать все въ домѣ.

— Нѣтъ, другъ мой; это письмо, можетъ-быть, покажу я Жюлі.

— Чтó за тайна?

— Я скажу вамъ послѣ.

— Надѣюсь, сказалъ г. Торé, и вышелъ.

Г-жа Торé поспѣшно раскрыла письмо, какъ-будто оно должно было помочь ея объясненію съ дочерью. Два банковыхъ билета не ускользнули отъ взгляда Жюлі, и улыбка торжества блеснула на ея губахъ. Г-жа Торé прочла письмо и не могла скрыть своей досады. Она угадала эгоизмъ Амаба, — но неспособна была понять его смѣлаго разчета.

Съ минуту она молчала и колебалась; сомнѣніе скользнуло по душѣ ея; она спросила себя, не обманулась-ли она въ характерѣ Виктора, и желая наконецъ выдти изъ страннаго положенія своего въ отношеніи къ дочери, она подала ей письмо.

— Читай это — сказала она ей: — и будь со мною откровенна!

Жюлі взяла письмо. Бѣдность на лицѣ ей замѣнилась легкимъ румянцемъ, — потомъ глаза ея наполнились слезами; она взглянула на мать, которая простирала ей объятія, и прекрасное дитя упало въ нихъ, вскричавши:

— Ну да, да... это правда, я его люблю...

— Бѣдное дитя! сказала ей ея мать, обнимая ее, счастливая снова тѣмъ, что чувствуетъ подлѣ своего сердца сердце дочери, на минуту бывшее ей чуждымъ, но еще печальная, потому что не могла прогнать убѣжденія, что любовь эта — несчастіе.

Потомъ Жюлі прошептала ей среди слезъ и поцѣлуевъ:

— Прости меня, что я не сказала тебѣ.

— Увы! я это знала.

— Ты это знала! сказала Жюлі съ живымъ изумленіемъ, но совершенно уже свободная отъ всякаго непріятнаго чувства, ибо весь гнѣвъ ея исчезъ передъ слезами матери: ты это знала и сказала г. Виллону, чтобъ онъ просилъ моей руки?

Г-жа Торé не нашла благоразумнымъ пугать сердце своей дочери послѣ всего происшедшаго: она щадила эту душу, за раздражительную чувствительность которой такъ боялась, и отвѣчала съ улыбкою:

— Развѣ я не хорошо сдѣлала? вѣдь это привело признаніе, которое ты давно должна была сдѣлать?

— Я не смѣла. Я видѣла, что ты не любишь г. Виктора. О! если-бъ ты любила его хоть столько, сколько г. Виллона, котораго ты всегда хвалишь. — Я сказала-бы тебѣ все... Но отъ-чего онъ тебѣ не правится? Чтò онъ сдѣлалъ? Что онъ ска-залъ тебѣ? Отъ-того-ли, что онъ любитъ меня, не спросивши у тебя позволенія?

Г-жа Торé сжала дочь въ своихъ объятіяхъ и прижала къ груди своей ея голову; она хотѣла скрыть отъ нея свои слезы, которыя вызывала невольно довѣрчивость Жюлі.

— Прости мнѣ, дитя мое, что я прежде не спросила тебя о твоей тайнѣ... Но объщай мнѣ одно только, это тó, что ты не скажешь ни одного слова, не сдѣлаешь никакого, самаго незначи-тельнаго поступка, безъ моего вѣдома и въ особенности въ отношеніи къ г. Амабу.

Молодая дѣвушка опустила глаза.

— Ты мнѣ не отвѣчаешь? Ты не хочешь дать мнѣ этого объщанія?

— О! сказала молодая дѣвушка — я скажу тебѣ все.

— Такъ ты не все мнѣ сказала?

— Нѣтъ, не все!

И прекрасное дитя, дрожа, краснѣя, колеблясь, лаская мать, разсказало ей, какъ она позволила Виктору смотрѣть на себя и какъ потомъ послала къ нему міозотисъ.

— И ты не писала?

— О, маменька!

— И ты могла-бы, въ случаѣ пужды, сказать, что не ты по-слала цвѣтокъ?

— Агать? но зачѣмъ?

— Г. Амабъ не увѣренъ, что ты послала это.

— А! онъ угадалъ, потому-что приходилъ въ тотъ-же вечеръ.

— Ничего. Онъ долженъ не знать этого, и ты должна не при-знаваться. Повѣрь мнѣ, дитя мое, я сужу о г. Амабѣ, какъ о всякомъ другомъ: ни одинъ мужчина не проститъ женщинѣ не-благоразумнаго поступка, хотя-бы сдѣланнаго и для него. Ты довѣрилась—дай-же мнѣ руководить тебя.

— О! благодарю, благодарю тебя, вскричала Жюлі съ радо-стью.

Потомъ вдругъ опомнившись:

— Но какъ-же мнѣ быть теперь съ г. Виллономъ?

— Ты должна показывать видъ, какъ будто не знаешь его по-

штука; оставайся съ нимъ натуральна, какъ прежде.... натуральна и добра... Онъ человѣкъ честный, и человѣкъ съ сердцемъ. Притомъ-же, онъ страдаетъ. Ты не знаешь еще, что значитъ любить и быть отвергнутымъ.

— Да за чѣмъ-же онъ меня любитъ?

Только кокетки и злыя женщины прощаютъ любовь человѣку, котораго онѣ не любятъ: это ихъ забавляетъ. Сердца наивныя и лучшія — безжалостны въ этомъ случаѣ.

Г-жа Торé слегка побранила дочь, и потомъ съ своей стороны выслушала упреки за предубѣжденія противъ Виктора, потому что они не укрылись отъ Жюлі. Жюлі ихъ угадывала, поняла, что мать писала письмо въ ея присутствіи для униженія ея любви.

Г-жа Торé дала высказать ей всѣ надежды и опасенія ея любви; она слушала всѣ эти золотыя, розовыя мечты молодого воображенія. Счастіе, котораго желало сердце Жюлі, было такъ тихо. Это была непредѣльная, глубокая, кроткая любовь; это была цѣлая, созданная уже напередъ жизнь съ мужемъ, съ семействомъ, со всѣми ея заботами и маленькими печальми. И такъ чиста была эта экзальтированная душа, что ничего нельзя было представить цѣломудреннѣе этой молодой дѣвушки, говорящей о своемъ мужѣ, о своемъ домѣ, о своихъ будущихъ дѣтяхъ; какъ ангелъ, она все видѣла съ неба; она еще не замарала ногъ въ грязи міра, ея крылья еще не разорваны были столкновеніемъ съ эгоистическими интересами, — она еще плавала въ прозрачной и свѣтлой атмосферѣ.... И мать слушала ее, почти съ благоговѣйнымъ обожаніемъ, но все еще печальная, при мысли, что она стремится, можетъ-быть, къ цѣли, которую найдетъ, достигнувши, сухою и холодною.

Наконецъ мать перервала эту милую болтовню, и чтобы не дать увеличиться непріятности встрѣчи Жюлі съ г. Виллономъ, она попросила дочь сойти тотчасъ-же въ магазинъ.

ЗВУКИ.

А. Е. ВАРЛАМОВУ.

Опять они... звучать нагёвы снова

Безрадостной тоской....

Я радъ имъ, радъ: они — замёна слова

Душъ моей больной.

Они звучать безумными мечтами,

Которыя сказать

Смёшно и стыдно было-бы словами,

Которыхъ не прогнать.

Они звучать прошедшимъ, небывалымъ,

И снами свётлыхъ лётъ,

Стремленіемъ напраснымъ и усталымъ

Къ тѣнямъ, которыхъ нётъ....

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

ЮМОРИСТИКА.

ЗАМѢТКИ ПЕТЕРБУРГСКАГО ЗѢВАКИ.

§ 13.

МАЛЕНКІЯ НЕПРІЯТНОСТИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ.

Теорія преобладанія въ мірѣ безконечно-малаго. — Страсть человѣчества къ великому и историческій ходъ этой страсти. — Теорія развитія наукъ изъ излѣдованія частныхъ и мелкихъ причинъ. — Лейбницъ и Эренбергъ. — Les petites misères de la vie humaine. — Непріятности отъ физической природы Петербурга. Непріятности погоды. — Вѣтеръ. — Мелкія физическія неспріятности. — Кикимора въ XIX столѣтіи. — Непріятности отъ жителей Петербурга — Живыя неспріятности. — Тиранія слабыхъ. — Тиранія купцовъ. — Тиранія лакезевъ. — Тиранія дворниковъ. — Тиранія работниковъ. — Тиранія пзвошиковъ.

Думалъ-ли Лейбницъ, открывая міру великіе законы дифференціальныхъ и интегральныхъ счисленій, что онъ въ тоже время наводитъ людей на великую моральную истину: преобладанія *безконечно-малаго* тамъ, гдѣ люди прежде видѣли одно *безконечно-большое*. Страсть къ *великому* въ человѣкѣ была современна его рожденію; она такъ сродна этому маленькому созданію! Съ первыхъ дней своего существованія, оно пріучило себя удивляться одному великому, необыкновенному, поразительному, объяснять все происшедшее внутри и внѣ его чѣмъ-нибудь огромнымъ,

высокимъ, особеннымъ. Первобытный человѣкъ началъ прежде всего восхищаться кедромъ, а не былинкою; левіаоаномъ, а не бабочкою; первые боги его были свѣтила и явленія небесныя, горы и дубы, огонь и море; надобно было пройти многимъ вѣкамъ, покамѣсть утилитарность Египтянъ обоготворила горшки и луковицы, лотусъ и ихневмона. Изъ этой-же страсти къ великому человѣчество сдѣлало богами людей чѣмъ-нибудь отличающихся отъ массы, и въ тоже время сдѣлало людьми боговъ, приписывая имъ все людскія свойства и качества, только въ преувеличенномъ размѣрѣ. Страсть къ преувеличенію въ Индіи дошла до чудовищныхъ пелѣностей, отразившись въ ихъ религіи, поэзіи, архитектурѣ. Весь древній Востокъ принялъ баснословный мифическій видъ, жизнь его развилася одною громадною сказкою, исключавшею возможность существованія исторіи у этихъ племенъ. Историческое бытіе народовъ началось собственно съ Эллады, гдѣ и проявилось впервые въ чисто-человѣческой формѣ. Но и въ историческую эпоху древняго міра — сверхъ-естественное, великое играло въ немъ важную роль, до-тѣхъ-поръ, покамѣсть Христіанство не разрушило окончательно языческаго міра, не сдѣлало первыхъ послѣдними, а послѣднихъ первыми. Среднія-вѣка — этотъ возрастъ первой юности человѣчества, сохранилъ много языческихъ преданій, а еще болѣе составилъ своихъ собственныхъ, основываясь на той-же страсти къ необыкновенному, не разсматривая мелкихъ подробностей своего собственного, глубоко-знаменательнаго быта. Человѣкъ среднихъ-вѣковъ, руководимый младенческимъ самолюбіемъ, заставилъ принимать участіе въ его жизни — звѣзды и планеты, и никогда не существовавшій міръ духовъ, покорявшихся заклинаціямъ черной магіи. Открытіе маленькихъ черныхъ крупинокъ и маленькихъ подвижныхъ буквъ, сдѣлало огромный переворотъ въ мірѣ, и въ эту-то эпоху, когда человѣкъ началъ изслѣдовать, классифицировать, раздроблять — родилась настоящая наука. Существовала она и прежде, но какъ исключительное достояніе отдѣльныхъ, счастливыхъ организацій, изумительныхъ въ отношеніи къ *человѣку*, но ничтожныхъ въ отношеніи къ *человѣчеству*. И въ этой наукѣ все-таки господствовалъ выводъ, силлогизмъ, аристотелевскій *логосъ*, платоновскій *идея*. Въ среднихъ-вѣкахъ право гражданство получилъ фактъ. Древній міръ жилъ *синтезисомъ*, новый произвелъ *анализъ*. Наука разрослась въ безчисленныя отрасли, потому-что раздробилась, начала заниматься частностями, отдѣль-

ными явлениями, не хлопоча объ универсальности, которая сама-по-себѣ есть уже признакъ ограниченности. Математика развилась въ стройную науку изслѣдованіемъ малыхъ величинъ; цѣлая часть ея — алгебра, составила даже изъ изученія мнимыхъ количествъ. Химія родилась прямо изъ разложенія на мельчайшія составныя части веществъ органической природы; механика комбинаціею малыхъ силъ двинула впередъ великія; геометрія, измѣряя малыя величины, узнала громадныя разстоянія между небесными тѣлами; — Ньютонъ отъ паденія плода дошелъ до великихъ законовъ тяготѣнія - вселенной; изъ маленькихъ причинъ, начали явно развиваться огромныя послѣдствія: — доказательствомъ служатъ почти все открытія, которыми теперь гордится и пользуется человѣчество. Самыя спекулятивныя науки одолжены своимъ развитіемъ изслѣдованію маловажныхъ, частныхъ явленій. Исторія сдѣлалась только тогда наукою, когда перестала видѣть въ двигателяхъ и правителяхъ человѣчества — героевъ и полу-боговъ, а стала смотрѣть на нихъ, какъ на людей, отыскивая въ ихъ человѣческой натурѣ, и въ мелочныхъ обстоятельствахъ, ихъ окружавшихъ, причину великихъ событій, потрясавшихъ міръ. Географія сдѣлалась тогда только наукою, когда стала осматривать и описывать отдѣльно каждый уголокъ земли; — статистика — когда стала наблюдать отдѣльные факты. Науку государственнаго управленія, со всеми ея разнообразными отраслями, можно опредѣлить прямо — умѣнемъ изъ незначительныхъ причинъ извлекать важныя послѣдствія. Анатомію, т. е. разѣканіемъ себя на мелкія части, человѣкъ узналъ самого себя и окружающій его органической міръ, что въ тоже время помогло изучить ему и сферу душевныхъ и духовныхъ явленій, находящихся въ непосредственной связи съ матеріальнымъ міромъ. Амичи, съ его микроскопомъ, произвелъ огромный переворотъ, имѣвшій большое вліяніе на изученіе невидимаго міра, которымъ теперь съ такимъ успѣхомъ занимается школа Эренберга. Послѣ Лейбница, Эренбергъ, безспорно, занимаетъ первое мѣсто, какъ представитель системы безконечно-малыхъ, къ которой теперь незамѣтно обращается весь ученый свѣтъ. Сама геологія, признававшая нѣкогда великіе перевороты, участіе огня и воды въ построеніи земли, обратилась теперь къ теоріи спокойнаго, постепеннаго наслоенія толщи нашей планеты, которое до-сихъ-поръ проявляется въ возрастаніи коралловыхъ рифовъ и острововъ Тихаго-океана.

Все, что мы до-сихъ-поръ сказали, клонилось къ тому, чтобы убѣдить и другихъ, какъ мы сами убѣждены, въ томъ, что основную причину вещей и событій надобно искать скорѣе въ безконечно-маломъ, чѣмъ въ безконечно-великомъ. Великое потеряло весь свой кредитъ съ-тѣхъ-поръ, какъ міромъ овладѣло маленькое, и діаметръ между двумя этими полюсами, становяся замѣтно короче, съ теченіемъ времени подаетъ надежду, что полюсы эти сольются когда-нибудь въ одну точку. Въ исторіи почти уже признано преобладаніе маленькихъ причинъ. *Стаканъ воды*, Скриба — апогей и панегирикъ этой теоріи. Въ ежедневной и частной жизни человѣка теорія эта еще яснѣе и явственнѣе. Самыя незначительныя происшествія имѣютъ огромное вліяніе на человѣка, а такъ-какъ самые великіе люди въ тоже время все-таки не больше, какъ люди, то вліяніе маленькихъ причинъ должно простираться и на нихъ, хотя и не все въ этомъ гласно сознаются. Вышедшая, въ 1842-мъ году, книга знаменитаго *Ольдъ-Ника* — *Les petites misères de la vie humaine*, имѣла то благодѣтельное вліяніе, что послѣ нея, люди, отбросивъ ложный стыдъ, начали признаваться въ томъ, что маленькія неприятности имѣютъ на нихъ огромное вліяніе. Ольдъ-Никъ доказалъ, какъ нельзя лучше и яснѣе, что большія несчастія никогда не дѣйствуютъ такъ сильно на человѣка, какъ маленькія, заставляющія его иногда проклинать свое настоящее бытіе и минутой рожденія. Но авторъ этой безсмертной книги, которому все малое должно-бы было воздвигнуть огромный монументъ, взялъ на себя обязанность не по силамъ. Одному человѣку не возможно изобразить маленькихъ несчастій цѣлаго человечества. По этому книга его вышла неполна и неоконченна. Огромность сюжета подавила автора. Въ составленіи полной исторіи маленькихъ несчастій человеческой жизни должны участвовать многіе. Каждое званіе, каждое положеніе, каждое мѣсто имѣеть, кромѣ общечеловѣческихъ, свои собственныя мелкія неприятности, часто незамѣтныя для глаза посторонняго зрителя, и извѣстныя вполнѣ только самимъ страдальцамъ. Высокій и поучительный юморъ заключается въ этихъ страданіяхъ, и вотъ почему они обратили на себя наше вниманіе. Оставивши въ сторонѣ общія несчастія человечества, посмотримъ собственно на *маленькія неприятности петербургской жизни*, которою живемъ мы съ вами, почтительнѣйшій читатель, волею или неволею. Слабыя силы наши позволяютъ намъ сдѣлать небольшой и краткій очеркъ этихъ неприят-

ностей, для полной исторіи которыхъ надо очень много времени и опытности.

Маленькія непріятности петербургской жизни подраздѣляются прежде всего на два огромные разряда: 1) *Непріятности отъ физической природы Петербурга*, и 2) *Непріятности отъ жителей Петербурга*. Обратимся къ первымъ.

Непріятности, происходящія отъ петербургской природы, общи нашей столицѣ съ нѣкоторыми другими городами, но въ тоже время и отличаются отъ нихъ степенью и продолжительностью неудобствъ. Такъ, на-примѣръ, почти во всѣхъ городахъ свѣта бываетъ дурная погода, но мы сомнѣваемся, чтобъ гдѣ-нибудь погода это была такъ отлично-дурна, какъ у насъ. Петербургское лѣто вошло въ пословицу, весна въ мнѣ, осень въ обыкновенное время года, а зима въ пріятное исключеніе. Видя радость русскаго человѣка при наступленіи морозовъ, иностранцы говорятъ: «Хорошо-же у нихъ лѣто, если они въ восторгѣ отъ зимы». И это совершенно справедливо. Самый сильный холодъ не дѣйствуетъ такъ губительно на здоровье, какъ эта вѣчная сырость, грязь и распутица. Непріятности погоды на каждомъ шагу готовы обрушиться на бѣднаго петербургскаго жителя. Выдетъ-ли онъ погулять лѣтомъ, въ прекрасный солнечный день, а дождь тутъ-какъ-тутъ нагрянетъ на него, неожиданный и непрошенный, вымочитъ его съ ногъ до головы, и именно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ рѣшительно некуда отъ него укрыться. Что можетъ быть ужаснѣе положенія человѣка, собравшагося куда-нибудь въ гости или на гулянье, и принужденнаго возвратиться домой по колѣно въ грязи, промокшаго до костей, счастливаго еще тѣмъ, если онъ отдѣлался отъ простуды насморкомъ или флюсомъ; если въ тоже время у него въ комнатѣ вѣтеръ растворилъ неплотно-закрытое окно, а дождь обильно вымочилъ его книги и обои, если худая погода загнала къ нему какого-нибудь досужаго пріятели, которому онъ не могъ отказать, встрѣтивши его на лѣтницѣ, если наконецъ, черезъ десять минутъ послѣ того, какъ онъ уже переодѣнется въ теплый халатъ и расположится остаться дома, вдругъ опять покажется солнце и погода сдѣлается удивительная; — послѣ всѣхъ

этихъ неприятностей едва-ли найдется человѣкъ, который-бы хладнокровно перенесъ ихъ, какъ-бы ничтожны они ни казались. Такая-же точно, если еще не большая досада овладѣтъ Петербуржемъ, если, вставая по-утру, онъ увидитъ самую съ-рую, ненадежную погоду, небо застланное тучами, и въ слѣд-ствие этого, отложивши нужные визиты до другаго дня, къ в е-черу увидитъ, что въ теченіе дня не упало ни одной капли до-жда. Конечно, на любимцевъ счастья, имѣющихъ возможность разъѣзжать въ экипажахъ, дурная погода не имѣетъ никакого вліянія, но мы, говоря о неприятностяхъ петербургской жизни, должны всегда имѣть въ виду господствующій классъ небогата-го народонаселенія, на который преимущественно обрушиваются всѣ неудобства. По этому, если дозволяется посмѣяться надъ разодѣтымъ франтомъ, спасающимся отъ внезапнаго дождя всей скоростью бѣга его парныхъ дрожекъ, то нельзя не пожалѣть, когда этотъ неожиданный сюрпризъ упадетъ на голову скромна-го класса петербургскихъ жителей, собравшихся воспользоваться хорошимъ днемъ гдѣ-нибудь за городомъ, — въ особенности если этотъ день воскресный. Болѣе всего страдаютъ при этомъ случаѣ барышни и мелкія чиновницы; нерѣдко дождь однимъ раз-омъ уничтожаетъ весь туалетъ ихъ, надъ которымъ бѣдныя трудились, можетъ-быть, цѣлую недѣлю, разглаживая каждую скла-дочку, сами шивая, стирая и крахмалая скромное платьице, ку-пленное на трудовыя деньги, скопляемыя иногда въ теченіе цѣ-лаго года. А сколько пренятствій составляетъ дождь бѣдняку которому непременно надобно гдѣ-нибудь быть, а у него нѣтъ ни зонтика, ни денегъ на извозчика, — чиновнику, торопящему-ся въ должность, мелкой промышленности, продающей свои то-вары на открытомъ воздухѣ, и вообще всѣмъ лицамъ отправляе-мымъ съ посылками, справками, письмами, объявленіями разнаго рода и т. п. Въ Петербургѣ дождю рады одни извозчики и цвѣ-ты, выставляемые на это время изъ оконъ заботливыми бары-шнями.

Кромѣ дождя въ Петербургѣ не мѣншую неприятность соста-вляетъ *вѣтеръ*. Онъ иногда дуетъ такъ неистово въ теченіе цѣ-лыхъ недѣль, что нѣтъ никакой возможности выдти на улицу.

Рѣшающемуся на этотъ подвигъ вѣтеръ метитъ самымъ жестокимъ образомъ, сноситъ съ него шляпу если не въ канаву, то непременно въ лужу, заворачиваетъ ему на голову воротникъ шинели, заплетаетъ полы ея около ногъ, такъ, что нельзя сдѣлать ни одного шагу, чтобъ не упасть, заставляетъ его нагибать голову до нельзя, и въ то-же время посылаетъ ему на встрѣчу прохожаго въ такомъ-же положеніи, изъ чего происходитъ очень-чувствительное столкновение личностей. Если вы имѣли неосторожность вынуть платокъ, или развернуть зонтикъ, то можете быть увѣрены, что сморкнетесь безъ помощи платка, унесеннаго въ самую рѣшительную минуту; изъ зонтика-же вашего вѣтеръ сдѣлаетъ исполнскій тюльпанъ. Бойтесь проходить мимо лужъ: брызги неприятной жидкости непременно долетятъ до вашего лица; старайтесь обходить какъ можно дальше встрѣчающіяся вамъ особы, не то вѣтеръ хлестнетъ васъ весьма ощутительно чьимъ нибудь воротникомъ или сбѣнитъ васъ съ вуалью дамы, отъ которой вы не скоро отвяжетесь... А вы, бѣдныя дамы, никогда не садитесь въ сильный вѣтеръ на дрожки.

Къ неприятностямъ погоды можно еще отнести вообще всякую эпоху перехода одного времени года въ другое, пыль и грязь на улицахъ, ухабы зимою, шарканье санныхъ полозьевъ по голымъ камнямъ весною; катанье по рыхлой смѣси изъ песка, нѣга и грязи, зимнюю оттепель, осеннюю гололедицу, время, когда по петербургскимъ улицамъ нельзя ни ходить, ни ѣздить, ни въ саняхъ, ни на дрожкахъ, раннюю темноту и поздній разсвѣтъ; воду, большую часть года мутную до того отъ стекающей въ нее грязи, что ее иначе нельзя пить, какъ изъ водоочистительныхъ машинъ; вонь, поднимающуюся отъ нѣкоторыхъ отдаленныхъ канавъ послѣ сильныхъ дождей; невозможность осенью проѣхать по немощеннымъ улицамъ, безъ опасенія сломать шею, или, по крайней-мѣрѣ, экипажъ. Къ этимъ погоднымъ неприятностямъ присоединяются другія, также физическія: перекапываніе улицъ для прочистки водосточныхъ трубъ, поправки мостовой, заставляющія часто экипажи тянуться гуськомъ шагъ за шагомъ;

постройка домовъ и перестройка мостовъ, загораживающія прямую дорогу и заставляющія дѣлать большіе объѣзды, особенно если кто-нибудь, не зная ничего о постройкѣ, подойдетъ или подъѣдетъ къ загороженному мѣсту; разводъ мостовъ на Невѣ въ то время, когда непременно надобно попасть на ту сторону; доски съ барокъ, положенныя, для своза и вывоза строительныхъ матеріаловъ, поперекъ улицъ, такъ часто, что экипажъ долженъ прыгать черезъ нихъ каждыя пять минутъ; обозы, заставляющіе иногда по получасу стоять на углу улицы, не имѣя возможности перейти на другую сторону ея; вымазанныя дегтемъ для большихъ праздниковъ, тумбы, около которыхъ опасно ходить задумчивымъ людямъ, заборы, за-ново-выкрашенные, о которыхъ можно выпачкаться за сходную цѣпу; узкіе тротуары, на которыхъ надобно поминутно останавливаться, чтобы давать дорогу дамамъ; рогатки, поставленныя около домовъ, вновь окрашиваемыхъ, и которыя надобно обходить то спускаясь съ тротуара, то опять поднимаясь на него. Всѣ эти и имъ подобныя неудобства, для человѣка куда-нибудь торопящагося, какъ-будто нарочно умножаются и разнообразятся до безконечности. Предки наши вѣрили нѣкогда существованію *Кикиморы*, мелкаго бѣса, изъ самыхъ нечистовныхъ, какъ говоритъ Лермонтовъ, но тѣмъ не менѣе самаго страшнаго врага людямъ, дѣлающаго имъ непріятности именню въ этихъ мелкихъ вещахъ, которыя такъ сдѣлались важны въ наше время. Нашъ вѣкъ, отвергнувшій и бѣсовъ п. . . улыбнулся-бы съ презрѣніемъ при одномъ имени *Кикиморы*, а между-тѣмъ иногда можно подумать, что это лукавое созданіе славянской мифологіи не потеряло до-сихъ-поръ еще своей власти надъ русскимъ міромъ. Кто упрячиваетъ иногда вещь, которую вы ищете, въ такое мѣсто, гдѣ она никакъ не можетъ находиться? кто задуваетъ вашу свѣчу, когда вы занимаетесь чѣмъ-нибудь особенно важнымъ? кто помѣщаетъ нужную вамъ цитату въ самую послѣднюю книгу вашей бібліотеки, и въ этой книгѣ на самую послѣднюю страницу? кто портитъ ваши перья, дѣлаетъ изъ чернилъ кашу, перепутываетъ бумаги, роняетъ ваши вещи, сушитъ ваши цвѣты, мараетъ и сталкиваетъ со стѣны картины, кладетъ пятно на вашъ новый фракъ, подталкиваетъ васъ сдѣлать все-то, что мы называемъ *неловкостью* — разбить стекло, уронить чернильницу на книги, разорвать платье, сломать стулъ и т. п.? Кто въ темнотѣ подставляетъ вамъ ногу или кладетъ по дорогѣ что-нибудь такое, обо что вы непременно разобь-

тесъ? Кто во время вашего сна щиплетъ васъ за носъ до-того, что онъ къ утру синѣетъ, кусаетъ вамъ губу до-того, что она вздувается аеростатомъ, или дастъ вамъ такой щелчокъ въ лобъ, отъ котораго у васъ дѣлается огромный желвакъ, непозволяющій вамъ никуда показаться? Кто, однимъ-словомъ, мучить, терзаетъ, тиранитъ васъ всю жизнь этими *маленькими неприятностями*? Бѣдныя жертвы маленькихъ неприятностей! Воздвигните алтарь, принесите жертвы этому страшному богу: можетъ-быть, вы и умиловите вашими мольбами этого бога *всего, что не-кетати*, по выраженіи одного русскаго поэта.

Неприятности отъ жителей Петербурга, или *живыя* неприятности его, еще убійственнѣе физическихъ. На неодушевленные предметы вакъ-то странно сердиться, хотя и они иногда выводятъ изъ терпѣнія. Если вамъ упадетъ на носъ камень съ неба, то не правда-ли, что въ эту минуту вы-бы гораздо лучше желали, чтобы его бросилъ въ васъ человѣкъ, съ которымъ за это еще можно было-бы разсчитаться? Но за-то камень, взбѣсившій васъ, тотчасъ-же и обезоружитъ своимъ безмолвіемъ и покорностью, тогда какъ человѣкъ своимъ *разсужденіями* можетъ рѣшительно довести васъ до бѣшенства. *Живыя* неприятности Петербурга непчислимы и разнообразны до безконечности. Для всякаго, кто отдаетъ деньги, получающій ихъ — жгучая неприятность; для женатаго очень-часто собственная его половина дѣлается живою неприятностью; для женщины живая неприятность всякая другая женщина, которая лучше ея лицомъ или нарядомъ, и вообще почти для каждаго смертнаго, всѣ братья и ближніе, которые чѣмъ-нибудь лучше, выше или замѣчательнѣе его — большія живыя неприятности.—Изъ всѣхъ пороковъ эгоизмъ болѣе всего сдружился съ человѣкомъ. Въ наше время эгоизмъ невидимое зерно, изъ котораго выходитъ много пышныхъ и красивыхъ добродѣтелей.

Человѣкъ терпитъ жестокія неудовольствія отъ людей, поставленныхъ ниже его на ступеняхъ общественной іерархіи судьбою, рожденіемъ, идеями, воспитаніемъ. Терпѣть неприятности отъ начальника или равнаго лица не такъ обидно и больно, какъ отъ пншаго; напротивъ, часто даже необходимо и полезно. Но

въ наше время, когда не существуетъ тираннiи сильныхъ, — ея съ успѣхомъ замѣнила *тираннiя слабыхъ*. Она тѣмъ ужаснѣе, что на нее совѣстно негодовать, стыдно обращать вниманiе, невозможно жаловаться — въ то время, когда болѣею частью отъ нея нѣтъ никакого средства избавиться. Мало того, что человѣкъ — своимъ уступками, покорностью, униженiемъ, — добровольно подчинилъ себя самой несносной тираннiи цѣлаго класса существъ, называемыхъ *женщинами*, — опъ, по своей безопасности, лѣни, привычкѣ, равнодушiю, — сносятъ тираннiю многихъ лицъ, которыя даже не награждаютъ его, какъ женщины, маленькими удовольствiями за большiя неприятности. Сколько есть людей, зависящихъ отъ своего лакея, повара, чортнаго, сапожника и тому подобныхъ лицъ, которые поступаютъ съ своею жертвою хуже самыхъ безжалостныхъ деспотовъ? Этотъ родъ зависимости еще несноснѣе того, въ который иногда впадаетъ человѣкъ, привязываясь къ бездушнымъ вещамъ. Намъ даже гораздо-понятнѣе привычка, привязанность, страсть къ своему креслу, столу, дивану, сапогамъ, картинѣ, чашкѣ, тѣмъ терпѣнiе, съ которыми многiе сносятъ неприятности отъ этихъ мелкихъ лицъ, болѣею частью очень-хорошо понимающихъ свою вилу, и употребляющихъ ее часто съ явнымъ намѣренiемъ досадить намъ, или доказать свою власть — надъ нами. Люди эти впрочемъ прикрѣплены къ намъ такими тонкими, но многочисленными нитями привычекъ, что перервать ихъ можетъ только человѣкъ, одаренный сильнымъ характеромъ. Людямъ совѣтъ не такъ трудно управлять, какъ объ этомъ думаютъ нѣкоторые публицисты. Мы сами охотно протягиваемъ шею подъ разныя роды ига, лишь-бы только намъ надѣвали его тихонокъ и съ ласковою улыбкою, увѣряя, что это дѣлается для нашей-же пользы, что это даже и не иго и что это намъ только такъ кажется.

Мы не хотимъ въ подробности разбирать и развивать теорiю власти слабыхъ, хотя изслѣдованiе причинъ постепеннаго усиленiя ея было-бы очень любопытно; не станемъ также перечислять всѣ роды петербургскихъ тираннiй, болѣею частью общихъ нашей столицѣ съ другими городами, и обратимъ внима-

нія читателей только на нѣкоторыя неприятели, предоставляя болѣе глубокомысленному изслѣдователю изобразить полную картину ихъ.

Тиранія купцовъ, разнощиковъ и тому подобныхъ лицъ торговаго сословія въ Петербургѣ ограничена такою, назначенною на многіе предметы, но со всеѣмъ тѣмъ есть много вещей, на которыя она не простирается, и если вамъ въ этихъ вещахъ встрѣчается надобность, то вы можете быть увѣрены, что одни переговоры съ купцами о цѣнѣ испортятъ у васъ по-крайней мѣрѣ фунта два крови, и не-смотря на это, вы все таки должны будете уступить бородатому варвару, узнающему какимъ-то особеннымъ чутьемъ, что вамъ нельзя обойтись безъ его товара, съ котораго онъ по этой причинѣ не сбавляетъ ни копѣйки. И вы по-неволѣ покоряетесь этой тираніи, счастливые еще и тѣмъ, если человѣколюбивый купецъ, взявши тройную цѣну, не обманулъ васъ въ качествѣ и количествѣ товара. Такого-же рода неприятности принуждены вы испытывать, если вамъ въ какомъ нибудь буфетѣ захочется выпить, и гдѣ съ васъ за стаканъ лимонада возмуть 40 коп. серебромъ. При разбитіи одного русскаго судна, прибрежные жители брали съ пассажировъ, спасшихся съ корабля, по продрогшихъ и вымокшихъ, по 25-ти рублей за пару шерстяныхъ чулковъ; — удивительно, какъ они не взяли 50-ть! У русскаго человѣка есть способность пользоваться настоящею минутою и при одномъ удобномъ случаѣ выместить на комъ-бы то ни было прошлые убытки, или запасти настоящею прибылью, на случай будущихъ непредвидимыхъ издержекъ.

Тиранія лакеевъ, сторожей, швейцаровъ и вообще лицъ изъ прислуги, въ Петербургѣ разнообразна до безконечности по отношенію къ званію страждущаго лица. Вообще прислуга неловкостью своею часто портитъ вещи въ хозяйствѣ, перепутываетъ посылки и приказанія, отказываетъ лицамъ, которыхъ намъ надобно видѣть, и принимаетъ докучливыхъ посѣтителей, не помнитъ того, что ей скажутъ, услуживаетъ не въ-попадъ, или пропадаетъ, когда нужна, сплетнями и пересказами разноситъ о господахъ дурные слухи, вредитъ имъ иногда самымъ ужаснымъ образомъ, съ увѣреніями въ безконечной привязанности, однимъ-

словомъ, имѣеть огромное вліяніе на семейную жизнь нашу, которое тѣмъ опаснѣе, что оно кажется мелко и ничтожно. И это все еще дѣлають *хорошіе* лакеи: что-же долженъ вытерпѣть человѣкъ, когда судьба пошлетъ ему *дурнаго!* Лакей есть домашній врагъ и шпионъ, данный обществомъ человѣку.

Тираниа дворниковъ прекрасно описана козакомъ Луганскимъ въ его статьѣ о дворникѣ, въ «Физиологій Петербурга». Жильцовъ онъ можетъ вывести изъ терпѣнія ежедневными поздравленіями съ разными семейными и государственными событіями; но если вамъ надобно отыскивать кого-нибудь изъ жильцовъ въ то время, когда дворникъ не въ-духѣ, то намъ остается только пожалѣть объ васъ.

Тираниа плотниковъ, каменщиковъ и вообще рабочихъ лицъ очень-хорошо извѣстна домохозяйкамъ и тѣмъ, которые затѣвають какую-нибудь передѣлку въ своемъ домѣ или квартирѣ. Для того-чтобы обмануть на копейку, рабочій людъ прибѣгаетъ къ такимъ хитростямъ, которыя прославили-бы его, если-бы ихъ обнародовать. Другіе, напротивъ, надувають до того явно и безъ зазрѣнія совѣсти, что не знаешь, чему болѣе удивляться: нагости-ли ихъ, или мысли, что баринъ рѣшительно ничего не понимаетъ въ ихъ дѣлѣ, и его можно надувать какъ угодно. Тираниа этихъ лицъ можетъ конечно съ удобствомъ быть замѣнена тираниею одного поставщика или подрядчика: въ такомъ случаѣ имѣется явная выгода въ томъ, что сотня различныхъ, мелкихъ мошенничествъ соединяется въ одномъ мошенничествѣ въ массѣ. Очень-часто бываетъ однако-же, что при этомъ сумма превосходить слагаемыя, въ противность самымъ первымъ правиламъ арифметики.

Мы нарочно отвесли *тиранию извозчиковъ* къ концу нашего очерка, чтобы развить ее нѣсколько подробнѣе, потому-что это зло свойственно почти одному Петербургу, и по какому то странному случаю до-сихъ-поръ не можетъ въ немъ истребиться, несмотря на всѣ вопли и жалобы фельетоновъ, чиновниковъ, повѣстей и бѣдныхъ людей.

Общее мнѣніе въ Петербургѣ вообще то, что извозчики — роскошь, что никто не заставляетъ напимать ихъ, и что, слѣдовательно, такса на нихъ совершенно ненужна. Но это мнѣніе могутъ поддерживать только тѣ, которые не ѣздятъ на извозникахъ, имѣя для сообщенія другія, болѣе благородныя средства. Въ петербургской жизни извозчики такая-же роскошь,

как порядочное платье, дрова зимою и ежедневный обѣдъ. Конечно, есть люди, которые ходятъ въ діогеновскимъ костюмѣ, грѣются только другъ о друга, или сами о себя, и обѣдаютъ черезъ день, а иногда и черезъ два, для того, чтобы избѣжать излишней роскоши; но кто-же скажетъ, что эти люди не приближаются уже къ разряду животныхъ, хотя очень часто въ этомъ совершенно виноваты? То, что извозчики — необходимостью въ Петербургѣ, доказывается ежегоднымъ увеличеніемъ числа мучительныхъ машинъ, называемыхъ *дрожками*, и увеличеніемъ цѣны за поѣздки на этихъ машинахъ. Но оставивъ въ сторонѣ воздушные замки о возможности улучшения когда-нибудь комфорта этихъ дрожекъ, принесемъ нѣсколько жалобъ судьбѣ на варварскій деспотизмъ извозчиковъ, съ каждымъ годомъ дѣлающійся ужаснѣе и невыносимѣе. Даже зимою, благодѣтельные ваньки, возившіе нѣкогда за гривенникъ скромное человѣчество отъ Песковъ къ Каликину-мосту, на своемъ дикомъ инструментѣ, — сдѣлались въ настоящее время мною, спомъ, мечтою воображенія. Въ сѣбное время однако все есть еще хоть какая-нибудь возможность сѣздить куда-нибудь за человѣческую цѣну; но лѣтомъ, такъ называемымъ лѣтомъ — рѣшительно не знаешь, что дѣлать съ этими неумолимыми автомедонами! Теперь куда бы вы ни панимали этого нумерованнаго возницу, хотя-бы только переѣхать черезъ улицу, — онъ никогда не спрашиваетъ съ васъ меньше двугривеннаго. Онъ даже никогда не слышалъ о гривенникѣ, и увѣряетъ, что такой цѣны нѣтъ и монеты не существуетъ. — Страшныя, непомѣрныя цѣны заламываютъ эти путеводители въ праздничные дни, при дурной погодѣ и другихъ особенныхъ обстоятельствахъ. Часто онъ проситъ съ васъ гораздо-дороже того, что стоятъ его дрожки. Извозчикъ — опытный физиогномикъ и тонкій знатокъ человеческого сердца. По лицу, по походкѣ, по жестамъ онъ тотчасъ видитъ, что вы *нужно* должны ѣхать, и потому, не заикнувшись, спрашиваетъ съ васъ *полтинничекъ* и только изъ христіанскаго состраданія *два двугривенныхъ*. Одно соревнованіе ихъ можетъ дать вамъ возможность нанять дрожки за благоразумную цѣну; если-же вы встрѣтите этого гордаго возницу одного, развѣзжающаго по отдаленнымъ петербургскимъ улицамъ, то лучше и не торгуйтесь съ нимъ и не пробуйте умолять его. Въ справедливомъ негодованіи на васъ, онъ отвѣтитъ вамъ презрительной улыбкой и уѣдетъ отъ васъ, хотя-бы вы даже потомъ и дали ему, что онъ

спрашиваетъ. Самое соревнованіе между ними можетъ быть вамъ полезно только тогда, когда вы встрѣчаете нѣсколько простыхъ извозчиковъ, не имѣющихъ особаго пристанища, или такъ-называемой *колоды*. Попробуйте обратиться къ тѣмъ, которые стоять, какъ говорится, *на биржѣ*. Тамъ все до одного назначаютъ исполнскую цѣну, не сбавляя ни копейки и отвѣчая вамъ какъ-бы не-хотя. И будьте увѣрены, что ни одинъ изъ нихъ не повезетъ васъ ниже назначенной имъ цѣны. Для этого существуетъ у нихъ договоръ, постановленіе, условіе. Каждая *биржа* составляетъ свою особенную касту, повинующуюся однажды положеннымъ законамъ. Часто даже вы ни за какую цѣну не дозветесь ни одного изъ этихъ *биржевыхъ* изъ харчевни, или ресторацин, гдѣ они обыкновенно утверждаютъ свое мѣстопробываніе. Эти отказы еще болѣе неприятны, чѣмъ огромная цѣна или переговоры съ какимъ-нибудь глуховатымъ извозчикомъ, съ четверть часа допрашивающимъ васъ: «асъ, какъ-съ, куда съ вами? да что съ васъ?—двугривенный безъ торгу»... и везущимъ потомъ къ Николѣ-Морскому, когда вы нанимали его въ Колтовскую. Часто при встрѣчѣ съ вами извозчикъ на требованія ваши свезти васъ туда-то, отвѣчаетъ хладнокровно: «Не-е! далече-болно! не поѣду!» или даже просто не отвѣчаетъ вамъ ни слова, презрительно помахивая кнутомъ и съ насмѣшкою поглядывая на васъ въ ту минуту, когда отъ скорости, можетъ-быть, зависитъ спасеніе ближняго или предупрежденіе какого-нибудь несчастія. Попробуйте-ка также нанять его на-примѣръ къ Большому-Театру и повернуть съ площади къ Поцѣлуеву-мосту, остановясь у одного изъ трехъ домовъ, противъ Коммиссаріата: какой вой и жалобы подниметъ бородатый извергъ на то, что вы не туда наняли его, что заставили проѣхать дальше, чѣмъ слѣдуетъ и т. п. Если вы ему на дорогѣ сказали разъ: «скорѣй», или «пошелъ», то, плетясь только что не шагомъ, онъ, по прибытіи въ мѣсту назначенія, не применеть спросить у васъ прибавки, за то, что ѣхалъ *болно-шибко*, по вашему приказанію. Если съ вами нѣтъ именно той монеты, за которую вы его наняли, то будьте увѣрены, что онъ, давая сдачи, присовокупитъ къ ней копеекъ десять серебряной мѣдью, или мѣднымъ серебромъ, удержавши изъ этой суммы копейки три въ свою пользу, потому что у него *не хватаетъ* этихъ трехъ копеекъ. Попробуйте, ѣхавши на извозчикѣ, остановиться на минуту поговорить съ пріятелемъ, отдать записку на какомъ-нибудь подѣздѣ—или, про-

сто, за какой-нибудь другой надобностью—тѣ-же требованія прибавки, тѣже жалобы и рекриминаціи. И хоть-бы имъ впрокъ шли эти деньги, которыя они съ такимъ адекимъ искусствомъ и безчеловѣчїемъ вымучиваютъ у бѣдныхъ сѣдоковъ, а то большая часть разныхъ мелкихъ мопеть, нажитыхъ такъ несправедливо, остаются въ харчевняхъ и другихъ тому-подобныхъ гостепріимныхъ и чревоугодныхъ заведенїяхъ. Не невѣроятнымъ-ли кажется, что иногда извозчикъ получаетъ въ годъ гораздо-болѣе пнаго чиновника трудящагося на поприщѣ гражданскаго управленія. О такъ-называемыхъ *линейкахъ* и *пролеткахъ* нечего ужъ и говорить. Съ этими *лишачами*, наживающими огромныя суммы развозомъ купеческихъ сынковъ и безыменныхъ дамъ, иначе нельзя говорить, какъ снявши шляпу, и освѣдомясь напередъ, какъ они сегодня въ своемъ здоровьи и расположены-ли сдѣлать вамъ честь, прогуляться съ вами за сумму, на которую вы-бы могли легко быть сыты цѣлую недѣлю. Какъ не позавидать другимъ городамъ Европы и даже Россіи, гдѣ эта тяжкая пошлина на бѣдныхъ жителей удержана въ границахъ благотѣльной таксою! Какъ не пожалѣть о бѣдномъ чловѣкѣ, который, опоздавши къ должности, торюясь за помощь для больной родни, или, просто, по слабости здоровья, будучи не въ состояніи идти цѣшкомъ, долженъ платить извозникамъ сумму, на которую онъ могъ-бы улучшить состояніе своего семейства!

С М Ъ С Ъ .

РЕПЕТИЦІЯ НА СТАНЦІИ, ИЛИ ДОБРОМУ СЛУЖИТЬ — СЕРДЦЕ ЛЕЖИТЬ.

Аналогическій водевилъ въ одномъ дѣйствіи ().*

Подъ такимъ названіемъ, недавно отпечатанъ и изданъ въ Москвѣ водевилъ, представленный въ 1827 году обществомъ людей, преданныхъ покойному Свѣтлѣйшему Князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну, въ день его рожденія, 29-го октября, въ подмосковномъ селѣ Рожественѣ. Небольшая эта пѣса, сколько по цѣлѣ своей, столько и по занимательности, имѣла огромный успѣхъ, но извѣстна была въ свое время только одному кругу высшаго общества въ Москвѣ; она написана, въ нѣсколько часовъ, однимъ изъ первыхъ нашихъ литераторовъ (М. Н. Загоскинъ); куплеты въ ней сочинены Александромъ Ивановичемъ Писаревымъ, оплаканнымъ на зарѣ жизни друзьями и музами.

Къ означенной пѣсѣ, напечатанной въ одной изъ лучшихъ московскихъ типографій, красивымъ шрифтомъ, приложены литографированныя картинки: видъ села Рожествена, съ сельскимъ праздникомъ, и устройство спектакля въ Рожественскомъ домѣ Его Свѣлости Князя Дмитрія Владиміровича (*Воспоминаніе прекраснаго дня*); сверхъ-того, къ водевилю приложена музыка послѣднихъ куплетовъ для фортепіано, А. Н. Верстовскаго.

Распродажа экземпляровъ водевиля «Репетиція на Станціи», назначена издателемъ (П. Н. Араповымъ), въ пользу тѣхъ нуждающихся, которые стыдятся просить подавнія; вырученныя деньги поступаютъ въ распоряженіе Высочайше-утвержденнаго Дамскаго Попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ. (*)

(*) Москва. 1845, въ 8-ю д. л.

(*) Книжку эту можно получать въ С. Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхина; экземпляры, къ коимъ картинки литографированы съ

Въ любопытномъ предисловіи къ этой книгѣ, П. Н. Араповъ рассказываетъ слѣдующее:

«Князь Дмитрій Владиміровичъ привыкъ обыкновеніе проводить время своего отдыха отъ заботъ и трудовъ въ любимомъ своемъ Рождественѣ, селѣ, находящемся въ Дмитровскомъ уѣздѣ, въ 40 верстахъ отъ Москвы. Тамъ, перѣдко лѣтомъ, и даже въ глубокую осень, въ домѣ, убраннымъ съ изящною простотою, окруженномъ террасами и роскошнымъ тѣнистымъ садомъ, собирался тѣсный кругъ его знакомыхъ; одинаково ласковый для всѣхъ пріемъ хозяина, который перерождался въ любезнаго, добродушнаго гражданина на это время, привѣтливость его почтенной супруги, Княгини Татьяны Васильевны, памятной Москвѣ своею примѣрно-добродѣтельною жизнью, оборожала гостей, сокращала и самые невостные осенние вечера въ удовольствіи. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали всегда дня именинъ и рожденія Князя, сколько приготавлилось къ этимъ днямъ искреннихъ ему привѣтствій знакомыми, людьми ему преданными! Число ихъ было велико, потому-что Князь Дмитрій Владиміровичъ, обладая рѣдкими душевными качествами, соединялъ его изъ всѣхъ состояній. Въ 1827 году, цѣлое общество собралось праздновать 29-е октября, драгоцѣнный день его рожденія, въ Рождественѣ. Многіе изъ звѣстныхъ людей въ Москвѣ изъявляя желаніе быть участниками предполагаемаго торжества; въ дѣлѣ, гдѣ руководствуетъ сердце, не нужно прибѣгать къ усиліямъ; сюрпризъ былъ слаженъ въ нѣсколько дней. А. А. Б.***, будучи въ то время сосѣдомъ покойнаго Князя, по небольшой усадьбѣ, принадлежавшей ему близъ Рождествена, предложилъ съ свойственнымъ ему добродушіемъ, чтобы всѣ приготовления дѣлались у него въ деревнѣ; онъ первый раздѣлилъ оригинальную мысль М. Н. З.***, чтобы въ водевилѣ, написанномъ симъ послѣднимъ въ нѣсколько часовъ, каждый изъ участвующихъ назывался своимъ именемъ, за исключеніемъ лицъ вводныхъ, которыя должны были довершать интересъ и комизмъ пьесы. Дѣйствіе ея перенесъ З.*** въ Солнечную-Гору, (вторую станцію отъ Москвы, по прежнему распредѣленію); отъ нея ближайшій поворотъ въ Село Рождествено; остроумный А. И. Писаревъ, похищенный безвременно у друзей и поэзии, написалъ къ водевилу куплеты, въ которыхъ выразилась дѣятельная жизнь и характеръ маслятаго градоначальника. И такъ, участвующими были: А. А. Б.*** Б. К. Д.*** А. С. Т.*** А. Н. В.*** А. И. Писаревъ, Ки. Н. А. Щ.*** П. Н. А.***, послѣдній представлялъ трактирщика. — Къ нимъ присоединились первоклассные артисты того времени, которые также просили включить ихъ въ число прочихъ, какъ людей обязанныхъ Князю, во-время его главнаго начальства надъ московскимъ театромъ (*), М. С. Щепкинъ,

палевымъ цвѣтомъ и которыхъ число самое небольшое, по 1 руб. 50 коп. сереб., прочіе-же по 1 рублю серебромъ; при каждомъ экземплярѣ приложено видѣ села Рождествена отдѣльно.

(*) Князь Дмитрій Владиміровичъ, со вступленія въ званіе Генераль-Губернатора, 1820 года, до 1826 года, т. е. до времени учрежденія Министерства ИМПЕРАТОРСКАГО Двора, завѣдывалъ московскимъ театромъ, который главнѣйше обязанъ ему за значительные способы, которые Князь исходатайствовалъ отъ Высочайшихъ щедротъ на его улучшение. Въ 1824 году зданіе большаго Петровскаго-Театра возрождено при немъ отъ основанія; приобрѣтенъ покупкою въ казну домъ купца Варгина, въ которомъ устроенъ Малый-Театръ. Первые артисты балетной труппы во-время главнаго управленія театромъ Князя Дмитрія Владиміровича выписаны изъ Парижа, и балетъ московскій приведенъ на степень совершенства; фран-

покойные Резанцовъ, Сабуровъ и Кубишта. — Обстоятельства не позволили тогда просвѣщенному любителю отечественнаго театра, О. О. Коконкину, лично участвовать въ сюрпризѣ, но стихи его, для этого случая сочиненные, были прочитаны А. А. Б.*** Нѣсколько пробъ водевилля сдѣланы у А. А. Б.*** въ деревнѣ, и передъ вечеромъ 29-го октября, вся труппа съ подвижнымъ театромъ была уже въ Рождествѣ. Въ удобную минуту, когда хозяина заняли серьезнымъ разговоромъ въ гостиной, разобранъ былъ биллиардъ въ смежной съ нею комнатѣ, мгновенно разставлены кулисы, загремѣлъ оркестръ, нарочно привезенный изъ Москвы, составленный изъ первыхъ артистовъ Театральной Дирекціи, взвился занавѣсъ — и сыгранъ водевилль *Репетиція на станціи*. Покойный Князь Дмитрій Владиміровичъ былъ тронутъ до глубины души вниманіемъ общества, устроеннаго ему сюрпризъ, и отъ-души смѣялся въ сценѣ славнаго комика Щепкина съ просительницею Бригадиршею, которую представлялъ неподражаемый Резанцевъ. Всѣ куплеты, относившіеся къ новорожденному, были приняты съ громкими рукоплесканіями и повторены нѣсколько разъ; восторгъ при этомъ былъ общій; за водевилемъ слѣдовалъ дивертиссементъ, который заставилъ смѣяться зрителей. Дорога отъ Москвы до Рождествена, покрытая различными экипажами, представляла въ тотъ день многолюдное гулянье. Между прочимъ осталась намѣтною черта характера покойнаго Александра Васильевича Арсеньева, служившаго въ то время, членомъ репертуарной части при московскомъ театрѣ: онъ твердо сохранялъ обычай — нигдѣ не бывать въ гостяхъ, даже у самыхъ короткихъ знакомыхъ, чуждаясь всякаго угощенія; ѣздилъ только каждый день въ театръ по должности. Зная эту оригинальную странность Арсеньева, впрочемъ умнаго и любезнаго человѣка, никому изъ его знакомыхъ не пришло на мысль, пригласить его въ день сюрприза въ Рождествено; но какъ онъ имѣлъ обыкновеніе каждый разъ подавать Князю аффишу, когда Князь Дмитрій Владиміровичъ прѣзжалъ въ театръ, въ свою ложу; то Арсеньевъ, желая быть и въ этотъ разъ аккуратнымъ, въ ту минуту, когда зрители заняли мѣста, явился въ залѣ спектакля въ камергерскомъ вице-мундирѣ и почтительно поднесъ аффишу Князю; Князь Дмитрій Владиміровичъ едва успѣлъ сказать ему два слова, какъ предусмотрительный Арсеньевъ, исполнивъ свой пріятный, какъ онъ говорилъ, долгъ, сѣлъ въ коляску и ускакалъ обратно, на почтовыхъ, домой. Зрители спектакля въ Рождествѣ до того были восхищены пьесою, что возбудили любопытство многихъ въ Москвѣ; все высшее общество желало видѣть повтореніе *Репетиціи на Станціи*; покойный О. О. Коконкинъ предложилъ участвовавшимъ еще разъ сыграть се у него въ домѣ, самъ игралъ въ небольшой комедіи, предшествовавшей водевилю, и можно безъ преувеличенія сказать, что если-бы зала Коконкина была въ три раза больше, то и тогда она не вмѣстила-бы всей публики, которая по первому свѣдѣнію о представленіи водевиля, во что-бы ни стало, стремилась его видѣть, аплодировала куплетамъ и заставляла ихъ многократно повторять при громкихъ восклицаніяхъ».

Считаемъ не лишнимъ выписать ту сцену Щепкина, которая заставила отъ души смѣяться покойнаго Князя:

Щепкинъ (за кулисами). Проворгиѣ лошадей! дамъ на волю!

II. Знакомый голосъ! — Не ужели. Точно такъ! Щепкинъ.

пудскій спектакль также устроень его попеченіемъ. Русскіе артисты преимущественно были всегда ободрены имъ и состояли подъ его покровительствомъ.

ТЪ-ЖЕ И ШЕПКАВЪ.

- Б. А! любезнѣйшій!
- В. Михайло Семеновичъ!
- Ш. Здравствуйте, господа!
- Б. Какъ ты попалъ сюда?
- Ш. Буду въ Петербургъ.
- Б. За чѣмъ?
- Ш. Сыграть нѣсколько разъ на тамошнемъ театрѣ, и взять бенефисъ.
- П. Вы выѣхали сегодня?
- Ш. Нѣтъ, вчера; тотчасъ послѣ спектакля.
- Б. А что давали?
- Ш. Драму, Эдуардъ въ Шотландіи — я игралъ въ ней Полковника.
- Трактирщикъ (*сходитъ*). Сбѣю спросить — извините, имя и званіе ваше не имѣю честь знать....
- Ш. Не знаю, душечка, что сегодня, — а вчера былъ полковникомъ.
- Трактирщикъ. Ахъ, извините — Ваше-Высокоблагородіе! не угодно-ли вамъ что-нибудь покушать?
- Ш. Спасибо! не хочу.
- Б. Голубчикъ! Михайла Семеновичъ, помогите нашему горю!
- Ш. О чемъ вы хлопочете? —
- Б. Во-первыхъ, ты останешься сегодня съ нами.
- Ш. Невозможно — я тороплюсь.
- Б. Для того, чтобъ сдѣлать сюрпризъ князю Дмитрію Владиміровичу; сегодня его рожденье.
- Ш. Вотъ это другое дѣло — извольте, остаюсь!
- Всѣ мы готовы съ восхищеньемъ
Тому начальнику служить,
Кто просвѣщеннымъ управленьемъ
Умѣлъ театръ возстановить.
Изъ рукъ его благотворенья
Москвѣ и намъ всегда лились,
И Князю сдѣлать угожденье —
Вотъ самый лучшій бенефисъ!
- Б. Правда. Придумай-же, что намъ сдѣлать? Мы, до-сихъ-поръ не можемъ согласиться между-собой.
- Ш. И, господа! да-тутъ, мнѣ кажется, и спорить не о чемъ! Вы хотите сдѣлать сюрпризъ. Вопросъ: какого рода? — сантиментальный или комическій?
- Б. Комическій!
- Ш. Слѣдовательно, позабудьте объ умѣ — умъ хорошо, да только онъ не всегда бываетъ забавенъ, а вы, вѣрно, хотите, чтобъ всѣ смѣялись!
- Всѣ. Разумѣется.
- Ш. Итакъ, побольше глупостей! — Вы, Ваше Превосходительство, поете плохо — за то хорошо говорите, вы должны произнести рѣчь.
- Б. Да что я за импровизаторъ? я буду врать.
- Ш. Тѣмъ лучше, будутъ смѣяться (*И***)* Вы сочините куплеты, (*В***)* а вы ихъ пропоете, (*Д****) а вы...
- Д. Я хочу танцовать.
- Ш. Резонъ! Вы съ Его Превосходительствомъ протанцуете *pas de deux à l'écho*; да дѣлайте почаще шпуреты *à tir-bouchon*; — теперь-бы въ заключеніе какую-нибудь великогнѣнную глупость.
- Макарови. Я пропою бравурную арію.
- Ш. Брависсимо! прекрасная музыка — глупыя слова — чего-же лучше! Теперь кажется все улажено.

II. Не лъзя-ли прорепетировать?

III. И можно, и должно. (Б***) Извольте говорить рѣчь. —

Б. Хорошо! хорошо! Михайла Семеновичъ, садись здѣсь — представляй ты Князя.

III. (садится).

Б. (начинаетъ съ важностію, въ это время входитъ Фондуклейкина).
Ваше Сіятельство...

Фондуклейкина. Чтѣ я слышу!

Б. Ваше Сіятельство! Вы видите предъ собою людей, которыхъ души наполнены одними и тѣми-же чувствами! Занимая знаменитый постъ градоначальника московскаго, вы всегда пеклись...

Фондуклейкина. Такъ точно! это Генераль-Губернаторъ! — батюшка! Ваше Сіятельство! —

III. (вскакивая). Чтѣ это значить?

Фондуклейкина. Вы здѣсь инкогнито — но это все равно!

III. Я не Князь, сударыня!

Фондуклейкина. Вы напрасно хотите скрывать свое достоинство: этотъ важный видъ, — величественный ростъ — все доказываетъ...

III. Что я человекъ непростой! Быть-можетъ; конечно, мои товарищи носятъ иногда порфиру и корону, но я право совсѣмъ не тотъ, за кого вы меня принимаете.

Фондуклейкина (Б***). Отецъ мой, А. А., попроси, чтобъ онъ меня выслушалъ.

Б. А чтѣ и въ-самомъ-дѣлѣ. (Тихо Щенкину) Послушай — сыграй роль Князя, — эта женщина ужасная ябядница, отдѣлай ее хорошенько. —

III. За этимъ дѣло не станеть; — отпущу ей сцену изъ Мольера, такъ она у меня язычекъ прикусить. (Фондуклейкиной) Чтѣ тебѣ угодно, сударыня? —

Фондуклейкина. Сіятельный Князь! вступись за бѣдную сироту, у меня тяжбы со всѣми родными.

III. Какъ! тяжбы со всѣми родными! (тихо Б***) Скажу ей тираду изъ «Сканиновыхъ Обмановъ!» (Фондуклейкиной) У тебя столько процессовъ! — А думала-ли ты о всѣхъ каверзахъ правосудія? о подъячихъ, писцахъ, переписчикахъ, стряпчихъ, канцеляристахъ, регистраторахъ, засѣдателяхъ, прокурорахъ, ассессорахъ, судьяхъ.

Фондуклейкина. Думала, отецъ мой! думала! —

III. Протоколистъ не такъ запишетъ въ протоколъ; стряпчій продастъ, регистраторъ запишетъ въ рѣзстръ; прокуроръ пропуститъ, секретарь скрѣпшитъ, судья осудитъ, засѣдатель справитъ.

Фондуклейкина. Долго-ль до грѣха!

III. А деньги! деньги! — они нужны тебѣ будутъ на письмо, на переписку, на записку, на выписку, и на росписку...

Фондуклейкина. Такъ! такъ!

III. Деньги! — надобно ихъ давать: за сочиненье, за явку, за справку и за выправку.

Фондуклейкина. Такъ! такъ!

III. Деньги! ихъ должно платить за просрочку, за неявку, за публикацію, за рукоприкладство, за штрафъ, за проторы, убытки, волокиты и безчестье...

Трактирщикъ (подходитъ скоро къ III***) Извините! почему, сударь, вы изволите называться полковникомъ, когда вы московскій придворный актеръ? — я себя дурачить никому не позволю!

Фондуклейкина. Какъ, онъ актеръ? —

Трактирщикъ. Я самъ смотрѣлъ въ подорожной.

Фондуклейкина. Ахъ ты, исгодной скоморохъ! да какъ ты осмѣлился! (всѣ слѣются) Смѣйтесь, смѣйтесь! я сейчасъ ѣду къ Князю; я и въ деревнѣ его найду,—отъ меня не спрячется,—я буду просить — настою, потребую!.. Смѣяться надъ Бригадиршей! — лошадей! сейчасъ лошадей! (Уходитъ).

Ш. Ну, господа! мнѣ за шутку досталось — не на шутку! Теперь за репетицію! —

Въ заключеніе выпишемъ нѣсколько умныхъ, игривыхъ куплетовъ покойнаго А. И. Писарева.

Попавши въ кругъ судей извѣстныхъ,
Къ нимъ такъ поддѣлался Ханковъ,
Что безъ доводовъ полновѣсныхъ,
Не наклоняетъ ужъ вѣсовъ;
Не кончить тяжбы безъ натяжекъ,
Тѣмъ дѣлъ у правды оттягалъ,
И сто бумагъ, и сто бумажекъ,
Вседневно вносить въ свой журналъ,

Счастливъ, кто жить мѣшалъ злодюю,
И добрымъ людямъ помогать,
Кто не сгибалъ предъ сильнымъ шею,
Предъ слабымъ носъ не поднималъ;
Счастливъ, кто бѣгалъ отъ Амура,
И съ Бахусомъ не забывалъ,
Что тамъ престогаля цензура
Разсмотритъ дѣлъ его журналъ.

Всему великому причастенъ
Отважный, русскій нашъ народъ:
Онъ только Богу лишь подвластенъ, —
Захочетъ лавровъ, и пожветъ!
Въ Москву вломился вражи скопы, —
«Гори Москва!» онъ провѣщалъ,
И кровью — на поляхъ Европы,
Писалъ побѣдъ своихъ журналъ!

Хористъ Реутовъ, также пріѣхавшій на станцію, гдѣ происходитъ репетиція, говоритъ:

Вы, господа, не можете представить, какъ безпокойно и хлопотливо служить при театрѣ.

Съ утра до вечера у насъ
Полна просителей контора,
Тамъ емѣхъ, тутъ слезы, или ссора,
И нѣтъ покоя ни на часъ. —
Актеръ тамъ ссорится съ суфлѣромъ,
Въ жару трагическомъ кричитъ;
Суфлѣръ бранится съ бутяфоромъ,
А всѣхъ ихъ публика бранитъ. —

Повсюду страшный шумъ и крикъ:
Иному дайте вы прибавку, —

Любовникъ просится въ отставку,
 И въ службу просится старикъ ;
 Здѣсь роль проходитъ сочинитель,
 Съ Пиладомъ ссорится Орестъ ;
 А тамъ сажаютъ нашъ зритель,
 За пльство, чорта подъ арестъ !

У балетмейстера за то
 Тамъ съ машинистомъ вышла сцена,
 Что сбѣлазь море по колѣна,
 И не похоже ни на что !
 Всѣ безпрестанно суетятся,
 Одинъ молчить, другой кричать,
 Хлопочуть, ссорятся, бранятся —
 А всѣхъ ихъ публика бранитъ.

Нѣтъ сомнѣнiя, что водевиль *Репетиція на станціи* разоидется по рукамъ тысячами экземпляровъ, особенно въ нашей бѣлокаменной столицѣ, гдѣ на всякомъ шагу памятенъ градоначальникъ, посвятившій ей около 25-ти лѣтъ прекрасной, дѣятельной жизни своей. Благодѣтельная цѣль, съ какою книга напечатана, еще болѣе будетъ содѣйствовать къ распродажѣ ея.

СТРАШНАЯ ИСТОРИЯ.

(Разсказъ Дикенса).

Вамъ, безъ-сомнѣнiя, случалось, хоть разъ въ жизни, встрѣтить гдѣ-нибудь несчастливца, покрытаго рубищемъ, болѣзненнаго, печальнаго, и, взглянувъ на некаженные черты лица его, припомнить, что видите его не въ первый разъ, что прежде знавали его совершенно въ другомъ положенiи, совершенно инымъ, чѣмъ въ минуту встрѣчи. Вамъ становилось невыразимо-грустно за него... Но, увя! въ холодномъ и счастливомъ эгоизмѣ видъ этихъ страдальцевъ пробуждаетъ только отвращенiе; а между-тѣмъ, иной изъ нихъ былъ нѣкогда смѣтливымъ, зажиточнымъ купцомъ, или человѣкомъ, которому, какъ говорится, предстояла карьера по службѣ!... Холодно, отворотясь, проходитъ мимо такого несчастливца богатъ, довольный своею судьбою, и задаетъ себѣ глубокомысленный вопросъ: «да какъ еще онъ не умеръ съ голоду?...»

И причина этого страшнаго, преждевременнаго разрушенiя физическаго и нравственнаго одна: это страсть къ тому медленному, неизлѣльному яду, который, прежде чѣмъ перерветъ жизнь, обнажить ее отъ всего, что въ ней дорого человѣку; страсть непреодолимая, страсть, которая заставляетъ забыть жену, дѣтей, тѣсныя дружескія связи, положенiе въ обществѣ и состоя-

ніе; которая влечетъ свои жертвы къ униженію и позору; — однимъ-словомъ, это — пьянство.

Многихъ предаетъ ему на гибель бѣдность, утрата любимыхъ надеждъ, смерть милыхъ сердцу; но за-то другіе бросаются въ роковую бездну добровольно, зная о послѣдствіяхъ...

Разъ, — это было въ Лондонѣ, — одинъ изъ несчастливцевъ послѣдняго рода стоялъ передъ изголовьемъ умирающей жены своей, между-тѣмъ, какъ вокругъ постели ея рыдали тихо и моллились, на колѣняхъ, ихъ маленькія дѣти. По блѣдному лицу этой женщины можно было угадать съ перваго взгляда, что душу ея терзали долгія, тяжкія печали, долгая, тяжкая бѣдность... Голову ея поддерживала, заливаясь слезами, старая мать ея; но холодныя, исхудалые пальцы умирающей сжимали не руку матери, но руку мужа, и въ его-же глаза вперялся потухающій взоръ ея, передъ которымъ невольно трепеталъ онъ въ эту минуту. Но какое чувство могъ самъ онъ внушить тогда? Лицо у него было багровое, платье его было въ беспорядкѣ, глаза его были мутны и дикі. Было видно по всему, что его призвали къ этому одру скорби и страданія съ какой-нибудь постыдной оргіи.

Только кровать и лица окружавшихъ ее были полу-освѣщены слабымъ мерцаемъ лампы, висѣвшей не подальку отъ постели; во всѣхъ другихъ мѣстахъ комнаты было совершенно-темно. Въ царствовало молчаніе почти, внутри — молчаніе смерти. Эту страшную тишину прерывалъ только мѣрный стукъ стѣнныхъ часовъ, висѣвшихъ у камня....

Вдругъ рука умирающей покинула руку мужа; сама она приподнялась, окинула тусклымъ взоромъ мужа, мать, дѣтей, хотѣла сказать что-то, но не сказала ни слова, и опять упала на изголовье. Казалось, она заснула. Мать и мужъ наклонились къ ней, назвали ее по имени, сначала тихо, потомъ громче, наконецъ еще громче: — отвѣта не было. Они начали прислушиваться къ ея дыханію: его уже не существовало вовсе. Мать приложила руку къ ея сердцу: оно уже не билось совершенно.. Страданцы уже не было!

Мужъ упалъ на стулъ, стоявшій подлѣ кровати; руки его судорожно сдавили голову; его взглядъ остановился-было на дѣтяхъ, но встрѣтивъ слезы, которыя катились изъ ихъ глазъ, быстро покинулъ ихъ... Къ нему не протянулась ни одна рука; ему не сказалъ никто ни одного слова любви и участія; отъ него укрывались; и когда, шатаясь, онъ вышелъ изъ комнаты, за нимъ не послѣдовалъ никто...

Прежде, въ минуту скорби, цѣлая семья друзей старалась бы найти и нашла-бы доступъ къ его сердцу; но эти времена были уже далеко. Всѣ тѣ, которыхъ онъ любилъ прежде, — его друзья, его родные, его знакомые, — всѣ они покинули несчастливца, когда онъ предался необузданной страсти къ вину. Его

не покинула только одна жена: ни бѣдность, ни болѣзни не оторвали ее отъ него. — И чѣмъ-же отплатилъ онъ ей?...

Быстро вышелъ онъ изъ дома, и быстро шелъ по опустѣлымъ улицамъ. Душа его терзалась; онъ хотѣлъ заглушить свои муки, и снова вошелъ опять въ таверну, откуда не задолго предъ тѣмъ призвали его къ постели умиравшей жены. Пированье началось снова...

Годы быстро смѣняются годами. Дѣти, — ихъ было четверо, — перестали-быть дѣтьми. Сыновья покинули домъ родительскій. Въ немъ осталась только дочь, у которой отецъ ея, вѣрный своимъ привычкамъ, отнималъ большую часть денегъ, выручаемыхъ ею почти непрерывною работою.

Но силы наконецъ измѣнили ей: она сдѣлалась больна.

Однажды вечеромъ, отецъ ея возвращался домой ранѣе обыкновеннаго. Онъ шелъ раздумывая, что такъ-какъ у него нѣтъ денегъ, а дочь работать не можетъ, то не худо сходить къ лекарю, и попросить полечить ее. Онъ даже выпросилъ у какого то прохожаго подаиіе, и купилъ, на эту милостыню, хлѣбъ для дочери: такъ, видите, были нужны ему силы ея...

Страшенъ и отвратителенъ видъ квартала, къ которому шелъ онъ, и гдѣ находилось его жилище. Дома тамъ такого цвѣта, который невозможно опредѣлить и который можетъ произвести только вліяіе времени и сырости; въ окнахъ ихъ, вмѣсто стеколъ — или бумага, или грязныя тряпки; двери въ нихъ полуразрушены и едва держатся на своихъ ржавыхъ петляхъ; изъ слуховыхъ оконъ вездѣ торчатъ жерди, на которыхъ сушится бѣлье: всюду нечистота, всюду бѣдность, всюду порокъ...

Въ одинъ изъ подобныхъ-то домовъ вошелъ нашъ бѣднякъ, и пробрался кое-какъ въ самый верхній этажъ. Онъ только-что хотѣлъ отворить дверь свою, какъ вдругъ она отворилась передъ нимъ, и къ нему вышла дѣвушка, блѣдная, худая, съ тоненькою свѣчею въ рукѣ.

— Это вы, батюшка? сказала она, съ видимою боязнію, приподнимая свѣчку и стараясь разсмотрѣть пришельца.

— А кто-жъ тутъ можетъ быть другой, какъ не я? грубо возразилъ отецъ. Чего ты такъ испугалась?... А?... Ты думаешь, что я пилъ? Какъ-бы не такъ! Гдѣ я возьму денегъ, когда ты сидишь сложивши руки?... Вамъ, видите, сударыня, не благоугодно работать. .. Мы, дескать, бѣлоручки. .

— Я больна, батюшка; я очень, очень-больна, отвѣчала молодая дѣвушка, заливаясь слезами.

— Больна! Ну такъ надобно выздоровѣть.... Вѣдь безъ денегъ жить нельзя... Да и почему ты не сходишь къ приходскому лекарю? Онъ дастъ тебѣ какую-нибудь микстуру... ему платять за это... чтобъ его чортъ побралъ!... Да что ты приросла, что ли, къ этому мѣсту? Чтò ты не выпускаешь меня?.... А?...

— Батюшка, прошептала дѣвушка, притворивъ за собою дверь

и стараюсь не пропустить отца: батюшка.... Уильямъ возвратился....

— Уильямъ? повторилъ отецъ, вздрогнувъ.

— Тихе, батюшка, ради Бога тихе.... Да, братъ Уильямъ....

— А за чѣмъ онъ изволилъ пожаловать? сказалъ, старикъ, стараюсь говорить тихо. Не за деньгами-ли? Или опивать да объѣдать? Коли такъ, то напрасно трудился!... Но давай-же мнѣ наконецъ свѣчу! Слышишь-ли ты, дура? А?... Или ты воображаешь, что я убью его?

При этихъ словахъ, онъ вырвалъ свѣчу у дочери, и вошелъ въ комнату.

Въ одномъ углу ея, на полуразвалившемся супдукѣ, сидѣлъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-двухъ, чрезвычайно-бѣдно одѣтый. При видѣ отца, онъ вздрогнулъ.

— Затвори дверь, сестра, воскликнулъ онъ съ живостію: затвори скорѣе дверь. Вы, кажется, не узнаете меня, батюшка? прибавилъ онъ, обращаясь къ старику. И то сказать: давненько уже выгнали вы меня изъ дома... можно-было забыть....

— А за-чѣмъ воротился ты сюда? сказалъ старикъ, садясь поодаль отъ сына: что вамъ угодно отъ меня, — позвольте васъ спросить?

— Я иду пристанница, отвѣчалъ молодой человѣкъ; мнѣ надобно укрыться.... Меня повѣсятъ, если поймаютъ; а меня поймаютъ навѣрное, если я выйду отсюда.

— То-есть, вы изволили что-нибудь стянуть; а можетъ-быть, даже и шею кому нибудь свернули.... продолжалъ старикъ.

— Именно, возразилъ сынъ; а это вамъ кажется не множо страшнымъ, батюшка?

И онъ пристально взглянулъ на старика, который отворотился отъ него и потупилъ глаза въ землю.

— Гдѣ теперь братья твои? спросилъ отецъ, послѣ продолжительнаго молчанія.

— Тамъ, откуда они ужъ не будутъ васъ беспокоить, отвѣчалъ молодой человѣкъ. Джонъ уѣхалъ въ Америку, Генрихъ умеръ.

— Умеръ! повторилъ отецъ, съ видимымъ ужасомъ.

— Да, умеръ; — умеръ у меня на рукахъ. Его, какъ собаку, убилъ лѣсной сторожъ.... Вѣдь вы выгнали и его.... И передъ смертью, онъ жалѣлъ только о томъ, что не васъ похоронили мы прежде, а матушку... матушку, которая была такъ привязана къ намъ....

Дѣвушка рыдала громко. Старикъ, наклонивъ голову почти до самыхъ колѣнъ своихъ, покачивалъ ею изъ стороны въ сторону.

— Если буду я пойманъ, продолжалъ молодой человѣкъ, меня повѣсятъ, потому-что я убилъ сторожа. Здѣсь меня однакожъ не отыщутъ, если только не вздумаете помочь вы, батюшка. И

коли вы не сдѣласте этого, я останусь у васъ, покамѣсть не найду средствъ пробраться подальше.

Цѣлые два дня никто изъ нихъ тронхъ не оставлялъ своего бѣднаго жилища. На третій день, дѣвушка стало еще хуже, и нхъ скудный запасъ пищи истощился совершенно. Вечеромъ, старикъ вышелъ изъ дома.

Ему удалось достать лекарствъ для дочери, выпросить нѣсколько подавнй и еще получить сколько-то денегъ за какую-то небольшую услугу. Онъ уже шелъ домой съ средствами прожить дня два, или три, какъ вдругъ поравнялся съ таверной. Пройдя мимо нея, шагомъ, уже болѣе медленнымъ, чѣмъ прежде, онъ вдругъ остановился; потомъ возвратился назадъ; потомъ снова прошелъ мимо нея, еще медленнѣе, чѣмъ въ первый разъ; и наконецъ рѣшился войти въ это пристанище порока. А между тѣмъ, у входа ея стояли какіе-то два человѣка, сначала имъ вовсе не замѣченные, и повидимому сторожившіе кого-то. Они вошли въ слѣдъ за нимъ, въ таверну.

— Другъ, сказалъ старику одинъ изъ нихъ, подавая ему водки: ну-ка за мое здоровье!

— А теперь за мое, подхватилъ другой, наполнивъ опять рюмку, какъ скоро она была выпита.

Старику пришли на мысль его дѣти, мучимые голодомъ, пришла на мысль опасность, которой подверглася сынъ его; по это не спасло его отъ искушенія...

— Ну, ужъ вотъ ночь, такъ ночь, г. Уарденъ! Ни зги не видно, сказалъ ему въ-полголоса одинъ изъ его новыхъ пріятелей, когда онъ, истративъ половину собранныхъ имъ денегъ, отъ которыхъ, быть можетъ, зависѣла жизнь дочери его, собирался идти домой.

— Именно такая, какую надобно для друзей нашихъ, которые теперь укрываются, прибавилъ, также въ-полголоса, другой.

— Да что вы торопитесь: потолкуемъ еще немного, продолжалъ первый: чего намъ стоило отыскать вашего сына? Просто, и сказать нельзя.... Гдѣ-гдѣ не провѣдывали мы про молодца, чтобы извѣстить его, что *теперь ужъ все готово....* Запропастился, да и только! И то впрочемъ сказать, вѣдь чай онъ и самъ не зналъ, когда пріѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ пристать.... Правда?

— Правда, отвѣчалъ старикъ: онъ не могъ тогда знать на-вѣрное, гдѣ я живу теперь.

Сыщики переглянулись другъ съ другомъ.

— Корабль теперь ужъ совсѣмъ снаряженъ, сказалъ одинъ изъ нихъ: и отплываетъ непременно пунѣшнейю ночью. А за мѣсто для вашего сынка на немъ ужъ заплачено. И какъ-же вѣдь, право, кстати, что мы встрѣтились съ вами здѣсь!

— Просто, счастье! подхватилъ другой. Теперь еще по одной, да и въ путь.

И они отправились....

Медленно шло время для молодого человѣка и для сестры его, въ ихъ бѣдномъ убѣжищѣ. Они прислушивались, затаивъ дыханіе, къ каждому звуку на лѣстницѣ. Наконецъ, на ней послышались чьи-то тяжелые шаги, дверь отворилась, и въ комнату вошелъ, шатаясь, отецъ молодыхъ людей.

Дѣвушка увидѣла, въ какомъ онъ былъ состояніи. Она пошла было къ нему на-встрѣчу, со свѣчею въ рукѣ, но вдругъ остановилась, вскрикнула и упала безъ чувствъ: передъ ней, въ растворенную дверь, обрисовалась тѣнь одного изъ сыщиковъ, сопровождавшихъ старика. Въ-слѣдъ за тѣмъ, они оба поспѣшно вошли въ комнату, и минутой спустя, молодой человѣкъ былъ уже въ кандалахъ.

— Чтò хорошо, то хорошо, сказалъ потомъ одинъ изъ нихъ: дѣльцо обработано потихоньку, на-чистоту.... а все спасибо старику.... помогъ такъ, что чудо.... Теперь, Томъ, подними барышню ... Э, да ветавайте, сударыня!.. Вѣдь хоть плачьте, хоть шѣть, а чему быть, тому не миновать....

Молодой человѣкъ стоялъ съ минутой, наклонясь надъ сестрою; но вдругъ онъ быстро приподнял голову и, оборотясь къ отцу, который усиливался стоять у стѣны и безсмысленно смотрѣлъ на все происходившее, воскликнулъ голосомъ, раздравшимъ душу:

— Слушайте, батюшка, слушайте, чтò я скажу вамъ! Да па-деть на васъ кровь брата моего и моя кровь!... Никогда, о, никогда не любилъ вы меня! Во всю жизнь мою я не видалъ отъ васъ ни ласки, ни заботы, ни участія. Но знайте-жь, батюшка: умру-ли я, буду-ль я живъ, я не прошу васъ, не примирюсь съ вами.... И когда наступитъ вашъ предсмертный часъ, я предстану предъ васъ, предстану непремѣнно!.. А тамъ, у престола Создателя, васъ ждетъ его вѣчная кара: ее вымолятъ вамъ ваши покинутыя, погибшія дѣти!..

Въ-слѣдъ за этими словами, посмотрѣвъ еще разъ пристально на отца, который слушалъ его, дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ медленно вышелъ изъ комнаты.

Они уже никогда потомъ не видались другъ съ другомъ....

Когда, на другой день, старикъ проснулся, послѣ смутнаго, тяжелого сна, дѣвушка не было въ комнатѣ. Старикъ осмотрѣлся вокругъ себя: старый матрацъ, разостланный на полу, былъ не смѣть вовсе. Все было точно въ томъ-же состояніи, какъ наканунѣ... Онъ спросилъ о дочери у сосѣдей, у всѣхъ другихъ жильцовъ въ домѣ: ея не видалъ никто, о ней никто не слышалъ ничего. Онъ долго скитался изъ улицы въ улицу; его взглядъ беспокойно останавливался на каждомъ женскомъ лицѣ, болѣзненнымъ и блѣднымъ: напрасный поискъ!..

Ночью, онъ возвратился въ свою мансарду, одинъ, чуждый сѣмъ, отвергаемый всѣми....

Прошло нѣсколько дней, и не въ одинъ изъ нихъ ему не удалось ничего узнать о дочери. Наконецъ онъ отказался отъ надежды найти ее.... Онъ впрочемъ уже давно предчувствовалъ, что она непременно покинетъ его когда-нибудь.

Старикъ проклиая ее....

Цѣлый годъ жилъ онъ подавляемъ, проведя много ночей подъ воротами, подъ навѣсами кирпичныхъ заводовъ. Онъ часто терпѣлъ голодъ и холодъ; съ нимъ не разъ встрѣчались болѣзни; и не смотря на все это, онъ былъ по-прежнему преданъ своей гибельной страсти.

Разъ, въ одну холодную, ненастную ночь, обезсиленный, исхудалый, съ полу-помраченнымъ взглядомъ, упалъ онъ, отъ изнуренія, у воротъ одного дома въ Пикадилли.

Долго не могъ онъ двинуться съ мѣста; а между-тѣмъ, въ памяти его страшно воскресало все минувшее.... Онъ припомнилъ время, когда онъ жилъ въ избыткѣ; когда у него было веселое, мирное домашнее убѣжище; когда его радовала улыбка жены, преданной и кроткой; когда его всюду встрѣчали привѣтъ и почетъ.... Но вдругъ эта свѣтлая картина исчезла. Ее смѣнили окровавленные образы сыновей; блѣдные, мертвенныя лица жены и дочери; знакомые, печальные звуки ихъ голоса; звуки, явственно, торжественно раздававшіеся надъ нимъ въ эту минуту; ее смѣнили его теперешнее отчужденіе отъ всѣхъ; неприютность, позоръ и нищета....

Онъ пытался заснуть, но сонъ не смыкалъ его глазъ. Воображеніе рисовало ему сцены одну другой страшнѣе, одну другой мучительнѣе. Мало-по-малу, будто въ наемѣшку, оно перенесло его на шумное пршество: ему слышались веселыя пѣсни и клики; передъ нимъ, на богато-убранномъ столѣ, въ блескѣ серебра и фарфора, появлялись и исчезали кушанья самыя изысканныя, самыя приманчивыя; онъ видѣлъ, что въ свѣтломъ, роскошномъ хрусталѣ, передъ нимъ кипитъ и пѣнится дорогое вино; — а между-тѣмъ, онъ не ѣлъ цѣлый день; подъ нимъ были голые камни; на него падали крупныя капли холоднаго дождя, и никто, никто въ мірѣ не заботился о немъ, о его жалкой участи....

Наконецъ, существенность опять взяла верхъ надъ призраками. Его положеніе показалось ему еще убійственнѣе, и въ головѣ его мелькнула мысль о средствѣ, которымъ не одинъ несчастливецъ избавился на-вѣки отъ своихъ страданій...

Средство это было избрано имъ.

Онъ собралъ весь остатокъ силъ своихъ, почти бѣгомъ перешелъ черезъ всю улицу, и остановился на берегу рѣки.

Проходилъ патруль. Старикъ укрылся въ уголъ лѣтницы, которая у моста ведетъ къ самой поверхности рѣки, и, затаивъ дыханіе, выждалъ покамѣстъ не затихли вдали шаги охранителей общаго спокойствія. Потомъ онъ спустился на самую по-

слѣдную ступень этого крутого схода, и сталъ, будто въ раздумьи, надъ черною глубью.

Дождя уже не было; волны катились другъ за другомъ тихо, но тяжело; на нихъ, старику рисовались какіе-то фантастическіе образы, которые, казалось, звали его къ себѣ, своими однообразными движеніями; а около него, изъ-подъ воды, на него смотрѣли насмѣшливо тысячи какихъ-то огненныхъ глазъ....

Послѣдняя верѣшность его исчезла... онъ кинулся съ лѣстницы и исчезъ подъ водою.

Нѣсколько минутъ спустя, онъ снова появился надъ поверхностію рѣки. Въ эти немногія секунды, въ немъ произошла быстрая перемѣна. Онъ теперь желалъ жизни, какова-бы она ни была, жизни отверженной, бѣдной, страдальческой, лишь только-бы жизни... Онъ былъ уже у берега; онъ почти хватался уже за ступень лѣстницы, какъ вдругъ волна оттолкнула его отъ нея; подъ ухомъ его раздалось проклятiе сына, и рѣка поглотила его.

Дней черезъ семь послѣ того, его обезображенный, поспѣлый трущъ нашли на берегу рѣки, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Лондона. ..

ТАИСТВЕННАЯ ДРАМА.

Наша сѣверная разсудительность нашла себѣ кумирь, совершенно-приличій ей. Кумиръ этотъ, какъ вы знаете, нашъ степенный преферансъ. Въ Парижѣ владѣствуетъ другая игра, ланскнѣ, и господствованіе ея далеко не столь мирно, какъ господствованіе преферанса. Вотъ одинъ изъ новѣйшихъ ея результатовъ.

Г-жа К..., жена одного парижскаго негодяпта, весьма-удачно спекулировавшаго въ послѣднее время акціями желѣзныхъ дорогъ, женщина еще очень-молодая, играла въ ланскнѣ со всѣмъ изступленіемъ страсти. Счастіе, которое прежде благопріятствовало г-жѣ К..., вдругъ измѣнило ей, и она проигрывала цѣлые два мѣсяца сряду. Сначала мужъ очень-исправно платилъ ея карточныя долги; но спустя нѣсколько времени, онъ вдругъ объявилъ ей на-отрѣзъ, что проигрыши ея превышаютъ всякую мѣру, и что въ кассѣ его нѣтъ ни одного су для ланскнѣ. Это грозное объявленіе однако-жъ не остановило красавицу: она продолжала играть и проигрывать по-прежнему....

Долги ея возрасли наконецъ до значительной суммы. Г-жа К... была въ положеніи очень-затруднительномъ. Разъ ночью, въ концѣ августа нынѣшняго года, возвратилась она домой, чрезвычайно-разстроенная новымъ проигрышемъ. Она пробралась къ себѣ тихо, — чтобы не разбудить мужа, и полураздѣтая, сум-

щенная, бросилась на софу, молчаливую свидѣтельница ея молчаливой печали. Вдругъ, въ совершенномъ-безмолвіи, которое царствовало въ спальнѣ г-жи К...., ей послышалось, что въ смежной комнатѣ какъ-будто стараются отпереть замокъ, неотпирающійся, вопреки довольно-долгимъ усліямъ. Г-жа К.... поспѣшно встала съ софы, еще поспѣшнѣе того отворила дверь въ сосѣдную комнату, и отступила назадъ отъ изумленія: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, одинъ изъ самыхъ-старыхъ слугъ г. К...., уснивался отпереть, поддѣльнымъ ключомъ, шкафъ, въ которомъ лежали ея брилліанты.

При видѣ г-жи К...., онъ упалъ на-колѣни, умоляя простить его и скрыть его преступленіе.

Въ умѣ молодой женщины блеснула страшная мысль.

— Послушай, сказала она слугѣ: ты уже укралъ у меня нѣсколько и недешевыхъ вещей... Прежде я не могла понять, куда дѣвались онѣ, но теперь я вижу, въ чьихъ онѣ рукахъ... Участъ твоя въ моей власти: тебя ждутъ галеры!.. Но я могу спасти тебя, только подъ условіемъ....

— Я готовъ на все!.. Я сдѣлаю все, что угодно вамъ!..

— Видишь-ли: мнѣ пужны десять-тысячъ франковъ; мужъ не дастъ мнѣ ихъ, хотя дѣла его идутъ чрезвычайно-хорошо.... Деньги его заперты крѣпко: но теперь ночь, и у тебя есть средства добраться до нихъ... И если завтра, проснувшись, я найду на моемъ бюро — 10,000 франковъ; если при томъ изъ кассы не будетъ взято ни одного су сверхъ этой суммы, я все забуду... у меня останется въ памяти только услуга твоя.... Только послѣ нея ты долженъ жить честно.

Порученіе было затруднительно и опасно; но выборъ между безнаказанностію и галерами былъ несомнѣненъ. Слуга рѣшился исполнить его.

Замыселъ однако-жъ не совершился. Ни молодая женщина, ни исполнитель воли ея, не знали, что г. К... давно уже принялъ мѣры для обезопасенія своей кассы... Лишь-только слуга началъ отпирать личину въ двери кабинета, гдѣ хранились, въ желѣзномъ сундукѣ, деньги негоціанта, раздался звукъ, похожій на пистолетный выстрѣлъ, и воръ упалъ, пораженный въ правый бокъ механизмомъ личины. Въ домѣ, разумѣется, все переполошилось и сбѣжалось на мѣсто преступления. Г. К... былъ однимъ изъ первыхъ въ этомъ отношеніи. Онъ даже помогъ поднять раненаго, въ рукѣ котораго были найдены разные инструменты, употребляемые ворами.

Призвали полицейскаго комиссара, и слуга рассказалъ, на дорогѣ, подробности, переданныя выше. Слугу этого перенесли въ больницу, гдѣ онъ не перестаетъ утверждать, что показаніе его справедливо.

Г-жа К.... удалилась къ роднымъ своимъ. Она не сознается ни въ чемъ; но во всякомъ случаѣ, если только раненный не умретъ,

развязка этой странной драмы послѣдуетъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ судѣ.

ПОХИЩЕНІЕ ГЕНЕРАЛА ТОМЪ ПУСА.

Во французскихъ газетахъ сообщаютъ слѣдующее извѣстіе, чрезвычайно смахивающее на дуфъ.

Извѣстный карликъ, по прозванію Генераль Томъ-Пусть, вознамѣрившись почтить своимъ присутствіемъ лошадиные бѣги въ Кимперъ (Quimper), отправился со свитою своею въ пять часовъ вечера изъ Ваннъ (Vannes), и долженъ былъ прибыть на мѣсто на третій день поутру. Для него и для его свиты, было уже приготовлено и помѣщеніе. Но близъ Роасса (Roasse), мѣстечка, лежащаго въ двухъ километрахъ отъ Кимперле, переломившаяся ось причинила задержку, имѣвшую пагубныя послѣдствія для крошки-генерала. Почтальионъ, везшій карету, не хотѣлъ дожидаться, пока починять ее, отговариваясь тѣмъ, что онъ долженъ въ назначенный часъ воротиться назадъ, и отправился, увѣряя, что онъ уведомитъ своего хозяина о случившемся и что тотъ немедленно пришлетъ другаго почтальиона и другихъ лошадей. И дѣйствительно, послѣ долгихъ, скучныхъ часовъ ожиданія, почтальионъ и лошади прибыли, ось была исправлена, и Генераль Томъ-Пусть со свитою уѣхалъ въ экипажѣ и отправился въ дальнѣйшій путь. Не отѣхавши и мили, лошади вдругъ остановились. Кондукторъ слезъ съ козелъ, чтобы узнать о причинѣ этой остановки, и увидѣлъ, что дорога была загорожена толстымъ бревномъ. Только-что онъ хотѣлъ отнять это бревно, какъ вдругъ четверо незнакомецъ въ маскахъ бросились на него, связали его и стали грозить смертію, если онъ осмѣлится закричать. Во-время этой сцены, пронесившейся съ быстротою молніи, Генераль Томъ-Пусть и его свита покопался въ глубокомъ снѣ. Одна изъ четырехъ масокъ влезла на козлы, поворочила экипажъ и отправилась по дорогѣ къ С. Турьену, гдѣ на нѣсколько минутъ остановилась. Тамъ только Генераль Томъ узналъ о случившемся съ нимъ. Онъ предлагалъ все, что съ нимъ было, за свободу, но тщетно. Изъ С. Турьена его повезли .. но куда?... неизвѣстно... Одни полагаютъ, что генераль скрытъ въ какой-нибудь секретной и недоступной общинѣ, другіе говорятъ, что какой-то дамъ пришла фантазія похитить его, и что онъ теперь находится въ Гиллогомархѣ (Guillogomarch). Словомъ, никто ничего не постигаетъ изъ этого приключенія.

НЕКРОЛОГЪ Н. И. ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Русская драматическая литература понесла въ прошедшемъ мѣсяцѣ значительную потерю: 8-го сентября скончался въ С. Пе-

тербургѣ авторъ *Воздушныхъ Замковъ*, *Говоруна* и многихъ піесъ, имѣвшихъ огромный и заслуженный успѣхъ на русской сценѣ, — Н. И. Хмельницкій.

Н. И. Хмельницкій родился въ С. Петербургѣ, въ 1791-мъ году. Начальное воспитаніе получилъ онъ подъ руководствомъ родственника своего и литератора Н. Ф. Эмина, потомъ обучался въ Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ. Въ 1808-мъ году онъ поступилъ на службу, былъ и въ военной и въ статской, дослужился до чина Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и, несмотря на многочисленныя занятія по должности, онъ постоянно посвящалъ досуги свои литературѣ. Почти все его литературныя труды относятся къ театру. Первый опытъ его въ драматической поэзіи была трагедія *Зельмира*, въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, переводъ съ французскаго (1811 г.). Потомъ написаны имъ: *Шалости влюбленныхъ*, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, перев. изъ Реньяра; *Говорунъ*, комедія въ 1-мъ дѣйствіи, въ стихахъ, перев. изъ Буасси; *Школа женщинъ*, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, перев. изъ Мольера; *Весь день въ приключеніяхъ*, опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ, перев. съ французскаго; *Греческія бредни или Ифигенія въ Тавриду, на-изнанку*, пародія-водевиль, въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, изъ соч. Фавара; *Бабушкины попугаи*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, перев. съ французскаго; *Суженаго конемъ не объѣдешь или штъ худя безъ добра*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, перев. съ французскаго. Собственно оригинальныя произведенія Н. И. Хмельницкаго суть: *Воздушныя замки*, комедія въ 1-мъ дѣйствіи, въ стихахъ; *Семь пятницъ на недѣль или перышителный*, комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ; *Карантинъ*, водевиль въ 1-мъ дѣйствіи; *Актеры между собою или первый дебютъ актрисы Троепольской*, водевиль въ 1-мъ дѣйствіи (написанный имъ вмѣстѣ съ Н. В. Всеволожскимъ). Все эти піесы, за исключеніемъ водевиля *Греческія бредни*, были играны на сценѣ, и болѣею частью съ огромнымъ успѣхомъ. *Воздушныя замки* и *Говорунъ* и по сіе время принадлежатъ къ самымъ любимымъ, наиболѣе предпочитаемымъ для домашнихъ, благородныхъ спектаклей піесамъ.

Собраніе сочиненій и переводовъ Н. И. Хмельницкаго издано въ С. Петербургѣ, подъ названіемъ *Театръ Николая Хмельницкаго*. (2 части. 1829 — 1830 г.)

Кромѣ напечатанныхъ произведеній, много замѣчательнаго осталось у него въ рукописи, что, вѣроятно, будетъ издано въ свѣтъ со-временемъ.

Въ числѣ писателей, посвящавшихъ труды свои театру, Хмельницкій занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ нашей литературѣ. Кромѣ Грибоѣдова, никто не владѣлъ у насъ такъ мастерски стихомъ, въ трудномъ разговорномъ языкѣ, какъ Хмельницкій: сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ-поръ, какъ написаны *Воздушныя замки*, напримѣръ, а посмотрите, какъ легко, какъ

живъ, какъ натураленъ языкъ дѣйствующихъ лицъ въ этой комедіи. Водевильи его, какъ переводныя, такъ и оригинальныя, исполнены вкуса, благородства, остроумія, веселости, и принадлежатъ къ числу тѣхъ непогнѣхъ водевилей русскихъ, которые не лишаютъ надежды, что и эта легкая, игривая форма драматической литературы, составляющая исключительную принадлежность французской націи, можетъ быть усвоена нашимъ языкомъ, если только возьмется за дѣло люди съ талантомъ, подобнымъ таланту Хмельницкаго.

На этотъ разъ мы ограничиваемся краткимъ некрологическимъ извѣстіемъ о Н. И. Хмельницкомъ, надѣясь въ непродолжительномъ времени сообщить нашимъ читателямъ подробную его біографію.

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ОДИНЪ БУФЕТЧИКЪ ВЪ ВѢНѢ ПОДАЛЪ ДОВЕРНЫЙ СОВѢТЪ БЕТХОВЕНУ.

Фридрихъ Рохлицъ рассказываетъ слѣдующій забавный анекдотъ: «Я былъ однажды въ ресторацин, гдѣ обыкновенно обѣдывалъ Бетховенъ. Въ этотъ день онъ тоже былъ тамъ, и, увидя меня, отозвалъ въ боковую комнату, гдѣ мы могли безъ помѣхи говорить другъ съ другомъ. Бетховенъ велѣлъ подать бутылку вина, за которую сейчасъ-же и заплатилъ деньги, прибавивъ пасмѣшливо подавшему ее буфетчику: «Сегодня я опять пообѣдалъ». Буфетчикъ покраснѣлъ и поспѣшно вышелъ. На вопросъ мой, что это значитъ? Бетховенъ, смѣясь, рассказалъ мнѣ слѣдующее: Нѣсколько лѣтъ уже я постоянно хожу въ этотъ трактиръ обѣдать, и всегда при уходѣ исправно плачѣю по счету. Случись-же разъ, что со мной не было ни гроша денегъ, но за то былъ преисправный аппетитъ. Я приказываю дать обѣдъ, и, уходя, говорю, что заплачѣю въ слѣдующій разъ. Прихожу опять черезъ нѣсколько дней, требую обѣдъ, и что-же? — разбойникъ буфетчикъ пишетъ мнѣ на оборотѣ столовой карты: «Вы и въ прошедшій разъ не заплатили за обѣдъ». — У меня нѣтъ съ собой денегъ, говорю я.—И онъ опять пишетъ: «Если у васъ нѣтъ денегъ, такъ вы и не должны ѣсть. Я не дамъ вамъ ничего до-тѣхъ-поръ, пока вы не заплатите мнѣ 46 крейцеровъ долгу». Бетховенъ заплатилъ 46 крейцеровъ и могъ опять обѣдать (NB платя всякой разъ вперед). Что-то скажутъ объ этомъ тѣ, которые такъ роскошно пировали на празднествахъ открытія памятника Бетховену, въ Боннѣ?»

ОБЩЕСТВО ГРИМАСНИКОВЪ.

(Матеріалы для исторіи современныхъ глупостей).

«Въ Мелдертѣ (Meldert), близъ Алоста (Alost), три года тому назадъ, образовалось общество гримасниковъ, которое три или че-

тыре раза въ годъ имѣеть публичныя засѣданія; любопытные стекаются на нихъ многочисленными толпами. Цѣна за входъ доступна всякому, а именно—10 сантимовъ. Тотъ, у кого нѣтъ 10 сантимовъ, можетъ и безъ платы присутствовать въ этомъ странномъ спектаклѣ, но съ условіемъ—сдѣлать такую гримасу, которая *стѣдила-бы по-крайней-мѣрѣ 10 сантимовъ*. Такъ сказано въ программѣ. За лучшія гримасы раздаются призы. Въ послѣднее засѣданіе, этихъ призовъ было роздано довольно-много: они состояли изъ трубокъ, табакерокъ, перстней, перочинныхъ ножей, галстуховъ и т. п. Въ числѣ состязателей были многія важныя особы этой общины. Разсказываютъ объ одномъ правительственномъ лицѣ, которое будто-бы получило удивительный успѣхъ двумя или тремя гримасами совершенно новаго изобрѣтенія. Этотъ почтенный муниципаль едва не свернулъ себѣ челюсть, но за то получилъ первый призъ. Самымъ опаснымъ соперникомъ ему былъ мельникъ изъ окрестностей Аша (Assch), который достигъ искусства совершенно уничтожать въ лицѣ своемъ человѣческое выраженіе. Плѣвившись физиономіею животного, питающагося жульями (стиль поэтической), этотъ великій артистъ, послѣ многотруднаго изученія, дошелъ до того, что его совершенно нельзя отличить отъ свиньи. Нельзя описать, съ какимъ энтузіазмомъ рукоплескали ему зрители, когда его лицо или, вѣрнѣе сказать, рыло, появилось въ отверстіи, сдѣланномъ въ ширмахъ, поставленныхъ на аванъ-сценѣ. Судьи охотно-бы отдали ему первый призъ; но такъ-какъ талантливый артистъ ограничился одною этою гримасою, а, по правилу, для полученія перваго приза слѣдуетъ представить, по-крайней-мѣрѣ, двѣ, то ему и приеудили только второй. Общество, какъ видно, любить и въ изящномъ разнообразіи. Г. мельникъ обѣщался въ будущемъ ноябрѣ представить живьемъ осла, и такимъ-образомъ мало-помалу обогатить свой репертуаръ.

Такое извѣстіе напечатано въ одной иностранной газетѣ, въ видѣ письма изъ Термонда, и въ заключеніи прибавлено: Все это не сказка. Я самъ видѣлъ статуты Мелдертекаго Общества, самъ присутствовалъ на одномъ изъ его засѣданій; у меня передъ глазами послѣдняя программа его и мнѣ читали письмо одного изъ членовъ, въ которомъ онъ проситъ министра внутреннихъ дѣлъ учредить состязаніе гримасниковъ на приближающихся октябрьскихъ праздникахъ въ Брюсселѣ. Въ Мелдертъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ отвѣта г. Ванъ-деръ-Вейера. Беру смѣлость думать, что г. Ванъ-деръ-Вейеръ ограничится тѣмъ, что присоединитъ это чрезвычайное посланіе къ богатой коллекціи любопытныхъ автографовъ, которыми онъ обладаетъ. Я послалъ копію съ этого письма знакомому моему профессору гентскаго университета, который давно уже занимается, для забавы, собираніемъ всевозможныхъ письменныхъ глупостей.

NB. Это, должно-быть, тоже журнальная утка.

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ въ Рейхенау, близъ Вѣны, происходило освященіе новой, въ простомъ и благородномъ стилѣ выстроенной церкви, замѣчательной тѣмъ, что большую часть суммы, употребленной на ея постройку составлялъ *театральный сборъ*, и именно сборъ съ представленія пьесы «Der Verschwendeg», устроеннаго за два года предъ симъ придворнымъ актеромъ Лѣве на Йозефштадтскомъ-театрѣ.

— Недавно въ Берлинѣ одинъ ловкій промышленникъ сыгралъ слѣдующую некусную штуку: одна молодая прекрасная дама, (прежде бывшая пзвѣстная актриса) проживавшая въ семействѣ богатаго купца, была съ этимъ семействомъ на водахъ. Тамъ влюбился въ нее какой-то молодой баронъ, по-сватался, получилъ согласіе, и ихъ обручили. Назначили день и мѣсто для торжественнаго празднованія обрученія. Пригласили гостей. Дня за три до этого торжества женихъ является къ тому купцу, у котораго жила невѣста и проситъ у него 200 талеровъ въ-займы, говоря, что онъ хочетъ купить пару лошадей, и представляя въ обезпеченіе вексель на одинъ торговый домъ въ Помераніи, суммою въ 400 талеровъ. Разумѣется, ему не отказано, и черезъ день онъ потребовалъ и получилъ еще 100 талеровъ. Настаетъ день торжества, гости собрались въ назначенномъ мѣстѣ, ждутъ; но ни женихъ, ни невѣста, ни заступившіе мѣсто ея родителей — никто не является. Наконецъ узнаютъ, что господинъ женихъ изволилъ скрыться. — Какъ слышно, онъ никогда и не бывалъ барономъ, а просто — купеческой приказчикъ, у котораго подобная проделка уже не первая.

— Одинъ нѣмецкій острякъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ слова *Танцовщица* и *Оперный тѣвецъ*: Танцовщица показываетъ, до какой удивительной степени совершенства могутъ стараніе, талантъ и внутреннее призваніе довести человѣческіе двуножіе. Какъ истинная художница, танцовщица часто старается замѣнить искусствомъ то, въ чемъ отказала ей мать-природа, или что она, именно какъ танцовщица, потеряла въ борьбѣ съ житейскими обстоятельствами. Такъ-какъ она не ходитъ, а танцуетъ, то и нельзя сказать, что она ведетъ правильную жизнь. Положеніе ее передъ публикой часто очень-*косвенно*, однакожъ, надо отдать ей справедливость — она очень-довѣрчива и, какъ артистка, ко всему въ высшей степени снисходительна и услужлива, но за то и публика снисходительна къ ея слабостямъ. Впрочемъ она дѣлаетъ самое лучшее употребленіе изъ своихъ способностей, и во всякое время умѣетъ извлекать пользу изъ своего таланта. — *Оперный тѣвецъ*: вѣрить въ безсмертіе горла, беретъ за хороший тонъ и хороший тактъ лучше другаго искуснаго дипломата, и слушаетъ охотнѣе свой собственный голосъ, чѣмъ голосъ умѣренности. Директорамъ театровъ онъ еще дороже, чѣмъ публикѣ, особливо когда,

не промолвивъ даже слова и почти вдругъ, отправляется пробовать счастья въ другомъ театральномъ мѣрѣ. У опернаго пѣвца есть одно общее съ драматическимъ актеромъ похвальное свойство, а именно, что ему собственная своя похвала лучше нравится, чѣмъ чужое порицаніе, и что онъ никогда не пропадетъ, по недостатку застѣчивости. Что касается до женской половины въ этомъ разрядѣ, то-есть, до оперныхъ пѣвицъ, то объ нихъ можно только сказать, что онѣ очень-склонны къ насморку.

— Въ числѣ высокихъ особъ, занимающихся музыкою, первое мѣсто занимаетъ Принцесса Прусская. Она много уже написала, и музыка ея къ балету «Маскарадъ» отчасти сдѣлалась уже народною. Много также издано сочиненій Кронпринца ГанOVERскаго. Принцъ Альбертъ изъ своихъ сочиненій не напечаталъ еще ничего. Герцогъ Баварскій Максъ сочинилъ много полекъ, изъ которыхъ особенно-замѣчательна одна, названная: Wenn der Muth in der Brust sein Spannkraft übt.» Далѣе, въ числѣ композиторовъ, стоятъ изъ этой высшей сферы земной жизни слѣдующія лица: Густавъ, принцъ Шведскій, сынъ Короля Оскара; Князь Гогенлоэ-Гехингенскій и Эрнестъ Герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій.

— Во времена Имперіи въ Парижѣ вошли въ моду игральныя карты съ портретами лучшихъ французскихъ артистовъ и артистокъ; такъ, вмѣсто короля червей, былъ портретъ Тальмы, короля пикъ — пѣвецъ Лаисъ, короля бубенъ скриначъ Лафонъ, и короля трефъ — танцоръ Вестрисъ. М-ле Марсъ вмѣсто червонной дамы, м-ле Жоржъ-Веймаръ вмѣсто пиковой дамы; вмѣсто бубновой дамы м-ле Дюшенуа, а вмѣсто трефовой — г-жа Говидонъ.

— Нѣкоторые артисты Леопольдтадтскаго-театра, говоритъ Berliner Figaro, составили между собою общество, каждый членъ котораго обязывается жить въ вѣчной враждѣ съ журналистами и при всякой возможности оскорблять ихъ, не заботясь о послѣдствіяхъ. Если кто-нибудь изъ этихъ членовъ будетъ похваленъ въ какомъ-нибудь журналѣ — платить гульдены штрафу въ кассу общества. Кого застанутъ читающаго рецензію, взыскиваютъ штрафу два гулдена. На эти деньги по-временамъ задаютъ въ какомъ-нибудь трактирѣ пирушка, на которыхъ провозглашается «regeat!» всѣмъ журналистамъ. — Чрезвычайно-благородное общество, существованію котораго почти и повѣрить нельзя.

— Въ Парижѣ выходитъ новая газета, подъ названіемъ «Газета для обрученныхъ». Газета эта безденежно разсылается ко всѣмъ обрученнымъ. Содержаніе ея состоитъ изъ рекомендацій разныхъ магазиновъ, въ которыхъ можно получать отличныя и дешевыя вещи, относящіяся до приданаго и свадебныхъ подарковъ. — Геніальная мысль нашего промышленнаго вѣка!

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЪТОПИСЬ. СЕНТЯБРЬ.

=

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

I.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Зимнее и лѣтнее закрытіе театра. — Спектакли послѣ поста. Новые дебюты: Г-жа Лилъева. — Г-жа Горина. — Бенефисъ г. Толгенова. — Г. Александровъ. — Г-жа Колосова. — Бенефисъ г. Шемаева. — Балеты и оперы — Ольга, опера г. Бернарда.

Уже давно всѣ петербургскія газеты, журналы и разныя другія изданія «всего полезнаго и изящнаго» сообщили читающей публикѣ о сдѣланномъ ими открытіи, состоявшемъ въ томъ, что лѣто наше кончилось и наступила осень. Помнится даже, что какая-то газета, вѣроятно, болѣе всего заботящаяся о «полезномъ и изящномъ», подняла споръ о томъ, кто первый сообщилъ Петербургу важную новость о наступленіи осени и за кѣмъ должна остаться честь этого открытія... «Репертуаръ и Пантеонъ» позже всѣхъ своихъ собратовъ имѣеть честь доложить своимъ читателямъ объ этой новости, не выдавая ее впрочемъ ни за изящную, ни за полезную. Ему-бы собственно не было никакого

дѣла до лѣта и осени, вышедшихъ близнецами изъ лопа нашей петербургской природы, если-бы угрюмая осень не приносила вмѣстѣ съ собою водевильныхъ дождей.....

И она пастушила, эта тяжолоя пора. Оживилась Александринская сцена, спавшая сладкимъ и покойнымъ сномъ во-время 2-хъ недѣльнаго лѣтняго поста. Снова заходили по ней герои драматическихъ представлений, страшные рыцари, гонопа въ придворныхъ костюмахъ, убійцы и злодѣи съ длинными усамн, принцессы и королевы, пламенные любовники съ палящими страстями; полились съ этой сцены длинные убійственные монологи о коварствѣ людей, о брѣности природы, о тщетѣ богатствъ міра се го, о презрѣнн къ челоуѣчеству, — посыпались бойкіе водевильные куплетцы съ французскими остротами, подсыпанными расейскою солью.....

Спектакли послѣ поста начались повтореніемъ бенефиса г-жи Гусевой. *Война съ тещей* имѣла такой-же успѣхъ, какъ и *Мужь съ деревнѣ*, — явное доказательство того, что нашей публикѣ нравятся и комедіи и что она невиновата, если кропатели водевилей подчуютъ ее этими произведеніями французскаго остроумія, которыя не всегда даже благосклонно встрѣчаются и провожаются, доказательствомъ чему служитъ паденіе оригинальнаго водевила *Спасскій омнибусъ*, играннаго въ тотъ-же день.

23-го августа возобновленъ былъ водевиль *Первый дебютъ* или *зритель по-неволѣ*, замѣчательный тѣмъ, что г-жа *Самойлова* 1-я играетъ въ немъ четыре роли.

26-го августа роль Вѣрушки, въ водевилѣ *Дочь русскаго актера*, играла г-жа *Лилѣва* во второй разъ. (Въ первый дебютъ намъ не удалось ее видѣть). Г-жа Лилѣва, примадонна русской оперы, пѣвшая нѣкогда партію Адины въ *Любовномъ напитокѣ*, Китайской Принцессы въ *Бронзовомъ конѣ* и даже, однажды, *Изабеллы — въ Робертѣ*, — вздумала испытать силы свои на водевильномъ поприщѣ. Мы очень-рады появленію ея въ настоящее время на александринской сценѣ. Г-жа Лилѣва была очень и очень-мила въ роли Вѣрушки, играла хорошо и отчетливо, пѣла прекрасно, даже танцевала не хуже г-жи Левкѣевой и вообще была гораздо-умѣреннѣе ея въ жестахъ и движеніяхъ. Конечно, ее не вызывали до десяти разъ и даже болѣе, не осыпали цвѣтами, — по мода эта, въ отсутствіе Итальянцевъ, скрылась и съ александринской сцены. Искренно желаемъ, чтобы она и не возвращалась. Роль стараго актера игралъ въ этотъ

разъ *г-нъ Воробьевъ*. Этотъ молодой актеръ съ замѣчательнымъ дарованіемъ и съ каждою новою ролью замѣтно совершенствуется; въ немъ часто бываютъ даже минуты высокаго, благороднаго комизма, которыя такъ рѣдки на нашей сценѣ...

28-го августа явилось на александринской сценѣ другая дебютантка, г-жа Горина, дезертировавшая на этотъ разъ не изъ оперы, а изъ балета. Г-жа Горина играла въ водевилѣ *Фениксъ* или *Утро журналиста*, и какъ ни ничтожна въ этой пьесѣ роль *З. Фиреты*, которую всегда занимали балетные сюжеты, г-жа Горина не произвела въ ней особеннаго впечатлѣнія на публику. *Грибьяка*, издателя «Феникса», игралъ, въ первый разъ, г-нъ *Смирновъ 2-й*, молодой актеръ не безъ дарованія, которому мы посовѣтывали-бы побольше вырабатывать свой голосъ, обращающійся въ сильныхъ мѣстахъ въ какой-то неприятный звукъ.

30-го августа *г-нъ Славинъ* игралъ въ первый разъ *Иголкина*.

6-го сентября рядъ зимнихъ бенефисовъ начался бенефисомъ *г-на Толченова*, заслуженнаго ветерана русской сцены. Кстати объ этомъ почтенномъ артистѣ; мы давно хотѣли замѣтить нѣкоторой части нашей публики, что она весьма-несправедлива къ г-ну Толченову; нѣкогда была мода смѣяться надъ нимъ въ разныхъ газетахъ; — мода эта, слава Богу, прошла; но за-то въ самой публикѣ часто случается слышать теперь странныя и несправедливыя мнѣнія объ этомъ актерѣ: что онъ смѣшитъ въ трагедіяхъ, что ему давно пора оставить сцену, что театръ не больница и не домъ призрѣнія артистовъ, отставшихъ отъ вѣка, и тому подобныя *учтивыя* выраженія, часто нарочно-выкрикиваемыя всеуслышаніе, для показанія своего остроумія и тонкости сужденія. Не восхищаясь никогда г-мъ Толченовымъ, мы однако же не находимъ въ немъ ничего, что-бы могло возбудить рѣзкій и неприличный смѣхъ, часто встрѣчающій его появленіе. Во второстепенныхъ роляхъ онъ актеръ очень-полезный и читаетъ роль свою лучше и отчетливѣе многихъ молодыхъ господъ. сверхъ-того, не надобно забывать, что г-нъ Толченковъ почти 30 лѣтъ на нашей сценѣ и что большая часть господъ, смѣющихся надъ нимъ, дѣлаетъ это безъ всякаго убѣжденія, потому только, что это такъ ужъ принято, точно также, какъ въ тоже время принято восхищаться каждымъ жестомъ г-на Каратыгина 1-го, не разсуждая, кстати или не кстати онъ раздвинулъ ноги или показалъ небу свою мощную десницу....

Бенефисъ начался пяти-актною драмою, *въ стихахъ*, какъ

увѣряетъ афиша, за что мы, впрочемъ, не ручаемся. *Сынъ обезглавленнаго* или *уничтоженіе тайныхъ судовъ въ Германіи*. Это старинный нѣмецкій романъ Куно фонъ Кибурга, переведенный въ началѣ нынѣшняго столѣтія на русскій языкъ, и переложенный на сцену какимъ-то неизвѣстнымъ авторомъ, вѣроятно, думавшимъ оказать услугу нашей сценѣ, обращеніемъ въ драматическую форму этого произведенія. Благодаримъ отъ души неизвѣстнаго автора, не за трудъ и передѣлку его, но за то, что онъ, самъ, вѣроятно, не подозрѣвая того, сдѣлалъ самую злую сатиру, самую ѣдкую пародію, самую смѣшную карикатуру на новѣйшія драмы нашего времени. Вотъ всѣ необходимыя условія и составные элементы этой драмы: 1) Громкое названіе—чего же лучше? *Сынъ обезглавленнаго* (т. есть сынъ, родившійся отъ человѣка безъ головы) или *уничтоженіе тайныхъ судовъ въ Германіи*. 2) Количество и заманчивость дѣйствующихъ лицъ: ихъ въ драмѣ счетомъ тридцать-одно, и какія громкія: Графъ Юаннъ фонъ Вессельбургъ, главный судья Тайнаго Вестфальскаго Суда, Аделанда, герцогиня Берри (?), графъ Эслеринъ фонъ Штаде, Фрейграфъ Аренсбергскій, графъ Газте фонъ Гранъ, любимецъ Императора Максимилиана, и множество другихъ графовъ и графинь. 3) Какая-нибудь сильная страсть, положенная въ основаніи пьесы: въ этой господствуетъ страшная, неумолимая месть за обезглавленнаго отца и отравленную любовницу. 4) Достаточное количество убійствъ и преступленій: въ пьесѣ ихъ шесть. Тайный судъ рубитъ голову отцу Куно фонъ Кибурга; Роза Бомонтъ отравляетъ графиню Аделанду, потомъ самого Куно, и наконецъ отравляется сама; Куно казнитъ графа фонъ Вессельбургъ и убиваетъ свою другую любовницу, дочь его, Елену. 5) Раздирательные эффекты: ихъ также немало: кромѣ упоминаемыхъ убійствъ, есть еще на сценѣ за поясомъ у Куно сѣдой локонъ его отца, есть битва съ двумя убійцами, явившимися для того, чтобы ночью зарѣзать Куно, есть пожаръ, очень натурально-представленный сверканіемъ краснаго огня; есть вопли, завыванія, крики отчаянія, борьба любви и мести, книжалы и кубки съ ядомъ, слезы и поцѣлуи. Если послѣ всего нами сказаннаго, вы, почтенный читатель, не возсоздадите по этимъ даннымъ драмы, называемый *Сынъ обезглавленнаго*, то это не сдѣлаетъ чести вашей пропизательности.

Кстати, замѣтимъ, что одной части публички не мѣшало-бы изъ вызова авторовъ не дѣлать довольно-плоской забавы и на-

смѣшки, если она хочетъ, чтобы авторы уважали ея вызовы и сужденія.

Капризы дѣвушки или *докторъ себѣ на умъ*, одинъ изъ тѣхъ вздоръ, которые тысяча разъ повторялись на нашей сценѣ. Молодая дѣвушка влюблена въ пустаго свѣтскаго человѣка; опекунъ ея доказываетъ ей, что предметъ ея страсти олицетворенный порокъ, и самъ женится на ней, для торжества добродѣтели. Эта старая исторія, впрочемъ, была очень-хорошо разыграна г-жою Самойловою и г. Толченовымъ 4-мъ. Какъ вызовъ автора *Сына обезглавленнаго* возбудилъ въ насъ негодованіе противъ публики, такъ-точно въ такой-же степени порадовалъ насъ вызовъ г. Толченова 4-го. Мы помнимъ, какъ одно появленіе на сцену г-дъ Толченова 2-го и Толченова 3-го возбуждало тотъ-же смѣхъ, какъ и появленіе отца ихъ. Конечно, большаго таланта незамѣтно было и въ сыновьяхъ, но ничего не было и смѣшнаго. Тѣмъ пріятнѣе намъ было увидѣть справедливое вниманіе публики къ г. Толченову 4-му, который въ первый разъ являлся на сцену въ значительной роли. Въ этомъ молодомъ человѣкѣ есть много прекрасныхъ надеждъ на будущее. Голосъ, его ясенъ и чистъ, движенія ловки и развязны, держитъ онъ себя на сценѣ очень-хорошо, читаетъ съ толкомъ, роли учить твердо, что не всегда бываетъ съ нашими молодыми артистами — однимъ-словомъ, весьма порадовавши насъ въ настоящемъ, обѣщаетъ еще болѣе въ будущемъ.

Водевиль *Модный магазинъ* или *волкъ въ овчарни*, на французской сценѣ былъ довольно-смѣшонъ, какъ картина парижскихъ нравовъ; на русской онъ вышелъ нисколько неинтереснѣе. Это одинъ изъ тѣхъ французскихъ цвѣтковъ, которые не слѣдуетъ пересаживать на русскую почву.

Лучшею пьесою бенефиса былъ все-таки водевиль *Капризы дѣвушки*. De impossibile non est obligatur.

3-го сентября. Дебютъ г. *Александрова* въ драмѣ *Коварство и любовь*. — Говорятъ, что великіе люди во всѣхъ родахъ являются въ минуты необходимыя и рѣшительныя. Исторія представляетъ намъ много примѣровъ появленія героевъ въ опасностяхъ и кризисахъ государства. Гдѣ они были прежде, и что дѣлали до-тѣхъ-поръ, пока ихъ вызвала на сцену необходимость, — никто не знаетъ. Можетъ-быть, до роковой минуты пробужденія — великій человѣкъ самъ не подозреваетъ, какъ онъ великъ, и, какъ говоритъ Пушкинъ, —

Между дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть-можетъ, всѣхъ ничтожѣйшій онъ!

Такъ во время абсолютнаго владычества Г-на Каратыгина 1-го на александринской сценѣ никто не являлся состязаться съ нимъ, и всѣ плакали о томъ, что будетъ съ нашей драмою по отъѣздѣ могучаго атлета, поддерживавшаго ее на своихъ широкихъ плечахъ. Но едва онъ уѣхалъ, какъ явились въ роляхъ его Г-нъ Максимовъ, потомъ Г-нъ Зиминъ, за нимъ Г-нъ Славинъ, и наконецъ Г-нъ Александровъ. Изъ этихъ лицъ Г-нъ Максимовъ — нашъ старинный звокомецъ, и дебютъ его въ роли Фердинанда, не прибавивъ ничего къ его драматической извѣстности, доказалъ только его любовь къ искусству и желаніе усовершенствоваться изученіемъ классическихъ ролей. Г-нъ Зиминъ, явившійся только однажды въ первой роли, перешелъ потомъ очень скромно на второстепенныя, и сдѣлалъ очень хорошо, потому что на вторыхъ роляхъ онъ можетъ быть весьма-полезенъ, а рукоприкладія райка и высшихъ слоевъ александринской публики доказываютъ только то, что у нея очень-мощныя длани. Г-нъ Славинъ съ перваго появленія на сценѣ показалъ въ себѣ замѣчательный талантъ, но до-сейдѣ успѣлъ только сыграть Гамлета и Кина; стало-быть, появленіе Г-на Александра на афишѣ было весьма-пріятно. Мы говоримъ на афишѣ, потому-что на сценѣ дебютантъ произвелъ на насъ совершенно-противное чувство. Дѣло не въ томъ, чтобы взять на себя трудную роль, но чтобы сыграть ее, по-крайней-мѣрѣ, сносно, а мы въ игрѣ Г. Александрова замѣтили только его прекрасный ростъ и видную фигуру. Намъ показался даже нѣсколько самонадѣяннымъ выборъ подобной роли для дебюта. Конечно, часть публики неистово вызывала Г-на Александра, чуть не послѣ каждой сцены; но кто же могъ не повясть и не замѣтить, что эта часть имѣла свои причины вызывать его, нѣсколько не относящіяся къ его драматическому таланту? Нечего и говорить, что Г. Александровъ въ роли Фердинанда былъ несравненно-ниже Максимова, и вообще, какъ дебютантъ, ниже Г. Славина и даже Г. Зимина.

7-го сентября, въ первый разъ по выздоровленіи, игралъ Г. Мартыновъ. Публика приняла своего любимца, какъ всегда.

10-го сентября. Школа женщинъ, для перваго дебюта г-жи Колосовой. Еще дебютъ и еще дебютантка, и дебютантка, также дезертировавшая изъ балета. Плачь Терпсихора! Плачьте Граціи! Покидаютъ наши нимфы ихъ легкое, воздушное царство,

составленное изъ прыжковъ и прыгутовъ, изъ летучаго газа и коротенькихъ юбокъ, изъ блеска и сяннiя, изъ упопительныхъ позъ и чудныхъ декарацiй, изъ любви и ненависти, выражаемыхъ одними и тѣми-же движенiями рукъ и подниманiями ногъ. Сбрасываютъ наши сильфиды свои прозрачныя крылышки, на которыхъ онѣ такъ весело носились; онѣ рѣшаются удлиннить значительно свои юбки, умѣрить жесты и заговорить языкомъ обыкновенныхъ смертныхъ, съ подмостокъ александрынской сцены. Вообще намъ кажется, что Г-жа Колосова напрасно поторопилась съ своимъ дебютомъ. Мы-бы совѣтовали молодой дебютанткѣ поучиться у хорошаго учителя всѣмъ сценическимъ мелочамъ, которыя чрезвычайно-важны, хотя и кажутся мелочами. Видно, что Г-жа Колосова вышла на сцену, слѣдуя собственному своему вдохновенiю, безъ предварительныхъ уроковъ. Это было тѣмъ замѣтнѣе, что роль Агнессы чрезвычайно-легка, и сыграть ее стоило небольшого труда, пройдя ее съ какимъ-нибудь опытнымъ артистомъ. Г-жа Колосова, какъ намъ кажется, можетъ сдѣлать себѣ имя на драматическомъ поприщѣ, какъ сдѣлала его себѣ на балетномъ Е. И. Колосова, танцовавшая, по увѣренiю предковъ нашихъ, очень-хорошо для своего времени, но слава хорошей актрисы гораздо-выше славы танцовки. Для этого надобно только учиться, учиться и учиться, — и мы увѣрены, что г-жа Колосова не захочетъ, чтобы про нее сказали: «съ переходомъ ея въ драму, балетъ ничего не потерялъ, но за то и драма не много выиграла» — Протанцовавши роль Агнессы, г-жа Колосова въ этотъ-же вечеръ сыграла польку съ Г-мъ Гольцемъ.

19-го сентября, бенефисъ г-на Шемаева. *Расинъ* — драматическая въ 5-ти картинахъ, соч. В. З. *Женихъ въ мышь, а невѣста въ корзину*, водевилъ перев. съ французскаго П. С. *Федоровымъ. Дивертиссементъ*. — О сюжетѣ Расина много сказать нельзя. Это главныя эпохи жизни Расина, драматизированныя съ сохраненiемъ всевозможной исторической вѣрности. Мнѣнiя объ этой пiесѣ въ публикѣ были различны; одни хвалили ее, другiе замѣчали, совершенно-справедливо, что имъ нѣтъ никакого дѣла до господина Расина и его похождения. Последнее мнѣнiе даже было преобладающимъ. Мы хотѣли-бы поговорить поподробнѣе о публикѣ вообще, и о драмахъ, подобныхъ *Расину* въ особенности, но, по разнымъ причинамъ, отлагаемъ это до другой оказiи; замѣтимъ только, что пiеса эта была поставлена на сцену и разы-

грена со всевозможнымъ стараніемъ. Актеры, исполнявшіе самыя незначительныя роли, всё были на своихъ мѣстахъ, даже лучшіе актеры играли роли въ нѣсколько словъ. *Г-ну Славину* замѣтимъ, что уходы его со сцены чрезвычайно-неэффектны, и что имъ надобно учиться... *Г. Смирновъ 1-й* былъ настоящій Людовикъ XIV. *Г. Третьяковъ* сыгралъ Корнеля такъ, что самая привязчивая критика должна была имъ воехшищаться. *Г-да Зилинкъ, Радинъ и Леоновъ*, игравшіе роли *Перона, Буффа и Нарцисса* — были также очень-хороши, и прекрасно прочли двѣ сцены изъ безсмертной трагедіи Расина. *Г-жи Самойлова, Дюръ, Гринева и Копылова* заслуживаютъ вполне похвалу. *Гг. Сосницкій и Мартыновъ* были хороши, какъ всегда и вездѣ; однимъ-словомъ, пьеса была разыграна съ ансамблемъ. Водевиль *Женихъ въ мышь*, тысяча первая старая погудка на новый ладъ, довольно-смѣшная и имѣвшая успѣхъ. Не разсказываемъ ея сюжета, потому-что читатели «Репертуара и Пантеона» прочтутъ ее въ нынѣшней книжкѣ нашего изданія. *Дивертиссементъ* былъ также очень-хорошъ и разнообразенъ.

Кромѣ драматическихъ спектаклей, на Александринскомъ-театрѣ давали въ это время изъ балетовъ *Воспитанницу Амура* и *Возстаніе въ Сераль*; въ послѣднемъ роль *Зульмы* играла въ первый разъ г-жа *Никитина*, и танцевала хотя слабо, но недурно. *Г. Югансонъ* былъ, просто, удивителенъ. Это такой танцоръ, которому мало подобныхъ на европейскихъ театрахъ.

Изъ старыхъ оперъ шли *Жизнь за Царя* и *Аскольдова могила*, единственныя произведенія, которыми въ настоящее время ограничивается нашъ оперный репертуаръ. 12-го сентября была впрочемъ поставлена новая опера г. *Бернарда* — *Ольга дочь изгнанника*. Послѣ трехъ представлений, изъ коихъ въ двухъ былъ почти пустой театръ, она, какъ кажется, окончила свое существованіе. Конечно, мы должны благодарить Дирекцію за то, что она, заботясь о нашемъ удовольствіи, поставила на сцену новую оперу; но въ то же время, кажется, что она смѣло можетъ отвѣчать намъ: «*Il n'ya pas de quoi!* не стоить благодарности!» Мы пришли смотрѣть новую оперу, съ твердымъ намѣреніемъ восхищаться ею, хотя-бы изъ народной гордости — и увидѣли себя въ совершенной невозможности сказать что-нибудь хорошее объ *Ольгѣ*. Появленіе ея въ нашъ вѣкъ, послѣ итальянскихъ и французскихъ оперъ, послѣ музыкальныхъ поэмъ Глинки — чистый анахронизмъ. *Ольга* опоздала явиться на сцену, по-крайней-мѣрѣ,

пятидесятью годами. Въ наше время не называютъ *аріями* — нѣсколько куплетовъ, пропѣтыхъ на тотъ-же мотивъ, не называютъ *оперою* — сборъ этихъ арій, кое-гдѣ для разнообразія перемѣшанныхъ съ невинными дуэтцами, на мотивы романсовъ и плясовыми хорами. Замѣтимъ также странность выбора сюжета для оперы и составленія либретто, въ которомъ есть подобные стишки:

Подъ кровню стараго отца
Придешь ты съ вѣстію свободы,
И лучше всякаго вѣнна
Она твои украситъ годы...

и мѣсто въ финалѣ, гдѣ хоръ поетъ четыре раза сряду: *Ахъ согласись, ахъ согласись, ахъ согласись, ахъ согласись*, г-нъ Петровъ: *Проклятье мнѣ! проклятье мнѣ!* а г-нъ Леоновъ: *Ахъ нить! Ахъ нить!* Любопытно также, почему Гг. композиторы обращаются съ просьбою о составленіи для нихъ либретто къ лицамъ, никогда ничего не писавшимъ для сцены? Либретто, какъ піеса, требуетъ необходимо знанія сцены! Изъ всѣхъ русскихъ оперъ, либретто одной *Жизни за Царя* удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, потому что составлено литераторомъ, писавшимъ пѣсню и для сцены. Либретто *Руслана и Людмилы* прославилось своею нелѣпностію. Въ оперѣ г. Львова либретто г. Гилу, по словамъ одного каламбуриста, отзывается *гилу*. Либретто *Ольги* также написано какимъ-то г. Солоницынымъ, который, можетъ-быть, очень-замѣчательный человѣкъ, но писать либретто рѣшительно не умѣетъ.

II.

МИХАЙЛОВСКИЙ ТЕАТРЪ.

Дебюты г-жи Мюръ.—*Jeanne et Jeaneton — La belle et la bête. — Mlle Inès. Aineè et Cadette. — M. Oudinot. — Г-жа Матильда. — Нѣмецкіе спектакли.*

Со-времени открытія театра послѣ поста, необыкновенная дѣятельность господствуетъ во французскихъ спектакляхъ Михайловскаго театра. Дебюты такъ быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ, что едва успѣваешь смотрѣть ихъ и отдавать въ нихъ отчетъ. Въ настоящее время наша французская труппа едва-ли

не лучшая во всѣхъ европейскихъ столицахъ. Въ Парижѣ есть отдѣльные таланты, но они разсѣяны по двадцати театрамъ, и окружены болѣею частию самою мелкою посредственностію, тогда какъ у насъ они собраны на одной сценѣ, и самую незначительную роль исполняютъ актеры старательно и добросовѣстно.

Тотчасъ-же послѣ поста и лѣтнихъ спектаклей на Каменномъ-островѣ, на Михайловской-сценѣ явилась *г-жа Мюрà* въ небольшой и прекрасной піесѣ Скриба — *Недоразумініе* (*Faute de s'entendre*). Второй дебютъ ея былъ чрезъ два дня, 18 августа, въ новой комедіи Скриба «*Jeanne et Jeanneton*». Первая піеса давно извѣстна публикѣ Михайловскаго-театра; въ ней нѣкогда была превосходна *г-жа Алланъ*. Вторая піеса нестошимаго Скриба также хороша, какъ и другія его произведенія. Идея піесы нова и оригинальна. У бѣднаго ремесленника, вмѣстѣ съ его дочерью росла и воспитывалась съ самыхъ младенческихъ лѣтъ дочь одной маркизы. Жена ремесленника была убита непріятельскими войсками при вступленіи ихъ во Францію. Старикъ нашелъ двухъ малютокъ, изъ которыхъ одна была его дочь, другая вскормленница его жены, — полуживыми на груди его мертвой жены, и съ тѣхъ-поръ не разставался съ ними, любя ихъ обѣихъ, какъ своихъ дочерей, не зная и не стараясь даже разузнавать, которая изъ нихъ его дочь, и которая дочь маркизы. По прошествіи 16-ти лѣтъ маркиза является къ ремесленнику, требовать отъ него свою дочь, обѣщая ей самую блестящую будущность. Старикъ тяжело разстаться съ одною изъ своихъ дочерей, и къ тому-же онъ самъ не знаетъ, которая изъ нихъ маркиза; въ то-же время онъ не хотѣлъ-бы лишиться ея богатства и блеска, назначеннаго ей судьбою, — и на этой борьбѣ отцовской любви и долга основана эта піеса, веденная и написанная прекрасно, и оканчивающаяся къ удовольствію обѣихъ сторонъ. *Г-жа Мюра* была очень мила въ роли *Jeanneton*, но публика была къ ней довольно-холодна. Это тѣмъ болѣе странно, что она актриса съ большимъ талантомъ. Повторивши еще разъ свою роль въ комедіи *Faute de s'entendre*, она оставила Петербургъ и отправилась въ Москву, гдѣ ее, вѣроятно, ждетъ радушный пріемъ. Петербургская публика бываетъ иногда чрезъ-чуръ взыскательна и прихотлива, но мы смѣло рекомендуемъ *г-жу Мюрà* благосклонности московской публики, тѣмъ болѣе, что артистка эта вполне ее заслуживаетъ.

Нѣмецкіе спектакли начались послѣ поста раздирательною мелодрамою *der Wahnsinnige oder das Irrenhaus zu Dijon* Ни въ піесѣ,

ни въ игрѣ актеровъ не было ничего, чтобы можно было замѣтить.

25-го августа играна была новая пьеса *La belle et la bête*. Идея ее чрезвычайно стара: женщина перевоспитываетъ бѣшенаго и вспыльчиваго дикаря и дѣлаетъ изъ него овечку. Несмотря на устарѣлый сюжетъ, пьеса ведена прекрасно, интереса въ ней бездна, и г. *Алланъ* такъ хорошъ, какъ нельзя быть лучше. Г. *Готтэ* также прекрасно сыгралъ свою маленькую роль.

1-го сентября на Михайловскомъ-театрѣ дебютировала *Mlle Inès*, въ пьесѣ, игранной уже у насъ, *Ainée et Cadette*. Идея пьесы также очень-стара и основана на предпочтеніи матери къ старшей дочери, которая, разумѣется, гораздо-хуже младшей, любимой матерью. Пьеса ведена также не весьма-искусно, и въ особенности первый актъ чрезвычайно-скученъ и утомителенъ. *Mlle Inès* не произвела на публику особаго впечатлѣнія. Куплеты и въ особенности послѣдній она пѣла не хорошо, что впрочемъ могло происходить отъ робости и волненія. Въ игрѣ ея мы по первому дебюту также ничего не замѣтили. Второй дебютъ г-жи *Инесы* былъ въ старинной драмѣ *Луиза де-Линьероль*; здѣсь дебютантка была принята публикою лучше перваго раза.

13-го сентября явился новый дебютантъ, г-нъ *Удино—Oudinot*, — въ известной пьесѣ Скриба *La Calomnie*, въ роли перваго министра; онъ также не имѣлъ большаго успѣха. Съ прекраснымъ сценическимъ органомъ, г-нъ *Удино* соединяетъ довольно-странные жесты, которые въ особенности не шли къ характеру и къ роли министра, занимаемой имъ въ этой пьесѣ. Подождемъ впрочемъ дальнѣйшихъ дебютовъ, чтобы произнести объ этомъ рѣшительное сужденіе.

15-го сентября Г-жа *Александръ-Майеръ* играла въ комедіи *Jeanne* и *Jeaneton*, роль, въ которой дебютировала Г-жа *Мюрэ*, и сыграла ее прекрасно. Считаемъ также долгомъ обратить вниманіе публики на г-жу *Матильду*, прекрасно сыгравшую роль другой молодой дѣвушки, *Jeanne*, въ этой-же пьесѣ. Г-жа *Матильда* въ первый дебютъ свой была почти не замѣчена нашей публикой, но теперь съ каждою новою ролью пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе ее благосклонность, и, надобно отдать ей справедливость, вторяя роли молодыхъ, наивныхъ дѣвушекъ играетъ она съ такимъ совершенствомъ, какого мы давно не запомнимъ на нашей сценѣ.

Нѣмецкая труппа поставила вновь въ это время: Die Sangerinn und die Naherinn, шутку въ четырехъ отдѣленіяхъ, немного длинную для шутки; die Ochsenmenuelette, оперетку съ мотивами изъ Гайдена; Hass allen Weibern, комедію въ одномъ дѣйствіи, написанную александринскими стихами; das Landhaus an der Heerstrasse, довольно-пустой водевиль; das Wort ein Eid oder der Stern von Sevilla, испанскую драму Лопе-де-Веги, испанистѣ которой трудно себѣ что-нибудь вообразить, и наконецъ, der Weltumsegler wider Willen, странную, дикую, до невѣроятности смѣшную исторію, въ которой дѣйствіе происходитъ попеременно въ Берлинѣ, на океанѣ подъ экваторомъ, въ Мароккской имперіи, на обитаемомъ островѣ и въ Японіи.

=

ОБЗОРЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ НА ХАРЬКОВСКОЙ СЦЕНѢ.

Второй сезонъ — лѣтній.

(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА СЕЗОНА).

Вѣрный принятой методѣ въ изложеніи дѣятельности на харьковской сценѣ, я приступаю къ повѣствованію о второмъ сезонѣ — лѣтнемъ. Обильная жатва рецензенту: рядомъ двѣ ярмарки — Роменская и Успенская; ярмарки, когда представленія даются ежедневно. Но, чтобы не прерывать нити нашего разсказа, мы упомянемъ и о послѣднихъ спектакляхъ, данныхъ харьковской дирекціей по окончаніи Троицкой-ярмарки и до отъѣзда въ Роменскую. Спектаклей этихъ было немного: тѣмъ охотѣ нѣе будемъ повѣствовать о нихъ. — Мы остановились на тридцатомъ представленіи; продолжаемъ послѣдовательно обзоръ харьковскихъ спектаклей.

XXXI. 19 іюня. 1. *Женитба*. Кочкаревъ — г. Щепкинъ. Подколесня — г. Драншѣ. — г. Щепкинъ хорошъ во всемъ, но въ твореніяхъ Гоголя неподражаемъ. Г. Драншѣ, сыгравшій роль свою прекрасно, могъ-бы однако-жъ тверже заучить свой послѣдній монологъ. Г. Толченевъ въ роли Жевакина, моряка, былъ какъ двѣ капли воды схожъ съ режиссёромъ въ Губкинѣ. То-же чваканье, вѣроятно, перенятое имъ у извѣстнаго домашняго созданія, отгѣняло его незавидную игру.

2. Сцена изъ комедіи *Женихи*, читанная г. Щепкинѣмъ и въ Петербургѣ, и имѣвшая тамъ, какъ извѣстно по журналамъ, огромный успѣхъ.

3. *Дядушка Назаръ Андреичъ*. Въ роли Дядушки г. Дранше очень-хорошъ.

Не-смотря на заглавіе въ афишѣ, что «Г. Щепкинъ въ пред-послѣдній разъ участвуетъ въ спектаклѣ», публики было все-таки мало.

XXXII. 20 іюня. «Послѣднее представленіе, въ которомъ участвуетъ г. Щепкинъ». 1. *Дядушка Русскаго флота*. Роль Брандта занималъ г. Щепкинъ.

2. *Любовное зелье*. Роль Катерины, мызыницы, занимала не г-жа Ленская, какъ это бывало прежде, а сама.... Позвольте, отступление: надо вамъ сказать, что, впрочемъ, и безъ меня вы хорошо знаете, что эта пьеса опера-водевиль, и что она вся основана на пѣніи. Катерина — первая женская роль — то-и-дѣлю попѣваетъ здѣсь. Конечно, такую роль и слѣдуетъ отдать актрисѣ, которая лучше другихъ владѣетъ голосомъ. А какъ г-жу Ленскую нельзя поклепать въ хорошемъ пѣніи, то роль ея и передали другой — *достойнѣйшей*... Что-же воспослѣдовало изъ этой передачи? что, по пословицѣ, публика попала изъ огня да въ полымя! Г-жа Толченова такъ завывала, залилась, перелилась, съ такою *тальянской* манерой и трелями, съ такими вычурами и руладой, что зрители, зная отъ восторга, не усидѣли на своихъ мѣстахъ. Въ этотъ вечеръ эта бездарная актриса достигла максимумъ и апогея своего безславія. Многіе вышли изъ первыхъ рядовъ креселъ и до окончанія пьесы не появлялись въ залѣ.... Это такой фактъ, котораго придумать рецензенту невозможно, ибо выдумка и ложь всегда останутся и выдумкою и ложью; да, и что-же за охота, посудите, если-бъ намъ сказали: «Вы-де солгали, м. г.!» А мы ручаемся за вѣрность этого событія.

Въ дѣльномъ и правдивомъ взглядѣ своемъ на русскіе провинціальныя театры, г. Коровкинъ говоритъ такъ: «Тамъ (въ столицахъ) есть судъ публики, голосъ, который оцѣниваетъ», и проч. «Такого суда публики въ провинціяхъ нѣтъ». — Авторъ статьи говоритъ такъ о судѣ надъ пьесами, но подобный судъ существуетъ тамъ и надъ артистами. Тамъ хорошаго актера вызовутъ, а плохаго такъ-таки и ошикають. Побробуйте-жъ въ благоустроенномъ губернскомъ балаганѣ шикнуть кому-либо, такъ вамъ тотчасъ-же на мѣстѣ докажутъ, что вы, купивши себѣ мѣсто, имѣете право только восторгаться, хлопать, шумѣть, кричать, стучать, даже ломать стулья, но все съ условіемъ, чтобъ это было *только отъ восторга*, — а что шикать есть пре-

ступленіе противъ правъ артиста, противъ правъ общественныхъ, и проч., и проч. Теперь судите-же, какимъ инымъ путемъ, какъ не бѣгствомъ, публика могла выразить свою признательность къ игрѣ и пѣнію г-жи Толченовой?!

3. *Учитель и ученикъ*. Объ исполненіи этой пьесы на нашей сценѣ мы сказали въ «весеннемъ сезонѣ». Все шло также,—сборъ весьма незначительный. — Этимъ спектаклемъ мы простились съ нашимъ знаменитымъ гостемъ М. С. Щепкинымъ.

XXXIII. 24 іюня. *Аскольдова могила*. Второе представленіе. Ровно двѣ недѣли назадъ «Аскольдова могила», при первомъ появленіи своемъ на харьковской сценѣ, произвела шумъ и, что лучше, сдѣлала отличный сборъ. Въ этотъ второй разъ ни того, ни другаго опера не достигла, не-смотря на то, что г. Леопольдъ пѣлъ и игралъ, какъ и тогда, прекрасно. Роль Надежды, которую занимала г-на Каратѣева, *лучительница и тиранка уха ближняго*, сегодня занимала г-жа Боброва, молоденькая актриса, *подающая надежды*. Г-жа Боброва имѣетъ прекрасный, сильный, пріятный голосъ, но никакой манеры и никакого умѣнья. Слышно, что она много трудится на избранномъ поприщѣ: помоги ей Фебъ. — Г-жѣ Каратѣевой отъ дирекціи отказано. Г-жи Федорова и Толченова *плясали по-обыкновенію*.

XXXIV. 26 іюня. 1. *Дезертеръ*. Пьеса эта прекрасно идетъ на нашей сценѣ.

2. *Засланный мужъ*.

3. *Узкіе бошмаки* *).

Въ антрактахъ г. Гаузеръ, «прибывшій въ г. Харьковъ знаменитый скрипачъ, членъ многихъ филармоническихъ обществъ», игралъ на скрипкѣ, съ аккомпаньементомъ оркестра: 1. Сицилиано, своего сочиненія. 2. Бравурныя варіаціи на тему Донизетти, собственнаго-же сочиненія, и 3. Венеціанскій карнавалъ съ интродукціей и варіаціями. — Сборъ весьма ничтожный и въ добавокъ по-поламъ съ пріѣзжимъ артистомъ.

XXXV. 27 іюня. 1. *Улица луны*. Прежде всего мы должны объявить во всеуслышаніе, что на афишѣ уже не было напечатано, какъ это бывало прежде, что «Улица луны» *переводъ Якова Толченова*. Конечно, перевести съ французскаго подобный воде-

*) Пьесы, о которыхъ уже разъ данъ отчетъ, при повтореніи не будутъ разбираться, развѣ вмѣсто однихъ дѣйствующихъ лицъ будутъ играть другія, или развѣ особенныя причины будутъ къ тому.

вить есть *дѣло великое*, но за-чѣмъ-же присвоивать себѣ умышленно чужой трудъ?! Вѣдь это въ литературномъ мірѣ именуется также, какъ и въ мірѣ обыкновенномъ, прозаическомъ, и также прозаически: *похищеніемъ чужой собственности*, или еще и того хуже... *Восьмая заповѣдь* вопіетъ противъ такой продѣлки. «Улица луны», — «Невѣста рѣки», и нѣкоторые другіе водевили, которые благоугодно было доселѣ именовать своими дѣтищами г. Якову Толченову, суть дѣтища, и то, какъ переводы, усыновленные его, Якова, брата, а не его, Якова самого... И что за аферы?!

2. *Графъ-Литографъ*. Снова сознаемся, роль штопальщицы въ этомъ водевилѣ есть лучшая роль изъ всего репертуара г-жи Левской.

3. *Зятюшка*. Въ послѣднее представленіе «Зятюшки» роль эту, занималъ г. Драншѣ; въ настоящее — г. Соленикъ. Съ удовольствіемъ смотрѣли мы на эту піесу, чтобъ уловить превосходство того или другаго изъ этихъ двухъ талантливыхъ артистовъ. По нашему мнѣнію—оба хороши по-своему. Г. Драншѣ выполняетъ роль Зятюшки въ характерѣ чисто-комическомъ; г. Соленикъ этой роль дастъ серьезное выраженіе. У перваго — Зятюшка смѣшной простакъ, которымъ завладѣла тѣща и который не имѣетъ даже духу воспротивиться ей. У втораго Зятюшка очень-серьезный человѣкъ, который хотя тоже въ зависимости отъ тѣщи, но въ зависимости какъ-бы произвольной, т. е., что онъ могъ-бы, но не хочетъ страхнуть деспотизма злодѣйки-тѣщи.. Изъ этого краткаго обзора выполненія упомянутой роли тѣмъ и другимъ артистомъ, нашимъ читателямъ легко усмотрѣть, кто лучше понялъ характеръ Зятюшки: г. Соленикъ или г. Драншѣ? Мы-же, умывая на этотъ разъ руки, сами не хотимъ рѣшать предложеннаго вопроса, отдавая его отъ чистаго сердца на судъ публики...

Во-время представленія «Зятюшки» воспослѣдовало слѣдующее: одна умная, любимая публикой, хорошая актриса наша, занимавшая роль тѣщи, въ сценѣ, когда успокоиваетъ Зятюшку и обѣщаетъ купить ему новую шляпу, вмѣсто сломанной извозникомъ, назвала шляпу эту не пуховой, а *фаянсовой*.... Конечно, кто не знаетъ, что фаянсъ употребляется только для посуды, а на головѣ ему совѣтъ не мѣсто, но эта оговорка промелькнула-бъ такъ, подобно многимъ оговоркамъ, если-бъ г. Соленикъ (Зятюшка), очень-серьезно не подозвалъ къ себѣ жену (Г-жу Млотковскую), и еще серьезнѣе не сказалъ-бы ей: «Аделандочка! по-

смотри, маменька твоя чуть-ли не рехнулась: хочеть купить мнѣ фаянсовую шляпу.. какъ будто бывають фаянсовыя шляпы?...» И злодѣй не усмѣхнулся. Публика расхохоталась; Аделаидочка и тѣща расхохотались еще болѣе, и чѣмъ болѣе старались удержаться, тѣмъ труднѣе было имъ промолвить слово. Публика смѣялась, — на сценѣ смѣялись. Дошло наконецъ до-того, что г. Соленикъ остался одинъ и, вмѣсто сцены съ женой и тѣщею вынужденъ былъ импровизировать цѣлую исторію о неудобности ношенія фаянсовыхъ шляпъ....

Въ этомъ спектаклѣ участвовала «г-жа Фришъ, почетный членъ многихъ филармоническихъ обществъ,» какъ гласила аффиша. Въ антрактахъ спектакля было проиѣто ею, съ аккомпаньементомъ оркестра: 1. Каватина изъ оперы Ламермурская невѣста. 2. Арія изъ Семирамиды, и 3. Интродукція, тема и бравурныя варіаціи, соч. Беріо. — Г-жа Фришъ, обладая сильнымъ и прекрасно-обработаннымъ голосомъ, принадлежитъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ методѣ ветхозавѣтной, и не можетъ похвалиться пріятностію въ пѣніи. Рулада на руладѣ и миллионы руладъ, и ни единой поты безъ руладъ, вотъ все, что удалось намъ въ этотъ вечеръ слышать отъ «почетнаго члена многихъ филармоническихъ обществъ.»

СПЕКТАКЛИ ВЪ РОМЕНСКОЙ ЯРМАРКѢ.

XXXVI. 8 іюля. 1. *Симонъ-Сиротинка.*

2. *Графъ-литографъ,* съ которымъ мы видѣлись въ последнее представленіе въ Харьковѣ и такъ поспѣшно повстрѣчались въ г. Ромнахъ, населенномъ жидами. Прекрасная ярмарка! безподобное выполненіе піесы!

3. *Дружеская лоттерея.* Та самая дружеская лоттерея, что дается и на сценѣ Александринскаго-театра.

XXXVII. 9 іюля. 1. *Дядушка Назаръ Андреевъ.*

2. *Булочная.*

3. *Комедія съ дядюшкой.* Г-жа Млотковская неподражаемо-мила въ роля Аветы; была вызвана.

XXXVIII. 10 іюля. 1. *Костромскіе льса.* Эта русская была дана въ первый разъ въ теченіе текущаго театрального года, по отчета о выполненіи ея въ роменскомъ деревянномъ балаганѣ мы себя великодушно отстраняемъ.

2. *Хочу быть актрисой.* Г-жа Соленикъ по-прежнему въ этомъ водевилѣ силится доказать, что она хочетъ быть актрисою, и доказываетъ это *такъ-же успешно*, какъ и во всѣхъ прежнія попытки. Погрѣшаетъ противъ извѣстной пословицы, которая гласитъ, что «спросъ не бѣда, но попытка не шутка!»

3. *Дочь Русскаго актера.* Роль Вѣрочки въ третій разъ занимала г-жа Млотковская. Г-жа Ленская очень-наивно играетъ рольку эту, но отъ сравненія съ выполненіемъ роли этой г-жой Млотковской много теряетъ. Впрочемъ, въ предшествовавшей рецензій о харьковскомъ театрѣ, мы такъ много толковали объ этомъ предметѣ, что новаго не имѣемъ ничего сказать. Г-жа Млотковская и въ этотъ вечеръ была вызвана.

XXXIX. 11 іюля. 1. *Жизнь игрока.* Старая старина. Ярмочная публика, столько любящая сильныя ощущенія, не-смотря «на пожаръ и разрушеніе хижины Жоржа», не аплодировала, не вызывала.. Неблагодарная публика! ни щелчка за выполненіе подобной трагедій! А г-жа Федорова въ роли Амалии... просто, чудо! А пожаръ то, пожаръ какой былъ... просто, предель! А г-нъ Бабанинъ въ роль Жоржа... просто, восхищеніе! Игра этихъ двухъ талантливыхъ трагическихъ артистовъ столь изяшна, эффективна и, главное, *натуральна*, что трудно одному передъ другой отдать преимущество.. Оба *чудеса да и только!*

2. *Медвѣдь и Паша.* Про піесу нечего сказать, а про обстановку скажемъ, что г. Соленикъ, игравшій роль Лавиньѣля, Француза, былъ сегодня въ дурномъ обществѣ.

XL. 12 іюля. II *Часть Русалки.* Неужели настанутъ блаженныя времена для харьковскихъ артистовъ, когда ихъ перестанутъ заставлять играть безсмертную Русалку?... Г-жа Боброва пѣла, но не играла.

XLI. 13 іюля. 1. *Любовное зелье.* Г-жа Толченова, не пронявшаая приговоромъ харьковской публики, понадѣялась, знать, на снисхожденіе роменской, и снова предстала въ роль мызницы Катерины, и снова осрамилась... Когда она пѣла, въ креслахъ смѣялись; а по паденіи занавѣсы начали съ хохотомъ вызывать. Долго не появлялась *геніальная артистка*, но настойчивость публики превозмогла оправедливыя опасенія героини. И когда г-жа Толченова показала — въ залъ, столько шумѣвшей и вызывавшей ее, такъ стихло, что можно-было, по обыкновенному сравненію, слышать полетъ мухи. Благоговѣйная тишина встрѣтила и проводила *столько-любимую* публичкой актрису...

2. *Сиротка Сусанна.* Не-смотря на неудачную обстановку

этой пьесы, въ которой роль Монтеро занималъ г. Бабанинъ, пеумѣвшій снѣтъ самаго обыкновеннаго куплета, а роль Женевьевы г-жа Боброва, пеумѣвшая свести самой обыкновенной сцены, эта пьеса прошла все-таки превосходно. Кто видѣлъ г-жу Млотовскую хотя однажды въ прелестной роли обворожительной иѣмой Сусанны, тотъ не забудетъ игры ея и не еравнитъ ни съ героинею въ «Жизни игрока,» ни съ знаменитой «штопальщицей» въ «Литографѣ.» — Кричать и бѣсноваться на сценѣ, кому даны природой могучая грудь да бычачій голосъ, — дурачиться и коверкаться à la субретка, кто и въ жизни дѣйствительной не выше того, нисколько не трудно: это только проявленіе животности... Но передать характеръ робкой, очаровательной Сусанны, этого милаго, воздушнаго созданія, съ такимъ чувствомъ, съ такою энергіей и граціей, какъ передаетъ ее намъ наша неподражаемая артистка—это, воля ваша, ужъ не то... Дайте намъ увидѣть подобное выполненіе подобной роли другою актрисой, будь она даже сама....., и мы не менѣе, пѣтъ, втрое сильнѣе обязуемся и расхвалить, и восхищаться ею. Но—на пѣтъ—и суда пѣтъ! Г-жа Млотовская шумно была вызвана; г. Толченевъ, прекрасно-сыгравшій молодаго волокиту, въ свою очередь былъ вызванъ.

3. *Москаль-чаривникъ.* Роль Тетяцы занимала г-жа Ленская. Жаль, что она плохо знаетъ малороссійскій языкъ, но за то наивности и манеръ крестьянскаго быта ей не занимать-стать. Въ этой пьесѣ все были на своихъ мѣстахъ: Г. Соленикъ, въ роли Чупруна, могъ-бы угодить и на болѣе-взыскательную публику; а гг. Домбровекій, писцомъ полиціи, и Крабановъ лихимъ солдатомъ, были въ полномъ смыслѣ слова въ своей тарелкѣ.—Г. Соленикъ и г-жа Ленская были вызваны.

XLII. 14 іюля —1. *Дезертеръ.* Водевиль недавно-играющій и съ равнымъ удовольствіемъ, какъ и прежде, принятый публикой. Главныя роли: Гриттли и Наца занимали г-жа Млотовская и г. Драншѣ; Фридриха-дезертера — хористъ Челншевъ. Последній былъ дурешъ изъ-рукъ-вонъ. Прежде роль эту занималъ г. Толченевъ; дивимся, почему и на этотъ разъ игралъ не онъ; развѣ, быть-можетъ, прежняя Гриттли игрою больше ему гармонировала?... Оставивъ догадки, пожалѣемъ на этотъ разъ, что роли Гриттли и Лизбеты, вмѣсто г-жъ Млотовской и Ленской, не занимали г-жи Нарышкина съ Лилъевой... очарованіе было-бъ полное! Ужъ если хористамъ дается подобныя роли, почему-же и хористокъ не пустить въ ходъ?

2. *Женитьба, чемоданъ и невеста*. Въ первомъ отдѣленіи этого водевиля, г. Драншэ, въ роли Калистратки, ямщика, такъ натураленъ и хорошъ, что выше всякой похвалы. Авторъ очень вѣрно подмѣтилъ типъ пастоящаго русскаго ямщика; артистъ еще вѣрнѣе передалъ этотъ типическій характеръ. Нельзя умолчать о превосходномъ выполненіи роли Спдорыча, хозяина постоялаго двора, г. Максимовымъ, который, не знаемъ по какой причинѣ, но показывается очень рѣдко въ стѣющихъ его роляхъ. Даже и тутъ интриги!

3. *Шампанское и опиумъ*, фарсъ въ 1 дѣйствіи. Г-жа Ленская въ мужскомъ костюмѣ пеловка, потому-что тяжела...

XIII. 15 іюля.—*Аскольдова могила*. Эта опера, имѣя честь предстать въ теченіе съ небольшимъ мѣсяца въ третій разъ, имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ особенную привилегію быть разыгрываемой по воскресеньямъ. Воскресная публика, какъ это замѣчено и въ столицахъ, любитъ повеселиться, какъ слѣдуетъ;—наша опера удовлетворяетъ на этотъ разъ веѣмъ ея требованіямъ: въ ней и декорации «написанныя декораторомъ г. Контесини,» — и машины «устроенныя г. Брейшемъ,» — и «хоры», и — «танцы», и «музыка», — и «пѣни», — и пляски «хороводныя» и «славянскія...» Къ довершенію-жъ восторговъ г-жи Фсдорова и Толчцова славянскую пляску проплясали по-русски...

XIV. 16 іюля. 1. *Два женщины противъ одного мужчины*. 2. *Что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ*. Премудрая истина, которая должна-бы каждаго навести на мысль: *хранить прекрасное, не равильт его съ дрянью, для того, чтобъ, послѣ, потерявши это прекрасное, не оплакивать незамѣнимую потерю...* Философская истина эта скоро оправдается на практикѣ...

Г. Драншэ до того смѣшонъ въ роли стараго бриллианщика, что публика *хохочетъ*. Смѣшинѣ и забавнѣ невозможно быть. Разумѣется, на вкусъ каждаго не угодить, что оправдываетъ и извѣстная французская пословица, но, кажется, Драншэ не правится только самымъ ревностнымъ приверженцамъ *оппозиціи*.

3. *Барышня-крестьянка*. Пьеса веѣмъ извѣстная по содержанию, а смотрится съ большимъ удовольствіемъ. Талантъ г-жи Млотковской певольно заставляетъ восхищаться тѣмъ, что такъ давно ужъ намъ извѣстно.

Въ антрактѣ (а не въ антрактахъ, какъ общала лупья аффиша), нашъ милый артистъ г. Леоновъ пропѣлъ: «Ты душа-моя красна дѣвица» — съ переходомъ въ «Аль опять, не видать,» — слышанныя нами уже много, много разъ и которыя готовы слы-

шать мы еще тысячу разъ, потому-что г. Леоновъ всегда съ одинаковой прелестью поеть эти за живот-рогающія душу пѣсни. Г-жа Федорова не плясала.

XLV. 17 іюля.—1. *Изора бышняя*. Піеса безъ всякаго толку, интереса и смысла. Идетъ прескверно.

2. *Титулярные совѣтники*. Драншѣ и Максимовъ уморительны. Г-жа Федорова не плясала.

XLVI. 18 іюля.—1. *Разводъ или балъ у адвоката*. Піеса сухая и вялая, идетъ петвердо и безтолково, не-смотря на то, что обставлена лучшими сюжетами труппы. Въ концѣ II-го дѣйствія, залетѣвшая въ залу театра летучая мышь, обратила на себя вниманія гораздо-болѣе самой піесы.

2. *М. А. Губкинъ* — «въ коей г. Толченовъ будетъ играть 4 роли.» Вслѣдъ за поднятіемъ занавѣса въ залѣ раздались крики: «пожаръ! пожаръ!», и зрители толпою хлынули вонъ. Оказалось, что пожаръ этотъ въ полуверстѣ, если не болѣе, отъ зданія театра; но прошу пенять на вкусъ образованной публики: всѣ захотѣли лучше смотрѣть на гибельный огонь, чѣмъ на 4 роли г. Толченова. Зала опустѣла: осталось нѣсколько любителей, и для ихъ-то, какъ говорится, *спусти рукава*, піесу доиграли.

3. *Дивертисманъ*. Г. Леоновъ прекрасно пропѣлъ двѣ русскія пѣсни. Г-жи Нарышкина и Чертова Богъ-знаетъ что проплясали подъ фирмою *pas-de-deux*. Г-жа Якубовская начала качучу, которой окончаніе, вѣроятно, по малочисленности публики, отложила до другаго, болѣе удобнаго времени. Г. Кучеровъ пропѣлъ жидовскую пѣсню съ приплясью и собственными вариациями, и г. Ильинъ съ г-жою Чертовой проплясали малороссійскій танецъ «Мятелиду.»—Вотъ уже подлинно дивертисманъ-негретъ: чего тутъ не было? и испанскіе, и французскіе, и жидовскіе, и малороссійскіе танцы!... Однакожъ, *все рѣченное* мы съ радостью-бъ отдали еще за одну русскую пѣсню, пропѣтую-бы намъ г. Леоновымъ.

Удивительно, почему между испанской, жидовской, французской и малороссійской плясками не было и русской? Г-жа Федорова съ честію могла-бъ занять почетное мѣсто въ пынѣшнемъ дивертисманѣ.

XLVII. 19 іюля.—1. *Жены наши пропали*. Эта піеса была превосходно обставлена и превосходно выполнена. Гг. Драншѣ и Максимовъ были уморительны до-нѣльзя, особенно послѣдній маіоромъ *bon-vivant*. Кто не встрѣчалъ на своемъ вѣку такихъ

любезниковъ маіоровъ съ черными султандами? Г. Дранше былъ вызванъ.

2. *Чего на свѣтѣ не бываетъ.* Эта пѣса обставлена на оборотъ: въ ней вы встрѣчаете такія имена артистовъ, отъ которыхъ ужъ подлинно «libera nos, Domine!» Роль беззубѣшной вдовы, *на зло разсудку и здравому смыслу*, занимала г-жа Федорова... Видите-ли: *ей чередъ* играть роль эту! Такія очереди дѣлаютъ честь правосудію режиссёра, но публикѣ, думаю, нѣтъ дѣла до того. Она готова каждый разъ и безъ всякой очереди смотрѣть и на г-жу Млотковскую въ этой роли, точно также, какъ готова каждый разъ и безъ всякой очереди смотрѣть на Федорову въ *приличныхъ ей роляхъ*... Одна *кокетка* на сценѣ; другая *истая злодѣйка*. Но станемъ доказывать фактами, чтобы не заслужить упрека въ *пристрастіи*:

Начать съ того, что вдовушка здѣсь *умная кокетка*; что она *поетъ*, а г-жа Федорова не можетъ пѣть, а развѣ *гудитъ съ трескомъ*. На первой-же строкѣ перваго куплета она *поперхнулась*; со второй строки и до послѣдней ноты фальшивила и *гудѣла* не въ тонъ и не въ ладъ съ оркестромъ. Слушать ее — было, просто, наказанье. А когда затанцовала наша *грація*, половницы пошли ходенемъ: словно артиллерійскіе обозы двинулись. Ни граціи ни прелести движеній. Самая-жъ игра ея въ этомъ водевилѣ пересыпалась драматической икотой и однообразнымъ полуоборотомъ головы влѣво... обычное судорожное дрожаніе лица также не было забыто.

Взываю къ вамъ, посѣтителѣ роменскаго театра! взываю къ вамъ, видѣвшимъ ее въ сей незабвенный вечеръ! Упрекните меня въ несправедливости, или новою рецензіей засвидѣтельствуйте истину словъ моихъ. За то и за другое я отъ-души вамъ буду благодаренъ (*).

(*) Не взирая на то, считаю присовокупить еще и маленькій разговоръ, подслушанный мною въ одной ложѣ бенуара, въ четвергъ, 19 іюня 1845 года. Въ антрактѣ, по паденіи занавѣс, нѣсколько лицъ подошли къ помпуптой ложѣ. «Какъ понравилась вамъ Федорова?» спросило нѣсколько голосовъ у дамы, тамъ сидѣвшей. — «Очень-дурна!» отвѣчала дама: — «мигъ случилось видѣть въ Харьковѣ въ этой роли М-ше NN, какое сравненіе! Какъ натурально, отчетливо, увлекательно играла та роль эту! Федорова-же просто испортила, уронила пѣсую». Я обратился къ моему сосѣду: «Слышите сужденіе», сказалъ я: «и едва-ли оно не справедливо?» — «Немножко, строго», отвѣчалъ онъ: — «конечно, она дурно пропѣла и тяжела для танцевъ и граціи, тяжела для самой роли, но сыграла *такъ-себя... низега*». Признаюсь, мигъ очень-понравилась эта *отрицательная похвала* г-жѣ Федоровой...

3) *Зятюшка*. Въ пастоящій спектакль г. Соленикъ превосходно сыгралъ роль «Зятюшки». Желаемъ отъ-души, чтобы роль эта безъ всякой очереди за нимъ осталась.

Въ антрактахъ пѣлъ Леоновъ. Г-жа Оедорова не плясала.

XLVIII. Юля 20. — 1. *Венеційская актриса*. — Въ этой драмѣ дебютировалъ на первыя роли драматическія г. Горевъ, котораго, помнитса, мы видѣли года три назадъ на харьковской сценѣ, во-времена блаженной памяти бывшаго у насъ содержателемъ театра г. Мютковскаго. — Въ V книжкѣ «Репертуара и Пантеона», въ статьѣ о Екатеринославскомъ театрѣ, сужденіе рецензента о г. Горевѣ таково: «Отличительное достоинство г. Горева — это *благородная простота*, чуждая всякихъ принужденныхъ усилій ради эффекта; жаль только, что это качество, не всегда достаточно-уравновѣшиваемое, впадаетъ въ монотонность, доводящую иногда игру его до вялости» и проч. — На этотъ приговоръ мы скажемъ, что съ первой половиною его вполне согласны, потому-что г. Горевъ дѣйствительно талантъ прекрасный, артистъ, понимающій драматическое искусство, и понимающій его слишкомъ-много, чтобы пускаться на эффекты, вскрикиванья, взерошиванье волосъ и т. п. сценическія аферы; но согласиться съ слѣдующимъ за тѣмъ мнѣніемъ екатеринославскаго рецензента, что игра Горева *вяла, монотонна* — мы не можемъ. Дѣйствительно, на первый свой дебютъ артистъ предсталъ намъ не тѣмъ, чѣмъ оказалъ себя въ послѣдствіи, но приобрѣтеніе подобнаго сюжета для нашей сцены, право, находка. — Г-жа Оедорова роль Тизбы сыграла сильно, эффективно, съ дрожаніемъ фибръ, съ трясеніемъ головой, съ полъ-оборотомъ ея влѣво, съ могучими вскрикиваніями и всхлипываніями и драматической инотой, но... *ненатурально*. Ненатурально до того, что въ самыя ужасныя минуты бѣшеной ревности г-жѣ Оедоровой показалось что-то смѣшнымъ, и она, несколько себя не стѣсняя, нѣсколько разъ принималась очень-милу похахатывать. Быть-можетъ, мы и ошибаемся, — быть-можетъ, эти усмѣшечки очень шли къ сюжету драмы, въ такомъ случаѣ мы извиняемся передъ первой нашей трагической злодѣйкой... Г-жа Мютковская, въ роли Катарини, невѣсты Малиньери, была, какъ и всегда, какъ и вездѣ, прекрасна. Роль ея, не столь сильная и эффектная, какъ роль Тизбы, имѣетъ однакожь свою прелесть. За г-жу Оедорову говорила сама роль, сильными, трескучими эффектами, въ ней щедрою рукою разсыпанными; за негромкую-жь роль Катарини говорила прелесть выполненія. Но мы отказываемся отъ сравне-

ня г-жи Федоровой съ г-жой Млотковской, чтобы не уронить обѣихъ: г-жу Федорову *результатомъ* этого сравненія, — г-жу Млотковскую *самымъ* сравненіемъ...

По окончаніи драмы г-жа Млотковская и Федорова были вызваны. Г. Толченевъ взялъ на себя трудъ вывести ихъ передъ публику, вѣроятно сознавая и себя — за выполненіе роли Родольфа — вполне достойнымъ этой чести. И очень-кстати: ибо сама публика не догадалась его вызвать.

2) *Гамлетъ Сидорычъ*. Г. Соленикъ морилъ публику своимъ неподдѣльнымъ, безъ всякихъ фарсовъ, комизмомъ. V

3) Въ антрактѣ между драмой и водевилемъ, прибывшая танцовщица Императорскихъ С. Петербургскихъ театровъ (?) Д-ца Адель, ученица знаменитой *Тальйони*, будетъ танцевать качучу, а въ концѣ спектакля *Pas-de-châle*. — И то, и другое исполнено очень-мило. Д-ца Адель пріятное пріобрѣтеніе для харьковской сцены.

XIX. Юля 21. *Фрейшицъ*. Роль Макса занималъ г. Леоновъ, Агаты — г-жа Боброва, Анеты... г-жа Млотковская. — Послѣ II-го дѣйствія зала опустѣла; съ крикомъ «пожаръ!» все бросилось вонъ. Дѣйствительно, не далѣе, какъ на разстояніи двухъ-сотъ шаговъ отъ зданія театра, сильный огонь господствовалъ во дворѣ, гдѣ помѣщалась страствующая труппа вольтижеровъ. Рядомъ съ горѣвшими домами находились квартиры нѣкоторыхъ изъ артистовъ труппы, и дѣйствующія лица «Фрейшица» поспѣшили прямо со сцены и въ костюмахъ на родное пепелище. III-е дѣйствіе оперы, вѣроятно, было разыграно ужъ тамъ, за что мы впрочемъ не въ претензіи, потому-что хуже выполненія этой оперы трудно что-либо себѣ представить. По неволѣ согласился съ мнѣніемъ Коровкина, что «опера рѣшительно не можетъ существовать на провинціальной сценѣ», и что «для штукъ Саміэля надо труппу *другаго* рода и открыть *балетанъ*». Ей-Богу правда. —

Но займемся отчетомъ выполненія двухъ первыхъ дѣйствій Фрейшица. Г. Леоновъ — Максъ — прекрасно исполнилъ роль свою; г-жа Боброва — Агата — поминутно фальшивила, и тріо втораго дѣйствія такъ дурно шло, что Веберу и за могилей, навѣрное, было тошно; г-жа Млотковская... но о ней поговоримъ мы въ особенности.

Должно изумиться, что артистка съ такимъ прекраснымъ дарованіемъ, съ такимъ рѣдкимъ талантомъ для драмы и комедіи трагедіи и водевиля, какъ-будто недовольная вполне заслужен-

ною славой, хватается еще за оперу... Неужели безъ Млотковская и опера пдти не можетъ? или неужели Млотковская и въ оперѣ жаждетъ первенства? Въ первомъ случаѣ мы пожалѣемъ о многочисленной харьковской труппѣ, что въ ней не сыщется и двухъ-то порядочныхъ пѣвицъ съ голосами; — во второмъ — пожалѣемъ о самой Млотковской, ищущей восторговъ толпы на томъ поприщѣ, гдѣ трудно ихъ заработать. Отдадимъ справедливость прекрасной игрѣ, прекрасной манерѣ пѣнія нашей артистки и въ Фрейшицѣ, но не можемъ умолчать, что неприятно слышать ее въ дискантовыхъ партіяхъ. Словомъ, не любимъ мы актрису не на мѣстѣ: а г-жа Млотковская такая-жъ оперистка, какъ г-жа Федорова балетчица; у первой недостатокъ въ высокихъ нотахъ таковъ-же, какъ у послѣдней недостатокъ... виновать, избытокъ въ матеріальной грузности для танцевъ... Не любимъ мы артистокъ не на мѣстѣ, а г-жа Млотковская, прекрасно владѣя куплетомъ въ водевилѣ, все-таки не сюжетъ и не рѣдкость для оперы.

Между I и II дѣйствіями оперы Д-ца Адель (на аффишѣ полный титулъ; зри разборъ спектакля 20 іюля), протанцована граціозно тирольское па. Обѣщанная въ заключеніе спектакля качуча изъ Гитаны, вмѣстѣ съ III дѣйствіемъ Фрейшица, отпразднись тушить пожаръ.

I. 22 Іюля. *Синичкинъ*. Роль Синичкина занималъ Г. Соленикъ. Большинство голосовъ на сторонѣ Соленика за эту роль; очень немногіе отдають преимущество за нея Г. Драншѣ.

Д-ца Адель, съ ученицею своею д-цею Маріей, протанцовали въ національныхъ костюмахъ «Польку». Очень-мило, но не тѣ, что разумѣемъ мы подъ этимъ всемірнымъ танцемъ. Между IV и V дѣйств—«соло изъ балета Герта»!

II. 23 Іюля — *Аскольдова Могила*—въ четвертый разъ въ теченіе полутора мѣсяца. Г. Леонову за пѣсни Торопки хлопали. Г-жи Федорова и Толченова плясали. Г. Челищевъ — кievская вѣдьма — одинъ выполнялъ весь послѣдній актъ, изъ котораго всѣ лучшіе хоры были обрѣзаны.

Д-цѣ Адель за качучу и матлотъ много аплодировали.

Ложный слухъ о пожарѣ снова надѣлалъ шуму въ этотъ вечеръ. Оказался незначительный пожаръ, и за городомъ.

III. 24 Іюля. — 1. *Дядюшка-болтушка*. Г. Драншѣ очень-хорошо выполняетъ роль «болтушки», хотя слишкомъ уже увлекается подражаніемъ знаменитому петербургскому комику.

2. *Любовныя проказы*. Ей-Богу проказы. Г-жа Толченова здѣсь вдоволь напраказничала.

3. *Москаль-чаривникъ*. Роль Тетяны занимала Г-жа Лепская.

4. *Дивертисманъ*, составленный изъ пѣвня и танцевъ, «въ которомъ также будутъ участвовать Г. Леоновъ и д-ца Адель, ученица знаменитой *Талльони*». По этому объявленію мы ожидали мукъ смертныхъ, потому-что, по смыслу аффиши, ожидали видѣть и слышать и доморощенныхъ пѣвцовъ и плясуній... «Въ которомъ также будутъ участвовать Г. Леоновъ и д-ца Адель,» значить, дивертисманъ кромѣ этихъ двухъ прекрасныхъ артистовъ представитъ еще кого-либо... Ничуть не бывало — и слава Богу! — пропѣлъ г. Леоновъ, протанцовала г-жа Адель, повторила еще разъ, по требованію публики, качучу, и дивертисману конецъ. Отъ-души благодаримъ режиссѣра за умное распоряженіе.

III. 25 Июля. — 1. *Что имѣемъ не хранимъ*. Эта пѣса, кажется, поступила на права Аскольдовой Могилы: въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ четвертый разъ, если не болѣе, мы ее видимъ.

2. *Первый дебютъ*. Одна изъ миленькихъ ролекъ г-жи Млотковской, которая и въ этотъ вечеръ была вызвана.

3. *Дочь русскаго актера*. Для разнообразія, роль Вѣрочки играетъ то г-жа Млотковская, то г-жа Лепская. Не понимаемъ истинной тому причины. По нашему мнѣнію, кто изъ двухъ лучше выполняетъ роль эту, та ее и играй; а не можетъ-же быть, чтобъ одна не была другой лучше, по пословицѣ, что и двухъ равныхъ пальцевъ на одной и той-же рукѣ не сыщешь. Теперь сирому: неужели-же пѣсы назначаются и роли раздаются не для удовольствія публики и не такъ, какъ должно-бы, а для забавы актрисъ, чтобъ не оскорбить самолюбія ихъ, чтобы ихъ не прогнѣвать?... Если по понятіямъ и по особенному взгляду на сценическое искусство, *нѣкоторымъ кажется*, что Лепская лучше выполняетъ роль эту, — что черезъ-чуръ сомнительно, — то зачѣмъ не навсегда и остается она за-нею? А если на-оборотъ, — то зачѣмъ не на-оборотъ? —

Въ антрактахъ танцовала д-ца Адель.

IV. 26 Июля. — Въ-мѣсто возвѣщенныхъ аффишею: «Два купца и «Заѣмный мужъ», за болѣзнію Г. Соленика представлено: 1. *Булочная* и 2. *Титулярные Советники*.

3. *Узкіе башмаки* одни не измѣнили аффишъ; были объявлены и были исполнены! Г-жа Млотковская, за роль капризной Луизы, и Г. Драншѣ, за характеръ простака Патро, достойны вызова.

Нѣкто громко опровергалъ въ креслахъ, послѣ вызова г-жи Млотковской, существованіе ея таланта. «Такъ», говорить, «гадко играетъ, что не хочется смотрѣть!» Нѣсколько благомыслящихъ людей остановили мудраго и *нелицензітнаго* проповѣдника истины, судію безкорыстнаго. Мы-же съ своей стороны доводимъ сей анекдотъ до свѣдѣнія почтенной публики не съ тѣмъ, чтобъ оскорбить самолюбіе нашей артистки,¹ но потому-что не хотимъ скрыть отъ нея самой, что есть *особа*, которая не призываетъ и въ ней дарованія, что для г-жи Млотковской, какъ равно вмѣстѣ и для публики, должно быть очень-интересно, любопытно, какъ всякая—часто инелѣпная—новость... Покойникъ Крыловъ говорить о подобныхъ судьяхъ такъ: «Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей».

4. *Дивертисманъ*. Г-жа Якубовская соло съ шалью — какъ-бы это поприличіи выразиться — нѣтъ! не танцовала, а производила *трепетаніе ногами*... Вотъ продерзость! Стать на однихъ доскахъ, въ одинъ и тотъ-же вечеръ, передъ одною и тою-же публикою, съ граціозной, воздушной Адель... Въ этотъ вечеръ больше всего кажется, г-жа Якубовская хотѣла доказать, что можетъ поднять ногу выше д-цы Адель. Мы-же изъ всѣхъ ея па могли замѣтить только, что г-жа Якубовская свой вѣкъ уже оттанцовала, что ноги у нея дрожать, какъ... какъ... но приберите сами поприличіе сравненіе, а я не знаю — съ чѣмъ можно-бы ее сравнить...

Г-жи Соленикъ и Ленская *плясали* русскую. Последняя въ мужескомъ костюмѣ, кучерскомъ кафтанѣ и *прочемъ*, тоже должно быть кучерскомъ... Трудно себѣ представить что-нибудь неприличіе маперы, съ какою гарцуеть г-жа Ленская въ этомъ приплясѣ. Хохоцетъ, ломается и вмѣстѣ съ тѣмъ конфузится; — но кто-же просить ее, какъ не собственное призваніе, пускаться на подобныя продѣлки и дурачества?... Мало одной пластической красоты для покрытія всей неприличности подобныхъ продѣловъ, тѣмъ болѣе, что костюмъ мальчика къ ней вовсе неидетъ... Не думаемъ, чтобы мы были строгими въ нашихъ приговорахъ: но восхищаться артисткой, когда она *проказитъ безъ млы*, могутъ развѣ участники проказъ ея... Чуръ насъ! —

Но лучшее, что представилъ намъ дивертисманъ, была качуча, восхитительно-исполненная нашей Мануэлою — д-цею Адель. Въ этотъ вечеръ она выказала всю прелесть испанскихъ позъ, всю гибкость дѣвственнаго стана. Какъ будто окончательно хотѣла поразить противниковъ, которые еще дерзали съ нею сравнивать нашъ доморощенный балетъ.

LV. 27 июля. — Въ пользу д-цы Адель 1. *Дядушка Назаръ Андреичъ*. 2. *Графъ-литографъ*. Увы! все одно да одно. Этотъ сѣятельный «графъ» и одурѣвшій на старости лѣтъ «дядушка» просто прожужжали уши. Полька въ Петербургѣ не чаще дается, чѣмъ Ленская.. какъ-бы это сказать, восторгаетъ въ характерѣ «Штопальщицы» нашу публику. Но публика роменскаго театра какъ-то на этотъ разъ строже оцѣнила игру г-жи Ленской: придралась сначала къ тому, что все три актрисы, участвовавшія въ этомъ водевилѣ, все, какъ на-смѣхъ, разрядились въ ярко-красныя платья, (надъ чѣмъ въ креслахъ посѣтителѣ громко смѣялись), потомъ, недовольная излишней вольностию и даже дерзостию, съ какою «Штопальщица» обратилась съ послѣднимъ куплетомъ къ публикѣ, вызвала ее, и торжественно... *ошикала!* Увы! неприятная обязанность рецензента повѣтствовать о подобныхъ приключеніяхъ съ одной изъ лучшихъ артистокъ труппы, но правда выше всего... Рецензенту остается только утѣшать бѣдную жертву строгости и, чуть-ли не вѣрнѣе, несправедливости міра сего, ибо роль «Штопальщицы» все-таки, какъ мы и прежде ручались, есть лучшая роль репертура г-жи Ленской, которую играетъ она такъ, что, ей-Богу, не заслуживаетъ шиканья.

3. *Песня изъ провинціи*. Песня очень-миленькая, съ прехорошенькими куплетами и музыкой. Г-жа Млотковская, за роль провинціалки, была вызвана.

4. Бенефициантка протанцовала очень-граціозно соло, потомъ болеро изъ Гитанъ, и наконецъ, въ заключеніе спектакля, лезгинскій танецъ. Послѣдній, не-смотря на изящество костюма бенефициантки, судя по холодному приему, публикѣ не понравился; за выполненіе первыхъ двухъ д-цу Адель вызывали.

LVI. 28 июля. *II-я часть Русалки*.

LVII. 29 июля. *Фрейшицъ*.

LVIII. 30 июля. 1. *Параша Сибирячка*. На аффишѣ перемараны имена: Г-жи Млотковской, роль которой выполняла г-жа Орлова, г-жи Соленикъ, мѣсто которой заняла хористка Иванова, и г-на Бабанина, котораго роль отдали старцу Козлову. Удивительная обстановка! Слишкомъ-фамильярно обошлись на этотъ разъ съ роменскою публикой, и, если позволите выразиться, слишкомъ-неблагодарно: когда сборы бывали хороши — играли какъ слѣдуетъ, а когда они значительно уменьшались, стали подбивать кое-чѣмъ... Право, ни г-жамъ Млотковской и Соленикъ, ни г-ну Бабанину особенной тяжести не составило-бъ сыграть самимъ

свои роли, — да и что за небреженіе къ остальной части публики, которая еще не ускакала изъ Роменъ?—Бѣдный Горевъ какъ въ лѣсу блуждалъ между этимъ сбродомъ. И еще требуютъ отъ него воодушевленія, когда на кого ни взглянетъ онъ вокругъ себя, такъ каждый разъ долженъ повторить выраженіе гордичаго въ «Ревизорѣ».....

2. *Его Превосходительство или средство нравиться.* Г-жа Ленская, какъ мы это замѣтили въ весеннемъ сезонѣ, очень-многимъ нравится въ этомъ водевилѣ. Но что-жъ причиною, что ее вторично, не столь единодушно какъ вчера, однакожъ ошибали. Играли она роль эту, какъ и всегда, довольно-мило; держала себя *на сценѣ* прилично, хорошо. Ужъ не всматриваются-ли зрители въ дѣйствительность? Но до этого ни имъ, ни намъ ни какого пѣть дѣла. Лѣтописцу-жъ остается снова только пожалѣть о бѣдной жертвѣ и сказать въ утѣху ей, что «любимаго сына отецъ и наказуетъ!»

Роль Кувиркина выполнялъ вмѣсто *болыющаго* Соленика г. Драншѣ.

3. *Дивертисманъ*, въ которомъ участвовали г. Леоновъ и д-ца Адель.

LIX. 31 іюля. «Въ польау инвалидовъ г. Роменъ.»

1. *Костромскіе лѣса.*

2. *Дружеская лоттерей.*

Больше нечего сказать объ этомъ спектаклѣ. Г. Леоновъ и д-ца Адель, такъ много танцовавшіе и пѣвшіе въ пользу Дирекціи, въ пользу бѣдныхъ, престарѣлыхъ инвалидовъ г. Роменъ отказались пѣть и плясать. Не великодушно!

Спектаклемъ этимъ окончились представленія въ роменской ярмаркѣ. Но какъ лѣтній сезонъ, по плану, нами предначертанному, долженъ заключать въ себѣ спектакли по сентябрь, т. е. и ярмарку Успенскую, а объемъ настоящей статьи слишкомъ уже обширенъ, то мы и рѣшились отдѣлить вторую половину лѣтняго сезона до статьи послѣдующей, представляя нынѣ публикѣ обзоръ дѣятельности харьковской труппы за первую только половину лѣтняго сезона.

Wold... Wolin...

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ теченіе прошедшаго августа мѣсяца на 14-ти парижскихъ театрахъ было сыграно 25-ть новыхъ пьесъ 36-ти авторовъ, а именно: 1 опера, 1 монологъ, 2 балета, 4 драмы и 17 водевилей. Сверхъ-того 14 пьесъ возобновлено; было 9 дебютовъ, 4 возвращенія (*rentrées*) и 3 необыкновенныхъ представленія (*représentations extraordinaires*).

Сентябрь мѣсяцъ былъ такъ скуденъ новостями драматическими, что почти не на что указать достойное замѣчанія, а потому обзоръ парижскихъ театровъ и отлагаемъ мы до будущаго мѣсяца.

— Лаубе написалъ новую историческую комедію, подъ названіемъ *Геллертъ и Готшедъ*, въ пяти актахъ, которую 18-го августа играли въ Лейпцигѣ съ большимъ успѣхомъ.

— Берлинскій атлетъ, Лудвигъ Келлеръ, вздумалъ-было съ трупною своею, состояшею изъ 25 человекъ мужскаго и женскаго пола, давать въ Парижѣ пластическія представленія въ костюмахъ матери-природы; однако парижская полиція не дала ему на то позволенія, прибавивъ, что въ случаѣ ослушанія, его въ 24 часа выпроводятъ съ трупною его изъ Парижа, а въ трое сутокъ и совсѣмъ вонъ изъ Франціи.

— Изъ Вѣны пишутъ отъ 8-го сентября: «Могила двухъ величайшихъ композиторовъ прошедшаго столѣтія, Глюка и Моцарта, имѣли въ томъ отношеніи одинаковую участь, что съ давняго времени совершенно потеряны были всѣ слѣды ихъ, такъ, что никто не зналъ, гдѣ похоронены великіе художники. Могила Моцарта отыскиваютъ еще и по-сію-пору; могила Глюка недавно найдена совершенно-случайно: при починкѣ одной стѣны въ селеніи Мюцлейндорфѣ, близъ Вѣны, нашли лежащую возлѣ этой стѣны подъ землею, небольшую доску изъ сѣраго мрамора, съ слѣдующую надписью на нѣмецкомъ языкѣ, но латинскими буквами: «Здѣсь покоится добрый Нѣмецъ, ревностный христіанинъ и вѣрный супругъ, Христофоръ, кавалеръ фонъ Глюкъ, великій художникъ въ высокомъ искусствѣ музыки. Онъ скончался 15-го ноября, 1787-го года.»

— На очаявившуюся вакансію послѣ г-жи Плесси во Французскомъ-Театрѣ избрана въ число общицъ (*sociétaires*) г-жа Девэнъ (*Denain*), актриса второстепенная, потому-только, что актрису эту переманивалъ къ себѣ г-нъ Коньяръ, новый директоръ театра Водевиль. Бѣдный Французскій-Театръ!

— Нашъ старинный знакомецъ Брейтингъ въ настоящее время восхваляетъ Дармштадтскую публику.

— Другой нашъ знакомецъ Куиетъ ангажированъ въ Вѣду, въ званіи режиссера театра.

— Мейерберъ въ Парижѣ. О постановкѣ его новыхъ оперъ на парижской сценѣ рѣшительнаго ничего не слышно. Кажется, маэстро объ нихъ и не думаетъ: онъ пріѣхалъ въ Парижъ, просто, для отдыха и развлечения.

— Итальянская опера въ Петербургѣ открылась 29-го сентября *Лукреціей Боржіей*. Сальви и Виетти, ангажированная вмѣсто г-жи Альбони, привели въ восторгъ публику.

— Въ концѣ сентября мѣсяца на Александринскомъ-театрѣ давали новую драму *Воля за гробомъ*, сочиненіе, какъ мы слышали, г-на Ипполита Ожѣ, автора романа *Petroucha*. Пьеса имѣла успѣхъ.

Издатель и Редакторъ Межевничъ.
